

КАФЕДРА ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Л. Г. Свитич

ЦЕЛИННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА ВРЕМЕН ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ

Москва 2009



Факультет журналистики
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

ББК 76
С 24

Рецензенты:

кандидат филологических наук Г. В. Лазутина

кандидат филологических наук А. Ю. Горчева

Свитич А. Г.

С 24 Целинная журналистика времен хрущевской оттепели. – М. : Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2009. – 434 с.

Эта книга рассказывает о целинной журналистике хрущевского времени. Автор несколько лет проработал в краевой газете «Целинный край» и рассказывает о своих коллегах-журналистах, о том, как они понимали свою профессию и как работали. Впервые сделана попытка проанализировать специфику целинной журналистики и ее роль в истории прессы.

В книге приведены газетные материалы А. Г. Свитич, публикации других авторов, по которым можно судить, как и о чем писали журналисты целины.

Книга предназначена для широкого круга читателей, для тех, кто готов сам размышлять об истории страны и журналистики. Особенно интересной она может оказаться студентам факультетов журналистики.

ББК 76

В оформлении книги
использованы рисунки *Станислава Ашмарина*

© Свитич А. Г., 2009

© Факультет журналистики МГУ
имени М. В. Ломоносова, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кому и зачем нужна эта книга

Родилась эта книга неожиданно для меня самой. Рылась в архивах, нашла пожелтевшие от времени, уже обтрепавшиеся свои журналистские публикации в газетах «Целинный край» и «Целиноградская правда». Некоторые утрачены безвозвратно. Особенно жалко мне было полосы о первоцелиннике Василии Рагузове, который погиб в степи в буран, доставляя для строительства поселка стройматериалы. Стала читать. Вспомнила забытые ситуации, лица героев, нашу целинную журналистскую молодость, то трудное, удивительное время.

Мне поначалу казалось, что старые публикации – это пыль истории, никому сейчас не интересная, кроме участников этих событий. Но, перечитав все, я поняла, что не права. Это может быть интересно и теперешним молодым, которые не знают, что такое целина, или имеют о ней весьма смутное представление. А ведь это одна из самых ярких и прекрасных страниц нашей истории. Сегодня, когда среди молодых царит полное безверие и безидеальность (нельзя же назвать идеалом желание нажиться любой ценой!), когда потеряны ценности и нравственные ориентиры, полезно познакомиться с иной, чем сейчас, системой ценностей, с иным мировосприятием и отношением к жизни, когда люди были добры и самоотверженны, трудились для страны, а не для собственного кармана или карьеры.

Целина – уже история. Еще живы те, кто осваивал ее, но многих уже нет. Мы – поколение шестидесяти – восьмидесятилетних. Оно уходит. И с ним уходит память о событиях, людях, деталях эпохи. Пока мы живы, нужно рассказать правду и развеять миф о том, что все в советское время было плохо. Впрочем, вдумчивый молодой читатель и сам поймет это, если у него хватит воли дочитать эту книгу.

Думаю, что узнать об этом времени особенно полезно будет студентам журфаков. Целинная журналистика – очень важная

века в истории нашей прессы. Много интересного и поучительного было в организации работы редакции, в самих принципах и подходах к журналистскому делу, к профессии.

Конечно, это была другая журналистика, чем сейчас. Но это была хорошая, талантливая журналистика, уважающая читателя и уважаемая им, позитивная, но очень зубастая, разножанровая, разнообразная по содержанию и стилистическим приемам. Она поднимала важные проблемы, глубоко исследовала их со всех сторон. Она была смелой, действенной, неравнодушной, помогала людям. Она была высоконравственной, в меру романтизированной и эмоциональной, как и положено было журналистике, которая помогала трудному и новому делу – освоению целины.

Поразмыслив об этом, поняв, что целинная журналистика – интересный и своеобразный феномен, я решила написать о нашей редакции «Целинный край», о коллегах из комсомольской газеты «Молодой целинник» (привлекая их материалы о газете).

В третьем разделе предлагаю читателю свои очерки, статьи, публикации других жанров, напечатанные в целинных газетах с 1962 по 1967 годы. Это рассказ о людях целины и ее проблемах. Я не правила материалы, хотя порой рука сама просилась что-то сократить или отредактировать. Но нужно было сохранить колорит эпохи, историческую правду. Можно сказать, что я типичный журналист той поры, и по моим материалам можно представить, какой была целинная журналистика времен хрущевской оттепели.

Надеюсь, что любознательные студенты факультетов журналистики не упустят возможности познакомиться с одной из страниц истории прессы.

Раздел 1.

НАША ЖУРНАЛИСТСКАЯ ЦЕЛИНА

*Когда мы были молодыми
И чушь прекрасную несли,
Мы были дружеством целинным
В тюльпанной маревой степи.*

*Тогда корысти мы не знали,
Стихи читали по ночам,
Друзьями были все, и дали
Казались радужными нам.*

*Тогда целинники мы были
И нить прекрасную плели
О жизни дивной – славной были,
О том, как плуг вели в пыли.*

*Тогда газетчики мы были
И кочевали по полям,
Сугробы нас в степи белили,
Бураны оставляли шрамы.*

*Тогда романтики мы были,
Мы пели песни у костра,
Мы беззаботно прямо плыли,
Наивно верили в гребца.*

*Прекрасное то время было,
Как первородная любовь,
Не порастет быльем и илом,
А вспыхнет и осветит вновь.*

Студенты на целине

Целина началась с 1954 года. Стране не хватало хлеба, и Хрущев решил распахать вековые степи, чтобы накормить народ. В 1953 – 1958 годах посевные площади расширились с 9,7 до 28,7 миллионов гектаров, валовой сбор зерна с 332 миллионов до 1 343 миллионов пудов. В марте 1954 года в Казахстан приехало 250 тысяч комсомольцев. Все газеты были полны призывов ехать на целину и рассказов о первых добровольцах.

Тогда мы с упоением смотрели фильм Михаила Калатозова «Первый эшелон», который был снят в 1955 году по сценарию Николая Погодина. В нем играли первоцелинников Всеволод Санаев, Олег Ефремов, Нина Дорошина, Татьяна Дорониная, Изольда Извицкая. Нам хотелось туда, в целинные степи, где романтика, где трудности, настоящие дела и необычные люди.

И вот мне повезло. В 1957 году мы, третьекурсники филфака Пермского университета, поехали работать на целину в летние каникулы. Это была Омская область, совхоз имени Эрнста Тельмана, названный в честь известного немецкого коммуниста. Жили мы в саманном домике и спали все впопалку на земляном полу, покрытом соломой. Какая-то самодельная печурка, на которой готовили еду, стояла на улице рядом с саманушкой. Совхоз был немецкий, каких много тогда было на целине. Поволжских немцев в свое время выселили в эти места.

Работали мы прицепщиками на комбайне. Целыми днями, до ночи. Ехали на прицепе комбайна, и когда он наполнялся соломой, нужно было нажимать рычаг и выпускать копну на стерню. Однако солома часто была влажная, не хотела вываливаться, и тогда мы прыгали на нее и отжимали собственным весом, упираясь руками в раму прицепа. Это была тяжелая для девушек работа, лицо и одежду покрывала серая остьца от соломы. Порой было трудно дышать, особенно в жару. Но мы не жаловались. Комбайны были огромные, назывались «Сталинец».

Потом мы работали на току, перелопачивали горы зерна. Никогда не забыть этого ощущения от высоких многометровых гор золотистой пшеницы под ярким солнцем и себя с деревянной лопатой, перекидывающей это сыпучее зерновое море. Перелопачивали, чтобы пшеница не прела. Помню бесконечные вереницы машин, которые увозили зерно на элеваторы. Это была грандиозная картина – лента машин до горизонта в бескрайней, безлесой, сухой степи!

Уставали очень. Но были молодые и жили весело. Помню один забавный случай. Пришел к нам как-то после работы местный комбайнер, немец со своеобразным выговором, и предложил одной из наших студенток на спор: съесть десять сырых яиц, как он выразился, «что бы ни вышло с яйца». Мы эту фразу поняли так: «что бы потом с тобой ни случилось». Ну, спор так спор. Нашли яйца. Люся добросовестно выпила девять яиц, а на место десятого он вынимает из-за пазухи цыпленка и подает ей. Люся удивленно: «Что это?» А он: «Откуда это вышло? С яйца! А о чем мы с тобой договаривались? – что бы ни вышло с яйца». Люся возмущается, мы тоже. Но в его словах была тоже какая-то правда. Люся допила последнее десятое яйцо, полагая, как и мы, что она выиграла спор. Но с тех пор долгое время на яйца смотреть не могла. Однако кофейный ликер, на который они поспорили, пришлось покупать и той, и другой стороне.

Студенческие отряды тогда на целину ехали со всей страны, в том числе и из Московского университета. Первыми студентами, которые работали на целинной стройке, были физики МГУ. Еще в 1957 году В. Г. Неудачин организовал бригаду из десяти человек. В 1958 году в совхозе «Булаевский» Северо-Казахстанской области физики участвовали в возведении и ремонте производственных помещений. Весной организовали курсы по подготовке механизаторов, строителей и других специалистов. А в 1959 году на целину поехал строительный отряд – 339 студентов-физиков, которые возводили производственные и культурные объекты в совхозах «Булаевский», «Ждановский», «Узункульский» Северо-Казахстанской области. В следующие годы на

целину стали ездить и студенты других факультетов МГУ. Летом 1960 года только в Булаевском районе в ССО работали уже 520 студентов трех факультетов МГУ. В организации всесоюзного движения ССО большую роль сыграли студенты и выпускники физического факультета В. Д. Письменный, С. Ф. Литвиненко, Г. А. Абильсиитов, А. Ф. Перевознов и другие. Многие из них стали руководителями крупных научных институтов, промышленных предприятий («Советский физик», 2003 г., № 3; <http://www.msu.ru/jubilee/phys/structure/social.html>).

Об этапах дальнейшего развития студенческого движения на целине можно прочесть в книге С. П. Иваненкова и И. Е. Сазонова «Студенческие трудовые отряды: опыт, анализ, перспективы» (СПб., 2001).

В январе 1960 года в «Комсомольской правде» появилось обращение секретарей комитетов комсомола четырех вузов, в том числе МГУ, с призывом организовывать стройотряды на целине. В 1961 году на стройках целинного края, который был создан в этом году, работали 1 260 студентов из Москвы и Ленинграда. А летом 1962 года уже 9,5 тысяч юношей и девушек из 32 вузов работали на целине.

В 1961 году стала выходить газета «Молодой целинник на студенческой стройке», в которой работали и студенты факультета журналистики Станислав Галкин, Ирина Фомичева, сегодня ведущие профессора факультета.

В 1963 году всесоюзный студенческий отряд целинного края увеличился до 19 тысяч человек, которых послали 87 вузов страны. Были созданы специализированные студенческие бригады электрификаторов, связистов, сантехников и монтажников. В 1964 году в Казахстан уехали 30 тысяч студентов из 178 учебных заведений, а в 1965 года – 40 тысяч человек из 330 вузов и техникумов.

По-прежнему активными были физики МГУ. В 1965 году был создан студенческий отряд, командиром которого был Сергей Литвиненко, впоследствии секретарь целинного крайкома комсомола. За лето отряд построил 12 жилых домов, телятник, два птичника, крольчатник в совхозах Булаевского района Северо-Казахстанской области.

И после упразднения Целинного края в 1965 году студенческое движение разрасталось: в 1970 году работали – 309 тысяч, 1980 году – 822 тысячи, 1985 году – 830 тысяч человек. За 25 лет – с 1959 по 1983 годы – школу стройотрядов прошли 10 311 000 студентов и учащихся.

Студенческие отряды были хорошей школой воспитания и подготовки руководителей. Как пишут С. П. Иваненков и И. Е. Сазонов, «Только за 1976 – 1980 гг. в районных (зональных) штабах, в линейных студенческих отрядах школу управления коллективом прошли около 270 тыс. юношей и девушек. И этот опыт, полученный в отрядах, помогает молодому специалисту в будущем быстрее вписаться в трудовой коллектив, завоевать в нем признание и авторитет».

Об этом ярко говорят данные социологического исследования, проведенного в 1967 году, когда были дважды опрошены студенты Москвы и Ленинграда: в июне, в момент отъезда на стройки (520 человек) и в августе, за несколько дней до возвращения домой (365 человек). В декабре 1967 – январе 1968 года было проинтервьюировано более 100 руководителей – работников министерств и ведомств, директоров совхозов и строительных трестов, ректоров и деканов вузов.

На вопрос: «Как Вы думаете, могли бы Вы сейчас руководить группой людей, увлечь и организовать людей на какое-нибудь полезное дело и т. д.?», они ответили (в процентах к числу опрошенных):

Как Вы думаете, могли бы Вы сейчас:	До поездки на стройки	Перед возвращением со стройки	Разница в ответах
Руководить группой людей	43,4	59,9	+16,5
Увлечь и организовать людей не какое-нибудь полезное дело	41,3	51,7	+10,4

На вопрос о целях поездки на летние стройки, 70% студентов ответили так: быть вместе с товарищами, 64,9% – стремление

принести пользу обществу, 51,4% – посмотреть на страну, познакомиться с новыми местами, 44,6% – проверить себя в трудных условиях. Повторный опрос показал, что цели эти осуществились, студенты приобрели на стройках такие положительные качества, как умение руководить людьми, способность преодолевать трудности. Очень внушительными были и производственные итоги работы студенческих отрядов.

Итоги производственной деятельности студенческих отрядов на строительных объектах за 1959–1980 гг.

Годы	Численность отрядов (чел.)	Сдано объектов эксплуатацию и под монтаж
1959	339	16
1960	520	23
1961	1260	90
1962	9560	919
1963	19000	2480
1964	30000	3860
1965	40000	4200
1966	60000	5000
1967	100000	5400
1968	270000	7145
1969	265600	8136
1970	309000	10350
1971	365997	13300
1972	423516	14404
1973	452049	16237
1974	448036	17751
1975	433149	15971
1976	426151	14604
1977	436111	11957
1978	437738	13785
1979	450460	16156
1980	432633	17945

Примечания: За 1959–1960 гг. учтены только итоги работы отрядов МГУ, а до 1966 года показатели СТО, работавших в Казахской ССР.

Таким образом, студенты реально помогали строительству на целине, и она бы была замечательной школой товарищества, воспитания коллективизма и нравственных ценностей, учила, самостоятельности, умению организовывать процесс производства, преодолевать трудности, готовила будущих специалистов к роли руководителей производственных, научных, педагогических коллективов.

Но тут я немного забежала вперед в своем повествовании. Вернусь к началу своей журналистской работы.

Будни и праздники районного газетчика

После окончания филфака я попала в газету. Весь наш выпуск послали не в школы, как бывало прежде с филологами, а в районные газеты, чтобы укрепить их молодыми, умеющими писать, образованными людьми. Пермский филфак, к слову сказать, был одним из лучших в стране, потому что еще в 1916 году он был создан как филиал Санкт-Петербургского университета, и с тех пор филологическая школа одного из старейших университетов страны жила и развивалась. В войну часть преподавателей Ленинградского университета тоже осела в Перми, так что нашими учителями были замечательные старейшие ученые и педагоги Иван Михайлович Захаров и Ксения Ивановна Федорова. Талантливым было и более молодое поколение – Фрадкина, Скицова, Кожина, Комина. А их ученики, мои сокурсники, сейчас ведущие преподаватели нынешнего филфака.

Итак, меня направили работать в районную газету «К коммунизму» пригородного Верхнемуллинского района, в сельхозотдел, под начало замечательного газетчика Петра Лазаревича Яновского, который обучал меня азам журналистики. Нас не учили журналистике в университете, а практика была педагогическая. Я представления не имела ни о том, где и как взять информацию, с кем связаться и т. п., поэтому Петр Лазаревич был для меня и факультетом журналистики, и отцом, и советчиком. По-

могали и другие журналисты редакции. И, конечно, учила жизнь, практика, командировки, накапливался опыт работы.

За два года, которые проработала в этой газете, я досконально усвоила, что такое свиноматка и какой она дает приплод, сколько литров молока надаивает корова-рекордсменка за день, какие бывают комбайны, в чем состоят секреты правильной агротехники и многое-многое другое. Мне было приятно, когда колхозники или руководители хозяйств осведомлялись, не сельскохозяйственное ли у меня образование.

Редакцию возглавлял хороший газетчик Георгий Степанович Костиков, который тоже постоянно ездил в командировки и писал материалы в номер. На какой-то его юбилей ему посвятили стихи:

*Он вместе с нами мерзнет летом,
Зимой исходит с нами потом.
И служит для своей газеты
Пером, приказом, анекдотом.*

Его заместителем была чудная женщина – Анна Ивановна Кузнецова, добрейший и обязательнейший человек. Ответсекретарем – Анатолий Михайлович Костырев – славный, эпикурейского склада, веселый и доброжелательный. Еще в редакции работал мой сокурсник Коля Кузнецов. Промышленностью ведал Хусаинов, к сожалению, не помню имени этого скромного и работающего человека. И был еще Борис, фамилию тоже запомнила. В редакции всего 12 человек, в том числе восемь творческих. Плюс бухгалтер, машинистка, корректор, выпускающий. Абсолютно все сотрудники редакции, включая редактора и ответсекретаря, были боевыми штыками, то бишь перьями.

У нас был мотоцикл, но на нем обычно ездили редактор и ответсекретарь. Велосипед доставался остальным сотрудникам редакции, и я нередко ездила на нем в командировки. Дорог тогда нормальных было мало, и велосипед – самый доступный транспорт на труднопроходимых для машин сельских грунтовых до-

рогах. Однако я не любила на нем ездить – тяжело крутить педали по бездорожью. К тому же велосипед был мужской, а я так и не научилась заносить ногу по ходу на другую педаль. И все-таки велосипед нередко выручал в командировках.

Верхнемуллинский район расположен вокруг Перми, поэтому колхозы очень разбросаны. В некоторые сельсоветы ездили на электричках или автобусах. Но очень часто транспортом были лошадки или «ездили на своих двоих», то есть шли пешком. В любое время года, при метелях и дожде, при палящей жаре.

Работа журналиста «районки» тогда состояла в том, что нужно было привезти из одного колхоза или с предприятия несколько материалов. Один – три за своей подписью, столько же так называемых «организованных», то есть написанных за кого-то другого: доярку, председателя колхоза, агронома или пенсионера. При этом мы тщательно записывали их слова в блокнот, давали потом прочесть, и они в блокноте расписывались. Естественно, мы им сообщали, что заметка выйдет под их именем. Это именовалось «заавторство».

Делали так потому, что в газете должен был звучать голос народа, и он действительно звучал. Письма печатали часто, но в письмах обычно были жалобы, а проблемных, как мы тогда говорили, писем было мало, и потому эти проблемы, о которых рассказывали нам люди, мы и облекали в форму публикаций. Конечно, статьи заказывали и специалистам, как тогда называли инженеров, агрономов, зоотехников, учителям, работникам культуры, врачам. Они охотно писали в газету, хотя обычно приходилось эти статьи править, чтобы они были и интересны, и доступны массовой аудитории.

В каждом номере, как минимум, печатался один свой материал, но чаще два или три. Для этого придумывали себе псевдонимы, чтобы одна и та же фамилия не мелькала в газете. У меня было два псевдонима: Л. Ильина и Л. Григорьева.

Газета выходила через день. С утра планерка и – по коням. Возвращаешься обычно к вечеру или даже к ночи: там комсомольское собрание, там концерт в клубе, там засиделся за разговором

с героем материала. Вечером дома и утром в редакции отписываешься, отстукиваешь на пишущей машинке свои материалы. Утром сдаешь в набор, чтобы к вечеру вышла газета. И так всю неделю – день в командировке, день готовишь публикации к печати, работаешь с авторами, отвечаешь на письма, делаешь запросы руководителям, чтобы отвечали на критические публикации. Был один выходной в неделю, но и он, конечно, был занят журналистской работой. В воскресенье пишешь что-то более или менее «нетленное» – проблемный материал, очерк, делаешь полосу.

Основными жанрами в газете были заметки, зарисовки или очерки о людях, фельетоны, рейды (то есть реальное наблюдение группы общественников во главе с журналистом того, что происходит в каком-то хозяйстве или организации, это можно было назвать расследованием) и, конечно, письма. Письма в редакциях ценили и относились к ним с почтением. Говорю об этом уверенно, потому что год была заведующей отделом писем. Мнение людей, их рассказы о недостатках внимательно прочитывались, выслушивались, и мы всегда старались помочь. А поскольку газета была органом райкома, то ответы руководителей хозяйств и учреждений на критику считались обязательными, и избави бог, если кто-то задержал ответ – его вызывали на заседание райкома и «пропесочивали», он мог схлопотать выговор, или даже выговор с занесением в партийную карточку, или быть уволен, что случалось нередко. Действенность была очень высокой, и в этом смысле журналистика делала много полезного.

Мы в основном писали о рядовых, но добросовестных людях, передовиках производства, распространяли передовой опыт. Журналистика тех лет была позитивной, хотя критики в ней было много, но это была критика конструктивная. Она не вызывала, как сейчас, чувства угнетенности. Наоборот, поскольку в газете регулярно появлялись сообщения о том, что недостатки, описанные в газете, «устранены» или «устраняются», аудитория верила в действенность и уважала газету. Особенно это было характерно для шестидесятых – семидесятых годов, когда хрущевская оттепель была еще в самом разгаре.

О чем писали? О сельском хозяйстве, о партийной и комсомольской работе, о культуре, о спорте, о школе, о воспитании детей. Очень популярны были материалы на темы морали. Причем они были в меру сентиментальными, в меру дидактическими, но всегда человечными. Я такие темы любила и часто писала на темы морали. «Моими» были и темы культуры, воспитания эстетического вкуса.

Публикации на темы культуры были для меня интересными и естественными, потому что Пермь жила насыщенной культурной жизнью. Увлечение культурой и искусством началось еще в университете. Мои университетские подруги Галя Русакова и Тамара Шильникова – люди неординарные, и наш университетский досуг проходил в основном в публичной библиотеке (постоянным посетителем которой был Жора Бурков, тогда актер местного драмтеатра, а потом известный актер – очень, кстати, образованный человек, хотя и играл в кино обычно роли простаков), в театре, в филармонии, на выставках.

В библиотеке, которая была нашим вторым домом, поскольку в ней мы бывали каждый день после занятий, засиживались до закрытия, мы не только читали книги, положенные по программе, но выходили за ее рамки и вообще любили внедряться в другие области, особенно в живопись. Не знаю, кто первый заразил нас живописью. Может быть, Тамара Шильникова, которая уже тогда рисовала, а сейчас занимается живописью весьма интенсивно, выставляется (она уже давно в Москве). А может быть, это была Галя Русакова, очень оригинальный и творческий человек с необыкновенно развитыми познавательными потребностями, для которой день бывал трагически потерян, если она не узнала чего-то важного, интересного для себя. Короче, они меня тоже «заразили» живописью (к слову сказать, я даже для дипломной работы выбрала тему «Некрасов и русская живопись второй половины 19 века», для чего ездила в Русский музей и Третьяковку, причем мне даже в университете выделили деньги на билет). С каким упоением мы рассматривали поднятых из таинственных глубин библиотечных хранилищ Боттичелли или Челлини!

Вообще, итальянцы Возрождения были для нас кумирами. Как мы читали и конспектировали все, что было написано о любимых художниках! Конечно, прежде всего, книгу бессмертного Вазари. И, показав друг другу альбомы, вместе обсудив все тонкости картин, выходили на балюстраду библиотеки и обменивались впечатлениями. И, конечно, мы еще читали философов, писателей и поэтов (это, как филологам, нам полагалось и по программе, но программа, конечно, наращивалась нашими индивидуальными и коллективными предпочтениями).

Надо сказать, что Пермь – уникальный в смысле культуры город. Там был прекрасный театр оперы и балета, а балетное училище и сейчас славится тем, что дало миру прекрасных танцовщиков (одна Надежда Павлова чего стоит!). И театр, и училище были эвакуированы во время войны из Ленинграда, и поэтому школа была блестящая. Прекрасная художественная галерея – одна из лучших в России – с уникальной экспозицией деревянной скульптуры и хорошей европейской и русской живописью. К слову сказать, и Дягилев – тоже пермяк и многое сделал для развития культуры в городе.

Каждую субботу мы ходили в филармонию на концерт какой-нибудь приезжей знаменитости: Власенко, Ситковского, Грача и других. Помню, тогда, после долгого «железного занавеса», только что организовали международный конкурс Чайковского. Первое место занял всеми обожаемый удивительный Ван Клиберн, а второе – Лев Власенко. Мы одними из первых среди завсегдатаев провинциальных филармоний слушали Власенко. Каждое воскресенье мы ходили в оперный театр, где выступал симфонический оркестр под управлением Шморгонера. В концерте солировал, как правило, тот музыкант, который накануне выступал в филармонии. Пермь была очень музыкальным городом.

В драмтеатре шли интересные спектакли – мы были вхожи туда и общались с некоторыми актерами. Конечно, к нам приезжали и московские театры, и мы старались не пропускать спектакли гастролеров.

*Кого ни слышали, ни знали, ни видали мы!
«Сатиру», «Маяковского» и «Малого»,
Марцевича, Самойлова, Бабанову,
И Солюса, и Гердрих, и Папанова...*

И в газете появлялись мои заметки о гастрольях столичных театров.

В редакции областной газеты «Звезда» в отделе культуры, возглавляемом Юрой Васильковым, потом известным журналистом «Труда», работала Эля Орлова, с которой мы учились в аспирантуре на факультете журналистики МГУ. Очень дружили с пермской молодежной газетой «Молодая гвардия», где работали наши сокурсники Эля Сычева, Андрей Кетегат и другие.

*Потом в подвальчик «Гвардии» закатывались,
И стулья молодежные пошатывались
От криков, споров праздных и не праздных,
Пустых и сущностных, короче, разных.*

Мы жили очень интенсивной духовной жизнью. И когда я пришла в редакцию районной газеты, меня в основном привлекали к «культурным» темам. Через год меня сделали заведующей отделом писем, и о культуре я стала писать особенно часто. Вообще, журналисты «районки» всегда были, да и сейчас остаются универсалами. Если ты едешь в командировку, то напишешь и о том, как идет пахота или уборка урожая, и заглянешь в сельсовет, побываешь в школе и клубе, зайдешь в магазин, узнать какие проблемы у жителей села.

Комсомольский запал...

Через год работы в газете меня на комсомольской конференции выбрали внештатным секретарем райкома комсомола. Это было интересно, хотя, конечно, отнимало много времени. Зато

я была в курсе всех комсомольских инициатив и писала об этом в газете. Первым секретарем был Володя Переверзин – замечательный человек, искренне преданный комсомолу, и настоящий заводила интересных молодежных дел. Теперешнее представление о комсомоле как о карьерной организации для шестидесятих годов совершенно не годилось. Там был истинный энтузиазм и бескорыстие (хотя, естественно, исключения были всегда). Мы затевали комсомольские свадьбы (впервые в районе), необыкновенно интересные диспуты, вечера и собрания, веселые и полезные субботники. Все это требовало времени, времени и времени. На личные нужды его оставалось мало.

Вскоре меня позвал сам секретарь райкома партии и предложить вступить в партию. Это позднее стали стоять в очередь те, кто хотел таким образом сделать себе карьеру. Мы тогда об этом не думали вовсе, а вступить в партию были почетно и очень ответственно. Я согласилась, и меня приняли сначала в кандидаты, а потом, месяца через четыре, и в члены партии. Это было в начале 1961 года.

Надо сказать, в те поры газеты были партийными органами (то есть на титуле стояло «Орган Верхнемуллинского комитета КПСС и Верхнемуллинского районного совета депутатов трудящихся»), и существовало правило – журналист должен был быть членом партии. Уже в МГУ мы анализировали партийный состав районных газет – оказалось, что до 80% сотрудников – коммунисты. В областных газетах процент партийных был ниже. Это связано с тем, что в больших редакциях рядовых журналистов больше, чем в районных, в которых почти все на руководящих должностях, то есть один отдел – один человек, он же заведующий.

Искренность, с которой мы все тогда делали, потому что верили в советскую власть, верили в приход коммунизма и в то, что религия – опиум для народа, очень ярко характеризует одна акция нашего комитета комсомола.

Было в районе село Лобаново, и в нем – церковь. Со священником я познакомилась во время командировки и бывала в его

доме, гостеприимно встреченная многодетной семьей. Славный, спокойный человек. Однажды Переверзев призывает нас и говорит: едем в воскресенье в Лобаново, будем закрывать церковь. Конечно, нам и в голову тогда не приходило, что это кощунство. Мы поехали, как и всегда на субботники, в праздничном настроении. Приход у церкви был мал – старухи. А для молодежи в селе не было клуба. Вот и решили сделать из церкви клуб, что часто бывало в то время.

Приехали, священник открыл нам храм, и мы стали с азартом снимать старинные иконы в серебряных рамах и выносить их в сарай. Потиры, елейницы, чаши (назначения которых мы и не знали вовсе, потому что в церковь не ходили – это считалось неприличным), старые богослужебные книги – все перекочевало в сарай. Поскольку нас было человек семь, мы с этим довольно быстро управились. Оставалось главное – снять с купола крест. Мы залезли наверх и пытались вырвать крест, но это оказалось невозможно, потому что он был хорошо укреплен в очень глубоком металлическом цилиндре на куполе. Мы привязали веревку и пытались таким образом вырвать его. Не получилось. Единственное, что нам удалось, это согнуть его немного набок. Оттуда, с купола, мы смотрели вниз на старух, которые стояли вокруг церкви, проклинали нас и плакали. Тогда впервые во мне что-то дрогнуло, и мне стало жалко этих старушек, и я подумала, что, может быть, мы не правы.

Когда погиб под колесами выехавшего на встречную полосу КамАЗа мой сын, а через год был ограблен и сброшен под электричку мой зять, причем в гробу у обоих открытыми были только правые руки, а лица закрыты бязью, я вдруг вспомнила про тот случай и поняла, что совершила тогда страшный грех и, может быть, за него расплатились мои дети. До этого я ни разу не каялась в своем грехе. Даже рассказывала об этом случае со смехом – мол, время было такое. Эта личная история нужна здесь для того, чтобы показать: нам и в голову не приходило, что мы делаем что-то плохое. Наоборот, мы были уверены, что молодые получают клуб и не будут шататься по улицам.

Редакция «Целинного края»

В 1960 году приехал к нам в командировку из Москвы Григорий Фрумкин, поэт, выпускник литинститута, прекрасный, талантливый человек. Пришел в редакцию, чтобы взять какую-то информацию о районе. Мы познакомились и подружились. Потом, когда он уехал в Москву, переписывались. Через какое-то время Гриша поехал работать во вновь открытую газету «Целинный край» – в Акмолинск, переименованный в Целиноград. Когда в 1961 году Хрущев решил создать на севере Казахстана новую административную единицу – Целинный край, соответственно, появилась его столица – Целиноград и три краевые газеты: 14 февраля начала выходить партийная «Целинный край», 13 марта – молодежная «Молодой целинник» и на казахском языке – «Тын Олкеси».

В Целинный край входило пять северных областей Казахстана, населенных по преимуществу русскими: Целиноградская, Кустанайская, Кокчетавская, Петропавловская и Павлодарская. Казахам было к тому времени в этих областях около 20%.

Вот в эту-то газету – «Целинный край» – и позвал меня Григорий Фрумкин, поскольку журналисты там были нужны. А я легка на подъем и сразу согласилась поехать в Целиноград. Свой долг районной газете я отдала, проработав положенные два года (в то время принято было после вуза отрабатывать по направлению два года). Хотя и с сожалением, но мой родной коллектив не мог не благословить меня на целину.

Осенью 1961 года, когда я приехала в Целиноград, редакция «Целинного края» еще находилась в стареньком деревянном, но очень уютном домике. Редактором был прекрасный журналист, бывший ответсекретарь «Правды» Георгий Константинович Обьедков, немножко грузный, добрый, мудрый человек, профессионал высшей пробы. Он очень много дал нам, молодым журналистам. Обьедков собрал замечательных журналистов. Правда, основной костяк остался от редакции «Акмолинской правды». Заместителем редактора был Василий Григорьевич Шепель – ди-

намичный, талантливый, острый, с настоящей журналистской хваткой. Когда Обьедков, наладив дело, вернулся в Москву, Шепель по праву занял его кресло. Ответсекретарь – Давид Абрамович Быховский – выпускник Уральского КИЖа – суперпрофессионал, правда, порой чересчур строгий. Но, наверное, секретарям иначе и нельзя. Федор Михайлович Файда – мудрый, опытный газетчик – заведовал партийным отделом (после ухода Обьедкова, во время редакторства Шепеля, был его заместителем).

Заведующей отделом культуры, куда я попала, была интеллигентная и умная Роза Львовна Голубева. Андрей Федорович Дубицкий, в отдел которого я потом перекочевала, когда Роза Львовна стала возглавлять отдел писем, человек незаурядный – талантливый писатель и художник, из казаков, острый на язык, немножко скептик, он обладал какой-то фантастической энергетикой.

Отдел информации бесценно патронировал знаток и ценитель спорта одессит Макс Израилевич Добренко. Он был несколько полноват, но поразительно легко при этом двигался, и вообще был душой кампании, добрый, веселый, незлобивый, остроумный. Отдел промышленности возглавлял большой умница, эрудит, скромный и порядочный человек Израиль Моисеевич Скудович. Сельским хозяйством заведовал выпускник Московского сельхозинститута, мой ровесник Саша Платошкин. Уже в Москве, где он работал в журнале «Российская Федерация», я написала ему стихи ко дню рождения, где очень хорошо отразилось наше тогдашнее мировосприятие.

*Не забудь, Саша,
Как в степи нашей
Рос тюльпан алый
Рядом с Алей-Аллой.*

*Как табун вольный
Исполнял соло
На соли сольной
В целине дольней.*

*Как шутил Шепель,
Как ворчал Бых,
Как Добренко метил
«Дубу» дать «под дых».*

*Как мечтали истово
О рае целинном,
А Христа бесхристово
Душами любили.*

*Не забудь про молодость,
Были мы там, были!
Унеси в сегодняшность
Молодости были.*

В разное время в редакции «Целинного края» и его наследницы «Целиноградской правды» работали замечательные журналисты, приехавшие в газету из разных городов: Юра Боков, Витя Листов, Вася Наумов, Леня Калашников, Леня Филиппченко, Олег Степаненко, Петя Побережников, Володя Севастьянов, Павел Петров, Саша Анисимов, Алла Горчева, Герман Орловский, Люция Данеловна Тогоева, Валя Ильясова, Люся Помыткина, Ира и Слава Пинчуки, Гена Вершинин и Гена Ударцев, Володя Чирков и Володя Чумичев, Буген Ибраев, Вилен Филинский, Георгий Нагаев, Николай Кукин. В редакции были сильные фоторепортеры Саша Куриленко, Леша Варфаломеев, Ефим Лукин, талантливые художники Миша Саламатов, Ваня Свитич, карикатурист Игорь Кабак. Боюсь кого-нибудь пропустить. Штат редакции был большой, включал и собкоров в пяти областях.

Самые талантливые перья первых лет «Целинного края» – Гриша Фрумкин и Толя Стреляный, сейчас оба известные московские журналисты. Толя много лет потом работал на радиостанции «Свобода». Мне не всегда близки его взгляды, но то, что он талантливый журналист, ни тогда, ни сейчас ни у кого не вызывает сомнения. На целине Гриша с Толей писали вдвоем, за

двумя подписями. Как правило, это были самые проблемные и «убойные» материалы – они всегда «висели» на доске лучших и вызывали отклики читателей.

И жили они в одной квартире в доме на берегу Ишима, где редакции дали несколько квартир. Когда приехала я, ребята поступили в высшей степени благородно – отдали одну комнату мне и поселились вдвоем в другой. Когда к Грише приезжала из Москвы его жена Неля, нам с Толей приходилось разбегаться по углам в одной комнате. Спали на полу.

В доме постоянно ночевал кто-то из наших героев – то знаменитый тракторист Михаил Довжик, с которым мы приятельствовали тогда, то еще кто-нибудь.

Если я дежурила по номеру, ребята меня встречали, хотя от типографии до нашего дома было рукой подать. В Целинограде в то время страшновато было ходить вечером, и Толя Стреляный всегда носил с собой маленький топорик во внутреннем кармане пальто.

Итак, Обьедков взял меня на испытательный срок и дал мне первое задание – сделать рейд по магазинам Целинограда. Я делаю целую полосу, приношу ему и с трепетом жду приговора. Он зовет меня в кабинет и, опустив голову, глухим голосом говорит, что я справилась и он берет меня в редакцию. Восемь лет я проработала в этой газете, сначала в отделе культуры, потом в секретариате, была заместителем ответсекретаря и по совместительству спецкором, в последние годы – заведующей отделом писем.

Отдел культуры

Отдел культуры газеты, в котором я работала года два, жил бурной жизнью, потому что культурная жизнь города была ключом.

Целиноград тех лет был совершенно удивительным городом. Все, что было живого и молодого, творческого и работающего, собралось тогда по комсомольским путевкам на целину. Из Москвы приехал целый «выводок» выпускников Архитектурно-

го института, талантливейшие ребята: Володя Колпиков, Эрик Вагман, Арнольд Каремин, Виктор Горяев, Галя Шихалева, Надя Королева. Прибыли проектировщики из Одессы, Красноярска, Саранска и других городов Союза. В Целинограде собрались талантливые художники из Ленинградской академии художеств: Марк Порунин, Борис Бельтюков, Василий Кучеровский, Олег Шелепугин, Лиля Колотилина. С Украины приехали художники Буштрук и Яблонская, из Москвы – мой муж Алексей Свитич, выпускник Суриковского института. Его брат Иван тоже был художником.

Было прекрасное, бескорыстное, любознательное сообщество. Собирались на посиделки почти каждый день: пели песни, читали стихи – тогда были популярны Евгений Евтушенко и Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина и Ярослав Смеляков, племянник которого, Саша Смеляков, был режиссером Целиноградского театра и бывал в наших компаниях. Ставил спектакли и наш хороший знакомый Женя Радомысленский, теперь Евгений Вениаминович – профессор Школы-студии МХАТ. Спорили о жизни, о литературе. Обсуждали спектакли, ходили по мастерским местных художников. Виктор Мильто пел свои песни. Были дискуссии, капустники, вечера поэзии. И конечно, обо всем этом я писала в газете.

На целине было много поэтов, и газеты выпускали литературные странички. Стихи тоже были особые, целинные, можно даже сказать, «на злобу дня». Вот отрывок из поэмы Вадима Черняка «Силы Земли»:

*Когда мне говорят о хлебе,
Я вспоминаю не совхоз,
не те разбуженные степи,
куда нас паровоз завез,
– я вижу девочку-подростка,
сердито сжатый кулачок,
и даже не ее, а просто
на старом ватнике значок.*

А председатель, председатель,
он то бледнел, а то краснел.
Стоял при всем своем параде,
и орден на груди блестел.
Ему сводило веко тиком,
и он покачивался в такт,
А девочка твердила тихо
– Так поступает только враг.
А мы стояли на пороге,
и так легко, и так земно
вороны жрали на дороге
просыпавшееся зерно.
И знали, сколько это стоит –
с одной машины два кило.
Нас вычисление простое
к единой мысли привело.
И что слова? Они не в моде.
Мы не любили длинных фраз,
но даже орден, даже орден,
его от наших глаз не спас.
Как он, крещенный той войною,
забыл, что здесь за Хлеб война.
И встали мы к нему спиною,
когда заплакала она.

В городе было много профессиональных художников. Первая краевая выставка в новом Доме целинников взбудоражила всех, потому что Марк Порунин написал картину, где Эйнштейн с зелеными усами изображен на фоне звездного неба. По поводу этих усов был переполох и ядовитые рецензии, в том числе и в нашей газете. Художественные выставки были частыми, и художественная жизнь кипела, потому что приехавшим в Целиноград художникам дали мастерские и они работали очень интенсивно, регулярно выставлялись на алма-атинских и всесоюзных выставках в Москве. Зарабатывали на жизнь монументальными рабо-

тами – делали мозаики, сграффито в сельских Домах культуры и библиотеках, в столовых и на торцах домов. Писали тогда часто на социальные темы, на патриотические. Особенно к юбилеям советской власти и комсомола, к годовщинам войны. Спорили об искусстве, обменивались книгами и стихами, учились друг у друга, и был дух творческого соревнования.

Когда мы устроили в редакции встречу с ветеранами и с Аллой Горчевой дали целую полосу об этих интереснейших судьбах и фотографию их, мой муж Алеша Свитич под впечатлением этой публикации написал большое, очень выразительное полотно, на котором были изображены старики – мариновские (названные так по месту восстания) ветераны, и назвал его «Новый мир построим». Картина была на юбилейной выставке в Манеже, посвященной 50-летию Октября в 1967 году. О ней написали в «Известиях» и «Литературной газете».

Я много писала о художниках и даже сделала телепередачу.

Отдел культуры активно участвовал и во всех наших редакционных праздниках. Всегда выпускали стенгазету со стихами и карикатурами, благо поэтов в редакции было много. Какая-то толика этих шуточных виршей у меня сохранилась, привожу их во втором разделе книги.

Секретариат. Спецкорство

Мне нравились все мои отделы, но больше всего – секретариат. Очень любила рисовать макеты (наверное, сказывалась любовь к живописи и родственные связи), доводить их до эстетически законченного вида, и была довольна, когда газета оказывалась хорошо смакетирована, сверстана и отпечатана.

Но в секретариате мне нравилось и другое. Наш мудрый ответсекретарь Давид Абрамович Быховский поставил такой эксперимент – взял к себе трех заместителей. Каждый из них одну неделю вел номер, а две недели, исполняя роль спецкора, ездил в командировки и писал свои материалы.

О командировках стоит сказать отдельно. Край был огромный, пять областей. Приходилось до областных центров летать самолетом или ехать пассажирским поездом. Но на местах добраться до совхоза или, тем более, до бригады было порой очень сложно. Особенно весной и осенью в непролазную грязь. Дорог нормальных практически не было. Часто приходилось ездить на тракторе, при этом подолгу ждать оказии. Зимы холодные, с ветрами, буранами – в открытой степи ветру не за что зацепиться и он разгоняется до больших скоростей. Не раз буран заставлял в степи. Особенно помню одну поездку, когда нашу машину буквально занесло чуть ли не с головой. Вытащил нас трактор, когда буран стих, но я до сих пор помню это чувство страха и безнадёжности. Зато какой красивой была степь весной и ранним летом, когда цвели тюльпаны. Море тюльпанов! И серебрился ковыльный океан.

Вообще, степь до горизонта и ты наедине с небом – это неповторимо. Когда я на лето уезжала к маме в Котельнич, мне все казалось тесным, замкнутое пространство мешало смотреть и дышать. Степной человек долго привыкает к средней полосе с ее ограниченными пространствами. Особенно к тесноте городов.

В секретариате еще работали Юрий Кулибаба и Герман Орловский. Самые интересные материалы часто писали именно сотрудники секретариата. Командировки у нас были длительные, мы позволяли себе и одну, и две недели собирать материал. Тогда было принято очень тщательно проверять факты, разговаривать по поводу одной и той же проблемы с разными людьми и пытаться докопаться до истины. Обязательно нужно было познакомиться с официальными документами и побывать на месте события. Ошибки или неточности бывали крайне редко и воспринимались в редакции как ЧП.

Мне больше всего нравилось писать очерки и материалы под рубрикой «Письмо проверяет журналист». Почта в редакции была очень большая, и обычно Роза Львовна отбирала самые интересные письма и предлагала их на летучке. Редактор и ответсекретарь решали, по какому письму и кого послать в командировку.

Как правило, это были трудные истории, проблемные письма, с которыми приходилось долго разбираться. Приведу пример. Пришло письмо от учительницы о том, что в одной из школ директор занимается приписками, нарушает финансовую дисциплину. Послали меня. Я была еще молодым журналистом, это было одно из первых моих заданий, и я взяла с собой контролера – экономиста. Мы несколько дней сидели и проверяли хозяйственную деятельность школы. Конечно, я поговорила и с самим директором, и с завучем, и с учителями, побывала на уроках. Картина была ясна и неопровержима – письмо подтверждается.

Едва я вернулась домой и даже не успела толком подумать, как я буду писать материал, в редакцию пришла «телега», то есть жалоба этого директора на меня – он решил таким образом зарубить публикацию на корню. Он писал какую-то чушь: что я стояла перед дверями класса и подслушивала и что даже «пила спиртное». Конечно, в редакции очень смеялись, потому что я даже на наших праздниках редакционных могла только чуть пригубить бокал вина или шампанского, крепких же напитков не пила вовсе. Но письмо есть письмо, и редактору пришлось послать в школу Григория Фрумкина как независимого эксперта, и материал вышел уже за его подписью, хотя, конечно, он воспользовался моим исследованием.

Очень запомнился случай, когда в редакцию пришло письмо от соседней женщины, которую ревновал и избивал муж. Тайком увез дочь к своим родственникам на Кавказ, а женщина вынуждена была уехать из города, потому что боялась его преследований. Я написала со слов соседней и на основе ее писем очень проникновенную статью («Тень» – см. в третьем разделе), но редактора насторожило то, что я лично не поговорила с этой женщиной (она уже была в другом городе). Шепель послал меня в Барнаул, хотя это было за пределами Целинного края. Я нашла там эту женщину, поговорила с ней и отказалась печатать материал. Действительно, он ее избивал, действительно, он лишил ее дочери, но видно, что она его любила и, главное, не хотела, чтобы об этом было напечатано в газете. Редакции командировка стоила нема-

лых денег, но материал не пошел, потому что это могло принести человеку неприятности.

О первоцелиннике Рагузове писали много. В 1982 году в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книжка «Правофланговые комсомола», где есть очерк В. Чубара «Василий Рагузов». Журналист «Молодого целинника» Адольф Дихтярь написал поэму «Рагузовская сопка».

А тогда я была одной из первых, кто написал о Рагузове, и точно единственной, кто съездил во Львов, где жила его семья – жена и два сына. Я сделала целую полосу «Бессмертие Василия Рагузова» с эксклюзивной, как бы сейчас сказали, информацией и снимками семьи. К сожалению, публикация эта у меня не сохранилась, о чем я уже писала во введении, поэтому я приведу отрывок из книги Брежнева «Целина». Журналисты, которые писали эту книгу за Брежнева, пользовались нашими материалами.

«Зима 1954 года выдалась суровой, на редкость снежной, морозной. Целина сразу, “с порога”, испытывала новоселов, обрушивала на них свой крутой, неласковый нрав. Не умолкая, завывали пронизывающие ветры, и каждый рейс по степи был необычайно трудным, а мог стать и опасным. Между тем тысячи тракторов, сотни автопоездов должны были пробиваться к еще не существующим совхозам по бездорожью, сквозь ветер и снег... Достаточно малой ошибки, случайности, неожиданно заглохшего мотора, и человек остается со степью один на один – без дороги, на морозе, в крошевной мгле. Помню, как всех на целине потрясла гибель студента-заочника Львовского строительного института Василия Рагузова. Одним из первых он приехал в совхоз “Киевский” и стал работать прорабом. Способный организатор, хороший товарищ, человек веселого, общительного нрава, он быстро завоевал авторитет, уважение и любовь первоцелинников. В один из ясных дней в составе колонны Рагузов вез со станции сборные дома для первой совхозной улицы. Неожиданно начался необычайной силы буран, длившийся потом несколько суток. Колонна остановилась, Василий решил идти за помощью. Пошел один, заблудился и погиб. Это был мужественный, огромной воли человек. Вот письмо, найденное у него в

кармане: Нашедшему эту книжку! Дорогой товарищ, не сочти за труд, передай написанное здесь в г. Львов, ул. Гончарова, 15, кв. 1, Рагузовой Серафиме Васильевне.

“Дорогая моя Симочка! Не надо слез. Знаю, что будет тебе трудно, но что поделаешь, если со мной такое. Кругом степь – ни конца, ни края. Иду просто наугад. Буря заканчивается, но горизонта не видно, чтобы сориентироваться. Если же меня не будет, воспитай сыновей так, чтобы они были людьми. Эх, жизнь, как хочется жить! Крепко целую. Навеки твой Василий”. Сознавая, что погибает, он сделал приписку – уже коченеющими, замерзающими пальцами: “Сыновьям Владимиру и Александру Рагузовым. Дорогие мои деточки, Вовушка и Сашунька! Я поехал на целину, чтобы наш народ жил богаче и краше. Я хотел, чтобы вы продолжили мое дело. Самое главное – нужно быть в жизни человеком. Целую вас, дорогие мои, крепко. Ваш папа”. Письмо это, казалось бы, имело сугубо личный, семейный адрес. Но стало оно обращением ко всем живущим. Когда мне показали листки с расплывшимися буквами, когда разобрал их – перехватило горло. Позвонил журналистам, посоветовал, получив согласие жены, напечатать это письмо. Опубликованное в газете, оно вызвало десятки тысяч откликов по всей стране. Новые отряды добровольцев двинулись на целину, чтобы довести до конца дело, которое начали Василий Рагузов и подобные ему мужественные люди. Сопка, близ которой погиб Василий, названа теперь его именем».

Другим персонажем, который попал из наших публикаций в книгу «Целина», была Е. А. Зайчукова. Одной из первых была моя командировка в совхоз «Ижевский». Директором его была замечательная женщина Евдокия Андреевна Зайчукова. Решительная, четкая, очень уважаемая рабочими мать-командирша. Я целый день ездила с ней по хозяйству, наблюдала, как она говорит с людьми, какие отдает распоряжения, как гоняет лентяев и прогульщиков. В редкие перерывы она отвечала на мои вопросы. Так родился очерк об этой удивительной женщине. К сожалению, он, как и многие другие памятные материалы, не сохранился в моем архиве. Но снова выручает брежневская книжка.

«Евдокия Андреевна Зайчукова приехала на целину, когда ей было уже под пятьдесят. Но сохранила в себе молодой задор, волю, крепкий характер, а главное, имела горячее сердце коммуниста и патриота. Глубоко осознанное стремление сделать для страны самое нужное, важное и полезное привело ее к нам, дало ей силы создать в степях совхоз “Двуречный”. Вскоре и эту женщину взяли на повышение, но, поработав на новом месте, она написала такое заявление: “Прошу направить меня в отстающий совхоз и обязуюсь вместе с коммунистами и всеми рабочими вывести его в число передовых хозяйств Целиноградской области”. И она сдержала слово: совхоз “Ижевский” вышел при ней на одно из первых мест. Семнадцать лет жизни отдала Евдокия Андреевна новой, полюбившейся ей земле. А когда умирала, попросила пришедших в больницу друзей только об одном: – Не ставьте никакой ограды на моей могиле, не отделяйте меня от степи...».

Больше всего, пожалуй, я возилась с публикацией об одном агрономе, который работал в совхозе Павлодарской области, замечательном человеке Зеленине (уже не помню его имени), у которого был конфликт с первым секретарем обкома партии. Надо сказать, что мы могли критиковать и нередко критиковали даже первых секретарей обкомов партии, неприкосновенными были только секретари крайкома, органом которого мы являлись. Но на этот раз редактор не решился ставить материал в номер и тянул время. А через месяц я узнала, что Зеленин трагически погиб. Так этот материал и не был напечатан.

Вообще-то, наша газета во главе с Шепелем была весьма зубастой и боевой. Обстановка в редакции была творческая. Хотя, конечно, мы были идеологическим рупором крайкома и шире – партийным рупором. Но это как бы входило в нашу плоть и кровь, и мы редко рефлексировали по этому поводу. Тем более все, что ниже крайкома, было абсолютно досягаемо для критики, и мы могли проверить любые финансовые и производственные структуры. Для журналистов не было преград. Тогда не было термина «журналистское расследование», потому что никто ничего не скрывал от журналиста; все обязаны были всё журна-

листу показать, предъявить, даже если очень этого не хотели. Мы были полномочными представителями партийного комитета, и, следовательно, начальники имели дело не столько с журналистом как профессионалом, сколько с представителем или «рупором» партийного комитета.

Отдел писем

Когда у меня родился сын Илья, в секретариате с ночными дежурствами в типографии работать стало трудно. О командировках не могло быть и речи. Родовой отпуск тогда был всего два месяца. Потом приехала мама, а я вернулась на работу в секретариат. Но когда Роза Голубева уехала в Москву, я заняла ее место заведующей отделом писем и могла совмещать работу в редакции с материнскими обязанностями, даже когда уехала мама, и мы наняли няню.

В отделе, что было большой редкостью тогда в газетах, мы наладили социологический учет почты. Каждое письмо кодировали по ряду признаков: автор, география, тема, тип письма, характер просьбы и т. п. Потом я эти данные использовала для реферата при поступлении в аспирантуру факультета журналистики МГУ. Даже когда я уехала в Москву, социологическая работа в отделе продолжалась. Это помогало отслеживать тенденции, потому что писем было очень много – по 500 в месяц, то есть в день минимум 20 писем и около 6 000 в год. Конечно, все они внимательно прочитывались и распределялись по отделам или рассылались в организации для принятия мер. При этом автору обязательно давали ответ.

Работы с письмами было очень много, а в отделе четыре человека: кроме меня два литсотрудника и учетчик писем. Замечательные дамы работали в нашем отделе. Учетчиком была Нонна Павловна Ветлугина – аристократических статей красавица, скромнейший и обязательный человек.

Главная журналистская опора – Люция Данеловна Тогоева, дочь известного в Осетии деятеля времен революции (она рас-

сказывала, как мать ее встала грудью защитить своего мужа, когда того привели на расстрел, и тем спасла его). Это гордая осетинка – необыкновенной души человек, благородная, добрая, красивая, терпимая, хотя никогда не оставляла без внимания ни одной грубой выходки. Хамства она не прощала никому, но делала замечания мягко, с легким, не оскорбительным юмором. Поэтому в редакции благодаря Люции Дanelовне царили весьма благородные нравы среди наших мужчин. На самые трудные переговоры с нашими посетителями всегда направлялась она. И в редакцию приходили люди, которые хотели говорить только с Тогоевой, доверяли только ей. Об этом красочно рассказывает Люся Помыткина (см. во втором разделе «Есть женщины в горных селеньях»).

Другим драгоценным камушком нашего отдела была Валечка (по-казахски Багдат) Ильясова – она позже училась в аспирантуре факультета журналистики МГУ, была заведующей отделом писем, заместителем редактора областной газеты, уже не в Целинограде, а в Кокчетаве, после того как столицу Казахстана перенесли из Алма-Аты в Целиноград и город снова переименовали, на этот раз в Астану. Валечка очень талантлива, необыкновенно остроумна, и наш отдел был оазисом, который притягивал всех.

У нас было огромная комната (к тому времени мы уже переехали в Дом Советов), и, конечно, в ней всегда «клубились» наши коллеги – мужчины. Правда, болтать нам было некогда, потому что работы было много и в отделе почти всегда сидели посетители. Тогда не было никакой пропускной системы, в редакцию входили свободно, и «жалобщиков», как мы называли тех, кто приходил со своими проблемами, было предостаточно. Говорить с ними и помогать им – нелегкая работа, потому что порой это была такая бездна человеческого горя, что с трудом выдерживали наши нервы. В основном это семейные трагедии, или жалобы бытового характера, или производственные конфликты. Всех выслушивали, старались помочь или хотя бы успокоить.

В этом нам очень помогали наши ветераны, наша общественная приемная. Там работали замечательные люди во главе с заслу-

женным пенсионером, которого мы называли «дедом Тыцким». Они брали на себя значительную долю дел по приему посетителей. Проверяли письма, делали рейды по жалобам. И в газете регулярно выходили полосы, подготовленные нашими добровольными помощниками, которые, конечно, за такую большую работу ничего не получали, кроме гонораров. В своих архивах я нашла номер журнала «Партийная жизнь Казахстана», прочитала о нашем отделе весьма теплые слова. Приведу их:

«Первое, что бросается в глаза на этой двери, – крупная и четкая табличка “Общественная приемная «Целиноградской правды»”. И только подойдя ближе, можно прочесть другую – “Отдел писем”. И в этом есть свой большой смысл: эта дверь открывает в редакцию доступ не только почте, но и живым людям, тем, для кого и ради кого делается газета, – читателям. Заходишь сюда и сразу попадаешь в атмосферу доброжелательности и отзывчивости. Вот почему эта комната знакома десяткам и сотням не только целиноградцев, но и жителей окрестных районов. Они идут сюда и с горестями, и радостями, с раздумьями и предложениями.

Вершит всеми делами приемной Луиза Шабалина. Это общественное поручение, которое она добровольно взвалила на свои плечи, ничуть не мешает ей управляться со сложным и громоздким хозяйством отдела писем. И в этом ей помогают не только штатные коллеги по отделу, но и активисты – члены приемной. Через их руки за год проходят многие тысячи писем. И каждое из них на виду, на каждое заведено “дело” – конверт, каждое занесено в специальный журнал. Кропотливый, нелегкий труд окупается сторицей. В любую минуту может быть найдено нужное письмо, а незаполненная графа ответов в журнале вызывает к действительности.

Отдел писем едва ли не самый активный на страницах газеты. Чуть ли не в каждом номере идут его подборки, регулярно даются тематические обзоры, а порой и целые полосы из материалов редакционной почты. Доля опубликованных писем велика. Не остаются без внимания и остальные. Их рассылают по различным адресам для проверки и принятия мер. Но не каждый, кому адресовано письмо, по-партийному реагирует на сигналы трудящихся, на

выступления газеты. Работникам отдела писем и общественной приемной приходится рассылать напоминания, вести телефонные переговоры, чтобы добиться ответа».

В этой публикации довольно точно описаны будни нашего отдела. А я, хотя уже была замужем и сменила фамилию на мужнину – Свитич, подписывала материалы своей прежней фамилией Шабалина, пока работала в газете.

Энтузиасты и романтики

Еще одной моей темой был туризм. В крови журналиста – страсть к путешествиям. А в Целинном крае были замечательные места, куда мы регулярно отправлялись с нашими друзьями-туристами.

Очень активным был туристский клуб Целинограда, возглавляемый Зоей Востровой. В выходные дни мы не сидели в городе – всегда, даже нередко зимой, ходили в походы, в ближние – на реку Нуру или Ишим, в дальние – в Боровое. Я часто бывала в этих походах, а в газете появилось несколько моих материалов на эту тему. В праздничные дни, когда было несколько выходных, уезжали в сказочную страну – Боровое.

Мы не просто общались и развлекались. Мы считали себя обязанными нести культуру людям в те места, где мы бывали. Приедем на два-три праздничных дня в Боровое или куда-то еще: выпустим стенгазету, дадим концерт, покажем моды, сделаем местным девушкам прически. Туристский костяк составляли строители-проектировщики. Из Одессы приехали Асик Мозесон, Миша Хомчук, Валя Островский, из других городов – Валя Налогина, Зоя Вострова, Галя Власова, Вадим Толстопят, Роза Диярова, Нина Рудык, Лева Полонский, Аня Галустян, Таня Васильева, Галя Бенедиктова.

Несмотря на газетную потогонщину, мы находили время на походы. Илюшка был еще очень маленький, но мы не могли отказаться себе в удовольствии встречаться с нашими друзьями, и часто

сын спал у кого-то в ванной, пока мы сидели за столом в гостях. Водки практически не пили. Изредка, и не в походах, – сухое вино или глинтвейн.

Особой графой нашей целинной эпопеи было решение сделать Целиноград красивым городом. Когда я приехала в Целиноград, его главная улица – Мира – была весной и осенью в непролазной грязи, сантиметров в десять толщиной. Нашелся энтузиаст – Нина Криштопа, выпускница философского факультета МГУ, которая решила возглавить эту трудную работу по очистке города от грязи. Прошла по начальству, и решено было выпустить маленькую газетку «Целинный край» на благоустройстве города». Мы все активно писали для этой газеты и очень быстро сумели превратить город в более чистый и зеленый.

Нина Криштопа удивляла всех тем, что преобразовывала Дворец целинников в цветущий сад, выписывая зимой из южных городов диковинные цветы, которые мы ходили разгружать (позднее, когда мы уже жили в Москве, московские целинники тоже помогали ей перевозить ящики с растениями с вокзала на вокзал). Более того, она загорелась идеей сделать настоящий дендро-парк. Надя Королева – очень талантливый архитектор, выпускница Московского архитектурного института – сделала проект, и мы все (тут я уже выступала не только в качестве журналиста, но и как член нашего туристского братства) работали на закладке этого дендропарка. И об этом я тоже писала в газете. Криштопа могла принести лягушку или маленького ужа на прием к какому-нибудь официальному лицу, чтобы убедить его в том, что дендросаду нужна поддержка.

Таких романтиков, людей с сумасшедшинкой, творческих в Целинограде среди наших друзей было много. Володя Колпиков и Витя Гаряев разрабатывали какие-то небывалые проекты домов-городов под стеклянными крышами. Город бурно строился. Нашими друзьями были многие проектировщики и инженеры-строители. Среди них Виктор Мильто и Вадим Черняк. Вадим был поэтом, Виктор писал песни. Вот стихи Вадима:

Тихо в нашем городе. Тихо, тихо.
Кран похож на аиста, и звезды он клюет.
Шьет нам покрывало ночь-портниха.
Тихо-тихо шьет, шьет.
Над целиной гудят гудки,
над городами встали краны,
и в будки входят, словно в храмы,
веселые крановщики.
И хоть свята работа их,
они в рубашках нараспашку,
они не тратят на раскачку
минут, как воздух, дорогих,
Они уверены и строги,
у них высокая душа.
На ручки руки положи,
они творят. Творят, как боги.
А теплый ветер треплет зелень
и облака легки, легки...
С Небес спускаются на Землю
веселые крановщики.

Все было ново, необычно, свежо и талантливо на целине. И хотя были трудности, но ощущение от целинной жизни было светлое, радостное. И не только потому, что мы были молодыми, но и оттого, что мы были бескорыстно преданы делу обновления этих степей, мы считали себя призванными нести культуру, мы жили духовной, наполненной жизнью, мы были бескорыстны, мы хотели помочь и помогали людям. Там была та атмосфера, которой так не хватает в сегодняшней прагматичной, индивидуалистической, разобщенной жизни. Мы были дружны и оптимистичны, добры и веселы.

Молодоцелинники

Рядом с нами, в одном здании, квартировал «Молодой целинник» – газета озорная, талантливая, броская, иногда чересчур, как и подобает «молодежке». В хрущевскую оттепель тон газет стал более раскованным. Журналисты «Целинника» тоже были в основном москвичи. Но многие приехали и из других городов делать интересную газету. Редактором был сначала Валентин Осипов, его сменил Владимир Червяков. Мне кажется, что в «Молодом целиннике» талантливы были все без исключения: Юрий Калешук и Наташа Ряднова, Володя Бараев, Игорь Чайковский, Илан Полацк, Галина Безносова, Нина Колбаева, Ада и Адольф Дихтяри, Новомир Лимонов, Александр Фридман, Владимир Бараев, Галина Подгурская, Петр Скобелкин, Сергей Смородкин, Ирина Иновели и все-все. Боюсь кого-то пропустить. Список не полон. Подробнее о газете можно прочитать в материалах ее сотрудников во втором разделе книги.

Брат моего мужа Иван Свитич тоже сначала работал в «Молодом целиннике» художником. Его картинки, заставки, даже самая малая и обычная газетная изобразительная мелочевка были отмечены необычностью, лиризмом, талантом. И писал он очень хорошо. Там же в редакции работала его будущая жена Рая, которая до последних своих дней самоотверженно оберегала его творческий покой и самоуглубленное состояние. Сейчас Иван живет в Алма-Ате, пишет замечательные работы.

«Молодой целинник» выпускал приложение к газете «Студенческий меридиан», в котором работали и студенты факультета журналистики МГУ. Это была веселая интересная газета, в которой студентами, о студентах и для студентов, приехавших летом на целину, поднимались важные вопросы работы, быта и отдыха «временных целинников», находилось место для шутки и юмора.

«Молодые целинники» до сих пор встречаются в Москве каждый год 13 марта – в день образования газеты. Прав-

да, их ряды редеют, но когда они встречаются, вспоминают целину и своих товарищей. Я бываю часто на этих встречах. В 1998 году, на одну из юбилейных встреч, я написала стихи:

*В марсианском марте,
В мартовские иды
Начал свои старты
«Молодой целинник».*

*Он взвился молнией,
Он пылал без дыма.
Он – сама молодость
«Молодой целинник»!*

*Вспыхивал, как факел,
И взрывался миной,
Никогда не плакал
«Молодой целинник».*

*Погорел и сникнул,
Пять годков скинув...
Никуда не сгинул
«Молодой целинник»!*

*Тридцать три года,
Как Христов годинник,
Собирает сходы
«Молодой целинник».*

*Годы не щадили,
Уносили в зимники,
Дорогие лица
Молодых целинников.*

*Тем теснее сжались
Те, кто здесь остались,—
Золотой запас Ник —
«Молодой целинник»*

*Пью за ваши принципы!
За седых принцев!
За принцесс нимбовых!
Молодых целинников!*

Итоги целины

В книге «Целина» написано об итогах целинной эпопеи: «Подъем целины в Казахстане явился не только крупнейшей, но и экономически выгодной акцией. Приведу цифры, доказывающие это. Казахстан продал за минувшие двадцать четыре года государству более 250 миллионов тонн зерна — это 15,5 миллиарда пудов! Вместе с тем с 1954 по 1977 год включительно все затраты на сельское хозяйство республики — подчеркиваю: на всю отрасль, а не только на целину — составили 21,1 миллиарда рублей. А налога с оборота от продажи хлеба за эти годы получено 27,2 миллиарда рублей, то есть страна получила 6,1 миллиарда рублей чистой прибыли. При этом надо иметь в виду, что в казахстанских колхозах и совхозах общая стоимость основных и оборотных фондов составляет сегодня 15 миллиардов рублей. Итак, все труды и затраты в максимально короткий срок окупились и дали прибыль. Вот с каким хорошим результатом выиграно самое впечатляющее в хозяйственной истории человечества сражение за хлеб! Богатырской оказалась древняя степь. Преображенная трудом человека, она придала устойчивость всему нашему сельскому хозяйству, обеспечила гарантию получения зерна в необходимых размерах. И эта земля набирает силу.

Вспоминаю, например, каким был Акмолинск, когда впервые его увидел. Низкие глинобитные домики, узкие улицы, восемьдесят

тысяч жителей... А теперь? В городе, получившем имя Целиноград, втрое больше народу, он едва ли не весь обновлен, перестроен, в нем десятки промышленных предприятий, четыре вуза, пятнадцать техникумов, где только за три последних года подготовлено свыше двадцати тысяч специалистов.

Целина дала мощный толчок развитию производительных сил Казахстана, росту его экономики, науки, культуры. Появились крупнейшие промышленные узлы, выросло девяносто новых городов, в том числе известные всей стране Рудный, Экибастуз, Ермак, Кентау, Аркалык, Шевченко. Республика добывает и производит уголь и нефть, чугуны и сталь, цветные металлы, минеральные удобрения, новейшие станки, машины, тракторы. И никого уже не удивляет, что в некогда отсталом Казахстане пущен реактор на быстрых нейтронах».

Добавлю к этому, что был построен Байконур, с которого взлетали все советские и позже российские космические корабли.

О хозяйственном значении целины были разные мнения, особенно в период переоценки всего советского, после перестройки. Много публикаций по этому поводу в газетах было в юбилейный 2004 год, когда прошло столетие со времени освоения целины. Писали о негативных последствиях сплошной распашки каштановых почв сухих степей, что сказалось на состоянии животного мира степной зоны, об усилившейся в результате подъема целины эрозии почвы, о том, что было нарушено сложившееся веками самобытное кочевое хозяйство казахов – пропали большие территории, пригодные для пастбищ, об оттоке людей и средств из центральных областей России (<http://www.Bible-For-You.org/kraeved/zelina.htm>; www.bestreferat.ru/referat-51469). И эти негативные эффекты от поднятой целины, безусловно, были.

Но позитивные результаты, которые диктовались логикой времени и необходимостью накормить в послевоенные тяжелые пятидесятые годы народ, были достигнуты. «Казахстан за несколько лет стал одной из основных житниц Советского Союза. В течение первых пяти лет после сентябрьского (1953 г.) Пле-

нума ЦК КПСС валовая продукция сельского хозяйства увеличилась на 50%, в том числе продукция земледелия – на 54%, животноводства – на 24%. На первом этапе освоения целины в Казахстан прибыло свыше 640 тыс. человек, в их числе 391,5 тыс. механизаторов сельского хозяйства, 50 тыс. строителей, около 3 тыс. медицинских работников, 1,5 тыс. учителей и др.» (<http://www.belarus.kz/index.php>).

Бывший министр заготовок Казахской ССР Н. Клевцов в интервью «Российской газете» сообщил, что в Казахстан прибыло 128 тысяч тракторов, 64 тысячи комбайнов, построено 300 элеваторов, 46 мелькомбинатов, 8 крупных заводов, 157 километров железнодорожных путей. Республика производила до 2 миллионов тонн муки, 350 тысяч тонн крупы, 3,5 миллиона тонн комбикормов, продавала государству 15-16 миллионов тонн зерна. «Сегодня суверенный Казахстан закупает около 7 миллионов. Посевные площади сократились с 22 миллионов гектаров до 12 миллионов. Перестали заниматься ирригацией, вносить удобрения. Но уверен: не будь целины, у Казахстана вообще не было бы так называемой зерновой независимости» (<http://www.rg.ru/2004/03/13/kazakhstan.html>).

Сергей Сергеевич Сдобников, доктор сельскохозяйственных наук, один из создателей (наряду с А. И. Бараевым) Всесоюзного НИИ зернового хозяйства в п. Шортанды тогдашней Целиноградской области: «Как можно называть решение о целине ошибкой? Это было решение о хлебе, который можно было взять достаточно быстро и дешево – просто пахать да сеять. И, конечно, оно тогда было поддержано всеми – люди слишком хорошо помнили голод и череду неурожаев... Конечно, сейчас, после распада Союза, после наступления призрачного изобилия на прилавках (в основном за счет импортных продуктов) это решение можно критиковать, но тогда оно воспринималось как единственно правильное и естественное, лежащее на поверхности. И при всех ошибках и просчетах на целине было получено то, что планировалось.

Мы ощущали себя ответственными за судьбу целины, за урожай, и старались поставить ведение земледелия в новосозданных совхо-

зах на нормальную долговременную основу – чтобы они получали стабильный урожай каждый год при минимуме затрат и практически без удобрений (их просто не было). Пропагандировали четырехпольные севообороты с чистым паром, мелкую безотвальную обработку с перепашкой один раз за севооборот и т. д... Кстати, после развала Союза и отъезда многих ученых из института в тяжелые 90-е годы во многих целинных хозяйствах практически вернулись к тому примитиву, против которого мы выступали».

Александр Николаевич Каиштанов, заведующий отделом Почвенного института В. В. Докучаева, академик РАСХН, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии: «Представьте обстановку того времени – голод беспросветный, люди уже несколько лет живут на воде и толокне, потому что в стране-победителе нет хлеба! На полях Центральной России царит страшная запущенность, природа не первый год преподносит засухи, а людей все равно надо кормить... В такой ситуации распашка целины становится единственно верным решением, позволяющим сразу удвоить производство хлеба, взять 30–40 млн тонн, причем быстро и без больших затрат. Конечно, были предложения пойти по интенсивному пути и наращивать продуктивность существующей пашни. Но это длительный процесс, требующий гигантских финансовых и других ресурсов, которых на тот момент у страны просто не было.

Правильность ставки на освоение целины подтвердилась уже через два года. Молодая пашня дала стране достаточно хлеба, а также новые поселки, железные дороги, линии электропередач, миллионы рабочих мест. За пять лет валовой сбор зерна и его сдача государству увеличились вдвое, а все затраты на организацию производства окупились с лихвой.

Целина была не только необходимостью, она стала могучей реформой сельского хозяйства забытого района. Если бы не она, не было бы сегодняшнего Казахстана. Ведь во времена целинной кампании были отстроены “с иголки” сотни совхозов, создана прекрасная современная инфраструктура – элеваторы, дороги, заводы. Под хлеб пошла современная техника, технологии, сорта.

А сколько прекрасных кадров, сильнейших ученых вырастила целина. Недаром даже разруха 90-х годов практически не коснулась этих мест... Для меня целина – это целая жизнь. Она закалила, воспитала, сделала человеком, агрономом, ученым.

В 1956 году целина “взлетела”, начались пыльные бури, которые дали толчок широкому распространению безотвальной обработки и почвозащитных систем Мальцева и Бараева. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Впоследствии уже “защищенная” целина “родила” контурно-мелиоративную и адаптивно-ландшафтную системы земледелия.

Целина – это банк знаний, бесценный опыт. Сегодня, опираясь на него, можно вновь осчастливить Россию, дать ей вдоволь своего хлеба и мяса. Нам нужна “целина разумная”, целина XXI века, с новейшими технологиями почво-, ресурс- и энергосбережения, которые будут работать на благо не только внутри страны, но и за ее пределами. И не важно, где географически будет расположена эта “целина”, потому что русские земли – это кладовая мира. Нужно только уметь правильно ею пользоваться».

(Записали В. Пинегин, Д. Насонова. <http://www.agrargruppe.ru/DAG-Montanai.htm>.)

Но главное – это, конечно, люди целины, которые здесь мужали. Учились работать, преодолевать трудности, учились братству и взаимопомощи, жили дружной интернациональной семьей.

Послесловие

Нашей журналистской работой мы по мере сил и таланта (а талантливы, поверьте, были почти все) старались усиливать заряд энтузиазма, обновления, свежего ветра, творчества в нашей целинной жизни. Мы были и информаторами, и просветителями, и воспитателями, и чернорабочими этой нелегкой обновляющейся после застоя жизни, которая ярко, как нигде, проявлялась именно на целине. Мы будоражили и вспахивали ее, как вспахивали целинники тракторами землю, чтобы дать хлеб стране.

Мы старались «накормить» людей качественным журналистским словом. Люди шли в газету за помощью, за поддержкой и всегда ее получали. Читатель любил целинные газеты и доверял журналистам. О такой доверии многие теперешние газеты могут только мечтать. Впрочем, их это часто не интересует. Другие времена, другая журналистика.

После того как Брежнев, сместив Хрущева, закрыл и Целинный край, большинство журналистов уехало из Целинограда. «Молодой целинник» закрылся вовсе, «Целинный край» преобразовали в «Целиноградскую правду», куда перешли и некоторые журналисты «молодежки» – Слава Носов, Хамид Апсаламов и другие. Редактором областной газеты долгое время был Анатолий Дмитриевич Алдошин.

Тот дух братства и творчества, который царил в целинных газетах, тот дух созидания жизни, служения людям, который тогда был, не возвратишь, как молодость ушедшую. Но целинные традиции живут. Они живут в творчестве журналистов, которые продолжают работать, в творчестве их учеников. После того как расформировали наши газеты, многие вернулись в Москву, другие разъехались по стране и понесли культуру целинной журналистики в свои новые издания. Шепель и Калашников уехали во Фрунзе: Василий Григорьевич стал собкором «Правды», а Леня сначала работал в «Ленсмене», а потом в республиканской газете Киргизии. (См. его статью во втором разделе.) Несколько наших журналистов переехало в Узбекистан. Давид Абрамович Быховский был ответсекретарем республиканской газеты. Там же работали Павел Петров, Израиль Скудович, Алексей Варфоломеев. Редактором Самаркандской областной газеты был Борис Щеголихин. Я была в Ташкенте в 1973 году и виделась со всеми. Петя Побережников уехал в Павлодар, стал редактором газеты. Остальных разбросало по стране. Следы некоторых я потеряла.

В Целинограде, теперешней Астане, остались старожилы целинного края: Багдат Ильясова, Людмила Помыткина, Владислав Носов, Евгения Радченко, Гена Ударцев. Люция Данеловна Тогоева жила в Орле, теперь переехала в Москву. Шепель и Добренко умер-

ли давно, Дубицкий – недавно, дожив до 90 лет. Какие прекрасные были люди и журналисты! Прочтите о них в следующем разделе.

Теперь о москвичах. Григорий Фрумкин вернулся в Москву и долгое время делал телепередачу «Сельский час», когда-то очень популярную. Теперь он преподает в Институте телевидения. Анатолий Стреляный известен не только в стране, но и за рубежом; он долгое время работал на радио «Свобода», правда, сейчас, кажется, вернулся на родину, в Украину. Виктор Листов защитил сначала кандидатскую, потом докторскую, выпустил несколько телефильмов на исторические темы в качестве сценариста, сейчас известный пушкиновец.

Александр Платошкин долгое время заведовал отделом сельского хозяйства в «Правде», теперь парламентский корреспондент журнала «Российская Федерация». Владимир Севастьянов и Олег Степаненко тоже стали правдистами. Теперь Олег в Минске.

Мы с Аллой Горчевой остались после аспирантуры и защиты диссертаций на факультете журналистики МГУ, здесь же работает Азат Галиевич Ибрагимов, который был журналистом «Акмолинской правды» в начале целинной эпопеи, а потом работал собкором «Труда» по Караганде и целинным областям.

Известными журналистами и писателями стали молодоцелинники. Почти все они тоже в Москве. Валентин Осипов был главным редактором издательства «Молодая гвардия». Теперь он доктор филологических наук, пушкиновец, шолоховед. Владимир Васильевич Червяков после целины стал заместителем редактора прекрасного журнала «За рубежом», затем создал фирму по распространению прессы. Все журналисты «Молодого целинника» успешно работали в московских изданиях, а сейчас стали писателями. Юрий Калещук, Владимир Бараев, Адольф и Ада Дихтяри, Сергей Смородкин, Юрий Чернов, Элла Матонина, Эдуард Хруцкий выпустили по несколько книг. Адольф Дихтябрь, незадолго до смерти написал пронзительный цикл стихов о Чечне. Галина Безносова стала директором православной гимназии в Козельске – рядом с Оптиной пустыней.

Я встречаюсь с целинными журналистами. Поразительно порядочные, светлые, талантливые люди. Не вписываются в тепе-

решнюю жесткую коммерческую журналистику. Они другого состава. Они настоящие, не продающиеся, верные себе и нашему целинному замесу.

Вы убедитесь в этом, если прочтете в следующем разделе книги публикации о наших целинных газетах. Эти материалы взяты главным образом из юбилейных номеров газет и из Интернета.

К юбилею «Целинного края» я написала моим коллегам-журналистам:

*Моя целинная семья,
Мое распахнутое Я,
Элитный семенной запас,
Я пью за вас, друзья, за вас!*

*За вас, кто залежи души
Не запахал, не задушил,
Кто в этот злой, безумный век
Остался просто ЧЕЛОВЕК!*



Раздел 2.

ЦЕЛИННЫЕ ЖУРНАЛИСТЫ О ПРОФЕССИИ, ГАЗЕТАХ И КОЛЛЕГАХ

«Целинный край» – «Целиноградская правда»

Из истории газеты

В январе 1970 года, когда я уже ушла из газеты, редакция праздновала пятидесятилетний юбилей и выпустила к этой дате специальный номер газеты «Целиноградка». В ней очень интересно было прочесть об истории нашей газеты: от окружной до краевой и снова до областной. Менялся курс, территориальное деление, уровень издания и учредитель. Каждый раз менялось и название. По истории этой газеты можно проследить всю историю советской печати. Но самой яркой вспышкой в истории газеты было целинное время, а конкретнее – время «Целинного края».

Областные и краевые газеты

14 октября 1939 года в составе Казахстана, на территории, отошедшей от Северо-Казахстанской и Карагандинской областей, была образована еще одна область – Акмолинская, включившая в себя семнадцать районов. Из районного центра Карагандинской области Акмолинск превратился в областной центр. Тогда же был решен и вопрос об издании областных газет «Акмолинская правда» и «Сталин туы». Первоначально они выпускались как органы оргбюро ЦК КП(б) Казахстана и оргкомитета Президиума Верховного Совета КазССР по Акмолинской области, затем получили статус органов Акмолинского обкома, горкома КП(б) Казахстана и областного Совета депутатов трудящихся.

«Акмолинскую правду» редактировал И. Т. Березовский, при-
сланный из Москвы, «Сталин туы» – А. А. Айзахметов.

Обе областные газеты формировались на основе редакцион-
ных коллективов и типографии ранее издававшихся в Акмолин-
ске русской и казахской районных газет.

Сказывалась нехватка опытных работников, отсутствие цин-
кографии, слабость полиграфической базы: старые, избитые
шрифты, набор производился вручную, тиражи печатали на пло-
ской машине, изготовленной в Германии еще во второй полови-
не XIX века. Несмотря на все это, газеты выходили регулярно.

Редакции занимали обособленные здания, но во время Вели-
кой Отечественной войны в связи с наплывом эвакуированных
их пришлось потеснить, разместив в одном помещении – на
верхнем этаже бывшего жилого полутораэтажного деревянного
дома дореволюционной постройки по улице Пролетарской, 28
(угол современных улиц Мира и Ленина; теперь на этом месте
находится парадный вход «Интурист» гостиницы «Ишим»).
Нижние полуподвальные комнаты занимали бухгалтерия изда-
тельства, обслуживающий персонал. Типография располагалась
наискосок через улицу, в бывшем доме Г. В. Хальфина, там, где в
1975 году был сооружен памятник В. И. Ленину.

В 1956 году редакция «Акмолинской правды» с улицы Мира,
12 (до переименования – Пролетарская, 28), перекочевала в ка-
менное здание (улица Ленина, 77, дом, в котором до революции
находилась конфетная фабрика К. Б. Кошегулова). На улицу Ле-
нина, 68, переехала также и редакция «Сталин туы» (этот одно-
этажный деревянный дом снесен, место занято междугородней
телефонной станцией).

Как известно, в целях улучшения руководства хозяйственным
и культурным строительством в северных областях республики
и наиболее полного использования их ресурсов Президиум Вер-
ховного Совета Казахской ССР Указом от 26 декабря 1960 года
образовал Целинный край, включив в него Акмолинскую, Кокче-
тавскую, Кустанайскую, Павлодарскую и Северо-Казахстанскую
области с административным центром в городе Акмолинске.

Одновременно была упразднена Акмолинская область, а ее районы отнесены в непосредственное подчинение Целинного края.

Хотя край и был создан, но газеты своей еще не имел. На первых порах продолжали выходить «Акмолинская правда» и «Сталин туы» в качестве органов Целинного крайкома КП Казахстана и краевого Совета депутатов трудящихся.

Лишь 14 февраля 1961 года вместо прежней областной вышла казахская краевая газета «Тын олкеси», редактируемая У. Нурситовым, 15 февраля вместо областной русской – краевая газета «Целинный край», редактируемая Г. К. Объедковым, а 13 марта – вновь созданная краевая молодежная газета «Молодой целинник», редактируемая В. О. Осиповым.

20 марта 1961 года Указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР Акмолинск переименовывается в Целиноград, а Указом от 24 апреля 1961 года образуется Целиноградская область из 14 районов с центром в Целинограде. Бывший Акмолинский район стал называться Целиноградским.

В отличие от других областей, входивших в состав Целинного края, Целиноградская область своего печатного органа не получила. Исходя из возросших требований, крайком партии счел необходимым редакции «Целинного края», «Тын олкеси» и «Молодого целинника» перевести в новое пятиэтажное здание по улице Мира, 53, занимаемое теперь северным корпусом медицинского института.

19 октября 1965 года Президиум Верховного Совета Казахской ССР издал Указ о ликвидации Целинного края. С ликвидацией края упразднялись и краевые газеты «Целинный край», «Тын олкеси», «Молодой целинник». Газета «Молодой целинник» прекратила свое существование вообще. Вместо «Целинного края» стала издаваться областная «Целиноградская правда», вместо «Тын олкеси» – областная «Коммунизм нуры».

Через некоторый срок в связи с перестройками и сокращениями некоторых организаций, функционировавших при Целинном крае, редакции газет «Целиноградская правда» и «Коммунизм

нуры» с улицы Мира, 53, переехали на центральную площадь города, в Дом Советов (<http://www.astana.dan.kz>).

В редакции «Красного вестника»

Сергей Николаевич Марков – широко известный в Советском Союзе и за рубежом русский писатель, автор книг «Юхонский ворон», «Земной круг», «Идущие к вершинам», «Голубая ящерица», «Соленый колодец», «Арабские часы», стихотворных сборников «Радуга-река», «Земные корни», «Небесные горы» и других. Сейчас он живет и работает в Москве.

Свой творческий путь Сергей Николаевич начинал в Акмолинской уездной газете «Красный вестник».

В начале 1920 года 14-летним подростком я пришел в редакцию «Красного вестника». Так называлась первая советская газета в Акмолинске, издававшаяся Революционным комитетом и другими руководящими органами Акмолинского укреплённого района.

Редактором «Красного вестника» в то время был Лотоцкий. Газета печаталась на желтой бумаге, на ее страницах преобладал официальный материал – декреты и распоряжения власти.

Типография «Красного вестника» находилась отдельно от редакции, в домике возле крепости, рядом с еще существовавшей тогда деревянной башней. Из первых типографщиков я помню Дубицкого, Панкратова, Некрасова, печатавших «Красный вестник» вручную на машине-американке.

Газета рассылалась по акмолинским учреждениям, распространялась в розницу. Разносчиком газет был подросток Коля Петкевич, известный всему городу. Лично я выполнял множество технических заданий по редакции – клеивал номера газеты в бандероли, писал адреса подписчиков, составлял списки на рассылку газет.

Вскоре под псевдонимом «Сергей Вологодский» я напечатал стихотворение «Революция». Так началась моя литературная деятельность в акмолинской газете...

С течением времени вместо «Красного вестника» в Акмолинске стала выходить газета «Маяк степи». Печаталась она уже на белой бумаге, более красивыми шрифтами. Редакторами «Маяка степи» были: Васильева-Береза, Полухин, Иванов, Суханин, а единственным штатным литературным работником долгое время трудилась Антонина Возняк – первая журналистка Акмолинска. Сейчас она живет в Новосибирске.

В «Маяке степи» я печатал стихи, фельетоны и заметки на местные темы. Теории газетного дела все мы, разумеется, не знали, работали, полагаясь па чутье. И все же в какой-то степени нам удавалось освещать жизнь города и огромного Акмолинского уезда.

В «Маяке степи» я, помнится, напечатал однажды поэму из жизни Караганды времен английского владычества – «Мистер Бэльдон».

В 1925 году А. Возняк и я были вызваны в губернскую газету «Мир труда» (впоследствии «Степная звезда») в Петропавловск. Там я работал литературным сотрудником при редакторах Т. Е. Дейнеге, А. И. Долотове, П. В. Феоктистове года два. После этого целая группа петропавловских журналистов была приглашена для работы в газете «Советская Сибирь» (Новосибирск).

Из старейших журналистов Казахстана могу назвать еще Павла Иосифовича Мануйлова, ныне работающего в журнале «Охота и охотничье хозяйство» (Москва). В двадцатых годах он был секретарем редакции газеты «Мир труда» в Петропавловске.

В 1930 году в Акмолинске мне удалось получить важнейшие материалы о проблеме водоснабжения Центрального Казахстана. Сведущие люди рассказали о том, что в «безводных степях» имеются скрытые источники, зачастую даже огромные подземные бассейны. Я узнал также, что река Нура, вообще издавна считающаяся ненадежной, не раз пытавшаяся изменять свое течение, весной 1930 года прорвала собственный правый берег... и слилась с Ишимом, превратившись, по существу, в его приток.

Причиной этого несчастья была неправильно возведенная земляная плотина возле сопки Акмола. Плотина эта увеличивала напор нуринских вод на неукрепленный правый берег. Настал день, когда Нура хлынула в размытые овраги Саркараминского водораздела, – там уже нашла путь к озеру Кум-Куль, вторглась в реки, впадающие в Ишим, и, по существу, соединялась с ним. Все это произошло в то время, когда началась постройка угольного великана – Караганды. Ей угрожало безводье! Медлить было нельзя! Возвратившись в Москву, я напечатал в «Известиях ЦИК и ВЦИК» статью «О песчаных морях, убегающих реках и новых плацдармах социализма».

Вскоре после этого меня пригласили в президиум Государственной плановой комиссии при Совете Народных Комиссаров СССР и попросили более подробно рассказать о вопросах, задетых в моей статье. Я очень волновался, понимая, что меня принимают, скорее всего, за гидрогеолога и поспешил рассказать о трудах Терлецкого, Яковлева и других ученых-исследователей.

Президиум Госплана СССР, выслушав меня, постановил просить правительство отпустить значительные средства для того, чтобы срочно решить проблему водоснабжения Караганды, овладеть богатствами подземных источников Казахстана.

...Я люблю вспоминать историю с убежавшей рекой, потому что мои печатные работы не расходились с тем духом, которым всегда жил горьковский журнал «Наши достижения», а в нем я печатался не раз.

Я вспоминаю о «Красном вестнике» и «Маяке степи», о замечательном краеведе-исследователе акмолинских степей Леониде Федоровиче Семенове, короче говоря, – о первых деятелях советский культуры в тогда еще глухом городе, затерявшемся в метельных степях.

Среди этих людей в начале 20-х годов мне особенно памятливы труженики первых советских газет Акмолинска.

Сергей Марков

Об этом писала наша газета

«Мы переходили с фронта на фронт...»

Выписка из протокола № 5 заседания, упарткома от 4 декабря 1920 года. Присутствовали: Иванов, Бак, Катченко и от РКСМ тов. Греков. Слушали: о газете.

Постановили: Признать необходимым довести выпуск газеты до 3-х раз в неделю, руководствуясь при этом инструкцией Губбюро по изданию газеты, сократив для этой цели до самых крайних пределов заказы разных учреждений. Вместе с этим создается редакционная коллегия из представителя парткома и исполкома и полиграфическая коллегия из представителей увоенкомата и заведующего типографией и представителя парткома, под общим председательством председателя парткома. От упарткома выдвинут Бак.

Целиноградский областной Госархив. Ф. 152, оп. 1, д. 7, л. 180.

От редакции: газета «Коммунист» с 22 января 1921 года не выходила из-за недостатка бумаги.

«Коммунист», 17 марта 1921 г.

Доводится до сведения всех общественных сотрудников «Маяка степи», что редакция производит выплату гонорара 1-го и 15-го числа каждого месяца по ставкам:

статьи передовые	– 30 коп. строка
статьи простые	– 20 коп. — //
стихотворения	– 30 коп. — //
хроника	– 25 коп. — //
фельетоны	– 30 коп. строка.

Просьба присылать рукописи, отчетливо написанные на одной стороне листа.

«Маяк степи», 4 августа 1923 г.

Откликнулись

9 октября с. г. согласно Постановлению общегородского собрания всех организаций секций полиграфистов на очередном собрании выделен рабочий корреспондент (1) для сотрудничества в газете «Маяк степи».

Остальные месткомы! Поспешите сделать то же!

Редакция «Маяк степи», 4 августа 1923 г.

До сих пор еще недостаточно оценивается труд работника печати, а труд этот далеко нельзя назвать легким, так как он требует массу умственной энергии, которая, нельзя сказать, чтобы не отражалась на физической и духовной жизни работника печати. Малейшее угнетение душевного состояния окончательно парализует мысль работника печатного дела! Печать должна быть и будет здоровой.

«Маяк степи», 14 ноября 1923 г.

Обнажим головы!

Сегодня мы печатаем сообщение о тяжелой утрате одного из лучших кресткоров Сибири.

Убит тов. Носиков.

Крепкий, стойкий, до самоотверженности преданный идеям коммунизма, не пришелся он по нутру черным силам деревни.

Товарища Носикова нет. Но есть сотни и тысячи Носиковых.

Каждый день ширится их рать.

Каждый день сливаются они в одно целое, в торжество нового, советского, а через последнее – в коммунизм.

Торжество кулацкого произвола – мгновение. Торжество коммунизма – века.

Рабкоры! Кресткоры! Не дрожать, а крепче перо в мозоли пальцев!

В мозг же вобьем:

Борьба с темнотой. Борьба с невежеством, с поповско-кулацким засильем. И проповедь нового социалистического – наш удел, удел рабкории и кресткории.

«Маяк степи», 7 июня 1924 г.

В 1929 году газета «Новая степь» имела более 2,5 тысячи подписчиков. За год получено свыше 2 тысяч писем. Только о ходе хлебозаготовок опубликовано более 300 писем селькоров.

Несмотря на то, что со дня выхода «Новой степи» исполнился только один год, все же она, при выпуске одного раза в неделю, показала себя действительным оружием классовой борьбы, действительным организатором трудящихся масс!

«Новая степь» своевременно реагировала на политические задачи партии и соввласти в обстановке реконструктивного периода, ведя борьбу со всякими уклонами, шатаниями внутри партии, особенно ярко проявляющимися на практике, освещая усиление социалистического строительства и успешное выполнение пятилетнего плана народного хозяйства округа. В день годовщины и перехода на выпуск 2 раза в неделю ОК ВКП(б) передает горячий привет и надеется, что «Новая степь» и впредь останется действительным организатором, мобилизующим внимание трудящихся округа вокруг усиления темпа социалистического строительства.

«Новая степь», 20 октября 1929 г.

Организовать массовый поход за дирижабль «Правда»

Центральный орган нашей партии газета «Правда» начала кампанию за сбор средств на постройку первого советского дирижабля. Инициатива работников «Правды» уже подхвачена широкими слоями работников области. Коллектив сотрудников газет «Новая степь» и «Жана арка» отчислили на постройку дирижабля «Правда» 27 рублей.

«Новая степь» обращается к своим читателям, к редакциям газет «Знамя колхоза» (г. Атбасар) и «Энбек туы» (Спасский завод), к профсоюзным и другим общественным организациям и ко всей общественности с призывом поддержать почин работников «Правды» и развернуть широкую кампанию за сбор средств на постройку первого советского дирижабля. Даешь мощный советский дирижабль!

«Новая степь», 10 октября 1930 г.

Каждая деревня должна иметь селькора

Революция раскачала деревню, но хозяйственная разруха сильно замедлила рост ее развития. Нынешняя деревня уже не та, она начинает тащиться к свету, ее начинает интересовать вопрос, касающийся не только ее личной жизни, но жизни всего государства. Нужно дать ей разобраться в этом. К этому и призвана газета.

Недостаточно, чтобы в газете писалось для крестьянина, нужно, чтоб крестьянин писал в газету, отмечая свои достатки и недостатки, указывая на то, что мешает развиваться деревне, дабы это можно было устранить. Для этого и организуются сети крестьянских корреспондентов. Каждая деревня должна иметь сельского корреспондента.

«Новая степь», 19 декабря 1933 г.

Редактор Березовский

Акмолинск. 1939 год. Осень. Создается Акмолинская область. В редакции районной газеты, которую возглавлял Лука Ильич Верховец и на базе которой должна была выпускаться вновь создаваемая областная «Акмолинская правда», только и разговору, что о новом редакторе Березовском. Его еще никто из акмолинцев не видел (он должен был со дня на день приехать), но слухи, опережая события, делали свое дело.

В то время я работал учителем. Активно сотрудничал в районной газете, и потому на правах «своего человека» мог запросто приходить в редакцию.

Хорошо помню: в кабинете у Верховца сидели секретарь редакции Данилов, штатный литсотрудник Зиновьев и я. Неожиданно отворилась дверь. В сопровождении райкомовского товарища вошел мужчина средних лет в черном пальто, стриженный ежиком, с залысинами на лбу и выпуклыми глазами.

– Березовский, – представился он, по очереди всем подавая руку.

Десять лет пробыл я при Иване Тимофеевиче ответственным секретарем «Акмолинской правды» и все эти годы видел его в движении и хлопотах. Только что закончилась война. Всюду и во всем большие трудности. «Акмолинская правда» не имела хорошей полиграфической базы, цинкографии, телетайпа, испытывала острейшую нехватку квалифицированных кадров. С каждым номером бились до 2-3 часов ночи, а то и до утра.

Людей Иван Тимофеевич щепетильно берег. Стоило кому-нибудь из сотрудников заболеть, как он начинал лично обзванивать поликлиники, врачей, аптеки, доставать дефицитные лекарства, а в случае необходимости непременно оказывал и материальную помощь. При его же неослабном содействии добывались квартиры, топливо, овощи и картофель на зиму.

Газету он ежедневно читал сам, подписывал ее в свет собственноручно.

При «ночных бдениях», устав от работы, чтобы немного «размяться», подходил к кому-нибудь (чаще всего к ответсекретарю) и, улыбаясь, пошевеливая большим и указательным пальцем, произносил свою обычную, всем знакомую фразу:

– Темеке бар ма?

Это значило, что редактор хочет закурить и по-казахски спрашивает, есть ли табак.

Закурив, он (если был партнер) садился сыграть партию-другую в шахматы.

Личная обаятельность Березовского скрашивала многие наши редакционные невзгоды, облегчала труд, плачивала людей.

А. Дубицкий

Не вернулся

Мне хочется рассказать о моем друге, журналисте Луке Ильиче Верховце, который не вернулся в редакцию с фронта. С Лукой Ильичем я познакомился летом 1937 года, когда он был направлен на должность редактора газеты «Акмолинский ударник». Проработали мы с ним несколько лет.

Грянула Великая Отечественная война. Я и Верховец в составе 310-й дивизии направились на фронт. Верховец был назначен политруком отдельного зенитного батальона. Трагедия наступила в первый день боевого крещения. Зенитчики расположились в лесу около ст. Жихарево, где предполагалась выгрузка подразделений нашей дивизий. Налетела большая группа немецких бомбардировщиков. Зенитчики открыли заградительный огонь. Лука Ильич, как мне рассказывали потом товарищи, личным примером воодушевлял бойцов. Он говорил, что фашистов нельзя допустить до станции, так как там идет выгрузка наших войск.

Встретив сильный огонь, немецкие бомбардировщики обрушили удар на зенитчиков. Во время этого боя и не стало в живых моего друга, Луки Ильича Верховца, – честного коммуниста, стойкого воина и журналиста.

В. Гончаренко, журналист-пенсионер

Нам – 50 лет

Стремительно летят годы. В суматохе редакционной предпраздничной подготовки, когда все почему-то стали вспоминать прошлое, кто-то назвал меня ветераном нашей газеты. Я сразу не придавал этому значения, приняв за шутку. А когда на досуге подумал, то пришел к выводу, что в какой-то степени это так.

Пришел я в «Акмолинскую правду» осенью 1945 года. Газета меняла свое названия. Была «Целинным краем», сегодня – «Целиноградская правда». Но как бы то ни было, это та же газета, где без малого 25 лет назад я начинал с заведующего отделом партийной жизни. Помню первый подготовленный для нее материал в октябрьский номер. Это был репортаж с областной выставки. Думаю, что для тех, кто делает сегодня «Целиноградскую правду», небезынтересно будет узнать, какой была ее предшественница. «Акмолинская правда» размещалась тогда в четырех маленьких комнатках деревянного домика, который стоял на месте нынешней гостиницы «Ишим». Формат газеты – две полосы

шершавой бумаги. Делали ее четыре отдела: партийной жизни, сельского хозяйства, промышленности, писем. К этому следует добавить, что предельным образовательным уровнем работников редакции была десятилетка.

Набор типография чаще всего вела вручную, а печатала шеститысячный тираж на плоской машине. Не было и чудо-телетайпов. Всю ночь просиживали радистки за радиоприемниками, чтобы заполучить союзную или иностранную информацию. А сообщения из Алма-Аты получали по телефону. Если материал оттуда шел размером в газетную полосу, то на столе у секретаря редакции скапливались буквально килограммы телеграфных бланков.

Так было. Прошли годы, а газета наша не постарела, а наоборот – помолодела, но возмужала, раздалась вширь, на четыре полосы формата «Правды». Стала мудрее – ставит проблемы и часто подсказывает, как их лучше решать. Похорошела наша газета, стала красивее одеваться, то бишь верстаться. Произошла ломка голоса. Он окреп. А главное – к нему стали больше прислушиваться.

А сегодня мы именинники. Нам сегодня пятьдесят. Начало областной газете было положено «Известиями Акмолинского уездного Революционного комитета», первый номер которой вышел 3 января 1920 года. Ее редактором-издателем был уездный Ревком. Она была напечатана в Акмолинске, в Советской типографии, которая размещалась по улице Театральной, в доме 57. Рожденная в первые годы победы Октября, тревожные дни гражданской войны, газета боролась за упрочение власти рабочих и крестьян, вела непримиримую борьбу с внутренними и внешними врагами революции.

Очень характерен в этом отношении первый номер газеты «Известия Акмолинского уездного Революционного комитета». В ней обширная информация с фронтов гражданской войны, передовая статья «К сельскому населению», в которой содержится призыв, что к весне, к весенним полевым работам не должно остаться следа от колчаковского разорения. Коммунистическая партия зовет в свои ряды рабочих и крестьян». Это – одна из важных, актуальных рубрик первого номера газеты.

Отличительная черта газеты, родившейся в те дни, правдивость, страстность, идейная убежденность. «Известия» выходили три раза в неделю и впоследствии стали органом Акмолинского Укома РКП(б) и Уисполкома.

Со временем менялись названия газеты. Издавались «Красный вестник», «Коммунист», «Маяк степи». С октября 1928 года по 1 января 1932 года газета выходила под названием «Новая степь». Она являлась органом Акмолинского окружкома партии, окрисполкома и оргбюро профсоюзов.

После ликвидации округов с августа 1930 года газета выходила под названиями «Новая степь», «Акмолинский ударник», «Сталинский путь», как орган Акмолинского райкома партии и райисполкома, райпрофсвета и горсовета. С образованием Акмолинской области 28 октября 1939 года на базе районной была создана областная газета «Акмолинская правда», которая выходила до 15 февраля 1961 года, когда она была преобразована в краевую «Целинный край».

Двадцатилетие существования «Акмолинской правды» (1939–1961) – это предвоенные, военные и послевоенные годы. Главная тема газеты в этот период – более полное использование резервов и возможностей сельскохозяйственного производства, промышленности, мобилизация сил на отпор врагу, помощь фронту, воспитание трудящихся в духе беззаветной преданности партии, Родине. Газета явилась инициатором создания в производственных коллективах ударных фронтовых бригад, сбора подарков и теплых вещей для воинов. В составе одной из делегаций трудящихся области, отправившихся на фронт с подарками, был и тогдашний редактор газеты «Акмолинская правда» И. Т. Березовский.

Со страниц «Акмолинской правды» в годы войны и первые послевоенные годы вся республика узнала имя знатного акмолинского колхозника П. Елемесова, выступившего инициатором высокопроизводительного использования лобогреек на уборке хлеба. В Казахстане широко развернулось движение тружеников полей, получившее название елемесовского.

Большим был вклад газеты в борьбу за увеличение производства зерна. В 1958 году государство получило от тружеников Акмолинской области 221 миллион 100 тысяч пудов хлеба, за что была награждена орденом Ленина. Журналисты «Акмолинской правды», ее многочисленный рабселькоровский актив немало сделали для того, чтобы вырастить и вовремя убрать богатый урожай. Целевые номера и тематические страницы, выездные редакции газеты в решающих хлебных районах, широкий показ опыта лучших механизаторов и своевременная критика недостатков во многом способствовали успеху. За глубокое освещение сельскохозяйственной тематики, практики руководства сельским хозяйством газета и отдельные ее работники неоднократно являлись участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и награждались бронзовыми медалями.

С 1961 по 1965 год издавался «Целинный край». Газета освещала жизнь трудящихся Целиноградской, Кустанайской, Северо-Казахстанской, Кокчетавской и Павлодарской областей. За эти годы здесь было освоено дополнительно 17 миллионов гектаров земель. Только за первые три года в Целиноградской области, например, посевные площади увеличились более чем в четыре раза, а валовые сборы зерна – в 6 раз. За 16 лет после освоения целинных и залежных земель совхозы и колхозы области продали государству 1 миллиард 617 миллионов пудов хлеба, в среднем по 108 миллионов пудов в год.

Газета часто выступала инициатором ценных начинаний, направленных на быстрое освоение веками пустовавших земель, широко освещала то новое, что принесла с собой целина. Каждая страница «Целинного края» – это волнующий рассказ о героизме людей, пришедших в казахстанские степи, чтобы вместе со старожилами, используя их опыт, поднять к жизни ковыльную степь.

Заслуга газеты в поднятии и разработке многих проблем целины и, в частности, во внедрении безотвальной системы обработки почвы, предложенной коллективом Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства в Шортандах. На страницах «Целинного края», а затем «Целиноградской

правды» систематически выступают ученые ВНИИЗХ с актуальными статьями о новой системе земледелия, позволяющей эффективно вести борьбу с ветровой эрозией, о комплексе агротехнических мероприятий, наиболее эффективных в условиях целинного земледелия. К чести газеты, многие статьи академика А. И. Бараева, имеющие важное значение не только для хлеборобов Северных областей Казахстана, но Сибири и Алтайского края, впервые были напечатаны на ее страницах.

С 1 января 1966 года на базе «Целинного края» стала выходить областная газета «Целиноградская правда». Это был период, когда страна начала подготовку к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Под рубрикой «К 50-летию Советской власти» публиковались тематические страницы «Пламенные годы» – своеобразная история области в документах и фотографиях. Под общей рубрикой «Напишем историю городов и сел» печатались социально-экономические очерки и статьи, в которых рассказывалось о боевых и трудовых делах земляков, о том, как изменяется облик сел, городов и аулов области.

«Целиноградская правда» издается в одной из крупнейших хлебных областей республики. И естественно, что на ее страницах преобладает сельскохозяйственная тематика. В дни важнейших сельскохозяйственных кампаний, как весенний сев и жатва, этим вопросам, как правило, отводятся две, а то и три страницы. Разнообразные по форме и жанрам, материалы эти подчинены главному – мобилизации тружеников села на выполнение задач, стоящих в тот или иной период сельскохозяйственных работ. Хорошо рекомендовали себя такие формы показа работы в поле, как производственные портреты героев страды, дневники сева и жатвы, сельскохозяйственные обозрения, Доски почета и трудовой славы, репортажи с места события, переключки мастеров и другие.

Газета широко освещает жизнь партийных организаций области, их организационную и мобилизующую роль в осуществлении задач хозяйственного и культурного строительства. Большой популярностью пользуются молодежные страницы «Факел», которые печатаются регулярно.

На страницах газеты находят место вопросы работы предприятий промышленности и транспорта, строительства. Их деятельность анализируется через призму экономической реформы. Шире стали освещаться в газете вопросы культуры, спорта и внутренняя информация.

Редакционная коллегия, отделы газеты расширяют и разнообразят формы и методы массовой работы. Хорошо зарекомендовали себя «Круглый стол» «Целиноградской правды», «Общественная приемная», встречи и творческие отчеты редакции перед читателями. Благодаря всему этому растет популярность газеты. В 1969 году ее тираж достиг 62 тысяч экземпляров, а нынче – 67 тысяч, почта редакции за год превышает 8 тысяч писем, статей, корреспонденций трудящихся, что говорит о тесной связи газеты с массами.

Ф. Файда, Заслуженный работник культуры Казахской ССР

О КОЛЛЕГАХ И ПРОФЕССИИ

В редакции было много замечательных журналистов. О некоторых я уже рассказала. В юбилейной газете напечатан очень интересный отрывок из повести «Дивизионка» известного писателя М. Алексеева об Андрее Федоровиче Дубицком, старейшем журналисте нашей газеты. Он дожил до 90 лет. Привожу здесь публикации об этом юбилее и отклики на его кончину.

Далее идут публикации из юбилейного номера газеты о других журналистах. Привожу их потому, что там есть много поучительного о журналистской профессии.

Андрей Федорович Дубицкий

Михаил Николаевич Алексеев – известный писатель, автор книг «Солдаты», «Наследники», «Дивизионка», «Вишневый омут», «Хлеб – имя существительное», «Карюха» и других. Сейчас он редактор журнала «Москва».

В 1942 году М. Н. Алексеев находился в Акмолинске, где формировалась 29-я (72-я гвардейская) стрелковая дивизия. Отсюда он ушел на фронт. Одно время вместе с А. Ф. Дубицким работал в дивизионной газете «Советский богатырь».

Ниже печатается отрывок из повести «Дивизионка».

Как я познакомился с Дубицким

У времени и у судьбы свои законы, свои права. Надо ж было, чтобы начальнику политотдела дивизии полковнику Денисову спустя полгода после сталинградского побоища пришла в голову более чем неожиданная мысль – представить меня на должность заместителя редактора дивизионной газеты...

...Как приговоренный, подходил я к редакции. Еще издали увидел блиндаж, а возле него, у входа, две кудлатые головы, склонившиеся над листом бумаги; рядом на каких-то странных, отродясь не виданных мною ящиках лежали такие же странные доски с множеством клеточек – очень похожие на пчелиные соты.

Укрывшись за деревом, я стал наблюдать за теми двумя, кудлатыми. Одного узнал сразу – это был тот самый сапер, что однажды навещал нас. «Вот он какой, Степной!» – мелькнуло в моей голове, и мне почему-то сделалось еще тоскливее. Теперь на узких плечах сапера куцыми крылышками лежали погоны младшего лейтенанта. Второй, совсем юный, краснощекий, черноглазый, отчаянно жестикулируя, громко, с завыванием читал стихи, выдать, только что сотворенные им.

*Я трубку снял. Сквозь вой метели,
Расслышанные мной едва,
До слуха быстро долетели
Ее прелестные слова...*

Сапер морщился и молчал. Черноглазый смотрел на него умоляюще и начинал снова:

Я трубку снял...

– Лучше бы ты ее не снимал, – мрачно перебил сапер.

– Это почему же? – страшно удивился поэт.

– Глядишь, не было б этих твоих стишат. «Ее прелестные слова». Гм, «прелестные»!.. Ты еще напиши: жемчужные! Скверно, друг мой Кузес, скверно и пошло. Девка сидит на коммутаторе, задерганная непрерывными звонками до такой степени, что, того и гляди, выматерит тебя. А ты – прелестные!

Холодок забрался под мою гимнастерку: мне стихи Кузеса ужасно понравились и больше всего именно – «ее прелестные слова». Но теперь я не признался бы в этом самому богу. Злые замечания худенького, мрачного младшего лейтенанта принуждали верить только им. Сапер между тем продолжал:

– Напиши «служебные». Это будет правда, а главное, – во сто раз поэтичнее.

...Когда кончился обед, я вышел из своего укрытия. Солдат – наборщик Миша Михайлов – проводил меня в землянку редактора капитана Шуренкова. Тихий, весь светленький, редактор, вопреки моим ожиданиям, обрадовался, узнав о моем назначении:

– Очень хорошо, очень хорошо!

– Ничего хорошего нет. Я ведь никогда не работал в газете...

– Ну что же. Очень хорошо. Будем учиться, – спокойно объяснил Шуренков и, высунувшись из землянки, позвал:

– Дубицкий! Зайдите ко мне на минутку! Знакомьтесь. Это наш новый сотрудник, – указал на меня редактор. – А это – секретарь газеты, младший лейтенант Андрей Дубицкий. Знакомьтесь...

Познакомились. Я – охотно. Дубицкий – без всякого воодушевления. Чтобы как-то расположить его к себе, я сказал про его очерк о минометной роте.

– Вы тогда почему-то подписывались чужой фамилией? – спросил я.

Дубицкий поморщился точно так же, как при чтении стихов Кузесом:

– Это мой псевдоним – Ан. Степной. Я родился и вырос в Казахстане, в степи...

Его высокомерие и откровенная издевка подействовали на меня самым неожиданным образом: я решил, что останусь в газе-

те и докажу этому новоявленному Печорину, что действительно не боги горшки обжигают.

«Постой же!», – думал я про секретаря, садясь вечером за сочинение первой своей корреспонденции. К утру статья была готова и сейчас же перекочевала в руки Дубицкого. Мне стало грустно. Готовый ко всему на свете, я все же был ошарашен тем, что услышал от Андрея.

– Роман сочинили, ваше сиятельство, – сообщил он мне, ядовито усмехаясь в свои рыжие казацьи усы. – С продолжением в десяти номерах будем печатать. По три колонки в каждом номере... Куда прикажете перевести гонорар?

Я рассвирепел:

– Довольно паясничать, товарищ младший лейтенант! Говорите, что думаете. И, пожалуйста, без дурацких сиятельств! Никуда не годится – так и скажите. Я и сам понимаю, что не бог вещь какое чудо сотворил...

Михаил Алексеев

Слово о настоящем человеке

30 октября – для города день особенный. Но город об этом не знает. Он живет своей размеренной жизнью, и ему невдомек, что в тиши воспоминаний и размышлений встречает свое 90-летие человек, жизнь которого наполнена дыханием каждой пяди теплой акмолинской земли. И нет у этой земли другого такого сына, который бы, невзирая на испытания, годы и разочарования, сохранил в сердце настоящую любовь к ней, близкой и родной матери-отчизне.

Говорить об Андрее Федоровиче Дубицком сложно. Его судьба, наполненная смыслом в любой из ее моментов, заставляет рассказчика находить самые важные слова, чтобы донести до читателя правду об этом удивительном человеке. Сам Андрей Федорович скуп на слова. «Все в моих книгах найдете», – просто говорит он. И каждый, кто хоть немного знаком с творчеством Дубицкого, сразу отыскивает памятью на полке своей библиотеки книгу, посвященную истории родного города. «Акмо-

ла – город славный», «Пройдемся по улицам Целинограда», «Город на Ишиме», – вот только некоторые из документально-исторических книг, посвященных дорогим сердцу Андрея Федоровича местам. А еще сотни написанных им и опубликованных краеведческих очерков и статей.

Заслуженным званием «Почетный гражданин Астаны» А. Ф. Дубицкий никогда ни кичился. Всегда скромный, внимательный, немногословный, он никогда не тратит время на суетное, фальшивое и пустое. Это и неудивительно, ведь Андрей Федорович – ветеран Великой Отечественной войны. Фронтовой корреспондент, он, рискуя жизнью, добывал сведения для фронтовых газет, которые были так необходимы для поддержания солдатского духа. Передо мной вырезка из пожелтевшей от времени газеты «Советский богатырь» за 1 апреля 1944 года. Среди заметок о ночном рейде в тыл врага и о подвиге трех советских воинов, уничтоживших 38 гитлеровцев, – рассказ «Журавли». Трогательный, чистый, пронизанный непередаваемой тоской по отчужденному дому, рассказ Андрея Дубицкого не сравнится ни с одной другой, даже самой героической передовицей по силе воздействия на солдатский дух. Только самые искренние слова могли заставить человека найти в себе нечеловеческие силы пройти сквозь жернова и адский пламень Второй мировой.

Это сегодня современные девочки и мальчики, чьи головы забиты прикидом, MTV и «компом», судят о войне по последней версии виртуального «Противостояния». А участник Сталинградской битвы Андрей Федорович Дубицкий все чаще и чаще вспоминает то, что пережил сам. «Творилось непривычное, невероятное. Впопыхах о себе самом и подумать некогда – настолько ошеломляюще быстро развивались события. Колонны пленных... После каждого боя недосчитывались товарищей, друзей. Но останавливаться нельзя было. Надо было идти вперед, не считаясь с усталостью, не раздеваясь на ночь, не переобуваясь, не умываясь. Питались как придется и где придется. Каждая отбитая у немцев землянка становилась не только шагом к победе, но и наградой. В ней можно было обогреться, смазать жиром

обмороженные щеки, оттаять стылый хлеб, вскипятить в котелке или консервной банке снеговой воды, запить ею сухарь из НЗ или трофейные галеты. Ночью в “трофейные” землянки набивалось столько народу, что спать приходилось сидя, тесно прижавшись друг к другу. Если места всем не хватало, кто-то по очереди должен был отбывать положенные часы снаружи, на морозе, который с наступлением темноты всегда, как назло, варварски свирепел, набирал ярость». Это строки из книги А. Дубицкого «Знойное междуречье» – повести о тяжелых и героических буднях Великой Отечественной.

Заслуженный работник культуры Казахстана, Андрей Федорович принимал участие практически во всех послевоенных съездах писателей Казахстана. А сам Иван Шухов дал А. Ф. Дубицкому рекомендацию в Союз писателей. Сборники рассказов «Донин садик», «Кованный шлем», «Улыбка», «Малиновый благовест» стали заметным событием в литературной жизни Приишимья. Много лет своей жизни Андрей Федорович отдал работе в областной газете «Акмолинская правда». Несмотря на послевоенную неустроенность, он с удовольствием вспоминает о тех временах. И это неудивительно, поскольку журналистский цех состоял из пришедшей с фронта молодежи. Техническая оснащенность редакции и типографии оставляла желать лучшего. На годы профессионального роста пришлось переход от ручного к линотипному набору, освоение ротационной печати. Однако это не мешало Андрею Федоровичу оставаться лириком и писать о своих земляках самые проникновенные очерки. Герои А. Ф. Дубицкого всегда честно делают свое дело. Таков и сам Андрей Федорович, никогда не поступающий истиной в угоду настроениям и власти имущим.

Вот и сегодняшний день Андрея Федоровича слишком скромнен для персонального пенсионера. Молодость – для любви, зрелость – для стяжания, старость – для размышлений – говорили древние. На молодые годы пришлась война, за зрелость стяжал Андрей Федорович себе лишь доброе, честное имя, а старость его полна переживаний за день сегодняшний и за день вчерашний. Волнует старого солдата, что в ноябре 1944 года его друг

Валентин Тихвинский погиб, подорвавшись на mine в машине. А он, младший лейтенант Андрей Дубицкий, остался жив, хотя ехал рядом со своим близким другом.

Вот уже несколько лет нет рядом с Андреем Федоровичем его любимой супруги. И только любимые писатели – Шолохов, Чехов, Гоголь, Есенин – да старые улочки любимого города согревают его большое сердце. Почти век порядочной, интеллигентной жизни. Как это непостижимо трудно и много для одного человека. Человека-совести, человека-защитника, человека-легенды. Низкий вам поклон, дорогой Андрей Федорович, спасибо, что Вы есть!

Елена Сапига

Газета «Инфо-Цес», выпуск 43, 27 октября 2005 г.

Ушел, отметив юбилей...

Умер Андрей Федорович Дубицкий, старейший акмолинский краевед.

Он видел, знал и любил город во всех его ипостасях, ибо родился в царском Акмолинске, на войну ушел из Акмолинска советского, а потом наступило время Целинограда, Акмолы и, наконец, Астаны. Он был своего рода константой города, успевшего за век кардинально измениться несколько раз. Связывал прошлое с настоящим, причем не только своими книгами и статьями.

Нет человека, который знал бы историю Астаны так досконально, как Дубицкий. Он перелопатил тонны архивных материалов, посетил сотни старожилов – по собственному желанию, не славы или наград ради. Любовь к городу, где родился, страсть к познанию его – это определяло жизнь Андрея Федоровича. А теперь его не стало. В прошлое воскресенье краевед отметил свой 90-летний юбилей.

Он говорил и писал об этом городе много – столько, сколько можно написать и сказать за всю жизнь. Что может сказать нынче о нем сам город? Умер Андрей Федорович Дубицкий, память Акмолинска, душа Целинограда.

Владислав Шнаков

<http://old.express-k.kzhttp:>

Он городу таланты посвятил...

Накануне наступления Нового года в Астане была открыта мемориальная доска памяти Андрея Дубицкого. В доме в самом центре города талантливый писатель, краевед, журналист, тонкий знаток художественного слова, вдумчивый исследователь богатейшей истории родных мест жил с 1965 по 2005 год, когда ушел из жизни в возрасте 90 лет. На торжественной церемонии заместитель акима Астаны Ермек Аманшаев отметил, что дата открытия доски символична и говорит о том, что с приходом нового мы не забываем и старого.

Андрей Дубицкий – человек нелегкой, но счастливой судьбы, – подметил его сын, присутствовавший на церемонии вместе с друзьями писателя, его однополчанами, государственными и общественными деятелями. В трудные военные годы Андрей Федорович был фронтовым корреспондентом, его стихи и репортажи с места боевых действий публиковали все центральные газеты. В мирное время А. Дубицкий, влюбленный в красоту казахстанской земли, стал исследователем Акмолинского края. Он автор книг «Акмола – город славный», «Город на Ишиме», «Пройдемся по улицам Целинограда».

Его послевоенная биография связана с газетой «Акмолинская правда», где Андрей Федорович был ответственным секретарем, заведующим отделом культуры. Став персональным пенсионером республиканского значения, он продолжал работать корреспондентом. Но, уйдя на пенсию в 73 года, А. Дубицкий до последнего дня своей жизни поддерживал связь с родной газетой, его журналистское перо по-прежнему оставалось энергичным, статьи, очерки, рассказы, воспоминания с неизменным интересом встречались поклонниками неувядаемого таланта Андрея Федоровича. Напряженную газетную работу члену Союза писателей СССР А. Дубицкому удавалось успешно сочетать с активной литературной деятельностью, о чем свидетельствуют сборники рассказов «Донин садик», «Кованый шлем», «Улыбка», «Малиновый благовест», повесть «Лихолетье», принесшие автору известность в республике. А в 1991 году, когда стал изда-

ваться журнал «Нива», А. Ф. Дубицкий вошел в состав редколлегии и все эти годы был постоянным его автором. Кстати, именно редактор «Нивы» Владимир Гундарев подал идею в столичные акимат и маслихат увековечить память почетного гражданина города мемориальной доской. Андрей Федорович Дубицкий был честным, скромным и порядочным человеком, интересной и многогранной личностью, одаренным писателем, настоящим летописцем и певцом родного края, оставившим заметный след на земле. Мы всегда будем гордиться таким замечательным земляком, – не раз говорилось на церемонии.

Асель Муканова
www.kazpravda.kz

Василий Григорьевич Шепель

Леонид Калашиников, наш поэт и певец, очень хорошо написал о Василии Григорьевиче Шепеле в журнале «Слово Кыргызстана». Они оба после целины жили и работали во Фрунзе. Василий Григорьевич был собкором «Правды», а Леня работал в республиканской газете. Я была в 1984 году во Фрунзе, виделась с ними. Василий Григорьевич был уже плох, болел и не работал. Вскоре и умер. И вот что написал Леня:

Тогда, в том октябре, десять лет назад, не стало Василия Григорьевича Шепеля. И на нашей земле стало меньше на одного прекрасного Человека, а в нашем журналистском деле стало меньше на одного большого Мастера.

В конце октября 61-го года из красивого южного города, где шел вовсю золотой листопад, где дни еще были полны солнца и тепла, а ночи – ярких светлых звезд, я уезжал в неизвестную мне столицу целинников со звучным именем Целиноград, данным самим Никитой Хрущевым, главным верховодом большой Советской державы, творцом «мартовской оттепели», каплей которой услышало и воспряло духом и сердцем целое поколение,

вошедшее в новейшую историю с гордым названием «шестидесятники».

Вот и я, один из них, из дружеских объятий южного города после почти двухсуточного переезда в набитом людьми общем вагоне оказался на перроне Целинограда. Ночь. Метель. И – тьма, зги не видно.

Переночевал на вокзале в грязном небольшом зале, где было чуть-чуть теплее, чем на улице. А утром в старом «москвичонке» всего за тогдашний рубль доехал до центра города. Когда уже хотел нырнуть в метельную круговерть, водитель спросил: «А куда тебе конкретно надо?»

– Я приехал в газете работать.

– В газете? Ишь ты куда. Выглядишь совсем мальчишкой. А в газетах, по-моему, работают солидные дяди. Ну да ладно. Не знаю, какая, но в двухэтажном деревянном доме, тут недалеко, есть редакция газеты, давай подвезу.

И уже минут через пять я стоял у двухэтажного деревянного дома и силился открыть тяжелую, замеченную снегом дверь.

Я тогда не знал, да и не мог знать, что открыл дверь, через которую я вошел в круг молодых, удивительно дерзких и талантливых, смелых в поисках точного слова, мысли людей, приехавших в эту редакцию, кто уже, как говорится, со своим пером, а кто, как я, только обрести его. Я открыл в тот день дверь и в мою судьбу... Поднявшись на второй этаж, метра через три-четыре от лестницы, на полуоткрытой двери прочитал «Шепель Василий Григорьевич, заместитель редактора». Вот к нему и надо. И я с чемоданом в руке предстал перед человеком, склонившимся над большим столом.

– Здравствуйте, – громко сказал я.

Человек за столом поднял желтые с зеленым огнем глаза и пристально пронзил меня взглядом.

– Здравствуй... – И взгляд его будто улыбнулся, стал удивительно добрым. – Ну, давай, чемоданный молодой человек, рассказывай, с чем и зачем ко мне.

– На работу приехал...

– Любопытно. Значит, еще один юный романтик. Наверное, и стихи пишешь про любовь. Был тут у меня вчера поэт с чемоданом своих сочинений. Читать мне стихи некогда. А для начала – как зовут?

Я отрекомендовал себя и при этом сказал, что приехал на практику в газету «Молодой целинник».

– Ну, это не к нам. Мы, молодой человек, «Целинный край» – краевая партийная газета. Серьезная газета. Хотя и у нас тоже почти все молодые журналисты.

Я взял чемодан.

– погоди, – остановил меня замредактора, – а что ты уже умеешь делать, Леня Калашников?

– Писать заметки, репортажи и зарисовки о людях...

– Любопытно... Да ты поставь чемодан. И расскажи мне, что еще ты умеешь делать. Может, я тебе что-то и предложу.

И не знаю почему, но я выпалил, что я еще хорошо пою.

– Хорошо поешь?.. Ну, это для меня уже совсем любопытно. Давай так: пока тебя там, в «Молодом целиннике», будут ждать, ты у нас поработаешь. Мы на тебя посмотрим и послушаем, как ты поешь. Но учти, я и сам пою, говорят, хорошо. Может, придет время и вдвоем споем... Если же всерьез, ты мне чем-то понравился.

И, не получив от меня ответа, согласен ли я, он поднял телефонную трубку, позвонил:

– Саша, зайди ко мне.

Рыжий, голубоглазый, молодой, чуть-чуть постарше меня человек вошел в кабинет.

– Познакомься, Саша, вот с ним, Леней Калашниковым. Возьми в свой отдел на полставки корреспондентом, а там посмотрим.

– Хорошо, Василий Григорьевич.

Саша, двадцатитрехлетний Александр Николаевич Платошкин, как я узнаю потом, был тогда самым молодым заведующим отделом сельского хозяйства. Одним из самых знающих село, оперативным, работающим пером и самым чутким товарищем, каким он стал для меня в те и в последующие годы до наших дней. Он

также вначале «прошел» через пристальный взгляд Василия Григорьевича Шепеля, когда приехал на целину из славного русского города Орла. Через два года Василий Григорьевич порекомендует его учиться в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. А после окончания ее будет работать в самой главной газете тогдашней страны – «Правде». Здесь он дорастет до редактора отдела, члена редколлегии, найдет себя и после так называемого демократического перелома. Сегодня он один из ведущих экспертов по вопросам агропромышленного комплекса в Госдуме России.

Но тогда, в 61-м году минувшего века, начав работать в Сашином отделе, так называли сельхозотдел все в редакции из уважения к молодому заведующему, я влился в дружный коллектив журналистов, где, как показало время, росло и созревало соцветье ярких газетчиков целинной пробы, самобытных людей, чьих жизней коснулась большая и неумная до конца дней жизнь Василия Григорьевича Шепеля. И оставила навсегда неизгладимый след, след по-отечески доброго человеческого участия.

Сколько, сколько у него, Шепеля, благодарных учеников. Уже упомянутый выше Александр Платошкин; известный писатель-деревенщик Анатолий Стреляный, ныне живущий в Праге и работающий на радиостанции «Свобода»; прекрасный поэт и публицист, один из руководителей любимой многими селянами передачи бывшего Центрального телевидения «Сельский час» Григорий Фрумкин; профессора МГУ Алла Горчева, Луиза Свистич, чьи ученики работают в нынешнем «Слове Кыргызстана», на республиканском телевидении. Белорусский журналист и писатель Олег Степаненко; руководитель пресс-службы Российской Госдумы Виктор Черемухин... Все они, как и другие, ставшие известными в том большом Союзе и теперь действующие перья в суверенных государствах ближнего и дальнего зарубежья, начали творческий путь в знаменитой в ту пору «хрущевской оттепели», дерзкой и молодой газете «Целинный край», издававшейся в столице целинного подвига – Целинограде.

А главным редактором, вскоре после отъезда в Москву первого редактора – правдиста Георгия Обьедкова, этого уникального

издания, которое в день выхода доставлялось в Кремль к куратору целины Никите Сергеевичу Хрущеву, был самый «старый» журналист газеты тридцатичетырехлетний Василий Григорьевич Шепель.

... Тогда, в 1961 году, очарованный личностью редактора и творческой атмосферой в редакции, я остался ее корреспондентом до последнего номера: после «падения» и снятия Хрущева с поста первого секретаря ЦК КПСС была прикрыта и газета, статьи которой нередко вставали наперекор позиции алма-атинской республиканской прессы по проблемам целины.

Но этот период творческой жизни и работы Василия Григорьевича был поистине звездным. Хотя уже до этого он был в свои двадцать семь лет собственным корреспондентом «Известий», а в тридцать – редактором областной газеты большой Кустанайской области. По тем временам такое считалось исключительной редкостью.

В книге «Страницы былого», вышедшей в Алма-Ате, Шепель, размышляя о том целинном времени, напишет: «Целина обжита... Но героика осталась, она приняла иные формы и носит не столько внешние эффектные одежды, сколько будничные, повседневные, и под этой каждодневностью скрыта гигантская творческая работа людей»... В этой гигантской каждодневной, духовной и творческой работе участвовал и пребывал он сам.

А говоря о предназначении журналиста, вывел кредо жизни: «Умение думать... Думать правдиво, по-человечески. Только в этом случае ты скажешь людям новое, что другим и не бросится в глаза. А думать – значит смотреть вперед, заставлять читателя вместе с тобой размышлять о настоящем, прошлом, будущем».

Этому он был и оставался верен и в своей правдивой, ясной журналистской строке, когда после целины переехал в Киргизию собственным корреспондентом «Правды», предпочтя нашу республику Москве, где ему в аппарате этой самой центральной газеты была предложена должность. И затем – на посту редактора «Советской Киргизии». И тогда, когда уйдя на «вечную должность» пенсионера всесоюзного значения, он не ушел от

дела – редактировал журнал «Пропагандист и агитатор Киргизстана». И тогда, когда уже зная, что тяжело болен, усилием воли и мужественного чуткого сердца писал страницы книги о целинной эпопее. Но выпало перо из рук большого журналиста, книга осталась незаконченной...

И в сегодняшнем октябре я помню о последней встрече с Василием Григорьевичем Шепелем. Он, усталый, тихо и грустно говорил мне, как трудно пишется книга о целине. О том, что очень важно человеку, когда жизнь его склоняется к закату, усилием совести и правды все передумать и многое переоценить и в себе, и в других, и во времени. И если в результате этой работы тебя согреет мысль, что ты не утратил веру в людей, значит, ты и сам был человеком...

Человеком сердца, ума и добропорядочности был и остался в нашей благодарной памяти Василий Григорьевич Шепель. И эти поэтические строки рассказывают тоже о нем.

*Надо мною ветры времени пели,
Сердце билось мое на разрыв...
Если жить – так чтоб искры летели!
Если плакать – так тоже навзрыд!*

Они выбиты на памятнике Василию Григорьевичу Шепелю. Тогда, в том октябре...

*А. Калашиников
«Слово Кыргызстана»*

Макс Израилевич Добренко

С точки зрения одессита

Да, я одессит – и горжусь этим. Так сказал однажды мой земляк Илья Ильф. Я родился в Одессе – чудесном черноморском городе, где мальчишки с молоком матери впитывают любовь к прославленной Потемкинской лестнице, по которой шли в город

матросы «Потемкина», домику Пушкина, знаменитому Приморскому бульвару, к морю, катакомбам, улицам и площадям.

Здесь прошло детство, началась юность. Отсюда уходил на фронт. Сюда вернулся после войны. А потом – снова прощание. Я сижу на берегу моря, у рыбацкого куреня и смотрю, как мой друг и одноклассник Володя Нефедченко смолит со своим отцом, старым рыбаком Кириллом Захаровичем, шаланду с сугубо одесским названием «Кефаль».

Моего друга зовут Володя. Он любит кефаль, свою старую шаланду, и потому совершенно не поддерживает мое желание уехать на целину.

– Слушай сюда, – пытается переубедить меня Володя, – неужели тебе Одесса надоела – так ты же в ней не был всю войну, а теперь снова уезжать надумал. А мы вот шаланду готовим – хотели весной взять тебя в море. Сам знаешь, какая красота! Нет, что ни говори, а одесситы должны жить в Одессе.

А меня уже манила целинная степь. Я ему и сказал все, что думал. Эшелон за эшелонам шли на Восток. Со всех концов страны ребята на целину едут. Так неужели одесситы отстанут, побоятся покинуть теплое море?

Володька был упрям и не хотел понимать меня. А вот его отец Кирилл Захарович понял. Старый рыбак сдержанно кашлянул в седые усы и сказал:

– Ну, это ты, Володька, загибаешь. Подумай только, умная голова, если все только в Одессе, Ялте да в Сочи отсиживаться будут... Одессит оттого не перестанет быть одесситом, если он на Чукотке или в Северном Казахстане доброе дело делает.

На Казанском вокзале веселая кутерьма. Готовится к отправке на Восток очередной комсомольский эшелон. Спрашиваю двух парней с эшелона:

– Куда едете?

– Да известно куда – в Акмолинск!

– Возьмите меня с собой...

– А ты кто: прицепщик или, может быть, тракторист? – Не без иронии спрашивают они.

– Да он, наверное, повар, – шутит одна из девушек, глядя на мою плотную фигуру.

Шутки шутками, а в эшелон посадили.

И вот, наконец, станция Акмолинск. Нашупываю, в кармане телеграмму. Я уже давно знаю ее текст наизусть: «Приезжайте на работу в редакцию газеты “Акмолинская правда”. Ждем. Редактор И. Березовский».

Выхожу на привокзальную площадь. Неподалеку стоят несколько легковых автомашин. Одна из них старенький газик. Дверца открылась, и навстречу мне шагнул невысокий человек в брезентовом плаще.

– Не из Одессы ли приехали к нам в редакцию?

– Да, из Одессы, к вам в «Акмолинскую правду».

– Я Эпов – завхоз редакции, – представился человек, а это – шофер Мельников. Поехали в гостиницу – место забронировано.

А утром мне показали маленький старый домик на центральной улице города, где помещалась редакция. Редактор Иван Тимофеевич долго со мной беседовал, рассказал немало интересного о городе, о том, сколько предстоит освоить целины. Не умолчал и о трудностях – газета только-только начала выходить на четырех полосах.

– А теперь, вы уж не обижайтесь, надо посмотреть, что вы можете, – сказал редактор.

Так я очутился в небольшом кабинете ответственного секретаря редакции А. Ф. Дубицкого. Не теряя времени, он сразу же предложил мне обработать два авторских письма. Одно из них о подготовке к весеннему севу я обработал сравнительно быстро. А со вторым пришлось повозиться.

Я отнес их в машинное бюро и попросил отпечатать. А через несколько минут Валентина Павловна Корякина принесла мне их обратно и без обиняков сказала:

– Не хочу вас обидеть, но ни одна из машинисток не может понять ни одного слова из того, что вы написали. Может, продиктуете?

В тот же день я познакомился еще с одним старожилом редакции – заведующим отделом партийной жизни Федором Моисеевичем Файдой. Парторг редакции как-то незаметно, не навязчиво завел со мной разговор. И вскоре он уже знал обо мне многое: где рос и учился, где воевал, когда стал журналистом. Он мне тогда рассказал немало интересного об «Акмолинской правде», в которой уже проработал 10 лет.

Появился приказ редактора – я заведующий отделом информации. Это было весной 1954 года.

И начались беспокойные будни. Один за другим мы встречали комсомольские эшелоны, ездили туда, где забивали первые колышки на месте будущих центральных усадеб совхозов. Почти 16 лет прошло. А до сих пор с волнением вспоминаю те незабываемые первые дни освоения целинных земель, первые шаги в «Акмолинской правде». Эта газета для меня, одессита, стала близкой и родной, многому меня научила. Я навсегда связал с ней, как и с целиной, свою судьбу. И никогда об этом не пожалею.

Макс Добренко
«Целиноградка», 3 января 1970 г.

Федор Моисеевич Файда

О друге

Никакими декретами не определено, какой именно по счету номер может быть юбилейным. Ведь даже в самом солидном возрасте газета должна остаться молодой. Она обязана, подобно звонку, каждое утро будить людей. Какой уж тут юбилей в привычном его понимании!

Однако нынче у нас юбилей, и все мы юбиляры. А поскольку в такой день принято говорить о юбилярах, хочется сказать слово о первом заместителе шефа – Федоре Моисеевиче Файде. Это юбиляр в трех степенях. Во-первых, он в общем списке юбиляров; во-вторых, ровесник «Целиноградки», а в-третьих, стукнуло уже без малого двадцать пять лет его бесперывной работе в нашей газете.

Трудно сказать, сколько выдано его пером материалов самых различных жанров. Если бы их все вместе издать, то, пожалуй, получился бы не один том, равный годовому комплекту газеты.

Многолетний труд снискал Федору Моисеевичу признание и уважение. Он награжден несколькими медалями, ему первому из журналистов области присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Казахской ССР». Словом, говоря образно, в журналистике стал он мудрым усачом и тертым калачом. Впрочем, калач не то сравнение. Только одного стажа у него на пятерых, даже стреляных, хватит.

Нельзя не позавидовать его творческому умению. Пишет прямо космически: передовую – за час, очерк – за два часа, а оперативную корреспонденцию, тем более информацию – с ходу выдает, не присаживаясь. Заглянет в машинописное бюро, поприветствует Зою, Валю, Аню и объявит:

– Отстукаем в номер! Заголовок «Информационное сообщение...» или там «Официальный отдел...» (а это целая подборка!).

Пока несколько шагов сделает, материал готов. Пальчики оближешь. Событийный или производственный, главное – актуальный.

Федор Моисеевич взыскательный беспокойный наставник. Пожелаем же ему крепкого здоровья, неутомимой энергии, творческого вдохновения на алтарь «Целиноградской правды»

И. Моисеенко

«Целиноградка», 3 января 1970 г.

Иван Емельянович Моисеенко

Пуд соли

Не удивляйтесь, пожалуйста, тому, что в сегодняшней «Целиноградке» Иван Емельянович дает мой портрет, а я его. Все закономерное, все логично. Рыбак рыбака – видит издали. Зам. зама – тоже.

Вы спросите, почему издалека? Охотно отвечу. Мы работаем вместе, бок о бок, с доброй ревностью следим друг за другом без малого тридцать лет. Тридцать! За это время люди успевают съесть пуд соли. Мы его съели.

А начали – в грозном, военном 1942. На комсомольской ниве. Иван Емельянович в те годы был вожаком Макинской комсомолки. Боевой был вожак, инициативный, напористый, принципиальный. Эти качества он сохранил, и ступив впоследствии на журналистскую стезю, будучи редактором районной газеты, корреспондентом «Акмолинской правды» и заместителем редактора «Целиноградской правды». В этом особенно смог убедиться Т. К. Пышкин, бывший секретарь Макинского райкома партии, который после острой аргументированной корреспонденции «нашего соб. корр. И. Моисеенко» за нарушение норм партийной жизни, злоупотребления своим положением был снят с этого поста.

Газета приемлет все жанры, кроме одного – скучного. Иван Емельянович тоже против него. Он выкорчевывает, вытравливает, вычеркивает его при правке материалов в гранках, полосах при дежурстве. В условиях местных газет трудно монополизировать одну какую-нибудь тему. Волей-неволей приходится писать почти обо всем. Особого многотемья требуют передовые. А у редакции-то (как ты ни круги, ни верти) – это главный жанр. Иван Емельянович придирчив, тщателен, пунктуален и объективен в отборе фактов для них. А поэтому никогда не допускает неточностей.

Кто-то может сказать, что портрет не полный, не законченный. Согласен. Но он и не может быть законченным, ибо и творчество Ивана Емельяновича не заканчивается, а лишь в расцвете. Вот будет выпускать второй номер «Целиноградки» к 100-летию «Целиноградской правды», тогда и допишем этот литературный портрет. А это лишь штрихи к портрету.

Федор Файда
«Целиноградка», 3 января 1970 г.

Люция Данеловна Тогоева

Есть женщины в горных аулах

Однажды, часов в пять вечера, когда в редакции, разумеется, уже почти никого не было, в дверях секретариата застрял высокий паренек. Он встал, прислонившись к косяку, молча и снисходительно глядя, как взрослая и вроде серьезная (в очках!) женщина уныло чертит какие-то разноцветные линеечки (это было еще в то время...).

– Вы случайно, не Тогоева? – спросил паренек. Я взглянула на него, чтобы ответить, и увидела... большущие голубые, полные слез глаза. Правда, слез пьяных. Но вполне искренних.

– Вы не Тогоева? – переспросил он с такой мольбой и надеждой, что я вдруг почувствовала себя очень виноватой и, неловко оправдываясь, пробормотала, что я мол, совсем другая, но, может быть, сумею помочь и т. д.

Видимо, положение парня было безвыходным. Подумав немного, он вдруг заявил громко и жизнерадостно:

– Меня звать Митя! От меня ушла жена! Напишите про меня фельетон!

Надеюсь, вы поймете мое состояние. Не каждый день в редакцию приходят люди с такой просьбой. Лично в моей практике это был первый случай. Думаю, и последний.

Видя, что я онемела и сражена наповал, Митя бросился в кресло и, простирая вперед руки, завопил, что есть силы:

– Валя! Что ты сделала, Валя? Вернись, Валя!

А потом, снова обратившись ко мне, продолжал столь же горячо и эмоционально, постепенно воодушевляясь все больше и больше.

– Напишите про меня фельетон! Только чтоб Валя поняла, что я исправился! Давайте назовем его так: «Урок на всю жизнь». А в конце напишем: «Митя все пережил и прочувствовал. Он начинает новую жизнь...». Я вообще-то страшный поклонник газеты. Всякие вырезки собираю... Вот, например, вы читали, как

кот по шпалам 700 километров прошел? Нет? Да ну? А как козел дулся, дулся и раздулся? Тоже нет? Жаль. А мои любимые писатели Л. Тогоева, Т. Тэсс и Вася Песков. Так вы не Тогоева? Но, может, напишете, все-таки про меня, а? Только чтоб, как Люция Тогоева, или, в крайнем случае, как Татьяна Тэсс.

И тогда я мужественно призналась: увы, ни Т. Тэсс, ни Л. Тогоева, ни тем более В. Пескова из меня не получится...

К чему я это? Просто вспомнила, как однажды, когда мы (как всегда!) говорили о газете, лаборатории журналиста, Гена Вершинин сказал: «Поехать бы в командировку с Тогоевой да посмотреть, как она с людьми разговаривает. Все-то она про них знает».

Я тоже никогда не ездила с Люцией Данеловной в командировку, но кое-чем она все-таки со мной поделилась. И, если честно признаться, это «кое-что» очень часто для меня оказывается решающим. Например? Пожалуйста.

1. Самое главное: чтобы не было войны, да были хлеб и сахар.

2. И еще самое главное: чтобы были живы-здоровы мы сами, наши родные и все, кто нас любит.

3. Человеку нужны положительные эмоции. Нет их – создай!

4. Молодая женщина должна всегда быть влюблена.

5. Совесть – тоже хорошая вещь.

Если вы еще не знаете, скажу по секрету, что Л. Д. Тогоева прыгала с парашютом, имеет разряд по стрельбе и пляшет лезгинку с кинжалом в зубах.

Нет, все-таки есть женщины в горных селеньях! Уверена, что будь Некрасов знаком с дигорками, он не возражал бы против такого варианта своей строчки. Потому что Дигора – большое горное село в Северной Осетии, где живут гордые и свободолюбивые люди. Потому, наконец, что из Дигоры родом Люция Тогоева, дочь Данела Тогоева. А чтобы понять, что это значит, приезжайте в Дигору: фамилия Тогоев будет служить вам паролем, и каждый дигорец сочтет за честь принять вас в своем доме.

Л. Помыткина

«Целиноградка», 3 января 1970 г.

Людмила Помыткина

Люся

Я люблю приходить к Люсе. Сейчас весело зашумит на газовой плите чайник, и мы будем долго пить крепкий-прекрепкий чай по-казахски. И будем говорить за жизнь. Люся расскажет о знаменитом вундерплемяннике Севке или об особенностях спряжения английских глаголов. А я буду слушать и под сурдинку уплетать ложками драгоценное варенье из смородины. А потом Люся прикажет мне ходить пешком на работу и с работы – чтоб инфаркта не было, или вспомнит о прекрасном Гене Розенштейне, друге детства и товарище по университету. Они свердловские, все гениальные, в этом я теперь абсолютно уверена.

После этого, решив писать вместе, но все-таки врозь, мы примемся ускоренно изучать историю казахской оперы, а заодно и классический балет. Я буду мучить Люсю вопросом: «Что такое вариация жете?», – а она совершенно подавит меня знанием крендо и кантилены!

Наконец, придет день, когда на Люсю падет черед слушать оперу «Пиковая дама» и, о, ужас! – рецензировать ее.

(Как ты уже догадался, читатель, это была не «Коломбина».)

С блеском справившись с Чайковским, Люся не успокоится на достигнутом. Она – вопреки всем планам проведения и посещения фестиваля – влюбится. Нарушив трудовую дисциплину, в самый разгар творческого процесса.

Потом Иван Емельянович все-таки заставит ее вернуться из романтического забытья в презренные будни. Нам прикажут делать полосу.

(Как ты уже догадался, читатель, сроки были жестко урезаны.)

В истерике я схвачусь за голову, но Люся быстро приведет меня в чувство.

(Как ты уже догадался, читатель, вся полоса писалась, печаталась, набиралась и версталась буквально в один день.)

Наконец, проводив всех Кармен и Ер-Таргынов, мы вдвоем вдруг поймем, как остро не хватает Целинограду своего оперного театра и собственных маленьких лебедей. Чтобы вывести нас из состояния опустошенности, Иван Емельянович объявит устную благодарность и выдвинет пресс-группу на соискание премии ... Почетной.

(Как ты уже догадался, читатель, премии нам не дали.)

До свиданья, фестиваль.

*Б. Ильясова, член пресс-группы
«Целиноградка», 3 января 1970 г.*

Кто есть кто

Знаете ли вы, что до прихода в газету:

Г. С. Вершинин был слесарем, кочегаром, помощником машиниста, завклубом.

Е. М. Радченко – секретарем судебного заседания.

О. Д. Тарасюк – помощником пчеловода, инженером, почвоведом, агрономом, секретарем парторганизации, директором совхоза, секретарем РК партии, преподавателем института.

Н. П. Ветлугина – библиотекарем, техником-конструктором по железобетону.

В. Л. Наумов – строгальщиком, разметчиком.

Л. Д. Тогоева – слесарем на кирпичном заводе, агрономом, корректором.

Б. А. Ильясова – секретарем-машинисткой, завхозом, корректором, редактором студии.

А. С. Анисимов – секретарем райкома комсомола.

Г. Н. Нагаев – учителем.

И. А. Яворовский – механиком, преподавателем.

М. И. Добренко – подчитчиком и корректором, прицепщиком и обжигальщиком извести.

Г. С. Ударцев – токарем.

Н. С. Колинко – прицепщиком-первоцелинником, инспектором по переселению, директором Дома культуры, заведующим райотделом культуры.

К. К. Гайворонский – учителем.

Н. А. Кукин – инструктором физкультуры, тренером по гимнастике, учителем в школе, преподавателем вуза.

Д. У. Кисленко – грузчиком, военруком, директором облкниготорга и облбздата.

А. М. Гаврилова – тискальщицей, подчитчицей, делопроизводителем, зав. кабинетом философии.

А. И. Кириленко – шахтером, бурильщиком, кондитером, директором магазина, завстоловой, плотником-штукатуром, товароведом.

М. Д. Алдошин – юристом, партийным работником.

В. Н. Носов – строителем.

Ф. М. Файда – колхозным пастухом, физруком, комсоргом завода.

А. А. Потанина – диктором.

И. Е. Моисеенко – пастухом, пионервожатым.

Л. Г. Помыткина – учительницей, ассистентом режиссера, транспортерщицей III разряда.

Х. В. Апсалямов – кочегаром, машинистом КПШ.

А. Ф. Дубицкий – художником театра, учителем рисования, сотрудником музея.

М. А. Саламатов – штукатуром, механиком-водителем.

«Целиноградка», 3 января 1970 г.

И все-таки дьявольски трудно

Самый раз сказать о себе. Можно просто: живу – хлеб жую, хотел бы меда попробовать, да боюсь – пчелы ужалят. Можно лишний раз печатно поплакаться редактору: «И что это за жизнь, хоть аэроплан строй. Лучшие годы в командировках. Голосуешь на дорогах. Вот, кабы машина была...»

Редактор успокоит, что-де в наличии три машины есть, но их не разорвать, что-де вы волнуетесь, вижу: ради нескольких строчек в газету готовы за сто верст бежать и трое суток не спать. И выберет мудрую тактику защиты: «А гвоздь привез? Ну вот, так и знал! Без гвоздя приехал. А ему еще машину подавай...». И уйдешь виноватым. Захочется снова на целинный простор, стоять на грейдере, голосовать, говорить со словоохотливым шофером о краснощеких доярках, угощать его областной сигаретой.

Отбросим шутки, поговорим серьезно о нашей журналистской кухне. Как мы берем факты, как пишем? Секретов нет. Все просто: писатель пописывает, читатель почитывает. А все-таки?

Был у меня этакий казус. Работал в Горьковской области заместителем редактора в районке. Поехал в деревушку Луги, писать о пастухе. Места там хорошие. Перелески. Ржаные поля. Прикинул, о чем буду с ним говорить. А встретился и растерялся. Сидел он на пеньку в два обхвата, обедал. Фляга алюминиевая, солдатская. Сам в годах. Значит, фронтовик. Не успел рта раскрыть, а он мне стаканчик протягивает и говорит: «Сказывал председатель, что ты приедешь. Ну, садись, сын Сережкин». Куда денешься – выпили мы с ним по сотке особой. Разговор получился деловой. Человек войну прошел, семь боевых наград. Танкистом был. В пастухи пошел – рука в сорок третьем перебита. Из-за этого на трактор не пустили. А жидкость во фляге? Так это для сугреву. Дождь, ветер – пастух на лугу, в лесу. Да и для аппетита не запрещено. Словом, заехал я еще в контору – встретился с парторгом, председателем колхоза. В один голос они хвалили пастуха.

С «колес» выдал зарисовку. И сейчас помню, начиналась она так; «Он взглянул на часы, было без четверти пять...». И т. д. Очерк хвалили, что и лирика есть, и опыт. Редактор даже фляжку не вычеркнул, но через несколько дней пришло письмо от этого самого пастуха. На мое имя. «Осмеял ты меня, Генаха, – писал он. – Знал я твоего отца, он серьезней был. Все верно, что и пастух я, и что чуть свет в рожок играю, но вот только часов у меня нет. По солнцу встаю. Бабенки, а они у нас огонь на язык, кричат: “Митрофан, сколько на твоих, газетных?”».

Показал письмо редактору. Улыбнулся он, да и говорит: «Скажи, чтобы из моего фонда выписали тебе 400 рублей, купи часы и подари пастуху. А деньги потом вернешь».

Вот этот казус и научил меня быть более наблюдательным, не допускать «вольностей», чем мы почти все грешим. Выдумываем разные там – геранькины деревья, закаты цвета крови, стопудовый и почти золотой колос и т. д.

У каждого журналиста есть свой метод поиска материала. Я, например, всегда ищу интересного человека. В конце концов, жизнь это не проценты и привесы. Жизнь – это люди. Их заботы, беды, радости. А люди все интересные, надо только вызвать их на откровенную откровенность. И уже тогда ни в коем случае не доставай блокнот, слушай и слушай, дай выговориться.

В селе Самарке работает скотником инвалид Отечественной войны Дмитрий Булгаков. Познакомился с ним при таких обстоятельствах. Прихожу на ферму. Вижу, обступили Дмитрия женщины, а он, чуть захмелев, говорил: «Ничего-то вы, бабы, не знаете. А ведь я Герой. Герой – и все. Только вам куриным умом не понять этого».

Можно было написать, конечно, что-де выпивши человек на рабочем месте. Непорядок это и т. д. Я посмеялся вместе с женщинами, а потом и сказал: «А вы напишите в Министерство обороны СССР. Может, и вправду, ваш Булгаков – герой. Мало ли что в войну-то бывало...». Сказал, шутя, но потом оказывается, что написали женщины Министру обороны, и через месяц вызывают вдруг Дмитрия Булгакова в военкомат и вручают потерявшемуся герою сразу два ордена Отечественной войны I степени. Приехал он из Атбасара навеселе. Собрались женщины на орден посмотреть, а он им: «Что, бабы, говорил вам, что я герой, а вы...». Так на свет родился очерк «Оброк», который написал вместе с Леонидом Калашниковым...

И еще один совет: держать связь со своими героями, но не надоедать им. Такая связь у меня с Героем Социалистического Труда Яковом Брагиным. Был он комбайнером – написал я о нем зарисовку «Сергеевские звезды». Перешел работать на свинофер-

му – я тут как тут. Сделал еще зарисовку «Слово о настоящем человеке». И еще думаю о нем написать на московское радио. Пусть знают во всей стране, что живет на целине такой человек по имени Яков, по фамилии Брагин. Солдат, Герой, Земледелец, Коммунист.

И все-таки хорошая эта штука – журналистская профессия. Ездишь, пишешь, вдохновляешься, когда тебя читают, расклеиваешься, когда ругают за недостоверность фактов, искажение фамилии и т. д. И, все-таки хорошее это дело – журналистское. Хлопотливое и дьявольски трудное.

...Да, чуть не забыл. Был недавно у пастуха Митрофана Семеновича. Часы идут. Постарел: так же скот пасет. И фляжка та же. Алюминиевая. С «особой». Сели на пенек в два обхвата. Чокнулись. И верите – не выпил. Ей богу, не выпил...

Геннадий Вершинин
«Целиноградка», 3 января 1970 г.

Мой первый блин

Ровно четыре года назад я впервые пришел в «Целиноградку» полноправным членом ее коллектива. Едва я успел освоиться, как меня вызвал редактор.

– Не робей! – сурово напустили в отделе. – Говори, что больше не будешь.

– Ну, как самочувствие? – спросил шеф.

– Спасибо, – скромно поблагодарил я.

– Надо отправляться в командировку.

Так я оказался в Державинском районе. Нас тогда занимала, как и сегодня, зимовка, и Ефим Семенович Лукин с упоением командовал, где и что записывать. Все мои попытки проявить самостоятельность он неумолимо пресекал: – Учись у старших!

Учиться у него было интересно. Снимая группу доярок, он и так и сяк прицеливался фотоаппаратом, приговаривая, что если Лукин уж снимет, то первоклассно. Он неожиданно падал на

скрипучий снег и полз к оробевшим женщинам по-пластунски, поясняя тут же, что ищет выигрышный ракурс.

– С моими снимками твой репортаж пойдет по первому сорту! – ободрял меня Лукин ночью в поезде Аркалык – Целиноград.

– Неплохо сделано! – удовлетворенно заметил Быховский и твердой рукой перечеркнул страницу.

– Вода, – заметил он между прочим, – нужна на ферме, а не в газете.

Потом репортаж попал к редактору.

– Бойко написал, молодец! – похвалил Михаил Дмитриевич и добавил: – Я, правда, немного сократил, этот совхоз мы недавно критиковали, надо о нем поскромнее... Завтра дадим в номер.

Окрыленный похвалой шефа, я повел Лукина в «Ишим». Но меня перехватила на пороге редакции Валя Калнынь:

– Тебя зовет дежурный редактор.

– Прочитал репортаж, – в голосе Федора Моисеевича звучали нотки одобрения, – чувствуется – умеешь писать. Хватка есть. Вот только меня смущают эти цифры. Где ты их взял?

– У зоотехника совхоза.

– В управлении сверял?

– Зачем? – простодушно удивился я. – У зоотехника светлая голова.

– Ну, хорошо, – согласился. – Айда.

...А утром я увидел на первой странице «Целиноградской правды» снимок Е. Лукина. Хмурые доярки с подоюниками в руках в упор смотрели на меня.

– Где же мой репортаж? – забеспокоился я.

– А вот, – ткнул пальцем Борис Кузьменко в несколько строчек под снимком.

Я прочитал: «Несмотря на трудную зимовку, передовые доярки совхоза “Отрадный” успешно справляются с заданиями...».

– Ты не горюй! – посочувствовал Борис. – Первый блин всегда комом. Пойдем лучше погреемся.

Откуда ему было знать, что печататься я начал в газете еще в 1955 году. Называлась она в то время «Акмолинской правдой»,

и, подписывая свои заметки, указывал: мастер стройучастка со-
вхоза «Бузулукский».

Владислав Носов
«Целиноградка», 3 января 1970 г.

Прогулка со Стреляным *(Отрывки из интервью)*

Голос Анатолия Стреляного впечатляет, словно редкая, мед-
ленная мелодия с единожды найденными интонациями и ритмом.
Потому вполне справедливо, что Анатолий Иванович здесь, для
нас, существует вне пределов видимости – вдумчивой, неторо-
пливой речью в динамике радиоприемника, в телефонной труб-
ке. Хотелось спросить его о многом, однако время связи ограни-
чено. Но он оказался удивительно удобным интервьюируемым –
его нет необходимости править, вытаскивая идеи из-под пудов
шелухи. Все точно, все на своих местах, без надуманных уловок
и лицемерной недосказанности. Не повышая голоса, часто улы-
баясь (это ощущается), он говорит о том, что давно выверил,
отвечая за каждое слово и при этом оставляя свободу суждения
собеседнику. Остается лишь вовремя вставлять свои вопросы.
И завидовать неторопливой насыщенности его мысли, за кото-
рой очень сложно угнаться.

Начало же, как водится, было неожиданным.

– Пользуюсь случаем, чтобы сделать комплимент человеку,
которого я не знаю и чьей фамилии точно не помню – по-моему,
господин Яворкивский или Яворовский. Он работает на укра-
инском сетевом радио, которое передается во все дома. Как мне
сообщили мои слушатели, он недавно сказал, что мало получает
за свои передачи, а я, по его словам, – 10 000 долларов в месяц.
Я, после долгого перерыва, позвонил в свое село родственникам,
и первое, что они мне сказали, – «Анатолій Іванович, а отой ка-
зав, що ви одержуєте 10 000 доларів». Я засмеялся и понял, что
этот человек великолепно знает свой и мой народ, знает, что та-

кое украинская зависть, поскольку мы совершенно убеждены, что если кто-то получает больше нас, то это обязательно преступление. Это даже не обсуждается. Мой сосед, пьяница Володька, моему отцу с матерью так и говорил: «Ви добре живете, у вас, мабуть, і випити є щодня» ... Ну, а теперь – ваши вопросы.

– Насколько легко вам дался переход от человека пишущего к человеку говорящему?

– Вы наступили на больную мозоль. К сожалению, я не стал говорящим человеком. Я очень плохо себя чувствую в прямом эфире, без бумажки. Меня и таких, как я, надо гнать с радио. Смотрите, сколько десятилетий радио от этого не может избавиться. Люди вещающие никак не привыкнут, что они не имеют права и не должны говорить по писаному, это противоречит самой природе радио, тем более – телевидения. Но им трудно научиться не по писаному, а изустно. А это очень важно. Будущее радио и телевидения – за особыми талантами, которые будут говорить без бумажки.

– Знаете ли вы свою аудиторию? Кто вам пишет?

– Никаких закономерностей лично я установить не могу, хотя исследователи все это, конечно, знают и докладывают нам. Мои личные выводы никаких закономерностей не дают. Разброс аудитории очень большой, разные и возраст, и занятия. На днях я получил письмо от человека, которому 16 лет. Тоже слушает нас. Очень уверенный человек, все критикует, учит нас жить, и я с благодарностью это принимаю. Много пишут из сел, из Украины.

Дмитрий Десятерик

«День», № 136 за 2 августа 2001 г.

Справка. Анатолий Стреляный родился в 1939 г. на Украине. Закончил МГУ, работал в провинциальной, в том числе на целине, и московской печати («Комсомольская правда», «Новый мир» и т. д.). Опубликовал 12 книг публицистики и прозы, автор сценариев к нескольким художественным и документальным фильмам. В 1989 г. один из этих фильмов, «Архангельский мужик», был удостоен Государственной премии СССР. С 1995 году работал на радио «Свобода».

Журналисты шутят

Галлюцинация

Фельетон

Когда я умер и, естественно, не смог придти на планерку, Алдошин собрал редколлегию и спросил:

– Что будем делать, товарищи?

– Хоронить, что же еще? – сказал Кукин, – или прогул запишем?

– Хоронить сразу неудобно, – возразил Файда, – а прогул записать мы всегда успеем. Надо подготовить некролог или поплакать.

Решили поплакать.

Меня это устраивало. Я с наслаждением вслушивался, как стонали коллеги. Какого парня потеряли, а? Какого парня!

Дубицкий поминутно снимал очки, протирал стекла влажным платочком, хватался за сердце и говорил:

– Я опрометчиво отвергал его произведения. Как я ошибался! Никогда себе не прощу...

Прилетевший из Владивостока Орловский забыл поздороваться. Выйдя из лифта, он простонал:

– Костя, я был не прав. Ты играл в шахматы сильнее меня. Я прилетел, чтобы сказать людям об этом.

Но что значил жест Орловского по сравнению с поступком Колинки и Апсалямова? Они решили отложить рыбалку. «Ага, – думал я злорадно, – то-то».

А между тем события развивались дальше.

Кисленко аккуратно вошел в кабинет редактора и тихо спросил:

– Михаил Дмитриевич, сегодня будем выходить?

– Не знаю, – рассеянно ответил Алдошин. – Мне теперь все трын-трава... Все лабуда, как однажды выразился Костя.

Последней каплей, переполнившей чашу скорби, был поступок Вершинина. В который уж раз ответив в телефон, что Кости нет и теперь не будет, он не выдержал и... напился.

...На следующий день, потупя глаза, я вошел в редакцию.

– Где ты пропадал? – спросил Кукин.

Я недвусмысленно кивнул на пол.

– А справки у тебя, конечно, нет.

Я согласился.

– Скажи Люде, чтобы поставила тебе прогул. Я понимаю, все мы смертные, но газету делать надо.

Люда поставила в моей графе крест и сказала, что меня хочет видеть редактор. Я зашел к Алдошину.

– Костя, нужно «Факел» подготовить, – сказал редактор. – Я слышал, с тобой что-то произошло вчера...

Да, был на именинах... – пролепетал я. – Каждый из нас смертный...

– Хорошо, что некролог не дали, – сказал Алдошин. – Я всегда говорил: любой материал лучше не дать, чем дать. Он зашелестел бумагами.

– Так ты «Факел» готовь.

В партотделе меня хлопнул по плечу Дубицкий:

– А, Котик! Жив-здоров? Знаю я вас, романтиков... Да, кстати, ты стихотворный фельетон сдавал. Я его не подписал. Мелковато роешь...

Дубицкий засмеялся заразительно и сквозь усы. Я знал, что он роет глубже... Я хотел было подать апелляцию Апсаямову, но он говорил с Колинкой о рыбалке.

– Не мешай, старик, – сказал Колинко и стал разводить руками перед носом Хамида, мол, вот такая рыбина сорвалась.

– Значит, они вчера все же были на рыбалке, – враждебно подумал я.

После этого я пошел искать Орловского. Мне еще раз хотелось услышать, что я лучше, чем он, играю в шахматы. Но мне объяснили, что Орловский переехал во Владивосток.

В это время меня нашел Вершинин.

– Где ты ходишь? – возмущенно говорил он, – тебе звонят, а мне бегать за тобой?!

Легкой иноходью я потрусил в свой отдел. Гонки, грохот теле-тайпа, проталкивание материалов, дежурства – все начиналось сызнова.

И только изредка я вспоминаю тот день. Приснится же такая чертовщина!

*К. Гайворонский, живой и улыбающийся
«Целиноградка», 3 января 1970 г.*

Социологическая лаборатория

Поскольку социология стала не только популярной, но и модной наукой, мы решили по примеру и опыту Луизы Свитич провести маленькое конкретное социологическое исследование в самом дружном и сплоченном коллективе – корректорской – и таким образом вывести обобщенный портрет нашего современника: Корректора, Верстальщика, Выпускающего, Подчитчика.

Лаборантки Люция Тогоева, Валентина Ильясова

Приведу только две анкеты из восьми, напечатанных в юбилейном номере.

Антонина Потанина, старший корректор, она же Василиса Прекрасная со всеми вытекающими отсюда последствиями:

1. Ваш любимый дежурный редактор? Файда Ф. М. Свежий глаз? Ударцев Гена – крестьянский поэт.

2. Достоинство, которое вы больше всего цените в дежурном редакторе? Быстроту, конкретность. **А в дежурном секретаре?** Сокращать у талера, не искажая смысла. **В свежем глазе?** Не подписывать в свет с загнанными строчками.

3. Самая серьезная ошибка в номере, которую вы допустили? А кто вам сказал, что на моей полосе были ошибки? Ни в коем разе. **А в жизни были ошибки?** Да, да.

4. Ваша любимая газета? «Медицинская газета».

5. Если бы вы не были корректором, кем бы вы хотели работать? Корректором.

6. Чьи материалы вы больше всего любите читать? Материалы, в которых со всеми подробностями рассказывается о людях. **Ваш любимый жанр?** Очерк.

7. Ваш любимый шрифт? Почему? Нонпарель. Ищешь, не находишь.

8. Ваш любимый заголовок? «Опять ничья», «Ничья в Рудном», «На этот раз ничья»...

9. Есть ли у нас в редакции рыцари? Вывелись, а были ведь!

10. Самый интересный мужчина редакции? Андрей Дубицкий.

11. Ваш любимый девиз? «Искать и не сдаваться!».

Надя Скворцова, «дама, просто приятная»:

1. Ваш любимый дежурный редактор? Хамит Апсалямов. **Свежий глаз?** Задумчивый Нагаев.

2. Достоинство, которое Вы больше всего цените в дежурном редакторе? Долго думает над полосой, в результате чего снимает материалы, которые спокойноенько идут в следующем номере! **В дежурном секретаре?** Умение владеть карандашом, строкомером и собой. **В свежем глазе?** Мечтательную рассеянность.

3. Самая серьезная ошибка в номере, которую допустили? Самая смешная? Никогда не было.

4. Ваша любимая газета? «Учительская газета».

5. Если бы вы не были корректором, кем бы вы хотели работать? Только корректором.

6. Чьи материалы вы больше всего любите? Кости Гайворонского. **Ваш любимый жанр?** Серьезный.

7. Ваш любимый, шрифт? Корпус, если бы вся газета набиралась корпусом...

8. Ваш любимый заголовок? «Наперекор трудностям», «Трудностям наперекор». И еще что-нибудь трудное.

9. Есть ли в нашей редакции рыцари? Конечно, Макс Добренко.

10. Самый интересный мужчина в редакции? Дмитрий Устинович Колинко.

11. Ваш любимый девиз? «Не плюй в колодец – это не культурно!»

«Целиноградка», 3 января 1970 г.

Приколы и частушки журналистов «Целинного края»

*Авторство трудно установить за давностью
(А. Дубицкий, М. Добренко, И. Кабак, Л. Шабалина и др.)*

Василию Григорьевичу Шепелю, редактору газеты

Его стол, как прокрустово ложе,
Резолюции тоже похожи:
«Ерунда!», «Брак!», «Халтура!», «Примеры?».
Нет, не знает Григорьевич меры....

Федору Моисеевичу Файде, замреду

С тоской он смотрит в потолок.
В наборе 10 тысяч строк.
Завал полнейший – вот беда:
«Поставить что? Куда? Когда?»

Максу Израилевичу Добренко

Он все прошел, и Крым, и трубы,
Душа добрейшая из душ.
Он отбирал футбольный кубок
И Клаве был вернейший муж.
Он в катакомбах партизанил,
Солдатский износив мундир,
Теперь он кресло зава занял
Стал информацией командир.

Макс Добренко у телефона

«Так-с, так-с, так-с!» –
Отвечает в трубку Макс, –
«Долборезы и фанатики,
Вы не знаете грамматики!
Да-с, я должен вам сказать:
Научу я вас писать!»

Лене Калашиникову, редакционному поэту и певцу

Поэтом можешь ты не быть,
Но журналистом быть обязан.

Паше Балакину

Поменьше балакай,
Побольше пиши:
Павлуше Балакину –
От души.

Редакционному художнику Мише Саламатову

Мишин грозный мотоцикл
Стал ходить вразвалочку.
Лишь пройдет недельный цикл,
Едет на рыбалочку.

Тютюннику

Добрый парень из Донбасса,
Он не балуется квасом.
«Мне бы спиртику графин», –
Размышляет гарно вин.

**Саше Куриленко, фотолаборатория которого находилась
в подвале, где было сыро и темно**

Куриленко, мы пред вами преклоняемся, поверьте:
Только с выдержкой солдатской можно жить в таком клозете.

Одному из журналистов
О трактористах и доярках,
О комбайнерах и свинарках
Он пишет много, да не ярко.

**Половицыну, дежурившему по номеру
во время редакционного праздника**

И не спится ему, не гуляется,
Он в газете своей ковыряется.
И в сегодняшней газете
Он за все грехи в ответе.
Но грехи там есть и наши,
Хоть поем сейчас и пляшем.

Юре Кулибабе

Ходит тихо,
Дышит слабо.
Догадались?

.....

Пишущим женщинам

Есть женщины в наших газетах,
Спокойны и важны на вид,
Без усталости бродят по свету,
Не хнычет никто, не грустит.
Им холод и голод не страшен,
Живучи, как кошки, они,
Всегда в путь-дорогу с бумажкой
Готовы пуститься они.
В них ясно и твердо сознание,
Что все их спасенье в ходьбе,
Мораль и труда воспитание
Несут они в массы везде!
Мы выпьем за женщину нашу,

За гордую совесть ее,
За то, чтобы полная чаша
Вошла в газетира жилье.
Мужской состав

На столе зазвонил телефон

На столе зазвонил телефон:
– Кто говорит?
– Снова он!
– Кто он?
– Да, Куфонин опять:
– Не желают мне дом починять.
Утеплили, поставили рамы,
Побелить, говорят, можем сами.
– По закону текущий ремонт
Вы должны проводить за свой счет...
– Нет. Вы меры должны принять,
А иначе мы будем писать
В «Правду», «Сельскую жизнь», в ЦеКа ...
Пусть приедут издалека ...

Только трубку повесил,
Звонок:
– Караул! Потолок протек!
Кран закрыть соседи забыли,
Всю квартиру водой залили.
Мы надеемся, очень скоро
Вы пришлете к нам фотокора.
И хотим, чтобы снимки эти
Появились завтра в газете!
– На соседей подайте в суд,
Пусть они Вам ремонт проведут...
– Нет, вы все-таки к нам приезжайте,
Этот факт огласке предайте!

А потом старушка звонила,
Со слезами меня просила:
– От соседки меня защитите (!),
Проводить ей ремонт запретите!
– Но ведь это соседкино право:
Непонятно, что запрещать!
– Я найду на всех вас управу,
Буду выше об этом писать...

А недавно пришла из детсада
К нам особа с кокетливым взглядом.
– Одинока я и красива,
Но не любят меня в коллективе.
Почему не любят, не знаю...
Говорят, мужчин увлекаю.
– Так чего Вы от нас хотите?
– Поезжайте со мной, докажете
Коллективу, что я неплохая!
– Но ведь я Вас совсем не знаю!!!
И такая дребедень
Целый день, целый день.
*Олег Тарасюк, зав. отделом писем
«Целиноградка», 3 января 1970 г.*



«МОЛОДОЙ ЦЕЛИННИК»

Из истории газеты

Время мужания

Время отсчитало 365 дней. Ротационные машины орудийным залпом выдали «на гора» еще 250 номеров нашей газеты. К летоисчислению молодоцелинников добавился год. Вдвое старше стало наше детище. Возмужало. Набралось сил. И в голосе его появились нотки, свидетельствующие о том, что пора отрочества давно прошла. Но мы, молодоцелинники, прожив год, не составились и на один день. Об этом сегодня говорят страницы нашей газеты. Об этом говорит тираж юбиляра, поднявшийся до шестидесяти пяти тысяч.

Что ж, видимо, как всегда, и сейчас придется оглянуться назад. Вспомнить будни, беспокойные, горячие, тревожные и радостные будни второго года нашей жизни.

«Молодой целинник», 13 марта 1963 г.

Май. И со страниц газеты уходят в целинную высь боевые рапорты, донесения штаба целинной рати. Целина сеет. И молодоцелинники, как истые подручные партии, помогают хлеборобу выйти на новый рубеж, под самый корень рубят недостатки, на высокий щит поднимают лучшее, передовое.

Июль. Видимо, такими были страницы газет в годы войны. Они поднимали людей на бой. Все смотрим мы подшивку нашей газеты за июль 62-го и видим, как поднимались на битву за урожай целинники. И не даром у нас родилась рубрика «Космонавты целины». Это были рассказы о тех, кто первым шел в героических делах на Планете Целина. А потом начались заседания трибунала комсомольской непримиримости. Нет, даже не заседания – своего рода форум тех, кто решил навсегда покончить с бесхозяйственностью, разгильдяйством, бюрократизмом. Наш трибунал

заявил о себе весомо, по большому счету. Под его разящий луч попали и разгильдяи из Бозайгирского, и врачи из Павлодарской области, и бракоделы из Алексеевки. И вот опять идет весна по целине. И опять на страницах газет, словно на пульсе, ощущаешь ритм нашей жизни, ритм целины. Снова в сельхозотделе стоит шум и гам, возвращаются литсотрудники и разъездные. В сумках и блокнотах у них весна. На страницах – статьи и корреспонденции. Кто-нибудь скажет: неужто у вас все так гладко. Нет, не гладко. И ошибки есть. И ляпы есть. И грозные приказы есть. Ведь газеты без этого не бывает. Мы начинаем третий год жизни. И «Молодой целинник» будет по-прежнему боевым другом, и он по-прежнему высоко понесет знамя покорителей целины.

Первый год жизни. Из рубрики «Годы, люди, жизнь»

Приказ № 1, г. Акмолинск. Я, Осипов Валентин Осипович, приступил с 15 февраля 1961 года к работе главного редактора газеты «Молодой целинник». А в портфеле нового редактора 200 заявлений. Наши, как видите, удовлетворены.

5 марта 1961 года Адольф Дихтябрь выехал в командировку.

1–10 марта 1961 года – Застольный период или жизнь на редакционных столах.

10 марта – 15 апреля – Плюшевый период. Живем в колчаковских плюшевых вагонах.

15 апреля – 1 июля 1961 года – Гостиный период. Живем в «Ишине».

5 мая 1961 года – первая встреча с читателями. Мы стали продавцами – на городской площади проедаем газеты.

15 августа 1961 года «Молодой целинник» в творческом содружестве с «Дейли уоркер» выдал разворот «Майкаин – Лондон».

Свидетельства очевидца

Валентин Осипович Осипов – первый редактор «Молодого целинника», член Союза писателей России, автор многих публикаций, книг, очерков, в том числе: «Пропавший без вести декабрист», «Индийские строчки Льва Толстого», «Тайная жизнь Михаила Шолохова. Документальная хроника без легенд» и др. Привожу отрывки из его статьи.

В 1959 году, после окончания ВКШ (Всесоюзной Комсомольской Школы) меня назначили инструктором сектора печати ЦК комсомола.

В столе, что достался мне по приходе на работу, нашел документ 1955 года под названием «Предложения отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ об улучшении местных комсомольских газет». Читая бумагу, поразился самобичеванию ЦК по поводу состояния его собственных изданий. К примеру: «Скука, серость... Оторванность от жизни рабочей и сельской молодежи... Обходят все острые вопросы... Однообразие молодежек... Перегруженность отчетами с пленумов, активов, совещаний, написанных казенным языком» ...

1961. Акмолинск. Я – редактор только что созданной газеты «Молодой целинник». Первый номер вышел в день Совещания целинников, на которое прибыл со свитой глава страны и партии Н. С. Хрущев. В комсомольском порыве не только славить, но и критиковать первую полосу мы сделали не совсем обычной: и вокзальная фотография Никиты Сергеевича, и острая статья с критикой некоторых целинных негодных порядков. Один из свиты, секретарь ЦК комсомола, сквозанул быстрым взглядом по странице и недобро проговорил: «Мы тебя зачем послали – настроение Хрущеву портить? В день его приезда? В день открытия Совещания?!»

Чуть попозже подошел поздороваться к редактору «Известий» Алексею Ивановичу Аджубею (он тоже в свите и к тому же зять Хрущева), тот увидел мое огорченное лицо, выспросил про причину и многозначительно сказал: «Быть продолжению...»

В докладе Хрущева прозвучало примерно такое: вот смотрите, какую насущную проблему раскрыла новая комсомольская газета.

Валентин Осипов
«Журналист», № 7, 2003 г., с. 90

В снегах Ак-Мола

Безбрежные степи, укрытые тяжелыми дикими травами, пологие взгорки, сияющие попеременно то тюльпанами, то застенчивой ржицей. Убегающие за горизонт широкие ложбины, усеянные круглой земляникой, похожей на стриженные мальчишечьи головы под зелеными тюбетейками. И на сотни километров во все четыре стороны ни души человеческой, ни конского всхрапывания, ни заносчивого петушиного крика в рассветной тишине. Сказывают: в давние времена пробирался некий конный путник с юга казахской земли на север. И через какое-то время прибыл он к пределу, от какого начиналась степь безлюдная, а значит – мрачная. Только что упал на нее первый снег. «Как называется та земля?», – спросил путник. «Ак-Мола», – ответили ему. «А что это значит?», – спросил он. «Белая могила», – ответили ему, глядя на него с жалостью и страхом. «Значит, – сказал путник в задумчивости, – эта дорога не для трусливых. Я хочу изведать ее...» И тронул поводья коня. И пропал навеки в неоглядном пространстве. Ак-Мола, Акмолинск, Целиноград и нынешняя Астана – это лишь немногие из множества имен-символов, бросающих слабый и все еще загадочный свет на происхождение земель и народов. Но об этом – в другое время. Сегодня же – о Целинограде...

В начале 60-х годов прошлого века по инициативе Центрального комитета комсомола была сформирована группа журналистов из молодежных изданий, в основном из «Комсомольской правды», и послана в Целиноград, где создавалась в то время газета «Молодой целинник». От журнала «Молодой колхозник»,

впоследствии – «Сельская молодежь», был послан я, тогдашний разъездной корреспондент журнала.

Осталось ощущение от той поездки, как от огромного, всеохватывающего события, похожего на великое переселение народов, но не трагического, а скорее карнавального, только без масок. Все в натуральной обстановке и все-таки, как в кино, но под руководством грандиозного режиссера. Вот такое осталось и до сих пор впечатление. Постараюсь в правдивой неполноте предъявить здесь несколько эпизодов, которые, надеюсь, помогут читателю представить общую картину событий через их частности.

В Целинограде, куда мы прибыли ранним, пасмурным и снежным утром, царил суета. Не толпы, а именно множество групп народа непонятного назначения пересекали площадь в разных направлениях. Где-то шла переключка, кто-то кого-то настойчиво окликал, но смысл переключек и окликов не улавливался, не пробивался сквозь плотный сумрак. Мы искали такси, но их нигде не было. Какая-то женщина с тремя детьми мал мала меньше и с двумя грузными чемоданами растерянно оглядывалась вокруг. Тоже, видно, искала такси. Оглядевшись, она подняла два чемодана, старший сын взял на руки лет трех девочку, второй малыш ухватился за пальто старшего, и так они начали пересекать площадь. И тут мы увидели, как, буквально разбрасывая сугробы ногами, бежал им навстречу мужчина. Кто-то сказал: «Проспал, чайник!». Коля, художник из «Комсомолки», флегматично определил: «Ага. Ну, сейчас она его разбудит...»

Одетые по-московски легко, мы вернулись в помещение вокзала, уже и без нас набитое до отказа, чтобы согреться. Согревшись и потеряв надежду отыскать встречающих, решили добираться хотя бы пешком, но выйти оказалось труднее, чем войти. На всех обнаруженных нами дверях висели трагические надписи: «Нет выхода». Сами двери взяты на тяжелые скобы. Выходом и входом являлась лишь одна половинка одной двери. Мы попытались открыть еще хотя бы одну дверь, но были остановлены грозным окриком: «Куда лезешь!». Пришлось нашему старшему по-

казывать удостоверение. С его помощью была отворена вторая дверь.

На улице опять-таки снег и ветер, как справедливо отмечалось в известной песне Пахмутовой. Но наблюдалось и большое скопление санитарных машин. Тут раздался хрип вокзального громкоговорителя: «Внимание! Граждане, прибывшие на совещание отоларингологов! У выхода из вокзала вас ждут санитарные машины. Повторяю...»

– Интересно, – сказал наш художник ближнему шоферу, – все санитарки города здесь. На чем же вы тут больных возите?

– А они у нас ходячие, – гордо ответил шофер...

Кое-как добрались до редакции. Обстановка там была почти фронтовая. Редактор, Валя Осипов, встретил нас намеренно сурово, чтобы сразу отвести все претензии, которые мы, конечно, и не собирались предъявлять.

– Значит, так, – сказал он. – На гостиницу не надейтесь. Жить будете здесь, в редакции. Столов много и все они широкие. Тут достаточно тепло, так что пальто свои пижонские можете использовать вместо подушек...

Так началась наша прифронтовая жизнь на целине. Она действительно смахивала на прифронтовую, потому что комсомол в те годы был на самом деле боевой организацией, способной делать очень многое и это очень многое делавшей.

Мы окунулись в работу по созданию новой газеты, и, надеюсь, Валя Осипов и нынче на нас не в обиде...

Помню одну свою поездку во вновь созданный совхоз. Он вырастал в нескольких десятках километров от Целинограда и наполовину был еще палаточным.

Ехал на лошадях в широких санях-розвальнях. Возница, веселый молодой парень из города Кропоткин, почти земляк, потому и запомнил. Еще четверо саней, груженных продуктами, уехали раньше, а он, Петр Иващенко, задержался в поисках подарка для своей девушки, которая «может и невестой станет». В подтверждение своих слов он достал из-за пазухи полушубка сверток с чем-то очень ярким – то ли платье, то ли большой платок. Перед выезд-

дом за город мы выпили с ним по стакану водки, чтоб веселее было в степи, а мне он сказал: «Ты лезь под полость, а то замерзнешь, тут ветра сильнющие. Там и ружье лежит на ящиках с колбасой. Стрелять умеешь? Вот, бери патроны, они картечные». Я поинтересовался, мол, а в кого и зачем стрелять. «Да в этих степях волков, знаешь сколько? – засмеялся Петр. – В ноябре они гнались за нашими ребятами, чуть не догнали, а то б конец им был. Лошади спасли, да колбаса. Лошади вот эти самые, что сейчас у нас...»

Я с уважением поглядел на низкорослых, мохнатых «киргизов», что бодро несли наши сани по крепкой, накатанной, но все время припорошиваемой дороге в непроглядную даль. «Ну, лошади, это понятно, – сказал я. – А колбаса при чем?» «А при том, что ее не только люди любят, – внушительно сказал Петр. – Как стали волки сани догонять, это уже недалеко от поселка было, километров с десять, лошади понесли, хоть и усталые уже. Волки посвежее, они всегда возле поселков крутятся, надеются на удачу. Видит возница, что не уйти. Бросил вожжи, скинул на дорогу полость с ящиков, она колбасой пропахла, и волки вокруг нее какое-то время повозились. Потом опять догонять стали. Пришлось один ящик в расход пустить. Сломал дощечки, пару кругов кинул, волки там драку подняли, некоторое время возница выиграл. Потом повторилось все. Еще пару кругов кинул. Но лошади начали сбиваться с ходу. Догадался возница. Сунул руку в мешок, где пачки с перцем молотым лежали, достал их, разорвал, густо колбасу посыпал и скинул на дорогу всю. Больше он тех волков и не видел. А тут и поселок показался. Веришь, поседел возница с того разу. Так теперь мы с ружьями и ездим...»

Может, волки тоже каким-то образом узнали о вооружении возниц, но сколько я ни вглядывался в снежную мглу и позади саней, и с боков, и спереди, хищников степных так и не увидел. А может, их и не оружие отвратило от нападения, подумал я, когда мы уже въезжали в поселок и все опасения остались позади, а просто перченую колбасу они невзлюбили...

Задание редакции я выполнил и дня через два возвращался в Целиноград уже на грузовой машине и из другого поселка, в те-

плой от мотора кабине. Шофер был пожилой украинец, молчаливый и усталый. Чтобы как-то его поддержать в бодрствующем состоянии, я рассказал ему про случай с волками и колбасой. Он промолчал, даже не улыбнулся и ничем не выдал, что слышал меня вообще. Я тоже более не стал донимать его разговорами. Ну, мол, характер такой у этого хохла. Бог с ним.

Километров за двадцать до города заметили мы на обочине дороги человеческую фигурку, отчаянно махавшую руками и шапкой, сдернутой с головы. Шофер остановился. Парень открыл дверь кабины с его стороны, выдохнул: «Довезите...» Шофер спросил его: «Тикаешь?» Парень промолчал, опустил голову, пнул для чего-то небольшой фанерный чемодан, тот заскользил, зашуршал по снегу. Шофер вздохнул: «Ладно, сидай, бо змернешь навик, маты плакать буде...» Парень быстро подхватил чемоданчик, оббежал машину, держась за капот, словно боялся, что она уедет без него. Я отворил ему дверь и подвинулся. Шофер сказал: «Ось, дывысь, цей хлопец корреспондент с Москвы. Як напише про тэбэ, шо ты дызертыр, шо ты дома скажеш?» Парень глянул на меня настороженно, но ответил как бы и со злостью: «Пускай сам попробует...»

До самого Целинограда мы все молчали. Недалеко от вокзала парень попросил остановиться. Достал из кармана какую-то денежную единицу, сунул через меня шоферу. Тот, косо глянув, махнул рукой, иди, мол. Вскоре и мне было время уходить. Шофер двигатель не стал выключать, но когда я поблагодарил и попрощался и уже за ручку двери взялся, вдруг повернулся ко мне и заговорил: «Та хто ж его знае, може и вправде волки за ими гнались. Их тут як шкодливих котят у хати. А може и сами ковбасу зылы, та на волков скинули. Ты про то не пиши. Дурне дило не хитрое...»

Широко улыбнулся мой добрый хохол, мы крепко пожали друг другу руки, и я вышел из кабины. Шофер вдогонку сказал, по-мрачнев: «И про цього хлопца не пиши. Бо не от доброго життя вони бегуть...»

Про волков я тогда действительно не стал писать – слишком торжественный настрой гудел в душе. Да и других тем интерес-

ных было полно. Кроме того, в Целинограде ожидался приезд самого Хрущева, и редакция на ушах стояла, добывая факты необходимые, а не те, что под руку попадались.

Сейчас в Ставропольском краеведческом музее лежит на хранении мое корреспондентское удостоверение, подписанное Валей Осиповым, бывшим редактором бывшего «Молодого целинника», в создание которого толику вложили и мы, журналисты комсомольских, молодогвардейских изданий. Щедро подписанный, на срок аж до двухтысячного года. В шестьдесят первом году эта щедрость была всего лишь забавной, а сейчас выглядит весьма грустно. Но не будем грустить, а лишь с пониманием и улыбкой кивнем головой над временем, которое пролетело над нашими судьбами, как сладостный, невозвратимый сон.

Владимир Гнеушев

«Ставропольская правда», 11 сентября 2004 г.

О КОЛЛЕГАХ И ПРОФЕССИИ

Сколько бы лет ни прошло

Эту статью специально по моей просьбе написала для этой книги замечательная журналистка «Молодого целинника» Ада Дихталь, душа и совесть редакции, организатор всех наших встреч 13 марта, в юбилей газеты.

Признаться, когда Луиза Григорьевна Свитич, автор этой книги, попросила меня написать о журналистах «Молодого целинника», я немного растерялась. Растерялась от безграничности информации, которой владела. Ведь очень скоро, в две тысячи одиннадцатом, исполнится полвека нашему дружеству и братству. И несмотря на то, что жизнь разметала нас по разным городам, а потом и по разным странам, мы никогда не теряли друг друга из вида. А 13-е марта – день рождения газеты – каждый год собирало нас за именинным столом. И собирает по сей день.

Вот и получается, что материала – на многотомную сагу. Значит, подумаем об адресате книги и выберем из многотемья то, что может оказаться интересным и, хочется верить, полезным для молодых людей, решивших стать журналистами. Оглядываясь на полвека назад и получаю редкую возможность рассказать не только об уникальной редакции, уникальных месте и времени, но и о том, как развернулось творчество газетчиков целинной молодежи в дальнейшем и почему оно стало именно таким, каким стало.

Когда в самом конце 1960 года в среде журналистов появилось известие о создании в Целинном крае молодежной газеты, в отдел печати Центрального комитета комсомола со всех концов страны полетели письма. На столе инструктора отдела Валентина Осипова, утвержденного в должности главного редактора будущей газеты, громоздились десятки пухлых конвертов. Пухлых потому, что кроме заявлений и кратких рассказов о себе в них лежали вырезки из публикаций в разных изданиях периодики. Скорее всего, именно они подсказывали Валентину, кого приглашать в Москву на беседу по поводу будущей работы на целине.

Так был вызван из Саратова, где мы жили, мой муж Адольф Дихтябрь, талантливый парень, достаточно заметный журналист и поэт. Он был чуть старше меня и уже несколько лет успешно работал в областной молодежке. Я же только-только окончила тот же, что и он, филфак Саратовского университета, но тощую папочку своих публикаций на всякий случай захватила.

Посмотрев на меня с высоты своего роста, будущий редактор, обаятельный, мгновенно располагающий к себе человек, спросил:

– А вас мама отпустит?

Да, мы действительно были очень молоды. Равно как и наш главный. И даже те немногие, что оказались чуть старше, были переполнены тем же чувством радости от ощущения новой, необычной жизни. Не просто интересной, но ставшей вдруг очень значительной. А как еще надо было воспринимать эту жизнь, если все радиоточки страны с шести утра до двенадцати ночи говорили о целине. О будущем хлебе. О первопроходцах, что в буранных степях вбивали в мерзлую землю первые колышки за-

втрашних агрогородов, а по весне, не щадя себя и технику, выворачивали – поднимали – сросшиеся с дерниной пласты целины и залежи. Мы чувствовали свое полное родство с этими людьми. И для них, и для нас мощным ветром под крылья было всенародное признание нашего дела.

Вернулась в прошлое и невольно заговорила давними словами, в ту пору, может быть, и стершимися от частого употребления. Стряхнула с них пыль, и они снова засверкали своей ностальгической красотой.

*Помните, ребята?
Это было так.
Город заблудился
в бурной мгле.
Подложив под голову
костлявый кулак,
секретарь крайкома
спит на столе.
Освещает лампочка.
бивачный уют.
Возле двери
чайник
с остывшим кипятком.
Скоро телефоны
зори пробьют.
Рано просыпается
целинный крайком.
Нет еще печатей.
Вывески нет.
Но в сердца впечатаны
Заботы страны.
И не будет скидки
На молодость лет,
потому что трудно
стране без целины.*

Так писал Адольф Дихтярь, одним из первых прибывший в редакцию еще не родившейся газеты. Горячая гражданская искренность пронизывала газетные строки наших стихов и статей, а романтика участия в главном на ту пору общенародном деле напоминала неумный энтузиазм наших ровесников из двадцатых и тридцатых годов.

Да что говорить о нас, наивных и молодых, когда знаменитый поэт Ярослав Смеляков, судьба которого с ее штрафбатами и ГУЛАгами стояла поперек какой бы то ни было романтики, даже он увидел в целинной атмосфере той поры романтические черты своей молодости.

*И ветер первых пятилеток,
полузабытый ветер тот,
всю ночь, качая тени веток,
по дальним улицам метет.*

Больше того, много лет спустя вдова Смелякова передаст Валентину Осипову, в то время уже главному редактору издательства «Молодая гвардия», неоконченные стихи Ярослава Васильевича ... о нас.

*Не из нужды, а вроде бы с охотой
Добросердечной маленькой толпой
Меня встречали возле самолета
Ребята из газеты краевой.*

*Я на земле ночной аэродрома
Средь этих незнакомых мне людей
Почувствовал себя не то чтоб дома,
Но все-таки спокойней и верней.*

*Хоть в темноте той станции воздушной,
заезжий гость проспектов и столиц,
я различал лишь голоса и души,
не различая обликов и лиц.*

*А через час – как было кстати это! –
Когда я пил гостиничный чаек,
Едва ль не вся редакция газеты
Ввалилась в мой отдельный номерок...*

Я не раз читала эти строфы и следующие за ними обрывки строк и всегда удивлялась пронизательности поэта, который с первых минут разглядел в наших ребятах открытость, добросердечность, дружелюбность. И даже такое наблюдение сохранили наброски:

*И что водитель...
Сидел со всеми наравне...*

Разве могла новорожденная газета так быстро встать на ноги и так уверенно зашагать, если бы в ней кто-то вдруг оказался не «наравне».

Мелькнул в набросках Смелякова и такие строки:

*Не по приказу, а по доброй воле
из всех краев приехали сюда...*

Общее дело, общие цели, взаимопонимание, стремление жить в согласии и доброжелательстве друг с другом – все это создавало атмосферу замечательного душевного здоровья, утрату которого мы так остро ощущаем в нынешнее нервное время.

И если пожилой поэт почувствовал рядом с нами, «не то чтоб дома, но все-таки спокойней и верней», то представьте, как спокойней и верней чувствовали рядом с друзьями мы сами. Как помогло это нам, оставившим родительские дома, городские квартиры, налаженный быт, адаптироваться к превратностям новой жизни. Да мы и не замечали никаких превратностей. Нам слишком комфортно было в общении друг с другом. А работа была слишком интересной, чтобы казаться трудной.

Так, спустя четверть века, уже не в газете, а в романе, напишет об этом времени наш товарищ Юрий Калешук, заместитель главного редактора журнала «Дружба народов»:

«... Помню город, считавшийся краевым центром, по которому месяцев шесть в году можно было передвигаться лишь в броднях. Ну и что? Была работа, прекрасные люди рядом, а что нет постоянного дома или даже угла – какая малость, песчинка – в этом ли дело? Я привык жить, как жили мои сверстники, – не обращая внимания на то, что в комнате еще трое, и один спит, тяжело вскрикивая во сне, другой бренчит на гитаре, третий целует девушку, а перед тобой белый лист бумаги, и это целый мир, который дано открыть только тебе ... »

Рискнула, было, прервать цитату, воспользоваться ею только как достоверной картинкой быта, но долгая эта фраза содержит более глубокий смысл:

«... Господи, как скудны и самонадеянны были открываемые мною миры, как обделены душой и как прямолинейны, сколь многого я не видел, не замечал, не желал замечать, старательно выкорчевывал из себя, как непростительную слабость, как корь, как юношеский грех, все то, что было за пределами конкретного опыта, что лежало за границами наблюдаемого мира; замыкаясь мыслью и сердцем на работе, я и разговоры с людьми сводил только к работе, и только к работе, в моих заметках они перевыполняли план или, по крайней мере, стремились его перевыполнить, и то было нормальное, естественное стремление, – даже работу, в конце концов, я свел к ее линейному, одномерному знаку...

... Нет, я и сейчас считаю работу стержнем человеческого существования, оправданием его бытия, только теперь это понятие стало глубже, ибо его невозможно отторгнуть от напряженной работы души, от причудливых теней прошлого и еле угадываемых силуэтов будущего».

Подобное мироощущение и его преобразование во времени характерны для многих из нас. Что же касается «стержня существования» и «оправдания бытия», то никому из нас, насмешливых, ироничных, непримиримых ко всякой выпренности, не

пришло бы в голову отнести к себе подобные слова. Хотя именно потому так творчески гармонично и так душевно комфортно складывалась наша редакционная жизнь, что у нее был крепкий стержень – любимая работа.

Мы жили в радости от своего труда, своих командировок, от встреч с целинниками, для которых не жалели ни слов, ни чувств. Не помню, о ком рассказывал в своем материале Новомир Лимонов, в будущем известный журналист, но афористичный заголовок его очерка – «Талант быть человеком» – не раз вспоминался потом и на целине, и на БАМе, и в какой-нибудь глухомани, населенной удивительными людьми.

Сами нацеленные на отдачу, мы как должное воспринимали безграничную самоотверженность целинников. Мы восхищались трактористами, которые, увидев бушующий пожаром ковыль, кинулись пропахивать борозду, чтобы отрезать огонь от пшеничного поля и только ценой жизни спасли созревающий хлеб. В стихах и прозе мы повествовали о легендарном прорабе, который, пытаясь спасти шоферов, застрявших с машинами в заносе, пошел пешком за подмогой и замерз в метельной круговерти.

Мы смотрели на все широко открытыми глазами, но по своему молодому недомыслию и неумемному романтизму не сразу разгадали, что целина поднималась и за счет эксплуатации энтузиазма людей. Мы не могли подняться до обобщений, но со страстью рвались костерить и бичевать все, что, по нашему разумению, мешало целине. И это на земле, к которой было приковано внимание власти и народа, социалистического зарубежья и дальнего Запада и за которой пристально следил Сам.

«Самим» в ту пору был Никита Сергеевич Хрущев, первый секретарь Центрального комитета партии, председатель Совета министров СССР. 13 марта 1961 года после двухдневной поездки по совхозам он приехал в Акмолинск (который тут же переименует в Целиноград) на совещание передовиков сельского хозяйства края. К этому событию и был приурочен выход первого номера газеты «Молодой целинник».

Новенькие, еще теплые от перегревшихся печатных станков пачки газет Валентин Осипов привез на заседание. Секретарь ЦК комсомола наметанным глазом идеологического цензора окинул первую полосу, вторую. Остановился на третьей и недобро проговорил:

– Мы тебя зачем сюда послали – настроение Хрущеву портить?! В день его приезда! В день открытия совещания!

На третьей полосе газеты была напечатана статья Адольфа Дихтяря «На перекладных далеко не уедешь». Броский заголовок говорил о явно критическом характере материала. Тема – самая актуальная: как выкладываются ради будущего хлеба механизаторы и как безобразно, не по-человечески организованы их жизнь и быт.

В зале появился Алексей Аджубей – блистательный редактор «Известий», с деятельности которого началась «оттепель» в советской журналистике. В состоянии, которое не трудно представить, Осипов подошел к своему высокому коллеге.

– Он помнил меня как инструктора отдела печати ЦК ВЛКСМ, – рассказывал об этой истории Валентин Осипович. – Спросил, с чего-де мрачен. Я протянул ему газету. Стремительно одолел статью и весело – каково мне! – заявил: «Будь внимателен при речи Никиты Сергеевича...» И вдруг слышу, как сам он, Хрущев, среди иного и прочего четырьмя абзацами – с критикой того, о чем и Дихтярь. Это, оказывается, Аджубей успел вставочку вписать, когда дошлифовывали речь.

В перерыве к Осипову подошел утренний рецензент:

– Поздравляю! Не обижайся. Я ведь так – проверял на зрелость.

Может быть, наш главный редактор и его заместитель Павел Петрович Капитонов рассматривали это событие как своеобразное разрешение на критику, мы же – как приказ критиковать. Впрочем, «разрешение», «приказ» – это была головная боль начальников. Наши же головы кружила вольница «оттепели». Мы были уверены, что это там, в центре, в больших городах начинает крепко подмораживать, а у нас «погода» что надо. Что там,

разоблачить круговую поруку торговых работников! Что там, вскрыть липовые отчеты незадачливых комсомольских секретарей! Мы замахнулись на всю краевую верхушку. Вот эта история в подробностях.

В двухместном номере гостиницы «Ишим» встретились и разговорились артист Московского театра оперетты Аникеев (тогда на целину приезжало много деятелей культуры) и бухгалтер строительного отдела краевого исполкома (тогда многие специалисты в ожидании квартиры жили в гостинице). Бухгалтер рассказал своему собеседнику, что в девятнадцати километрах от Целинограда, в голой степи, находится редкостной красоты рукотворный оазис. Его создавал человек, не то эсер, не то кадет, сосланный в эти края еще при царе и обосновавшийся здесь до конца жизни. Из разных городов и стран он выписывал семена кустарников и деревьев, которые могли бы пережить тридцатиградусные зимы, а летом не погибнуть от засухи и знойных ветров. Возникшими здесь парками, аллеями и прудами распорядились наилучшим образом – создали республиканский пионерский лагерь, своеобразный казахстанский Артек.

Новоселам самых больших в крае кабинетов приглянулось зеленое местечко. Лагерный сезон окончился, дети разъехались, началась стройка. В бухгалтерских сметах она не значилась, фонды на нее не выделялись, стройматериалы без стеснения увозили прямо с объектов, где сооружалось жилье для целинников.

Узнав обо всем этом, возмущенный артист на следующее же утро пришел к главному редактору «Молодого целинника». Наталья Ряднова, заведующая отделом школ, тут же выехала на место. На зеленой траве она увидела строительные блоки. Стояла готовая к работе локальная электростанция, призванная давать бесперебойный свет в оранжереи, парники и будущие охотничьи домики...

– Хорошо помню: мою статью поставили на 21-е сентября, – вспоминает Наташа. – Я как раз дежурила по газете. Материал был набран. Сделана корректорская правка. Готовые к печати полосы повезли на визу главному комсомольскому начальнику.

Свое мнение о статье он выразил... густым матом. Тут же – а была глубокая ночь – позвонил Осипову: «Что Вы себе позволяете?!.»

Удивительно. Наташа вспоминает эту, полувековой давности историю и волнуется, как будто все произошло вчера или, по крайней мере, неделю назад. Страстное, воинствующее несогласие со всяким непотребством, стремление вмешаться, побороть – это сформировалось в те далекие годы, стало профессиональной чертой, а то и особенностью характера. Порой, когда меня просят оглянуться на возраст, поостыть и обойти стороной какие-то общественные несуразицы, я отвечаю: «Журналист – это не профессия, это образ жизни».

Другая сторона неравнодушия – возможно, об этом надо было сказать в первую очередь – это уважение и сердечная расположенность к своим героям. К тем, о ком пишешь. С кем встречаешься, беседуешь. Или о ком узнаешь из воспоминаний и книг.

В конце 1964 года в Целинограде появилась долгожданная книга «В редакцию не вернулся...» о журналистах-фронтовиках, не пришедших с войны. Я залпом «проглотила» ее и, потрясенная, за ночь написала все, что пережила. В начале следующего года получаю заказную бандероль: «Редакция газеты “Молодой целинник”. Аде Дихтябрь. Лично». Ниже: «От К. М. Симонова» и полный обратный адрес. В первый момент подумала, что это кто-то из наших ребят так подшутил над моим пристрастием к военной теме, но все равно заволновалась и торопливо вскрыла конверт. В нем – тот же том «В редакцию не вернулся». На титульном листе тем же, что и на конверте, почерком написано: «Аде Дихтябрь – с признательностью за сердечное слово о моих товарищах, самое сердечное из всех, что я прочел». И знаменитая размашистая подпись: «Константин Симонов».

Не ругайте меня за нескромность. Во-первых, этот пример рассказывает о Симонове гораздо больше, чем обо мне, а во-вторых, его оценка, его фраза о сердечном слове, сердечном отношении, применима ко многим-многим работам моих товарищей. Как-то Нина Колбаева, разбирая на летучке чей-то очерк, справедливо

заметила: «Каждый из нас проживает не одну жизнь, а много». Оттого и сердце можно было услышать в каких-то наших строках.

Думаю, потому у журналистов профессиональным недугом оказывается заболевание сердечно-сосудистой системы, что она испытывает постоянное напряжение. В редакции, где всегда аврал. В типографии, когда режешь по живому свое многострочное детище, чтобы втиснуть его, бедного, в указанную ответсекретарем колонку. В командировке. И дома над листом бумаги, когда снова проживаешь чью-то жизнь.

Немного отвлеклась. А ведь я – об отношении к тем, о ком пишу, у кого берем интервью. За пять лет работы в «Целиннике» я не слышала, чтобы кто-то проявил небрежение или бестактность в общении со своими героями или даже «антигероями». Поставить бы здесь точку, закрыть понятную тему, да не могу. Мешает одна информация, прочитанная в Интернете. Она – о парламентском корреспонденте агентства «Интерфакс» Ирине Иновели.

Ира приехала в Целиноград вместе с такими же, как она, выпускниками Ленинградского института культуры. И работать начала в краевом отделе культуры. Но на беду этого самого отдела написала статью в «Молодой целинник». Вскоре она уже не мыслила себя без газеты, а газета – без ее звучной фамилии на полосе. После «Целинника» вместе с мужем, талантливым фельетонистом, острословом и балагуром Александром Фридманом, работала в республиканской молодежной газете Казахстана. Потом заведовала отделом в «Заре Востока» – главной газете Грузии. Ныне, второй десяток лет, – в Интерфаксе. Ее работоспособность, ответственность, оперативность беспрецедентны.

Автор интернет-информации прав – среди парламентских журналистов Ирина поистине легендарная личность. Ну а дальше, видимо, желая усилить комплиментарную линию своего опуса, он придумывает историю, как Иновели, желая заполучить срочный комментарий от очень важного и труднодоступного в Госдуме лица, «кинулась ему наперерез», «пихнула кулаком в

живот», «гневно посмотрела» и сказала: «Ну, мне же надо что-то передавать».

Даже со мной, близким человеком, Ира не стала обсуждать эту из пальца высосанную пошлость. А ведь именно эту пошлость, неинтеллигентность, бескультурье автор выдает за образец профессионального поведения, ведущего к успеху. Нет, ни в коровнике, ни на полевом стане, ни в рабочкоме, ни в министерствах не вели себя так наши журналисты.

Недавно один из моих товарищей дал мне почитать рукопись своей новой книги, сделанной на основе личного дневника целинной поры. Открывается книга посвящением: «Всем друзьям по “Молодому целиннику”, а главное, героям наших статей, очерков, репортажей – ветеранам целины». Это – «а главное» – взволновало особенно. Вот вам еще один пример к разговору об уважении к людям – незыблемому принципу журналистской этики.

Однако царапает, не отпускает меня замечочка из Интернета с ее восхвалением популярной у иных коллег методой – любимыми средствами, лишь бы выкрикнуть первым. Про методу тут ясно – на помойку! А вот успеть первым, открыть первым, первым информировать – это тест на качество работы. Еще один случай из шестидесятых.

По дороге в очередную командировку, в поезде, наш корреспондент Юра Чернов услышал сообщение о запуске второго советского космического корабля с человеком на борту. Этим человеком был Герман Титов – по счастливому совпадению земляк Чернова. Юрий вышел на первой же станции. Добрался до ближайшего аэродрома. И вскорости был на Алтае, в родном селе героя, беседовал с его родителями. А через сутки в газете переверстывали первую полосу, чтобы уместить на ней не просто репортаж, а фоторепортаж: «Шесть часов в семье космонавта».

А как не вспомнить еще один лихой вояж того же Юры Чернова и его закадычного друга, нашего замечательного журналиста Петра Скобёлкина... на мотоцикле по маршруту Целиноград – Брест с репортажами из лежащих на пути городов и весей.

Все бурно обсуждали неожиданную идею, пока редактор не согласился выдать ребятам командировочные удостоверения. Мы с большим интересом и беспокойством (мотоцикл – транспорт опасный) следили за виражами и зигзагами их маршрута. И вот – сообщение. Ни откуда-нибудь, а из Вёшенской. Наши парни – у Шолохова! Они расскажут потом, как Михаил Александрович по собственной инициативе попросил какого-то местного начальника поменять облысевшие шины на их не в меру потрепанном транспорте.

Кто знал, что в недалеком будущем наш редактор станет одним из крупных исследователей творчества Шолохова, а на стыке веков мы будем читать его книгу об авторе «Тихого Дона» в любимой всеми серии «Жизнь замечательных людей».

Изобретательности, интересным находкам, неожиданным поворотам тем, остроумным решениям не было конца. Мысли, как кресала, сталкиваясь друг с другом, высекали огонь. Все это пять раз в неделю выливалось на большеформатные полосы газеты. Друзья-коллеги из «Комсомолки» шутили: «“Целинник” наступают на пятки». Дипломники журфаков МГУ и КазГУ корпели над нашими трудами в «МЦ».

Первую дипломную работу о нас написала Ира Пинчук, студентка Уральского университета. Уникальный случай: Ирина и ее муж Болеслав, выпускник того же вуза, ухитрились приехать на журналистскую практику в газету, которой еще не было. Правда, до выхода ее оставалось не больше недели.

Правильно понимали Пинчуки – работа на новых землях, в новом издании сулит большие творческие возможности. Но никак не думали, что через какое-то время их командируют в Калмыкию, чтобы создать там республиканскую газету для молодежи. Болеслав увезет с собой наш опыт, наши традиции, наших самых молодых ребят, которые со временем тоже станут редакторами региональных газет или сотрудниками центральных. Позже Пинчука пригласят в Москву, но уже как специалиста по вопросам национальной политики.

Мое повествование давно выходит за отведенные ему рамки, но я должна рассказать еще о нескольких важных вещах. А потому – снова шестидесятые.

Заметно растет тираж газеты. Растет число наших друзей. Каждый особенен. Нет заурядных. Это коллеги из местных газет и радио. Московские и ленинградские строители. Архитекторы. Художники, чуть ли ни целым выпуском приехавшие из ленинградской Академии художеств. Замотанные командировками комсомольские инструкторы. Местные писатели и поэты.

Со строителями отношения особенно тесные. Как-то сложилось, что для многих они стали друзьями на всю жизнь ...

*Что горевать нам, мальчики,
Ведь едем мы не к мачехе.
Едем мы на целину –
В неоглядную страну, –*

с упоением горланим мы одну за другой песни нашего любимого барда, прораба Виктора Мильто. Под его же гитару:

*Города стоят в степи как дозорные.
А над ними – снегов пелена.
Все-таки это, ребята, здорово,
Что есть на земле Земля Целина.*

Чувствуете настроение? А ведь оно и в песнях иного ряда – своих, домашних, застольных, что не исполнишь в клубе и не напечатаешь в газете.

*Мы съехались сюда из разных стран,
со всех концов России необъятной.
Мы первыми врывались в ресторан
и тихой сапой двигались обратно.
Мы беззаветно спали на столах,
потом за ними пили и писали.*

*И так же был далек от нас Аллах,
как был далек отец народов Сталин...
А где-то там, от всех от нас вдали,
как чьей-то книги трепетные главы,
приходят и уходят корабли,
те, на которых нам уже не плавать.
Уйдем и унесем с собой мечту
в далекий край заоблачно высокий.
Ведь главное – мы носим целину
в своих сердцах, и нежных, и жестоких...*

Это уже сочинение Саши Фридмана. Возможно, в соавторстве с Новомиром Лимоновым.

Так я – о друзьях.

К нам в редакцию, в воскресный клуб коллекционеров, заживал молодой врач Станислав Ашмарин. Как-то в комнате рядом слышал громкий разговор по телефону. Удивился, что журналист работает в воскресенье, и, постучавшись, зашел в кабинет. За столом сидел очень высокий молодой человек. На стене, прямо перед ним как баскетбольная сетка висела ... мусорная корзина. Он метал в нее смятую в комок бумагу, явно черновики.

Врач оценил чувство юмора журналиста и деликатно поинтересовался, не нужны ли газете карикатуры, которые у него иногда неплохо получаются. Журналист, а это был Владимир Барев, сразу определил тему – «спорт». Сам отличный спортсмен, победитель всевозможных соревнований в пору студенчества на философском факультете МГУ и уже здесь, на целине, он вел спортивные полосы газеты.

Слава стал появляться у нас через день в свой обеденный перерыв. Приносил выполненную работу. Поначалу удивлялся, как тепло, по-дружески относились к нему редакционные художники – Коля Цимбулов и Ваня Свитич. Без ревности, не как к конкуренту. Наоборот, расчищали место на странице не только для карикатур, но и для его рисунков к статьям, письмам, просили делать заставки, рисовать заголовки. «Квартирный вопрос» заста-

вил Станислава переехать в соседний со столицей края город – «закрытый город», где добывали что-то таинственное и где профессия врача нужна была больше, чем где-либо. При первой же возможности Ашмарин сел на «кукурузник» – старенький АН – и через полчаса оказывался в редакции.

– Я уже не мог оставаться без общения с вами. Без вашей открытости, душевной щедрости, бесребреничества. – Так говорил сам Станислав. Он по-прежнему работает врачом и живет в небольшом городе под Свердловском.

Я дописывала этот очерк, когда Слава очередной раз появился в Москве. Проездом. По дороге в Польшу и Чехию. Почти каждый год его, теперь уже признанного мастера карикатуры, приглашают в жюри международных конкурсов сатирического рисунка. У него бездна наград, премий, призов многих стран, он постоянно печатается в центральной и сибирской прессе.

– Всем этим я обязан «Молодому целиннику». – Много раз мы слышали от него эту фразу.

А что художники? Они много сделали как профессионалы. Николай Цимбулов интересно работал с цветным стеклом. Сейчас живет под Белгородом. Иван Свитич не так давно переехал из Целинограда (извините за постоянную описку – из Астаны) в бывшую столицу Казахстана Алма-Ату. Новой столице, вернее, ее художественному музею он оставил 200 высококлассных живописных работ.

И еще немного на тему животворного общения.

Кажется, мы отмечали тогда свой сорокалетний юбилей. Владимир Васильевич Червяков – второй и последний редактор «Молодого целинника» – постарался собрать у себя не только москвичей, но и целиноградцев, ребят из Сибири и даже из ближнего зарубежья. Под словом «собрать» подразумевалось, что он оплатил всем дорогу. Нет, Червяков не олигарх, не банкир и даже не предприниматель. Просто у него большой талант быть человеком. Рано или поздно каждый из нас ощутил это на собственном опыте.

Из Омска приехала Лариса Капитонова, жена, а к тому моменту – вдова Павла Капитонова. Приехала, подавленная горем,

неустройством, нездоровьем, негостеприимным, как ей тогда казалось, городом. Уезжала другим человеком. Сразу прислала письмо: «Здравствуйте, дорогие мои молодоцелинники! Здравствуйте, родные мои люди! Насколько светлее мне стало жить после встречи с вами ... После смерти моего ненаглядюшки впервые поняла, что я должна жить ... »

Как будто живая вода напоила человека. С неожиданной для самой себя энергией занялась делом, которое на этом этапе жизни считала главным. Лариса стала искать следы родных – членов многочисленного рода, сгинувших при раскулачивании, расстрелянных, сосланных на поселения. Она пообещала матери найти и нашла место захоронения без вести пропавшего на войне отца. Стала писать. «Я не могу ни спать, ни есть – как будто мне кто-то диктует стихи, не успеваю записывать», – говорила она мне по телефону. Прислала несколько бандеролей с рукописями и, наконец, первую маленькую, тоненькую, но удивительную книжечку. Вступительную статью к ней написал Валентин Осипович Осипов, поддержал материально Владимир Васильевич Червяков.

Первый стих в этой книжке о себе.

*Родилась я в суровом краю – на спецпоселении.
Говорят: прямо в НКВД, отделении,
Мать моя там отмечалась.
Преждевременно роды начались.
Пуповину перегрыз Тихон – ссыльный,
Покуда за лекарством ходил посыльный.
Баба, стоявшая на отметку «в казенке»,
Сняла с себя платок – получилась пеленка.
А какой-то мужик снял фуфайку
И соорудил из него одеялко.
Было подвигом в той суровой степи
С последним платком и фуфайкой расстаться,
Где в морозный солнечный день
Было далеко за минус двадцать...
Люди, униженные судьбой и Родиной,*

*Меня согрели, благословили.
Сказали: расти, расскажешь потомкам
О подвиге нашем, таком негромком...*

Вольно-невольно вышла на самую болезненную тему нашего поколения. Ведь рассказ о «Молодом целиннике» – это рассказ о поколении, поколении шестидесятых годов. Нас еще называют – «дети XX съезда», партийного съезда, разоблачившего культ Сталина.

...Анатолий Франковский впервые появился в Казахстане не в связи с созданием газеты. Его, малолетку, с матерью и еще меньшим братом после расстрела отца вынудили двинуться с юга Украины на север Казахстана. Вскоре сюда, в голую степь, с западных приграничных районов страны этапировали сотни и сотни таких же несчастных польских и немецких семей – граждан СССР.

...Сын работника Наркомвнешторга и врача Валентин Осипов рос не во Франции и не в Германии, где работал отец, и не в Москве, где исследовательской и лечебной работой когда-то занималась мама, а в ссылке, в маленьком казахском селе. Без отца, но с мамой. Отец расстрелян.

Репрессированные родители Хамита Абсалямова были актерами татарского театра. Дед Гали Подгурской – крестьянином. Деда Володи Бараева, буряты, расстреляны как шаманы. Приехав в Казахстан, я все время рвалась в небольшой поселок под Целиноградом. Этот поселок назывался «точкой», вместо названия имел только номер. В то же время имя этого поселка знала вся страна: «Алжир» – «Акмолинский лагерь жён изменников родины». Здесь отбыла свой десятилетний срок моя тетя, родная сестра папы.

И вот на наших глазах всему этому ужасу пришел конец. Верилось – навсегда. Ощущение свободы рождало привычку к свободе. Говорить – что думаешь. Писать – правду. Не врать во спасение...

Но на смену оттепели приходила распутица. И похолодания. И заморозки. Пал, подбитый своими бывшими соратниками, Никита Хрущев. Раздробилось на отдельные области и перестало

ло существовать его любимое детище – Целинный край. А вместе с ним и наша газета. Настроение у всех – хуже некуда. Адольф Дихтярь откликнулся стихами.

Все кончено.
На что с тобой нам сетовать?
На верность переменчивой судьбе?
Мы жили бы с оглядкой,
Но газета ведь
Нам не давала думать о себе.

.....
Мы поднимали паруса романтики
Над мачтами целинных бригаantin.
Глотая беды, превращались мальчики
В рискованных и отзывчивых мужчин.

.....

Рвет алый парус ветер,
В мачтах стонуций.
Ты чувствуешь, как губы солоны?
Мы, капитаны бригаптины тонущей,
Последними уходим с целины.
Но все-таки отделались мы дешево.
Привычку к многословью поборов,
Я говорю тебе:
– Всего хорошего...
А ты мне отвечаешь:
– Будь здоров...
– Прощай, старик!
– Пиши, старик!
– Я отписал свое.

Целинный край,
Уходит
В небытие.

Не ослабив дыхания, с каждым годом увеличивая тираж и уважение читателя, прошла наша газета свои славные пять лет. Уже давно сменил Первого главного Валентина Осиповича Осипова Второй главный – Владимир Васильевич Червяков. Он вел газету, не потеряв ни одного из ее достоинств. После закрытия «Молодого целинника» его отозвали в ЦК комсомола на какую-то важную должность. Не знаю точно, что входило в сферу его работы, но он очень активно занялся распределением «выпускников» своей бывшей газеты. «Выпускники», как говорится, шли нарасхват. Придя в новые издания, они быстро становились ведущими журналистами, завоевывая читателя главным оружием, что приобрели, работая на целине: независимостью суждений, критическим взглядом, смелостью.

В комсомольскую газету Карелии получила направление Галина Подгурская.

Интересно, что к нам в редакцию она пришла уже с медалью «За освоение целинных земель», которую получила за какие-то невероятные способности организовать на трудовые подвиги своих однокурсников с факультета журналистики МГУ. Свинарник, который они помогали строить, был выполнен лучше всех и сдан быстрее всех. Понятно, что в «Целиннике» Подгурской поручили заниматься стройками и другими непростыми темами рабочей жизни.

Как и большинство из нас, Галина вышла из «Целинника» с богатым опытом создания авторского актива. Молодой человек по имени Валерий среди ее подопечных в новой газете был одним из лучших. Правда, первую информацию им пришлось сочинять вместе. Через два десятка лет карельский журналист Валерий Верхоглядов напишет книжку, вторая глава которой будет называться «Уроки Подгурской». Мне понравилось описание их первой встречи в Галином доме. Разговаривали у стеллажей с книгами:

– Ты не читал Камю? – удивилась Галина. – А что ты вообще читал? А про Сартра слышал? Вон на той полке его «Птицы» гнездятся. Возьми, а то и поговорить с тобой будет не о чем...

Все, что ты прочитал, что увидел, что узнал – все должно присутствовать в твоих материалах. Такая работа. Все несешь в газету...

Очень скоро Подгурскую пригласили в «Комсомольскую правду» на роль собкора по Северо-Западу. Затем много лет Москва, «Комсомолка» и напоследок – «Литературная газета», в которую ее перетянул Щекочихин.

Привычка осваивать новое толкнула Юрия Калешука сначала на морские суда, а потом уже очень основательно – в Сибирь. Последние его работы – три романа, посвященные первопроходцам. Но уже не целины, а столь же проблемных газовых и нефтяных регионов Западной Сибири.

Меня тоже несло в новые края. Думала, если не поеду с первым эшеломом на Байкало-Амурскую магистраль, сломаюсь, как ломается какой-нибудь аппарат от перенапряжения. Поехала. Небольшая книжица вышла в тот же год. Небольшая, но первая в длинном строю книг о БАМе. Достаточно часто писала о Сибири. Но гораздо больше – о людях целины.

Нина Колбаева работала в Риге, в молодежной газете Латвии. Всегда была верна одной теме – теме культуры. Знаменита тем, что в семидесятые – восьмидесятые годы, не лучшие для нашей культуры, была главным редактором республиканского журнала «Кино», который выходил на двух языках.

Тихо, спокойно, небольшими, в основном женскими силами, она создала журнал, пользующейся большой известностью не только в своей республике, не только в стране, но и в мире. Что его отличало от других? Все то же – глубина анализа, смелость в суждениях и никакой оглядки на цензоров.

Владимир Бараев после «Целинника» возвращается в Бурятию, становится главным редактором журнала «Байкал». Никому не ведомое раньше издание начинают искать по библиотекам, через знакомых выписывают из Улан-Уде, передают друг другу зачитанные экземпляры. В них – фантастические повести братьев Стругацких, статьи известного смелостью своих высказываний литературоведа А. Белинкова, «идеологически невинные», но

не укладывающиеся в марксистское представление о мироздании исследования Ф. Зигеля о «летающих тарелках».

На «Байкал» обрушивается шквал критических рецензий из «Литературной газеты», «Огонька», «Советской России». «Новый мир» похвалил за Стругацких. Но уж лучше бы он этого не делал. Многочасовое заседание бюро обкома партии во главе с первым поставило точку на блистательной карьере нашего друга в литературном журнале своей республики.

Кто помнит сейчас того секретаря? А бараевский «Байкал»? Он давно вошел в историю литературы. Сам Владимир стал автором очень многих интересных и талантливых книг. Презентуя мне одну из них – повесть о Николае Бестужеве «Высоких мыслей достоянье», он написал:

«Здесь немало того, что я получил от вас и многих других молодоецелинников – беззаветной веры в торжество добра, стремление честно, искренне писать о самом сокровенном и злободневном».

Я долго не могла начать работу над этим очерком. Не сразу выбралась из завала фактов. Теперь вот не могу закончить. О многом еще не рассказала. Многих не назвала. Что делать? Просто ставлю точку.

Целиноград болит в моей душе

Юрий Владимирович Чернов, уроженец Алтая, в далекой юности окончил Казахский государственный университет, работал журналистом в Кустанае, потом в целиноградской газете «Молодой целинник». Сегодня он вспоминает свою молодость, рассказывает о замечательном газетном братстве единомышленников, о хрущевской оттепели, делится с читателем и светлыми, и грустными мыслями. В настоящее время он живет в Краснообске.

Два часа ночи. Самый сон.

– Петропавловск! Приготовьте билеты и паспорта!

Зычный голос проводницы и ярко вспыхнувший свет будят пассажиров. Те недовольно ворчат:

– Надо же: русский город на Транссибе, а оказался за рубежом!

– Ельцина бы с постели сюда!

– С алкашей какой спрос? А вот куда нынешние правители смотрят?

Я уже слышался подобных, если не похлеще, реплик, когда прошлой осенью проходил более тщательный и колготной контроль на казахстанской таможне близ Славгорода. С вещами мы тащились в регистрационный зал, в отличие от нашего показушно обставленный новейшим оборудованием: тут тебе и телеглаз, и сканер для багажа. Среди сотрудников в новенькой униформе не замечаю ни одного славянского лица...

Повторю за поэтом: «Все это было бы смешно...» А грусть моя отнюдь не из-за мытарств с багажом или ночной «зачистики». Нет, я печалюсь, и не только на таможне, совсем по иному поводу. Ведь я знал и другие – благословенные времена, когда жил и работал по ту сторону произвольно нарезанной границы. Вот и после петропавловской побудки я долго не мог уснуть и под стук колес вновь и вновь перелистывал страницы своей целинной юности, вспоминал друзей, на встречу с которыми ехал сейчас в Москву, и все более убеждался: а ведь мы жили и работали в будущем, в прообразе того самого «Города солнца», о котором кроме Кампанеллы испокон веков мечтали справедливые и романтические умы...

В настоящее время мало кто помнит, а то и вообще знает, что в истории целинной эпопеи, бурно стартовавшей весной 1954 года, был второй, не менее значительный этап, связанный с образованием в 1961 году Целинного края из пяти областей: Акмолинской, Кустанайской, Кокчетавской, Павлодарской и Северо-Казахстанской (Петропавловск). В тот год целина как бы переживала второе рождение. Новый край со столицей Целиноградом (бывший Акмолинск), три новых газеты: «Целинный край», «Тын олкеси» (на казахском) и наша комсомольская –

«Молодой целинник». 13 марта 1961 года вышел ее первый номер – дата, чтимая нами не меньше, чем день собственного рождения.

Если я скажу, что наша газета была большого формата, выходила пять раз в неделю и имела нарастающий год от года тираж – 50, 80, 100 тысяч, то скажу о ней очень мало, во всяком случае, не самое главное. Как пели мы в редакционном гимне: «А главное – мы носим целину / В своих сердцах, и нежных и суровых». Впрочем, в этом гимне были также слова, лишенные столь высокого пафоса: «Мы беззаветно спали на столах, / Потом за ними пили и писали, / И так же был далек от нас Аллах, / Как был далек отец народов Сталин».

Целину, как известно, осваивала вся страна. Наша газета в этом смысле не была исключением. Из ста претендентов первый редактор Валентин Осипов пятерых отобрал из Москвы, по тройке – из Ленинграда, Кустаная (в том числе меня) и Алматы, по два – из Кишинева, Свердловска, Саратова и Улан-Удэ. Новосибирск был представлен в газете Ниной Кулик и Ритой Поповой-Зеленской. Даже по географии такого маленького коллектива, как наша газета, можно судить, насколько была приятна работа «в крае целинного подвига». И ведь знали, что едем не на готовое, что о квартире в первые два года не стоит и речи заводить.

Редакцию временно разместили в четырех кабинетах железнодорожного техникума, в каждом – по два-три отдела. А жили где придется: одни – в гостинице, другие – в старых «колчаковских» вагонах, семейные – на квартирах. А мы – самые молодые и неприхотливые – тут же в редакции. Удобно: отработал, попил чайку и растягивайся на письменном столе, застланном подшивками «Кустанайского комсомольца», поглощенного «Молодым целинником». Для полноты картины такая деталь: единственный на всю редакцию телефон предусмотрительно подключен тридцатиметровым проводом. Когда на собраниях звонили с междугородной (а звонили то и дело), абонент брал под мышку аппарат и, волоча шнур, удалялся в коридор для разговора.

Не забыть наши летучки. Это были вариации Страшного суда. Кровопускания не избегал никто. Как беспощадно каралось тут пустословие, поверхностная разработка темы! А удачи воспринимались как должные. Само собой разумелось: разве иначе позволительно писать на целине? Героика ее первых лет и огромность новых задач – вот то, с чем постоянно сверяли свою работу.

Меня до сих пор занимает этот феномен «Молодого целинника», когда каждый из нас, даже новичок на газетной ниве, казалось бы, делал непосильное, раскрывая свои самые лучшие возможности, и не в последнюю очередь – человеческие качества. Что это было? Что за журналистский котел гудел на целинном костре, варясь в котором, каждый становился словно моложе, чище, талантливее? С одной стороны, тут многое значило время так называемой «хрущевской оттепели». «Критикуйте, невзирая на лица, пишите раскованно, так, как требует тема и факт», – говорили нам, что мы и делали, соревнуясь в том, по чьим материалам принимались самые действенные меры.

С другой стороны, наши отношения пока не отягощал ни квартирный вопрос, ни мышьяная возня интриг и амбиций, наблюдаемые почти в каждой редакции со стажем. Мы же начинали с чистого листа, стараясь, как при любом, даже случайном знакомстве, показывать себя с самой лучшей стороны. Вот и в командировках, знакомясь со своими героями, целинниками первых эшелонов, которые трудились в еще более трудных условиях (палатки, вагончики, работа от зари до зари), мы невольно заряжались их самоотдачей в большом деле, на фоне которого твои болячки и слабости просто не брались в расчет. Иными словами, здесь побеждал и работал тот самый дух советского коллективизма, который не в чести у нынешних «хозяев жизни».

Благодарю судьбу за то, что, мотаясь по степным просторам с их несравненным ароматом купающихся в солнце трав и злаков, я погружался и в эту живительную атмосферу коллективизма, где правили самые чистые и врачующие отношения людей, спянных делом, непосильным для одиночки. Говоря по-иному, все

мы, молодоцелинники, становились духовной родней, узы которой крепче кровных.

Вряд ли кто сейчас будет оспаривать то, что в целом целина состоялась. В Сибири и Казахстане подняли и освоили 42 миллиона гектаров степей, создали более 600 совхозов. Основной кормовой культурой для скота повсюду стала кукуруза. Теперь уже никого не упрашивают и не заставляют выращивать эту «королеву полей».

Расцвел и неприметный город, ставший целинной столицей, где я прожил пять лет. Бывший глиняный Акмолинск принял от щедрот Никиты Сергеевича Хрущева прекрасный Дворец целинников, вокзалы, целые улицы домов, построенных «с колес». Были у нас дома «московские», «киевские», я жил в «ленинградском».

На 1963 год в крае проживало более 3,5 миллиона человек – почти треть населения республики. По Всесоюзной переписи 1959 года русские составляли здесь 45% населения, украинцы – более 14%, белорусы, немцы, татары – 16%, представители титульной нации – казахи – лишь около 19%. Поговаривали, что русскоязычный Целинный край может войти в состав РСФСР.

Казалось бы, живи этот многонациональный край, богатей и развивайся. Ан, нет. После смещения Хрущева, как бы в пику его идеям, кунаку Брежнева Кунаеву было дозволено сложившийся во всех отношениях Целинный край расформировать, а краевые газеты, соответственно, закрыть. Но это была лишь первая административная гримаса на светлом лице края, называемого «Планетой Целина». Вторая и самая зловещая – пришла из Беловежья вместе с винными парами трех славянских президентов, преступно приговоривших к смерти Советский Союз. В одночасье бывший Целинный край со своим романтическим русскоязычным населением оказался за границей. Не имея никакой конституционной автономии в унитарном «ханстве» и брошенное Россией на произвол судьбы, оно, это население, стало спасаться и приспособливаться по принципу «кто как может».

Первыми от языкового и административного пресса «акиматов», сплошь возглавляемых представителями титульной нации, стали сниматься с насиженных мест немцы. Целыми деревнями. Впрочем, им было куда и за чей счет бежать. А вот прочих нигде не ждали и не ждут. Отдав за бесценок благоустроенное жилье и дачи, сестра моей жены и ее взрослые дети уехали из Кустаная и теперь ютятся в домике с клочком земли в городке Михайловка Волгоградской области. Таких пострадавших – миллионы.

Чтобы закрепить и усилить исход русскоязычных из Казахстана, «евразиец» Назарбаев сделал лисий ход, перенес столицу в бывший центр Целинного края и в четвертый раз поменяв его название (Акмолинск – Целиноград – Акмола – Астана). О какой автономии целинников теперь говорить?

Можно, конечно, сетовать на овечью покорность славянского большинства (увы, во многих местах, в том числе и в «северной столице», уже бывшего), позволяющего племенным вождям в европейских костюмах сносить памятники Ермаку и целинникам, повально переименовывать улицы и поселки во славу безвестных кочевников, но главный упрек в отсутствии отпора произволу правителей титульной нации заслуживают (своим бездействием) руководители РФ.

На эту тему наша пресса и телевидение почти не говорили и не говорят. Лишь Александр Солженицын в своих «поисковых соображениях» «Как нам обустроить Россию» (1990) указал на безалаберную нарезку границ большевиками: «где кочевые стада раз в году проходят – то и Казахстан». Но в те годы вопрос границ, по выражению Ленина, был «даже десятистепенным». А посему в «Казахстан», до 1936 года бывший автономией РСФСР, вошли и южная Сибирь, и южное Приуралье, «преобразованные и восстроенные русскими, зэками да ссыльными народами». «И сегодня, – продолжает Солженицын, – во всем раздутном Казахстане казахов заметно меньше половины. Их сплотки, их устойчивая отечественная часть – это большая южная дуга областей... И коли в этом охвате они захотят отделиться – то и с Богом». За это вполне резонное соображение бывшему зэку Карлага

казахские националисты пригрозили смертной казнью. А вот другого писателя – Лимонова – с его бутафорским планом партизанской войны в районе Усть-Каменогорска националистам не понадобилось пугать: его сажали на нары свои. Говоря о воинственном либо «тихушном» национализме, я не хочу бросить тень на гостеприимный казахский народ, о котором сужу не понаслышке. Речь о неблагодарной, с чванливой верблужьей губой «элите» ...

Вот такие светлые и грустные мысли вызвала у меня «петропавловская побудка». А когда было особенно тягостно, я подносил к глазам письмо-приглашение второго и последнего редактора «Молодого целинника» Володи Червякова: «Дорогой молодоцелинник! Где бы ты ни был 13 марта 2006 года,.. давай в этот день в сорок пятый раз поздравим друг друга с днем рождения нашей газеты. И вспомним родную редакцию, нашу беспокойную работу, Целиноград, дорогую сердцу целину. По праву последнего редактора приглашаю всех к себе на юбилейную планерку. Откроет нашу встречу первый редактор Валентин Осипович Осипов и, как всегда, поименно назовет тех, кого уже нет с нами. Помянув ушедших, мы поднимем бокалы за нашу газету, за наше братство и молодость».

Все так и было. Не передать всех чувств, с которыми мы, – поседевшие, но с нестареющим блеском глаз, – обнимали друг друга при встрече, говорили о прошлом и настоящем, убеждаясь, что никто из нас – в угоду сомнительным переменам – не перекрасился, не предал те светлые идеалы добра и справедливости, с которыми мы жили и работали в самой боевой и спартанской газете.

Думаю, что целинный старт сыграл ключевую роль в творческой судьбе каждого из нас. Валентин Осипов после «Молодого целинника» возглавлял издательства «Молодая гвардия» и «Художественная литература», а сейчас он один из ведущих шолоховедов. Владимир Червяков длительное время был ответственным секретарем еженедельника «За рубежом» и организатором поставок русскоязычной прессы в Прибалтику. Юрий Калешук работал в журнале «Журналист» и газете «Алфавит», где напечатал, пожалуй, самую язвительную и разоблачительную ста-

тью «Панама» на оберегаемого властями ваучерного афериста Чубайса. Стали писателями Петр Скобелкин, Евгений Гущин, Адольф Дихтярь, Владимир Бараев, Сергей Смородкин и другие. Целинная закваска, убежден, играет животворную роль и в творческой судьбе автора этих строк...

Пять лет, всего-то пять лет просуществовала наша газета «Молодой целинник», сгорев, как метеорит, в атмосфере политических и националистических козней, но свет ее неугасим, коли до сих пор собирает нас вместе, укрепляя наш дух и веру в лучшее, что есть в человеке.

Юрий Чернов,

бывший корреспондент газеты «Молодой целинник»

<http://www.navigato.ru/years/2006/2006-05-26/jivaa-istoria-cernov/>

«Нужно быть неистовым»

О журналистах написано много песен. Почти столько же, сколько о моряках. Жаль, что их поют только журналисты. И есть очень боевая, грустная и справедливая песня: «репортер погибнет – не беда... на пикапе драном да с одним наганом первыми врываются в города».

Первыми... Первыми, только отстучав на машинке командировочное удостоверение, отправляться туда, где ты сегодня нужен, вот в чем интерес и романтика, и весь смысл жизни газетчика. Почему мы стали журналистами? Не знаю, как кто, но я сначала как-то не задумывался о высоком назначении этой должности. В первый год работы в многотиражке привлекала, главным образом, внешняя сторона: когда под пятью строчками стоит твоя подпись и она размножена тиражом аж в 2 тысячи экземпляров, – ах, как это приятно бывает, когда такую великолепную штуку увидят знакомые мальчики и особенно девочки!

Слава богу, что это быстро проходит. Иначе по стране разгуливали бы толпы напыщенных и пустых граждан, полных сознания собственного превосходства над всеми остальными смертными.

А потом узнаешь, что можно не спать по ночам, что можно только сомкнуть глаза, как вдруг приходит образ, который ты искал два дня, и вот ты уже вскакиваешь с постели и осторожно включаешь лампу, чтобы не спугнуть этот образ. И трепещущие слова ты нежно и ласково перекатываешь в своих ладонях. Тогда уже забывается, кто ты такой, и твое гордое «я» становится таким маленьким, что его уже не стоит замечать. Вот после таких ночей появляется твое настоящее имя.

И вот я еще раз повторяю, чем мы горды, что нам выпала доля быть журналистами. Приходит с работы геолог, врач, даже летчик-испытатель. У них до утра очень много времени, им можно расслабиться и сказать себе: отдохай. У журналиста этой возможности нет. В том, что он никогда не имеет права забыть о своей газете, я думаю, главное его счастье.

Новомир Лимонов
«Молодой целинник», 13 марта 1963 г.

О молодоцелинниках – из Интернета

О Нине Колбаевой

Секрет «Молодежки»:

«Мы любили нашу газету и нашу работу»

Из интервью, данном Майе Халтуриной журналисткой Татьяной Яссон о ее совместной работе с Ниной Колбаевой в латвийской республиканской газете «Советская молодежь», где после «Молодого целинника» Колбаева работала заведующей отделом культуры.

Для начала Татьяна Яссон огорошила меня утверждением, что в ее время журналист был свободнее, чем сейчас.

– И вы всегда могли написать то, что думаете? – спрашиваю.

– В нашем отделе мы писали только то, что согласовывалось с нашими убеждениями. Отдел культуры «Советской молодежи» вела Нина Николаевна Колбаева, светлый человек, человек энци-

клопедических знаний. Позже она создала блистательный журнал «Кино», который был известен далеко за пределами Риги. Нина умела противостоять всем – редакторам, отделу пропаганды, комсомольским и партийным органам всех уровней!

– А внутренний цензор не мешал?

– У нас был только один «внутренний цензор», один внутренний принцип – писать о значительных событиях, писать глубоко и доступно для читателей. Конечно, и у нас были заказные статьи, например, надо было обязательно написать про лагерь творческой молодежи. Но ведь и там можно было найти интересные сюжеты. А что касается идеологического давления... Однажды редактор вызвал нас и говорит: «Вынужден сделать вам замечание – за долгие годы вы не написали ни одного материала о секретаре комсомольской организации театра или творческого союза!» У Нины Николаевны было такое выражение лица, что я даже испугалась, как дальше пойдет беседа. Но через секунду она ответила: «У нас ведь есть отдел комсомольской жизни – это его тема». И вопрос был снят.

– Нина Колбаева была фонтаном идей. Не могу понять, как ей пришла в голову мысль организовать конкурс работ художников-графиков Прибалтики и Ленинграда «Я вижу мир». Мы стали ездить в Таллин, в Вильнюс. Мы писали о художниках, брали у них работы. Ну, согласитесь, – это безумная идея и совершенно не для комсомольской газеты! Из Ленинграда привезли работы Михаила Шемякина и других опальных художников. Мы больше года публиковали репродукции работ разных авторов и маленькие аннотации. А потом была выставка, которую посетило огромное количество людей – это было событием.

... Один из наших авторов, литератор Ирина Цыгальская, несколько лет назад выступала по радио и сказала, что сейчас, к сожалению, очень мало выходит статей о настоящем искусстве и что вот была такой критик Татьяна Яссон, которая сейчас почему-то ничего не пишет... Я ей потом говорю: «Ира, а о чем мне сегодня писать? Об эротических триллерах?»... Но ничто не дает человеку столько глубоких духовных впечатлений, как искусство

и литература. Если человеку эти глубокие впечатления не нужны, значит, с обществом происходит что-то не то. Теряется культурный слой. Дешевка, как разрушительное цунами, смывает его.

– Но и в прежние времена была масса третьесортных писателей, которые клепали романы о том, как в колхозе «Красная заря» выполняют план по надою молока...

– Да, были, но мы о них не писали. Они не занимали собою абсолютно все пространство. Рядом было и другое. А сейчас все журналы, все каналы наперебой рассказывают про Ксению Собчак. Кто она такая, по-вашему?

– Некая ложная сущность...

– У нас был цензор, который сидел в своем кабинете, мы его даже не видели. Иногда он что-то вычеркивал, но можно было один абзац заменить другим – более изощренным. А сейчас работает другой цензор, который требует пропагандировать эти ложные сущности. Это страшнее. Я в шоке от вульгарности эстрады, от засилья американских фильмов, дамских романов и детективов. Я недавно по телевизору смотрела интервью с Дарьей Донцовой, и эта писательница сказала, что так распорядилась судьба и теперь ее книги всегда будут стоять на книжной полке рядом с Достоевским... Я считаю, что каждый журналист, пишущий о культуре, должен иметь внутренние критерии, чтобы на одной книжной полке различить этих двух авторов! Когда такие критерии есть и ты им следуешь, то Бог тебе посылает интересных людей и сами собой завязываются какие-то связи...

– Нам довелось встречаться со многими замечательными людьми. У нас писали прекрасные авторы: о музыке – Герман Браун, о балете – московский критик Львов-Анохин. Соломон Волков, который сейчас живет в Америке, у нас дневал и ночевал. У нас публиковался Вознесенский. Мы первыми напечатали «Корриду» Евгения Евтушенко – тогда, когда его запретили печатать во всех органах ЦК ВЛКСМ и ЛКСМ союзных республик. И вы знаете, он был нам благодарен. Все, кто приезжал в Дубулты в Дом творчества писателей, так или иначе с нами общались...

– Сейчас журналисты спокойно идут к голому актеру и спрашивают: «А какой парфюм вы любите?» ... У нас была другая ситуация и другие интервью. Были очень демократические отношения со многими великими людьми своего времени. Только два раза в жизни мне отказали в интервью ...

– В свободное от работы время отдел культуры жил очень весело. Туда вся редакция приходила попить кофе, поговорить о жизни, об искусстве, о философии. И часто разговоры затягивались до трех часов ночи. Умение создать творческую атмосферу – это тоже большая удача. Я публиковалась в очень многих газетах и журналах, но таких журналистов, такой дружбы, таких творческих эмоций, как в редакции «Советской молодежи», нигде больше не было ... Мы любили нашу газету и нашу работу. Творческий уровень определял и уровень человеческих отношений. Было уважение к профессии. Термин «журналиги» очень принизил ее. В наше время не существовало желтой прессы и никто не мог спросить у писателя или артиста, какой коньяк он любит и каких женщин предпочитает ...

14 февраля 2005 г.

www.gorod.lv/novosti/8433/sekret_molodezhki

О Новомире Лимонове и Александре Фридмане

Потом меня учила «Молодежь Молдавии». В конце 50-х годов в ней царил дух творчества и неиссякаемый юмор. Фельетонисты Александр Фридман и Новомир Лимонов были здесь запевалами в прямом и переносном смысле. Сдав в номер очередной фельетон, они принимались за песенный жанр. Выбирали популярный мотив – и через час уже исполняли под гитару что-нибудь такое:

Жуткая картина:

полная корзина!

В номере сегодня не увидят нас.

Это значит, братцы,

Рогова Галина

выпускает номер, крепко сев на ТАСС.

Или что-нибудь лирическо-историческое.

Мы с Лимоновым вместе встречали весну, как всегда, без копейки в кармане, а потом он ушел покорять целину, покоровшись красавице Тане.

Оба они любили жизнь, но рано ушли из нее: Фридман в Тбилиси, Лимонов в Москве. У обоих не выдержало сердце. Эти талантливейшие газетчики часто не ладили с редакционным начальством, но всегда были любимцами редакций, в которых работали. Они оставили добрый след не только на страницах газет, журналов и книг. Они оставили глубокую добрую память в сердцах тех, с кем работали.

<http://www.h2club.mirea.ru>

Мой первый в большой журналистике учитель – редактор «Социалистической индустрии» по отделу фельетонов Новомир Семенович Лимонов (не путать с «Эдичкой») любил в таких случаях повторять: «Шурик, я несу за это полную ответственность, вплоть до половой». Он был сатириком от рождения».

Александр Головенко

<http://www.armiavn.ru>

О Владимире Бараеве

После оттепели заморозки

Весна 68-го. Время надежд и тревог. «Битлз» выпускают двойной «Белый альбом», который открывает песня «Back in the USSR». В Праге хотят «социализма с человеческим лицом». А в самом СССР на окраине империи, в захолустном Улан-Удэ, той же весной взрывается еще одна идеологическая бомба – неведомый доселе журнал «Байкал» становится известным всей стране...

Мина замедленного действия была заложена двумя годами ранее, когда в Улан-Удэ приехал выпускник философского факультета МГУ Владимир Бараев, отработав пять лет в газете «Молодой целинник». До целины Владимир успел хлебнуть ума-разума в аспирантуре факультета журналистики МГУ и в газете «Моло-

дежь Бурятии», поэтому неудивительно, что в должности социолога Бурятского института общественных наук (БИОН) он пробыл недолго. После публикации в «Байкале» очерков «Саянские встречи» главный редактор журнала Африкан Бальбууров предложил автору стать его заместителем.

– Так получилось, что я сменил на том посту Дондока Улзытуева и, помнится, в первый же день кто-то спросил: кто следующий зам? – говорит Владимир Владимирович Бараев. – Как в воду глядел...

За работу я принялся рьяно, открыл ряд новых рубрик, в частности «Авиация. Космос» – в духе времени. Но все равно журнал оставался по большей части провинциальным. Наконец удалось пробить стажировку в журнале «Дружба народов». Те два месяца в 67-м, проведенные в Москве, стали поистине судьбоносными.

Бараев знакомится с сотрудниками «Дружбы народов» С. Баруздиным, Я. Смеляковым, в кресле последнего Владимир сидел, когда известный поэт болел. Аспирант МГУ и одноклассник по улан-удэнской школе № 1 Юрий Буданцев знакомит земляка с работниками и авторами «Нового мира». В свою очередь театровед Юлий Смелков знакомит стажера из Улан-Удэ с Аркадием Стругацким. В ходе неформального общения быстро пухнул редакционный портфель «Байкала». Повести братьев Стругацких «Второе нашествие марсиан» и «Улитка на склоне», глава из книги А. Белинкова о творчестве Юрия Олеши «Поэт и толстяк», статьи Ф. Зигеля о «летающих тарелках», А. Зайцева «Боги приходят из космоса». Это то, что «Байкал» успел опубликовать в 1968 году. Тираж его от 7 тысяч подскочил до 18! В Москве на «черном рынке» цена журнала с повестью Стругацких достигала 100–150 рублей, в то время как в рознице он стоил 30 коп. Но были еще запланированы к публикации неизвестные тогда произведения Михаила Булгакова...

– Через завлита театра им. Ермоловой Елену Якушкину, у которой я был вместе с Александром Вампиловым, я попал в квартиру Елены Сергеевны Булгаковой, вдовы писателя, – воспомина-

ет Владимир Бараев. – Не знаю, почему, но хозяйка прониклась ко мне доверием, показав архив. Неделю я не вылезал из него, а Елена Сергеевна, интеллигентнейшая женщина, кормила меня бутербродами. Это было незабываемо! Общаться с близким человеком Мастера, прикасаться к вещам и рукописям Мастера!.. Я был на седьмом небе от счастья, читая неопубликованные тогда повесть «Собачье сердце», пьесы «Багровый остров», «Зойкина квартира».

Эти произведения Бараев также привез в Улан-Удэ, а «Зойкина квартира» была даже анонсирована. Однако недаром битые властью «новомировцы», с симпатией отнесясь к планам «Байкала», выражали сомнение в их реализации. Старшие коллеги посоветовали заручиться поддержкой патриарха литературы Корнея Чуковского, который, к удивлению улан-удэнского гостя, согласился написать врезку к статье А. Белинкова и принял Бараева на даче в Переделкине. Е. Булгакова письменно просила Константина Симонова (он продвинул «Мастера и Маргариту» в журнал «Москва») принять бурятского журналиста.

Но весна 68-го сменилась свинцовой осенью, когда в августе в Прагу вошли советские танки. Завершилась эпоха хрущевской оттепели. Тихий провинциальный журнал получил всесоюзную прессу. Как по команде публикации «Байкала» ругали «Огонек», «Литературная газета», «Наука и религия», «Советская Россия». Набор «Зойкиной квартиры» был рассыпан. Полетел из издательских планов и сборник очерков В. Бараева.

Геннадий Башкуев
«МК» в Бурятии», 26 октября 2005 г.
<http://www.buryatia.org>

Справка: Бараев Владимир Владимирович. Писатель, журналист. Заслуженный работник культуры России. Лауреат премии Союза журналистов Москвы. Автор книг «Высоких дум стремление» (ЖЗЛ), «Древо Кандинских», романа «Гонец Чингисхана».

О Юрии Калешуке

«На такой паузе» – трагическая ария первого заместителя главного редактора «Дружбы народов» Юрия Калешука в сдвоенном майско-июньском номере. Впервые за всю историю журнала номер пришлось сдвоить, а почему – становится ясно из текста Калешука на отвороте титула:

«Говорить об этом тяжело, хотя мы знаем, что вы поймете нас... Став с июля прошлого года независимым изданием, мы... включились в спешном порядке в книгоиздательскую деятельность, сумели... заработать деньги, которыми расплатились с издательством за четвертый и за этот вот сдвоенный пятый-шестой номера. Больше денег у нас нет...»

Вот так: господа литераторы делят пространство, а оно схлопывается у них над головами.

О том, как решились финансовые проблемы, – как-нибудь в другой раз и в другом жанре. А пока о цене решения. Ю. Калешук с решимостью отчаяния объявляет подписчикам, что продавать журнал за трешку – «это сегодня такой же анахронизм, как масло за 3-60 или метро за пятак. Производство и распространение одного номера зашкаливают уже за червонец... Вы не оставите нас?» – после этого вопроса первый зам. главного редактора общается, зажмурившись от неловкости, что отныне цена номера определяется... двузначной цифрой.

Хроника «Дружбы народов»: 1989–1999 гг.

Рубрику ведет Лев Аннинский

<http://magazines.russ.ru/>

Справка: Книги: Из дневников современника / сост. и автор предисл. **Ю. Калешук**. – М.: Молодая гвардия, 1969; **Ю. Калешук**. Непрочитанные письма. Документальные повести. – М.: Известия, 1988. В книге три документальные повести: «Месяц улетающих птиц», «Предполагаем жить» и «Остывающая зола», объединенные проблемами развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, показывают нелегкий труд людей, стоящих у истоков нефтяных и газовых магистралей, невымысленная правда

их жизни и судеб показаны автором с глубоким профессиональным знанием, с честных и принципиальных социальных позиций, в тесной диалектической связи с главными задачами, стоящими перед страной.

О Сергее Смородкине

Родился (5. 08. 1938) в г. Куйбышев в семье служащих. Окончил Казахский ун-т (1960). Был членом КПСС (до 1990). Работал на целине (1961–63), в журналах: «Смена» (1973–75), «Октябрь» (1976–79), «Проблемы мира и социализма» (1981–84). Печатается как прозаик с 1962: журнал «Простор». Автор кн. прозы: Третий год – третий снег. – Алма-Ата, 1966; В те дни и всегда. – М., 1978. Публикует прозу в журналах: «Московский вестник», «Смена», «Вокруг света», «Сельская молодежь». Переводил прозу на казах., польск., узб. языки. Член СЖ СССР (1963), СП России (1996). Засл. работник культуры РФ.

http://www.biografia.ru/show_bio.aspx?id=119386

Об Адольфе и Аде Дихтярях

Адольф Борисович Дихтярь – русский поэт, прозаик. Окончил Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского (1959). Награжден медалью. Член Союза писателей СССР (1965). Член Союза писателей Москвы. Муж российской радиоведущей Ады Дихтярь.

Книги: Истина: Стихи. – М., 1965; Там, где течет Терсакан: Очерки. – Саратов, 1964; Вся земля на ладони: Документальные новеллы. – Алма-Ата, 1965; Присягают раз и навсегда. – М., 1970 (Люди и нравы); Венедикт Ворожцов. – М., 1972 (Когда им было двадцать); Жизнь – прекрасное мгновение: Документальная композиция. – М., 1974; Рагузовская сопка: Повесть о целинном прорабе. – М., 1983 (Наш день); Степь любит мужество. – М., 1983 (Повести о делах и людях партии); Прежде чем прозвучало «Поехали!». – М., 1987.

Об Ирине Иновели

**Парламентский корреспондент «Интерфакса»
награждена Почетной грамотой Госдумы**

Совет Государственной думы во вторник принял решение наградить парламентского корреспондента агентства «Интерфакс» Ирину Иновели Почетной грамотой в связи с юбилеем.

И. Иновели награждается Почетной грамотой Государственной думы за большой вклад в развитие парламентской журналистики и объективное освещение деятельности высшего законодательного органа страны.

«Интерфакс», 2007–04–03

Об Элле Матониной

В московском издательстве «Терра – Книжный клуб» вышла книга «Вторая жизнь», написанная Эллой Матониной и Эдуардом Говорушко. А первая книга Говорушко и Матониной, написанная в соавторстве, вышла в свет в 2003 году и называлась «Садовник. Русские в Америке». Она родилась из переписки, в которой «американец поневоле» Эдуард Говорушко делился со своей московской приятельницей первыми заокеанскими впечатлениями и наблюдениями над жизнью американских русских... Теперь уже готова к печати их новая книга, рассказывающая о таинственном русском поэте «К. Р.» – великом князе Константине Константиновиче.

Роман «Вторая жизнь» начался с театральных изысканий Эллы Матониной. Она заинтересовалась русским режиссером Александром Саниным, после революции ставившим спектакли по всему свету, и попросила Эдуарда Говорушко найти в Америке его следы....

«Его имя в России было абсолютно незаслуженно забыто еще и потому, что в 1922 году он уехал на Запад. Стал там выдающимся оперным режиссером, который с огромным успехом работал в крупнейших театрах мира, и в том числе в «Метрополитен-опера». И вот постепенно в результате всех наших архивных раскопок выплыла вторая фигура – его жена Лидия Стахивна Сани-

на... В молодости ее звали Лика. Лика Мизинова... И неожиданно для авторов именно она стала главной героиней повествования. Это ее второй жизни, жизни после Чехова, посвящена книга».

<http://www.d-pils.lv/new>

О Галине Безносовой

Она стала директором Православной гимназии в Козельске, что рядом с Оптиной пустынью.

9 сентября 2007 года

Православной гимназии в г. Козельске 10 лет!

Основана эта негосударственная общеобразовательная школа в 1997 году – в смутное время, особенно трудное для возрождения духовности русских людей. Но вопреки всему и благодаря ее учредителю – митрополиту Калужскому и Боровскому Клименту, молитвам духовника – протоиерея Павла Морозова – и финансовой поддержке благодетелей, входящих в попечительский совет школы; гимназия пережила «тяжелые годы» и успешно продолжает развиваться. Сейчас, наверное, только директор школы Галина Лавровна Безносова помнит, что когда-то были холодными классы, не хватало учителей и объяснять новую тему приходилось буквально «на пальцах». Тогда в обществе только начинали задумываться о забытой вере, о восстановлении храмов для истосковавшихся по православию людей. Организаторы же гимназии первыми задумались о детях, о новом поколении, у которого возник шанс не остаться без Бога. И желание взрослых подарить детям этот шанс было сильнее всех препятствий. Сейчас вопрос духовного становления личности особенно актуален: ведь если мы сами вовремя не позаботимся о наших детях, о них позаботятся другие. И тогда мы вновь получим потерянное поколение, воспитанное вне норм человеческой морали и христианской нравственности. Интересно, что в гимназии много учащихся – некоренных козельчан, из семей, приехавших из Америки, Австралии, Швейцарии. И у родителей этих детей есть деньги, чтобы отдать их в более «престижную», по представлениям

местных жителей, школу. Однако свой выбор они объясняют не хорошей оснащенностью школы и использованием в образовательном процессе инновационных компьютерных технологий и даже не высококвалифицированным педагогическим составом, в который входят даже заслуженные учителя России, а именно тем, что наряду с безусловно важными общеобразовательными дисциплинами дети изучают духовные истоки нашей Родины на занятиях по Закону Божьему, истории христианской церкви, христианской этики... Дети воспитываются в духе православия, как это было испокон веков, как дети дворянства XIX века – золотого века русской культуры. Важно и то, что жизнь гимназии не ограничивается уроками. Регулярно проводятся конференции юных богословов, где дети выступают с самостоятельными докладами на интересующие их темы. Например, о святых людях, имена которых они носят. Дети активно участвуют в коллективных творческих делах («Юный христианин»), посещают факультативы («Великие люди России»), а также занимаются православным краеведением отнюдь не в теории, а часто совершая туристические и паломнические поездки по родному краю и по городам России, посещая старинные усадьбы, музеи, места великих сражений, древние монастыри и храмы. В стенах гимназии у детей есть возможность не только приобретать качественные знания, но и развивать свои таланты. При школе создан духовный певческий ансамбль, танцевальный коллектив, театральный кружок и кружок юных модельеров. Дети участвуют в региональных конкурсах и занимают достойные места. Уже традиционными стали концерты, посвященные великим православным праздникам – Рождеству Христову и Пасхе, организуемые по инициативе самих учащихся. С этими концертами они с успехом гастролируют по Калужской области, выступая на сценах Епархиального управления, Калужской православной гимназии и других. Все это способствует полноценному духовно-нравственному развитию детей. А как сказал Святитель Филарет: «Знание без любви Христовой, что зимнее солнце – не оживляет и не возвращает».

www.spasovo.ru/news/7.html

ЖУРНАЛИСТЫ ШУТЯТ

*Из юбилейного номера «Молодой целинник»
за 13 марта 1963 года*

Великие люди о «Молодом целиннике»

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ. Пишут коротко и неясно...

Н. НЕКРАСОВ. Мыслям тесно, словам просторно...

Козьма ПРУТКОВ. Если у тебя есть фонтан – заткни его.
Дай и фонтану отдохнуть.

Кай Юлий ЦЕЗАРЬ. Пришел. Увидел. Намудрил.

Тетя ПАША. Выносите сор из избы...

Остап БЕНДЕР. Тронулся!

И. В. ГЁТЕ. Света! Больше света!

Вот Петю Скобелкина надо уесть.

Но Петя Скобелкин – редакции честь.

И чтоб неприятностей не было, братцы,

Давайте не будем на честь покушаться.

Это – женщина! Увижу и немею,

И дрожу, и слов не нахожу...

Против Эллы ничего я не имею,

Но, однако, на летучки не хожу...

«После дождика в четверг»

Дорогой читатель!

Отдых – это тоже работа. Используй каждую свободную минутку для того, чтобы расти над собой. Разгадывай шарады, ребусы и виторины. С этого номера мы вводим постоянную рубрику: «После дождика в четверг». Под этой рубрикой мы будем публиковать материалы для умственного упражнения без особого напряжения.

Итак, твоему вниманию, наш юный читатель, предлагается викторина.

1. Какого цвета «глаза побережья»?
2. Как перевести на русский язык слово «хапугство»?
3. Можно ли «уповать на лаврах», и если можно, то, как именно?
4. Правда ли, что «навоз нам нужен, как воздух»?

Список авторов, в произведениях которых можно найти ответы на вышеприведенные вопросы:

Э. Хруцкий,
Н. Болдырева,
К. Адоров.

Победитель конкурса награждается внеочередным назначением на дежурство. Ответы присылать с пометой «После дождика ...»

О Станиславе Ашмарине

Станислав Николаевич Ашмарин, Россия (Stanislav Ashmarin, Russia). Родился в 1937 году в Харькове. Окончил среднюю школу, посещал художественную студию и получил диплом врача в Баку. Студия научила основам социалистического реализма, а медицинский институт натаскал по анатомии: и первое, и второе явно в будущем пошло не на пользу карикатуристу. Первый (и единственный) рисунок появился в газете «Молодежь Азербайджана» в 1962 году, и в тот же год я по распределению мерз в Казахстане, сначала в Целинограде, затем в городке Целиноград-25 (в дальнейшем Степногорск). Пригнали меня как внештатного художника в славном коллективе редакции газеты «Молодой целинник», где за четыре года прошли сотни рисунков, заставок, переводов из иностранной прессы. Рисовал в областные, краевые издания и попробовал робко попасть в журнал «Смена».

Короткая двухлетняя передышка в клинической ординатуре в Ленинграде, и с 1971 года – Урал, город Свердловск-45.

На редакционные коллективы повезло и в Свердловске: страницы газеты «На смену!» и журнала «Уральский следопыт» на многие годы оказали внимание моим карикатурам. До девяностых годов рисунки периодически появлялись в центральных изданиях (журналы «Смена», «Театр», «Крокодил», «Советский Союз», календари Политиздата, газеты «Известия», «Неделя», «Советская культура» и ряд других). Перестройка перечеркнула всю карикатурную деятельность, хотя периодически возникали газеты «Деловой мир» (Москва) и «Бизнес и политика» (Свердловск).

В 2002 году появилась возможность посылать работы на международные конкурсы, что принесло за пять лет несколько призовых мест, дипломов и кучу каталогов с выставок, ради которых, собственно, и работаю.

http://www.cartoonia.net/a/ru_ashmarin.htm



Раздел 3.

ОЧЕРКИ, РЕПОРТАЖИ, СТАТЬИ, ФЕЛЬТОНЫ, ПУТЕШЕСТВИЯ

СПЕЦИФИКА ЦЕЛИННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Начнем со специфики самой целины.

Это был феномен свободной, рискованной, новаторской жизни. Это было абсолютно новое дело: новые места, новые люди, новое человеческое сообщество, которое было создано именно здесь, на новом месте, где все были более или менее равны и не было жесткой иерархии, а доказывать свою состоятельность нужно было делами. Здесь не было насиженных мест, сложившихся связей, глубоких корней. Кроме того, в целину вкладывались большие деньги: на создание совхозов и строительство предприятий. Они могли располагать любыми ресурсами.

Поскольку дело было новое и рискованное, в условиях очень тяжелого степного климата, предполагался гораздо больший, чем в других местах, «люфт на ошибки» и более терпимое отношение к ним. Поэтому и большая свобода. Прибавить к этому огромные степные просторы, отсутствие во многих местах телефонной связи, возможность и необходимость действовать на свой страх и риск. Это еще один штрих в пользу свободы целинников.

И начальство на целине тоже было не обычное, а целинное, с теми же особенностями, что и рядовые целинники. Здесь каждый был виден как на ладони или, что точнее, как на степном безлесом пространстве. Здесь каждого ценили не по славам, а по делам. Таким образом, целина – это своеобразное социальное и психологическое сообщество, новаторское, творческое, свободолюбивое и рисковое, как сама эта зона рискованного земледелия.

Такой была и журналистика. Назову несколько специфических ее черт. Даже если они были характерны для всей прессы

хрущевской оттепели, то в целинной журналистике проявлялись особенно ярко. Но были и совсем особенные, именно целинные черты созданных тогда краевых газет.

Достаточная свобода и независимость. Целинная журналистика (как ни покажется это странным сегодняшним студентам журфаков, воспитанным на неприятии всего, что было в советское время) была достаточно свободной, как и вся журналистика хрущевского времени. Она была, безусловно, свободнее, чем в сталинские времена. Это было обусловлено и временем перемен, и хрущевской оттепелью, но не в последнюю очередь и свободой самой целины, куда сорвались с насиженных мест только самые отважные и рискованные, те, кто не боялся высказывать свое мнение. Поскольку власти тоже были не замшелые (потому что многие тоже по зову сердца приехали делать новое дело, когда в трудных условиях целины приходилось принимать нестандартные решения), они лучше понимали и других творческих людей, журналистов. Здесь многое решалось коллективно, и все были более или менее равны пред этой бескрайней непокоренной, неустроенной степью.

И в «Целинном крае», и в «Молодом целиннике» были смелые и независимые редакторы. Георгий Константинович Обьедков прошел школу «Правды», а Валентин Осипович Осипов и Владимир Васильевич Червяков – ЦК комсомола. Конечно и они, и мы, журналисты, играли по заданным правилам, потому что газеты были органами крайкомов партии и комсомола. Но в этих привычных рамках газеты могли критиковать кого угодно, вплоть до секретарей обкомов. Конечно, критика эта должна была быть аргументированной и обоснованной.

И, конечно, сами журналисты, которые приехали в эти места из других городов, были людьми не робкого десятка, талантливыми, смелыми, и потому достаточно свободными в своем творчестве.

Высокая действенность. В связи с особым статусом газет как органов партийной и комсомольской организаций очень высока была действенность публикаций. Руководители критикуе-

мых организаций должны были в месячный срок ответить редакции на критическую публикацию или на жалобу в редакцию. Конечно, редакция брала на контроль действенность публикаций, обязательно сообщала об этом в газете, и читатель всегда знал, как руководители реагируют на выступления и письма в редакцию. Санкции к тем, кто игнорировал их, были жесткие, вплоть до увольнения или выговора по партийной линии.

Идеологичность, пронизанность идеологией, идеакратия, как теперь говорят, была основной доминантой. Читатели, безусловно, были объектами пропаганды (как и сейчас, только цели и характер пропаганды разные). Партийная и комсомольская идеология действительно пронизывала страницы тогдашних газет, целинных тоже, хотя в меньшей степени. Здесь на целине была одна ведущая идеология – все силы – на поднятие целины! – и весь ритм жизни был посвящен этому мощному призыву. Конечно, и редакторы, и журналисты пропагандировали партийные и комсомольские постановления. Но здесь хотелось бы поговорить еще о насильственно внедренном сейчас при помощи СМИ мнении: все, что делали партия и комсомол было, дескать, заведомо плохо. В сознании молодых современных людей существует миф, что партия – это кровавое чудовище, какой-то монстр, который тысячами ссыла л хороших людей в ГУЛАГ. Но были рядовые коммунисты и были вожди. Были разные периоды развития страны и разные вожди, которые имели разные представления о развитии отечества.

Хрущевское время, о котором пишу я, было особым временем, и руководитель партии Хрущев был весьма небанальным человеком. Время ГУЛАГов к тому времени прошло. Культ личности был разоблачен. Страна с трудом возрождалась после войны, постепенно наращивала свою производственную и военную мощь. Страна принялась за сельское хозяйство и поднимала целину. И все это было под руководством партии. И ее тогдашние решения были направлены на благо государства и народа. И потому журналисты искренне содействовали реализации этих решений и были в хорошем смысле «подручными» партии и комсомола. Партийная идеология хрущевского времени была в основном

весьма позитивна. В партию принимали лучших, коммунисты работали самоотверженнее других, они-то и поднимали целину и первыми гибли, потому что не жалели себя. Я знала этих людей, писала о них и предлагаю вам самим почитать об удивительных людях целины. Я хочу реабилитировать их честные имена. Они достойно носили имя «коммунист», как и герой известного фильма под таким названием. Они были настоящими патриотами целины и своей страны.

Демократизм. Но наряду с идеологичностью и пропагандистским характером, как это ни покажется, на первый взгляд, парадоксальным, целинные газеты были весьма демократичны. Это выражалось в том, что газеты, в отличие от современных, писали *о простых людях*, героях труда, действительно хороших и самоотверженных людях, отражали простую трудовую и обывательскую жизнь людей. Ориентация на *самодеятельность, новаторство* поощрялась в любой сфере – производственной, общественной, культурной, образовательной, если они шли на пользу обществу.

Тесная связь с читателем, внимание к письмам, привлечение общественности были отличительными свойствами газет хрущевского времени, и целинных особенно, что тоже было признаком демократизма. Письма читателей публиковались, использовались в обзорах, по письмам журналисты ездили в командировки. Это называлось «Час интересного письма», «Письмо проверяет журналист» (здесь я привела несколько публикаций такого рода). Письма направлялись в отраслевые отделы, и если не использовались или не посылались для принятия мер, журналист обязательно отвечал автору. Регулярно проводились читательские конференции, «круглые столы», рейды с участием читателей, активно работали общественные приемные и т. п. Поэтому миф о том, что читатели были марионетками, сильно преувеличен, если не сказать – совсем несправедлив.

Тесная связь с героями публикаций. Журналисты долго дружили со своими героями, следили за их судьбой, переписывались и встречались с ними и после своих публикаций, нередко писали о них повторно.

Превалирование интересов общества над интересами групп и личности. В отличие от современной, хрущевская журналистика исходила в основном из потребностей общества или больших социальных групп, ратовала за соотносительность личных и корпоративных (хотя тогда этого термина не было) интересов с общезначимыми для страны.

Преимущественное внимание к общественным, производственным ролям человека было свойственно всем советским газетам, хотя в целинной журналистике большее, чем в других изданиях, внимание уделялось психологическим и внеслужебным аспектам жизни людей, в том числе семейным проблемам, воспитанию детей. В освещении производственных проблем акцент был *на результат*, а не на взаимоотношения в процессе производства, хотя целинные газеты об этом писали чаще, чем другие.

Созидательность в противовес потребительству. Основной парадигмой журналистики времен Хрущева, и целинной в особенности, было стремление давать публикации, которые помогали бы строить, созидать, производить. Потреблению, в отличие от сегодняшней журналистики, уделялось мало внимания. Поэтому все силы были брошены на то, чтобы показать процесс созидания, всячески пропагандировался хороший опыт, который мог бы быть полезен другим.

Позитивность. Целинная журналистика была по строю своему позитивная, много писала о хороших людях, о достижениях хозяйств и предприятий, хотя и критики было достаточно, но она не угнетала, она всегда была конструктивной.

Конструктивность критики состояла в том, что журналист досконально изучал ситуацию, писал о подлинных причинах возникших проблем и старался, выясняя мнение специалистов и участников проблемной ситуации, наметить пути ее разрешения.

Практичность, полезность. И потому журналистика старалась быть практичной, полезной людям. Это выражалось не только в распространении передового опыта, но и в публикации раз-

личных юридических консультаций, советов медиков, советов по ведению домашнего хозяйства и т. п.

Романтизация и идеализация жизни. Но практичность не мешала общему настрою целинной журналистики, в которой были сильны романтические, первооткрывательские мотивы в связи с необычностью самого порыва ехать в неведомые места и поднимать новые земли. Вообще, целина, целинники и журналисты жили большими идеями, а не сиюминутными житейскими выгодами. Неустроенность быта, невнимание к нему, неприспособленность к нему, несуетность.

Нравственность, ценностная ориентированность. Журналистика того времени исповедовала высокие ценностные стандарты, самоотверженность в труде, взаимопомощь в отношениях людей, честность и порядочность, целомудренность в описании личных взаимоотношений мужчины и женщины. Интимная жизнь – это табу для советских газет, и для целинных тоже. Газеты демонстрировали непримиримость по отношению к любому проявлению аморализма и заботились о сохранении семьи, главным образом во имя детей. Сохраняли семью всеми способами, порой и весьма декларативно, потому что их мало интересовали личные переживания человека и тонкости взаимоотношений людей.

В производственных и трудовых публикациях показывался передовик, самоотверженный, честный, работающий, новатор, и осуждался лентяй, лодырь, прогульщик, пьяница, нерадивый, взяточник, бюрократ и т. п.

Интернационализм целинной журналистики был связан с тем, что интернациональным был состав целинников, состав журналистов, а интернационализм был одной из основных идей Советского Союза.

Патриотизм. Но при этом воспитывали патриотизм, главным образом на примере освоения целины, поскольку это действительно был искренний всенародный патриотический порыв.

Просветительские тенденции проявлялись в целинной журналистике ярче, чем в любой другой, поскольку на целине собра-

лись богатые творческие силы художников, архитекторов, литераторов, театральных деятелей, историков, краеведов, которые писали для газеты. Много внимания уделяли газеты искусству, и профессиональному, и самодеятельному.

Многосторонность, многофакторность, сущность в раскрытии проблем тоже была характерной особенностью нашей журналистики. Мы обычно писали о проблемах, изучая всю совокупность факторов, используя многие источники информации, разные мнения и старались докопаться до сути процессов и явлений. Поэтому целинная журналистика была глубокой, аргументированной, полнокровной и полновесной.

Конкретность и реальность выражались в том, что журналисты ничего не выдумывали, писали о реальных конкретных событиях, которые видели своими глазами, все факты лично проверяли, в отличие от современных журналистов и газет, которые занимаются перепечатками из других СМИ и Интернета, а журналисты часто в глаза не видели события или героя, о котором пишут, допуская множество неточностей или просто выдумывая события и факты.

Длительность и тщательность разработки проблемных тем. Ни времени, ни денег не жалели редакции на тщательное изучение предмета и объекта публикации. Командировки длились от недели до трех недель.

Скрупулезная точность публикаций, уточнение дат, имен, фактов, проверка их по документам и т. п. были обязательным требованием к публикации. Она нередко согласовывалась с героем, уточнялась после его знакомства с текстом, и потому была почти гарантирована от ошибок.

Межрегиональность. Краевые газеты целины охватывали огромную территорию в пять областей, но если нужно было, выходили и за эти рамки, и журналисты ездили по всей стране, если это нужно было для газеты. Так молодоцелинники совершили два путешествия по 51-й параллели. Журналисты нашей газеты, в том числе и я, неоднократно бывали в других областях и республиках, когда нужно было уточнить некоторые ситуации в связи

с материалом. Я ездила во Львов к семье Василий Рагузова, в Барнаул, чтобы взять интервью у бывшей целинницы и т. п.

Творческий характер, новизна целинной журналистики были связаны с высоким уровнем журналистов, которые съехались со всей России, создали журналистику талантливую, творческую, небанальную, новаторскую, смелую, склонную к романтическому мировосприятию. Творческий характер выражался во всем – от жизни редакций до содержания, формы публикаций и внешнего вида газет, которые были интересны и привлекательны по дизайну.

Свежее, молодое мировосприятие пронизывало целинную журналистику. Очень молоды были и сами целинные газеты, и журналисты, поэтому преобладал небанальный, свежий взгляд на все, что окружало нас на целине.

Динамизм, инновационность, постоянное движение, поиск новых редакционных форм. Например, введение социологической службы учета писем, совмещение роли заместителя ответственного секретаря и спецкора, общественные приемные с некоторыми функциями редакционного отдела и многое другое.

Внимание к литературной стороне публикаций. В газетах поощрялась разножанровость, часто появлялись очерки, фельетоны, реплики и другие публицистические жанры. Регулярно печатались литературные страницы, проза и стихи, фотоэтюды. Рисунки, карикатуры. Внимание к хорошему литературному языку, к образной манере письма, к небанальной форме изложения было очень важным направлением целинной журналистики. Сюжетность очерков, образность, диалогичность, описания природы, лирические отступления и т. п. очень приветствовались. Даже в информационных жанрах были элементы образности и литературности. Журналистика была как бы подвидом литературы, только оперативной, конкретной, реальной, актуальной.

Этические критерии публикаций, учет интересов героя публикации. Журналист мог отказаться от публикации, даже абсолютно правильной, если это могло повредить герою (см. ма-

териал «Тень» в данном разделе). Хотя здесь бывали, естественно исключения. Обычно такой подход не касался сугубо отрицательных персонажей.

Журналистская солидарность. Конечно, и целинные журналисты стремились обо всем написать первыми, но среди них не было жесткой конкуренции в теперешнем смысле этого слова. Это была истинная журналистская солидарность, дружба, журналистский коллективизм, если угодно.

Негативы целинной журналистики

Но время диктовало свои законы и провоцировало недостатки советской журналистики, которые, наряду с позитивами, отчетливо проявлялись и в целинных газетах.

Идеологическая прямолинейность, одномерность, крайности, отсутствие полутонов – все делилось в основном на белое и черное. Чрезмерно героизировались одни и обличались другие. Если герой был хорошим тружеником, игнорировались его недостатки. Слабое внимание уделялось многомерности человека, его психологически сложным характеристикам. Основным критерием был партийный императив. К сожалению, советская журналистика была атеистичной.

Повышенная назидательность, категоричность, декларативность, стремление всем на все указать и осудить провинившихся. Это шло оттого, что газета была органом крайкома партии или крайкома комсомола, и их функции проецировались и на журналистику. Но еще раз повторю, назидая, мы обычно тщательно проверяли каждую ситуацию, со всех сторон изучали нашего героя и весьма редко эти назидания были неоправданы. Хотя сам тон и семантика таких деклараций меня сегодня не устроили бы.

То же самое нужно сказать о некоторых, порой не весьма деликатных, суждениях о личных взаимоотношениях в семье. Эта деликатная тема выносилась на всеобщее обсуждение. Хотя, конечно, там могли быть очень серьезные, в том числе интимные, причины распада семей, разводов.

Чрезмерное педалирование производственной и общественной сфер при недостатке внимания к внепроизводственным потребностям и интересам человека.

Но несмотря на эти чрезмерности, продиктованные временем и, конечно, советским строем, в целинной журналистике проросло много очень интересного, творческого, новаторского, позитивного, что проявилось в лучших изданиях последующего времени и к чему не мешает внимательно присмотреться и сейчас.

Возможно, это будет интересно не только при изучении истории журналистики, но окажется полезным и сегодняшним молодым журналистам.

Поэтому я и предлагаю читателю свои публикации, публикации обычного целинного журналиста той поры. Ничего в них не меняла, не сокращала, не приукрашивала. Все оставила так, как было, чтобы не потерялись особенности газетной публицистики тех лет. Сформировала материалы по жанровому признаку и предваряла небольшими комментариями об особенностях работы в данном жанре.



ГЕРОИ ЦЕЛИНЫ

Введение: очерк

Жанр очерка был очень популярен в советской журналистике вообще и в целинной журналистике особенно, потому что на целине собралось огромное количество интересных людей. Они как бы отбирались самой жизнью. На целину ехали неординарные, отважные, склонные к необычному люди, вообще немного авантюрные в хорошем смысле этого слова, романтики и флибустьеры. Конечно, здесь были и местные жители, но и они, зараженные целинным энтузиазмом, тоже проявлялись необыкновенным образом. Один из очень ярких примеров – Жамиля, девушка из глухого аула, казашка, которая стала летчиком, что было практически немыслимо в былые времена.

Что служило поводом к написанию очерка. Иногда это было задание редакции, как в случае с известными людьми – Василием Рагузовым или Евдокией Андреевной Зайчуковой. Но обычно журналист находил героя сам – в командировке. Писал о чем-то другом, но попался интересный человек. Или рассказали о герое его коллеги, руководители хозяйства. Нередко журналист ехал по письму, в котором рассказывалось об интересном человеке, выражалась благодарность медику, учителю и т. п.

Как выбирали героя. Интересно было писать о людях необычных профессий: женщина-комбайнер, пилот, лесовод. Или о тех, кто занимается необычным делом, например выращивает виноград там, где он никогда не рос. Героями были и люди с необычной биографией, например старые революционеры, вся судьба которых есть судьба страны, или герои войны. Еще одна категория героев – люди, которые замечательно трудятся, завоевали почет и уважение своим трудом. Это было связано с тем, что труд считался главным достоинством человека. Писали в основном о рядовых людях. Не было никаких звезд шоу-бизнеса, как не было и самого шоу-бизнеса. Хотя были свои звезды, например

Герой Социалистического Труда Михаил Довжик. Его имя часто мелькало в публикациях, но он действительно завоевал славу своим трудом.

Как собирали материал. Обычно наблюдали героя несколько дней. Проводили с ним день-два на работе, бывали дома, видели его в свободное время в общении с людьми. Беседовали с семьей, с друзьями. Обязательно узнавали мнение о нем его коллег, руководителей, которые рассказывали интересные детали жизни и работы героя очерка. Знакомились с документами: производственными сводками, личными архивами и письмами, фотографиями, наградами и поощрениями и т. п.

В чем специфика очерка. Он обычно писался по законам литературного жанра. Поэтому особенностью очерков были их сюжетность, насыщенность монологами и диалогами. В очерке было и описание обстановки действия, часто пейзаж, который передавал настроение героев. Весьма нередкими были лирические отступления автора. Встречались метафоры и другие образные средства языка, свойственные литературе и публицистике. Вообще много внимания уделялось литературной форме, стилю.

В целинной журналистике герой в очерке показывался многомерно. Не только давался его рассказ о самом себе, но и суждения других людей, наблюдения самого журналиста. Сейчас основной жанр рассказа о герое – это интервью с ним, самопортрет, самопрезентация и, как правило, достаточно односторонняя.

Целинный герой часто предстал в кругу друзей и семьи, но никогда журналист не касался интимных отношений. Это было табу, считалось личным делом героя. Но главное внимание уделялось производственной и общественной работе человека, силен был аспект преодоления трудностей и нелегких побед. Герой обычно показывался в ретроспективе, в развитии, в его прошлом и настоящем. Как правило, это была нелегкая судьба, и в очерке отражались реальные жизненные конфликты.

О чем рассказали сосны

Обугленная, искалеченная сосна – черное распятие. Скорбное и грозное, словно реквием. Не решаясь приблизиться к ней, в почтительном отдалении собрались пышные яркие сосенки, земной поклон шлют березы хрупкой перевитью ветвей, с невинным младенческим любопытством глядят на черного гиганта только что рожденные на свет пушистые подснежники... Они живут, она – мертва. Убило ли молнией ее, подрубила ли злая рука, скрутила болезнь или опалил лесной пожар – не все ли равно? Ее убили. Прекрасное, живое, нужное людям дерево убили. И оно стоит как укор черному злу, как немое суровое предупреждение всем недругам лесным.

Для Августы Васильевны сосна эта была горьким отзвуком трудных военных лет. Жили на кордоне с хорошим названием «Красивый». Муж – лесник. Она за ребятишками смотрела. Их было ни мало ни много – пять. Шестая, Наташка, родилась уже в войну. Когда уходил Василий на фронт, обнял растерянную, поникшую жену. Дрогнувшим голосом попросил:

– Крепись, мать. Детей расти. Себя береги. И лес. Сбережешь, поклонятся тебе люди земным поклоном.

Она и сама знала, какое богатство для здешних степных краев лес. Но как сохранить его от болезней, порубок, пожаров? Она не знала лесничьего дела. И на лошади ездить не умела. Да за ребятишками присмотр нужен. Но она не могла отказаться, не имела права.

Узнать тайны леса помог Анатолий Петрович Юновидов. Преподаватель лесного техникума, человек тяжелобольной (наследие гражданской войны), он взял на себя еще и обязанности лесничего. Собрал подопечных «новобранцев» – женщин, стариков, которые остались за лесников. Рассказал о боровском лесу. Для засушливого Казахстана лес этот – создатель плодородных почв, источник мягкого климата, заповедник птиц, зверей, поставщик ценного сырья и, наконец, место отдыха и прекрасная лечебница.

Анатолий Петрович был одним из первых лесоводов, посвятивших себя благородной задаче изучения и возрождения Боровского массива. Хлопотливые заботы лесничего, занятия в техникуме по 8–10 часов в день, работа вместе со студентами в осиротевших колхозах, организация дел на подсобном участке, – такую нагрузку выдерживал этот больной человек в годы войны и еще находил время и силы заниматься научной работой.

Он изучал особенности местной сосны. Наблюдал ее хорошую травмостойкость, определял полезные свойства живицы, выяснял самые рациональные способы промышленной подсочки. Вместе со студентами закладывал десятки опытов, вел подсчет тысяч деревьев, чтобы выяснить, какая густота стволов в боровском лесу дает наибольший прирост и лучшую древесину. Раскапывал корни вековых сосен, чтобы узнать, как взаимодействуют деревья со сросшимися корневыми системами. Сделал интересные открытия в цветении сосны, определил наилучшие сроки сбора семян, доказал, каким способом разумнее помогать естественному залесению просек и пожарищ. Да разве обо всем расскажешь?

Уже позднее, в 1958 году, защитил Юновидов кандидатскую диссертацию, напечатал множество статей в научных журналах, у него появились ученики и последователи, его трудами заинтересовались не только в Союзе, но и за рубежом. А в те военные годы он работал для фронта и для будущего.

– Народ доверил нам бесценный клад. Нам его беречь и умножать, – эти слова Юновидова запомнила Августа Васильевна на всю жизнь.

Лес стал для нее родным, словно сын. Она научилась определять больные и дряхлые деревья, научилась быть зоркой и чуткой, научилась быть прозорливой. Браконьеры боялись ее недреманного ока. Всем известна была ее неподкупность и справедливость. А ведь трудно было, ой, как трудно прокормить семерых – у нее появился еще и внук. Коровенка была, молока хватало. А вот хлеба...

Помнит мать одну страшную ночь. Поехала она на своем уросливом Мишке (к тому времени она уже довольно прочно держалась в седле) в Щучинск, на пекарню... Взяла хлеб, сразу на несколько дней. Повернула коня. А метель была свирепая, словно хотела сорвать поселок с насиженного места. Мишка брел с трудом, рывками, грудью разбивая бесовские вихри. Но скоро ослабел и он. Дорога расплывалась живыми снежными валами, и он, отброшенный с дороги резким ударом ветра, провалился в снег. Задохнулась бураном Августа Васильевна, тоже увязла в кипящем снежном вареве.

– Ну, иди же, иди, – умоляла она Мишку. А он только жалобно мотал головой.

Пока тащила Мишку, потеряла мешок с хлебом. Это было самое страшное. Дома ждали ребятишки. Не спали. Она не могла вернуться без хлеба. Не чувствуя холода, бросилась разгребать снег. Казалось, даже буран отступил перед отчаянной решимостью матери. Чуть стихло, и Мишка сумел, наконец, выбраться на твердую дорогу. Она не помнит, долго ли месила руками снег – ей это казалось бесконечным, потому что страх, тяжелые думы удлинляли минуты.

А когда, бережно прижимая хлеб к груди, она вошла в дом, увидела измученные ожиданием, но смеющиеся лица детей, – опустилась на стул и беззвучно заплакала. Может быть, один раз дала волю скупым горьким слезам солдатка. А вообще держалась героем. Суровая, твердая была, когда косила с ребятишками траву для коровы. Некому было сено метать – научила старших стоять на стогу.

Сухими были глаза, когда шила дочерям марлевые платица. Складывала в три ряда, чтобы теплее, красила в яркие, радостные тона.

Не испугалась, когда встретила один на один голодного волка в лесу. Она решила, что это собака браконьеров, надо поймать, и бросилась бежать за волком. А он скрылся в чаще. В другой раз волки пожаловали к домику.

– Мама, волки! – испугался старший сын Женя.

Она схватила ружье, схоронилась за поленницей, выстрелила. Правда, попасть в бегущего волка не сумела, но от кордона отогнала.

Смелой была, когда по ночам дежурила в ночном дозоре. Обезжала свои владения, чутко прислушивалась к каждому звуку – не крадут ли лес, не рубят ли. Браконьеры знали – Иванова всегда на посту, и не отваживались приходить на ее участок.

Беспощадной, неумолимой была, когда дежурила на мосту и проверяла подводы с лесом. Нет, не могла Августа Васильевна идти против совести. Не могла разбазаривать народное добро! Приходит как-то человек, подает ей бумажку. В бумажке написано, что этому человеку она должна срубить несколько сосен для новогодних елок.

– Не дам. Не положено, – сказала твердо, словно отрубил.

– Да ведь распоряжение есть.

– Распоряжение неправильное.

– Идемте в контору.

В конторе ей сказали, что пожалели ее детей, что она напрасно отказывается. Но Августа Васильевна стояла на своем.

Неустающей была, когда рубила вместе с ребятами стойки для фронта. Она и сама толком не знала, для чего они будут нужны, для блиндажей ли, для укреплений. Она рубила, тесала и все думала: «Может быть, и к Васе попадут мои сосенки. Может, узнает он родное деревце».

Все пережила, выдюжила. Поседела мать. Я смотрю на нее, маленькую, светлую, добрую русскую женщину, которая вынесла в жизни такое, что даже подумать страшно: голод, изнуряющую работу, смерть мужа, увечье двух сыновей. И выстояла. Нашла в себе силы жить. Сейчас на руках сын-инвалид и внук. Да и остальным детям помогает – то грибков пошлет, то варенья. Сад у Августы Васильевны есть, своими руками выращенный. Ее привязанность, кусочек леса, родного леса...

Внук Сережка взобрался на колени к бабушке и тянется рукой за конфетой.

– Дай.

Августа Васильевна украдкой смахнула слезу.

– Бери, дорогой. Мать твоя в детстве конфет не видала.

Сережка, не понимает, почему бабушка плачет, он не знает, что такое война.

г. Щучинск

«Целинный край» 12 мая 1965 г.

Живет на сопке человек

Есть в Акбеите старая сопка. Она стояла, когда не было еще ни поселка, ни людей на этом месте. Но золото, что хранила она в глубинах своих, тянуло сюда человека. Ее изрыли, унесли ее золотое сердце. Оскудела сопка, стала тихой. Может быть, потому и поселялся на ее скалах Семен Семенович Шагаев. Может, потому и раскинул свой редкий сад здесь, чтобы дать ей другое золото – живое золото плодов. Может быть, это было для него утверждением своего права и умения быть полезным, даже если за плечами шестьдесят.

Позавидуешь талантливым людям! Талантливы во всем – в работе, в мыслях, в умении выбирать самое интересное, самое трудное в жизни! У другого вроде ладно все, спокойно, обстоятельно. По службе идет в гору. Семья благополучная. Дом – полная чаша. А скучно прожил жизнь, серо. И не потому, что не пришлось на его долю героических событий, просто старался в них не встречать. Пошлют – пойду, прикажут – сделаю. А у Семена Шагаева все в жизни было особенно, необычайно, ярко.

Его сверстники – камышинские мальчишки – были еще заняты нехитрыми деревенскими играми, когда Семен решил во что бы то ни стало пробраться в подпольный кружок. Увязался за Федором Зюбенком на улице. Не мог Федор от него отделаться, пришлось идти на тайный сбор с непрошеным гостем.

– Почему поздно? – строго посмотрел Семен Васильевич Обьедкин на Федора.

– Да вот пристал! Хочу, говорит, с вами.

Объединкин неодобрительно буркнул:

– Мал больно.

Но Семена неожиданно поддержал волостной писарь Константин Сергеевич Бондаренко.

– Возьмем его, подозрений меньше.

Обязанности у Семена были несложные: стоять в оцеплении, пока Объединкин или Бондаренко агитировали молодежь не идти в белую армию. Но скоро наступили дела погорячее...

Товарищи по кружку Федор Зюбен, Иван Кляев, а с ними односельчане Иван Совков, Сергей Гончаров погибли в Мариинском восстании. На село нагрянул карательный отряд. Несколько человек убили, деревню подожгли.

Выехали партизаны – на акбеитскую сопку, что в двух верстах от Камышинки. 16 всадников. Среди них Иван Ракатянский, Дмитрий Ушаков, Петр Бубнов да Иван Бездорожный. Из камышинских были Николай Степанович Никоненко, Ефим Филимонов, брат Семена Григорий, Василий Гончаров, Колебаев Петр, Иван Винокуров. Глядят на село – горит, полыхает. Посоветовались, решили поспрятаться пока в безопасные места.

Григорий Шагаев с Ефимом Филимоновым в деревню тайком пробрались. Доверились Семену, знали, не подведет парень. Проводил он их на озере Шурман. На день уплывали в камыши. А вечером Семен брал для маскировки удочку и шел к озеру. Если в деревне полицай – приносил партизанам еду, если свободно – провожал в деревню.

Как-то вечером видит Семен: пробираются, крадучись, по улице два человека. Узнал Никоненко и Колебаева. Тихонечко окликнул:

– Дядя Николай!..

Тот не оборачивается. Догнал, уцепился за шубу, зашептал:

– Дядя Николай, это я, Шагаев. Гришка да Юха в бане скрываются.

Но баня оказалась пуста.

– Кого привел? – грозно спросил Гришка, когда Семен разыскал их в конопле.

– Да Никоненко с Колебаевым.

– Иди вперед. Если колчаковцы, пушу тебе заряд в спину.

Так постепенно Семей собрал и остальных партизан. Подпольный отряд теперь насчитывал человек десять. Казахская лодка стала мала. Нужно было достать большую.

Позвал Семен соседа Устина Шереметина, и поехали на лошади в Новораменскую лодку добывать. На их беду лодка оказалась на том берегу. Поплыли. Холод ноги сводит. Весло тяжелое, мешает. И речушка вроде небольшая, а сил нет. О смерти не думал, нелепо думать об этом, когда кругом такая боевая жизнь. Он все же доплыл. Перевел лодку на тот берег. Но поднять ее на повозку мальчишкам оказалось не под силу. Устин готов был заплакать с досады. Семен дрожит, зуб на зуб не попадает, руки не слушаются. Но голова работает четко. Лодку привезти должны сегодня. Обязательно. А что, если?.. Нашли какую-то доску, поставили ее одним концом на телегу. Втащили лодку лошадьми по доске.

Эта жизнь на острие ножа кончилась для них 9 ноября 1919 года. В Камышинку пришли красные. Собрались на площади перед собором. Палили в воздух, бросали шапки. Кто успел повидаться с жёнами и детьми, а кто и не успел. Ушли партизаны с армией добивать беляков. Семена по малолетству с собой не взяли.

Но на его долю еще досталось повоевать с басмачами в Туркестане. Во дворце эмира бухарского Семен Шагаев увидел первый раз виноград. Попробовал солнечных ягод. Смотрел на причудливую виноградную лозу, как на чудо.

– Вот бы у нас в степи развести виноград? – вслух подумал он.

А солдат, что стоял рядом, ехидно засмеялся:

– Ишь, чего захотел? У вас картошка и та не растет.

Напрасно смеялся солдат. Шагаев вырастил виноград в степи. Но это позже. А пока было не до садов. Пришел солдат из армии, избрали его председателем комиссии содействия, был в батрачке, в комбеде, секретарем парторганизации в Океановке. А в тридцать пятом году вызвал его секретарь Калининского райкома партии Мартынов:

– Поедешь, Шагаев, в колхоз «Передовик» председателем. Предупреждаю, передовик он только по названию.

Не отказывался Семен Семенович. Рад был новому делу. Но то, что увидел в колхозе, смутило даже его. 19 тысяч рублей надо выдать колхозникам на трудодни, а в кассе ни гроша. Кормов нет. Скотдохнет. Колхозники бедствуют. Сбежать бы отсюда, да не в характере Шагаева отступить.

Неподалеку от колхоза стояли скирды отличного сена. Было оно другого хозяйства, и сторожил его старый знакомый Шагаева казах Рамазан. Уговорил его председатель дать взаймы колхозу сена. Скот был спасен. Потом и деньгами разжились – сдали бычков на мясо. А весной намыли небольшую дамбу, пустили воду на луга, пашни. Урожай собрали до 17 центнеров, а трава в пояс стояла. Долг Рамазану вернули, и самим осталось.

Вспоминая о том времени, Шагаев никак не может понять, почему нынешние хозяева тех мест не используют паводковые воды? Ведь не лошаденками – машинами можно намыть плотину. Затрат – на копейку, выгоды – на рубль.

Когда Шагаев приехал в Акбеит, стояло там девять землянок. Жили в них старатели. Первым начальником артели был Андрей Егорович Лихман. Добывали золотишко самым примитивным способом, бурили и дробили руду вручную. Спускались в шахту на бадье. Кажется, не было тяжелее труда, чем шахтерский. И все-таки Шагаев после войны вернулся в Акбеит.

...Пропала руда, старую выработку кончили, до новой не добрались. А золото было совершенно необходимо разрушенной стране. Начальник участка Михаил Яковлевич Багрий решил на крайнюю меру – начать разработку старой разведочной шахты.

Собрал людей. С надеждой вглядывался в лица:

– Кто пойдет в комиссаровскую Дудку?

Молчали. Пожилой шахтер сказал:

– Никто не пойдет. Это верная смерть.

Все-таки пошли посмотреть. Все трещит, сыплется. Покачали головами и разошлись. Был там и Шагаев.

Идти нельзя и не идти нельзя. Представил развороченные бомбами дома и заводы. Вспомнил потоптанные танками пашни. И тот страшный бой у Оки. Там было труднее. И все-таки выстояли. Наутро пришел к Багрию:

– Рискну, если лесу дашь, какого попрошу.

На поселке его оплакивали живого. Наталья Макарьевна причитала:

– Меня шахта инвалидом сделала. Теперь дети сиротами остаются...

– Ничего, мать, выживу.

Воротовщицей к себе взял дочь Марию.

Каждый сантиметр штрека давался ценой невероятных усилий. Одно неточное движение могло погубить все. Но талантлив этот человек, покоровивший недоступное золото. Он отважен, умен, осторожен. И он знает – руда нужна любой ценой.

Проходит день, другой, третий. Шагаев работает, дает в смену 2-3 тонны руды. Но мало, чтобы шахта выполняла план. Багрий просит работать дольше. А помощников по-прежнему не находится.

Три месяца работал Семен Шагаев по 14–16 часов в сутки. Три адских месяца. Поднимался из шахты совершенно обессиленный, даже есть не мог. Жена наливала стакан вина – единственного средства, которое спасало, приносило сон. Наутро он снова спускался под землю. И героизмом это не считал – работа.

Когда дошел до воды, явился, наконец, помощник – Николай Кравченко. Работали по колено в воде. Метра три оставалось до конца выработки, когда Семен заметил, что сыплются мелкие, как дождь, камушки.

– Беги к бадье, – приказал Николаю.

Замешкайся они на минуту, не увидели бы больше неба. Кровля рухнула.

Списали Шагаева с шахты по силикозу. Выбрали председателем поселкового Совета. Отводил участки под новые лома, давал названия улицам: Ленина, Клубная, Центральная... Шахту теперь не узнать: клеть, механические буры, электровозы, дробилка.

На смену старикам-ветеранам Лихману, Абиеву, Самосевичу пришли молодые.

Жизнь идет. А ему, пенсионеру, какое место в этой жизни? Сидеть, на печи да книжки почитывать? Нет, не может Шагаев без настоящего, интересного дела. Вспомнил про бухарский виноград, решил вырастить южный сад.

Сначала приручал сосны да елки. Изобрел приспособление для пересадки хвойных саженцев. Приспособление освоили, и в поселке появились пушистые сосенки. Потом вывел свой сорт скороспелых яблок. На дичку-ранетку привил апорт красный и апорт алма-атинский. В Алма-Ате они вызревают в октябреноябре, а Шагаев угощает яблоками гостей уже в сентябре.

Теперь в саду плодоносят больше десятка сортов яблонь, по четыре-пять сортов груши, смородина, крыжовник, вишня, малина.

Прочел Шагаев три года назад в журнале «Садоводство» статью владимирского виноградаря Николая Марковича Макарова и попросил у него саженцев. Да и соседей подбил выращивать виноград. Но зеленые гости оказались очень нежными. Только у Семена Васильевича Пристройки да у Шагаева выжили саженцы. Они непривычны к сухому лету. Требовали очень много воды. Пришлось Семену Семеновичу вырыть в саду бассейн около трех метров глубиной.

Но самым трудным было сохранить виноград зимой. Шагаев делал опыты с зимовкой картошки, они удавались. Но виноград более уязвим. Соседи собирались смотреть, как Шагаев укладывает на зиму своих питомцев. Делает между двумя кустами канавку, кладет туда две лозы, накрывает их деревянным желобом. А сверху толстый слой земли. Зимой наметет снегу, и виноград остается живым.

В прошлом году Семен Семенович собрал со своих ста кустов три центнера дивной ягоды. 28 сортов винограда в его саду. А нынче будет 41! И, может быть, именно этой весной родится новый, целинный сорт, морозостойкий, скороспелый – мечта Шагаева. Он хочет его вывести, скрестив дальневосточный дикий с культурными сортами.

...Революция разбудила в забитом крестьянском парне чувство справедливости, научила его быть отважным, по государственному мыслить. Кулаки могли расстрелять его за помощь партизанам. Он не испугался. Вера в правоту дела помогла ему выстоять. Он рисковал жизнью, когда шел добывать золото в разрушенную шахту. Но иначе было нельзя. Именно он мог и обязан был выполнить эту работу – она нужна народу. А этот сад? Хочет человек подарить суровому степному краю свой целинный виноград, чтобы сады цвели для всех.

«Целиноградская правда», 16 мая 1967 г.

Дорогой труда

Низенькая, белая хатенка Вари припала к земле как раз напротив колодца-журавля. Варя помнит это долговязое сооружение с детства и привыкла к нему, как к хорошему другу. Ей кажется, что журавль хранит какие-то удивительные тайны. Расскажи, журавль, про то далекое время, когда на деревню налетали кулацкие банды, расскажи, как боролся за Советскую власть Варин отец-коммунист. Она когда-то читала об этом в книжечке «Мариновское восстание», но затерялась книжка. А ты ведь помнишь?

– Помню, помню, – бормочет старый журавль.

Тревожное было время. Местные кулаки зверски замучили председателя сельсовета Василия Онищенко и секретаря партийки Акима Кайнару.

Вьюжным зимним вечером налетели бандиты на деревню. Ивана Конопельченко вместе с другими большевиками увезли в Новопокровку. Их бросили в холодный вонючий амбар. По ночам не давал спать надсадный кашель, тревожил сонный бред. Потом Явленка. Военно-полевой суд. И страшные слова:

– К расстрелу.

Спасли красноармейцы. Варин отец так и не смог избавиться с тех пор от болезни – до самой смерти хворал. Но красный флаг снова взвился над сельсоветом.

Варе было восемь лет, когда отца не стало. Потемнела мать с горя, вразнойбой голосили ребятушки. Скорбно скрипел старый журавль:

– Не плачьте, не плачьте.

Варя еще раз взглянула на журавль и решительно зашагала в бригаду. Мимо поникших сухих подсолнухов, мимо нового дома, что строит сестра Полина с мужем, мимо плетня, на котором опрокинуты два маленьких ведрышка (их Варя сделала для племянника из консервных банок).

Легкий, тонкий, словно ломтик огня, упал на тропинку лист. Совсем как тогда, в далекую предвоенную осень. Босоногая, почерневшая от солнца девочка нерешительно стояла у входа в школу. А юркий желтый листочек крутился у ее ног, будто дразнил: все учатся, а ты нет.

– Ты, Варя, чего тут стоишь? – учитель бережно погладил выбеленную солнцем головку.

– В школу хочу, – Варя смело посмотрела в глаза Кузьмы Петровича.

– Ишь ты, хочу. Мала еще. Подрасти.

– Это я ростом маленькая, а учиться хорошо буду. Ну, пустите, – белесые ресницы умоляюще дрогнули.

– Будь по-твоему. Иди, – сдался Хромов.

И дал Вере тетрадку. На всю жизнь запомнила она ту тетрадку. В то время это была великая ценность, писали обычно на газетах. Варя выучилась читать. Книжку всегда брала с жадным трепетом. До сих пор сохранила Варя эту великую любовь к литературе. В глубине вместительного стола собралось несколько десятков книг, преимущественно исторических романов.

Варя идет на смену. Путь не близкий – километров шесть. Но она любит ходить до бригады пешком. Красиво в лесу и хорошо думается. Варя прислушивается к гулу моторов – нет, ее трактор еще не вернулся со смены. Она из десятков узнала бы его ровный рокот.

Опустилась на траву, рядом с березкой. Невысокая, ладная, в старенькой телогрейке, замасленных брюках и расклеившихся

от солярки резиновых сапогах, она казалась подростком. Только глубокие складки около губ да серьезные, умные, немного грустные глаза говорили о том, как много пережила эта женщина.

Сколько тогда ей было лет? Лет четырнадцать. От колхоза их послали строить дорогу. Был обычный день. Ясное, чуть вылинявшее небо над головой, загорелые лица подруг.

И вдруг все изменялось. Что-то тревожное, невысказанное заметалось в воздухе. Одна за другой мчались мимо машины. Какой-то шофер затормозил и бросил обжигающее, короткое, словно выстрел:

– Война!

Опустела деревня. Остались старики, женщины и дети. Дети, у которых не было детства, не было веселых детских игр. Играли в войну: «били фрицев». Но играли редко. Нужно было работать. Если бы то время снимал кинодокументалист, то, наверное, фильм выглядел бы так:

...Огромное поле прошлогоднего жнивья. Маленькая девочка идет за плугом. Трудно идет, медленно, но упрямо. Бесконечное колючее поле и узенькая черная полоска за плугом. Медленно, медленно она ширится. Метр, другой, третий. Стоп. Вол жадно припал к соломе. Малыш, что погонял вола, неудобно согнувшись, спит тут же, в борозде.

– Вставай, ну, вставай же! – трясет его за худенькое плечико девочка.

Он безмятежно улыбается во сне.

...Снова поле. Только черное. Четкие отпечатки маленьких ног на мягкой земле. Светлые шарики картошки и бесконечные клоны земле.

...Сенокос. С косами женщины. С граблями дети. Грабли большие и гладкие. От них на руках кровавые мозоли. Сено в валы, валы в копны, из них – стог. Девочка намаялась: жадно пьет тепловатую воду.

...Тугие, сильные колосья. Подрезанные жаткой, они нехотя валятся на землю. Маленькие руки бережливо захватывают несколько стеблей, быстро скручивают поясок и пеленают тяжелый сноп.

...Забелила землю зима. Только высятся холмы хлебных скирд. Ровное, ровное поле. Бойко мелькают лопаты, снимая пухлую снежную шапку с хлеба. На другом конце показалась странная сороконожка: двенадцать пар быков тащат комбайн. Будут молотить зерно. Девочка с удивлением и восхищением смотрит на невиданную машину. А за штурвалом девушка...

С того момента, когда маленькая Варя увидела комбайн, управляемый Груней Майоровой, она твердо решила – буду комбайнером. И случай скоро представился, ее послали на курсы комбайнеров.

Михаил Лозорский нахвалиться не мог смышленной ученицей. А когда подучил, взял к себе на комбайн штурвальной. Косили тогда, не имея понятия об отдыхе. Только ночью забывались на три-четыре часа тревожным сном. А порой и вовсе не спали. Молодые были, погулять хотелось. Варя с подружкой-копнильщицей бежали за несколько километров в деревню песни попеть, потанцевать на пыльном «пяточке». Без Вари такие посиделки никак не могли обойтись – она играла на гитаре.

Но долго не повеселишься – нужно к комбайну. Прибегут на поле, сунутся в копну, а Михаил уже поднялся:

– Девчата, вставай. Комбайн нужно смазать.

И они вставали, брались за смазку, проверяли узлы, чистили решета.

– Машина любит уход, – приговаривал меж тем Лозорский, – ты ее осмотри, подправь, почисти: она тебе верой и правдой служить будет. А нерях не уважает.

На всю жизнь усвоила это золотое правило Варя. И никогда от него не отступала. Вот и сейчас. Услышала гул своей машины, быстро поднялась и пошла навстречу. Вместе со сменщиком проверила все узлы, заменила динамо, заправила соляркой. Осторожно подцепила плуг, и трактор неторопливо двинулся по степной дороге. Пыльный флажок с надписью «передовому трактористу» тихонечко подрагивал в такт мотору.

Поле. Нужно отбить загонку. Варя очень любит эту первую борозду. Она должна быть как туго натянутая нитка. А это не-

легко. Левый рычаг, правый. Выровнялись. Можно немного передохнуть. Посмотреть на закат. Солнце, приплюснутое к лесу облаком, казалось маленьким золотым слитком. А продолговатая розоватая полоса у горизонта очень напоминала рыбку. Казалось, еще секунда, другая – и рыбка проглотит золотой слиток. Черный шлейф вспаханной земли все удлинялся. Варе было радостно – он получался прямым.

Как-то Дарья Григорьевну, мать Вари, спросила соседка:

– Чего твоя Варюха, как мужик, все с машинами, да с машинами?

Дарья Григорьевна хитровато прищурилась:

– Любит она это. Ты ведь помнишь, уезжали мы на Кавказ, к сыну моему. Варю там обучали бухгалтерскому делу. Хорошая, говорили, ученица, толк будет. А она мне: не могу я здесь, поеду в колхоз, буду на комбайне работать.

– Ишь ты, – удивилась соседка, – а ведь работа была чистая.

– Не говори, – вздохнула Дарья Григорьевна. – А потом в Караганде на шахте работала. И нравилось ей вроде, и уважали ее там. Почетных грамот надавали, подарков всяких. Нет, гляжу, и оттуда домой. Снова на комбайн.

Это было летом 1957 года. Комбайны готовили к жатве, бригадир Давид Давидович Червинский был рад пополнению. Дал Варю старенький С-6, а когда она отремонтировала машину, сказал:

– Будешь на нем работать.

На собрании механизаторов, где брали обязательства на уборку, Варя скромно сидела в углу и молчала.

– А ты чего затихла, – повернулся к ней Червинский. – Кого на соревнование вызовешь?

Комбайнеры язвительно заулыбались. Варя промолчала. Но бригадир записал против ее фамилии Николая Бурякова и хитро подмигнул:

– Смотри, Коля, обскочет она тебя.

Наверное, ничего тревожнее и напряженнее этого дня не было в жизни Вари. Первый раз по-настоящему хозяйкой ком-

байна выехала в поле. Штурвальной взяла сестру Полину, на копнителе была тоже девушка. Трактором, который тащил комбайн, управлял Александр Беляев, или попросту дядя Саша, как его звали девчата.

Казалось, все идет хорошо. И вдруг порвалась сцепка. На первом же круге.

– Позор-то какой! Скажут, подвел «бабий агрегат», – промелькнуло в голове.

Но сцепку сделали быстро, и комбайн пошел без остановок. Другие машины стояли, как вышки на обочине, а Варин косил и косил. Убрали за сезон 900 гектаров, больше всех. Теперь уже никто не насмешничал по поводу «бабьего агрегата».

Уважают механизаторы Варю за скромность, трудолюбие, настойчивость, широкую, чуждую эгоизма натуру. Бывало, случится поломка в комбайне или тракторе, Варя всегда поможет. А бездельников, ленивых не любит. Работала у нее копнильщицей молоденькая девушка. Косить надо, а она убежит. Раз ее предупредила Варя, другой. Не помогло. В третий спокойно и твердо сказала:

– Больше на комбайн не ходи, работать со мной не будешь.

Еще в войну, когда работала штурвальной на комбайне Марии Антоненковой, был такой случай. Варя копалась в комбайне, а Мария включила мотор. Ругаться Варя не умеет, она только тихо сказала:

– Что делаешь, думать же надо! Не буду с тобой работать. Не умеешь ты с машиной обращаться.

Уважают Варю и за то, что справедливая, никогда человека напрасно не обидит, а за правду постоять умеет. Потому и избрали ее депутатом поселкового Совета, уже второй раз подряд. Варя никому не показывает, но бережно хранит почетные грамоты, медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За освоение целинных земель», значок ЦК комсомола. Этот значок ей дали в тот памятный пятьдесят седьмой. Ей и Полине.

Есть среди грамот и пригласительных билетов на совещания передовиков и съезды женщин листочек, который особенно до-

рог сердцу. Телеграмма: «Просим вас, передового комбайнера, личным примером поднять всех механизаторов на ударную работу в нынешних тяжелых климатических условиях. Журин, секретарь обкома партии».

В тот год агрегат Варвары Конопельченко снова был впереди. На смену «старичку» С-6 пришли легкие самоходки. Целую зиму занималась на курсах комбайнеров, изучала новую машину. Училась легко, без напряжения. Сдала на «отлично».

В прошлом году работала на новом комбайне. А нынче перед уборкой отремонтировала четыре комбайна. На стареньком прицепном скосила 150 гектаров за пять дней. Потом пересела на трактор: зябь сейчас самое важное.

Уже давно пропал слиток солнца, расплылась и потемнела золотая рыбка. Соседний трактор, словно сказочное чудовище с огненными глазами, тарахтел где-то рядом. Потом его корпус потонул в темноте, и только два ярких круглых глаза разгоняли черноту ночи, освещая путь.

*Совхоз «Заря», Сергеевское производственное управление
Северо-Казахстанской области.
«Целинный край», 17 ноября 1962 г.*

Сорокины

Достала мать хлеб из печи. Большой, с солнце, высокий, с гору. Нарезала ломтями и подала на стол. Ешьте, сыны, хлеб трудов ваших.

Стоит дом под лесом. На самом краю Сандыктава. Уверенный и крепкий. Рядом высокий тополь. Выше, чем другие деревья в поселке, раскидистей. Аккуратный двор. Просторные комнаты. Большая русская печь.

Хозяин дома – Михаил Кузьмич Сорокин. Невысокий, плотный, седой. Стариком его звать вроде неудобно, хоть идет ему семидесятый. Нет в нем старческой унылости. Держится прямо, ходит неторопливо, с достоинством. В просторном сером ко-

стюме, на голове шляпа. Видимо от отца-крестьянина досталась, потому что фасона не модного.

Жена Михаила Кузьмича, Анна Семеновна, подстать ему. Тоже ладная, крепкая. А лицо у нее – любой художник за честь посчитал бы портрет написать. Русское-русское. Благородство в нем и простота, достоинство и сердечность. Восьмерых родила, шестеро в живых остались. Дочь угасла в голодный тридцать третий. Тогда на всю семью в день чашка зерна полагалась... Сын Яша военным был. Погиб. А сколько слез остальным отдала. Одна их, считай, воспитывала. Отец в МТС работал. Домой приезжал редко. Комбайнеры были на вес золота. А мать – накорми детей, постирай, в школу отправь. Да еще газет раздобудь вместо тетрадей. Сажи наведи для чернил. Гусиные перья подбери – стальных-то не было.

Маленьких одних оставляла, когда на работу уходила. Дояркой была, на току работала, с мужем штурвальшой на комбайне хаживала, на огороде спину гнула, косила и сеяла за мужиков, когда в армию ушли. Ее Михаила не взяли. Уж и собирала, и провожала, и плакала. А он до райцентра доехал – обратно вернули:

– Тебе, Сорокин, броня.

Он был недоволен:

– Все идут, а я дома отсиживайся?

Военкомовец глядел на него понимающе, говорил необходимое:

– Ты не ерощься. Подумай сам, кто солдат наших хлебом кормить будет? Ты лучший комбайнер МТС – тебя и оставляют. Тебе тут труднее, чем на фронте, придется.

Он остался. Один на несколько колхозов. Хлебушко – худой ли, хороший – подбирал до колоска. Работал, пока сил хватало, до ночи. И спал тут же, около комбайна, часок-другой. С недельку бывал Михаил Кузьмич и в родном колхозе «Путь Ильича». Маленький был колхоз, малюсенький. Всего 1 700 гектаров пашни. А деревня Лазоревка разрослась на семьдесят дворов. Место красивое, лесистое. А россияне особо к таким местам расположены. Еще отец Сорокина подыскал эту деревеньку, когда по

переселению приехал сюда с семьей в «телячьем вагоне». Изба их стояла на краю села, у леса. Когда появлялся Михаил Кузьмич дома, у всех был праздник. А Иван ни на шаг от отца не отходил:

– Пап, ты меня завтра с собой на комбайн возьмешь? Возьмешь, скажи?

– Да чего до завтра ждать? Вот поедим – и в поле...

Все сыновья начинали работать с отцом. От него научились первой комбайновой грамоте. Потом постигали и высшую математику на комбайнерских курсах. Иван остался комбайнером, Григорий пошел дальше – кончил сельскохозяйственный техникум, механиком стал. Василий же пристрастия к комбайну не имел:

– Тесно мне на одном поле кружиться. То ли дело машина. За полчаса можно полсотни километров пройти. И места все новые.

А отец привыкал к одному месту. Из Лазаревки жалко было уезжать. Да съела сама себя Лазаревка. Земли мало, а домов много. Решили переселить деревню. Сорокин выбрал Сандыктав.

Непривычно тихо летом в доме стариков Сорокиных. Было прежде шумно илюдно. Семья доходила до четырнадцати человек. Женились сыновья, появились внуки. Построили дом сыну. Выделили кой-какую обстановку на обзаведение. Потом ушел в новый дом Иван, дали совхозную квартиру Григорию, отделилась Валентина с мужем. Но все равно вечерами и по праздникам собирались все за большой семейный, стол.

А летом тихо у Сорокиных. Только иногда Григорий дочь свою приведет, чтобы мать доглядела. А сам на машину – и поехал в Балкашино, в Атбасар. А то и подальше. Григорий – механик по снабжению. Это значит – разбейся в лепешку, а чтобы необходимые запчасти были в достатке. Иначе стоять будут нужные хлебу машины. Григорий в сорокинскую породу невысок, да крепок. Нос с горбинкой, умные решительные глаза. Просился в уборку на комбайн. Говорят, работает на комбайне неистово. Однако не пустили его, сказали, как когда-то отцу:

– Уйдешь на комбайн – еще одни хорошие руки на уборке, но одни. А здесь ты пользу десяткам людей принесешь, заменить тебя некем.

Григорий завидовал Ивану, который не расставался со штурвалом. Иван не в Сорокиных, худоват, неброской внешности. Но это на земле. А на мостике комбайна кажется он большим, высоким. Пыль на лице, только глаза голубеют. В пыли пиджак, кепка и... валенки. Большие, уютные, растоптанные валенки.

– Ты, Иван, рановато зиму встречаешь, – смеются товарищи.

Он же отвечает вполне серьезно: удобнее, мол, в них, ногам легче. А то в башмаках пятки натер.

В такт комбайну качается метла из березовых веток. Шофер Павел Сидельников, что работает в паре с Иваном, издали узнает по метле свой комбайн. Теперь Иванов комбайн в поле один. Кончили ребята уборку на этом участке, поехали на стан обедать. А Иван остался. Пройдет по кромке, подберет все, подчистит. Почему именно он? Никто не задумывался над этим. Комбайнеры привыкли, что он за старшего, хотя есть годами и постарше его. Наверное, аккуратнее нет.

Приехал в бригаду минут на пятнадцать позднее остальных. Ребята уже помылись, за столом сидят. Только Володя Полоник задержался у бочки с водой. Иван сбросил валенки, выбил пыль. Прошелся в носках по земле. Ногам хорошо, покойно. Сиял пиджак, рубаху, встряхнул. Полил из ковша на руки Володе.

– У меня, Иван, что-то транспортер скребет.

– Поглядеть надо, может, болты ослабли.

Теперь ковш в руках у Полоника. Иван смывает слой пыли. Лицо у него почти не загорело. Даже солнце не пробило пыльную маску.

– А, пусть его скрипит. До конца маленько осталось, доскриплю, – решает Полоник.

– Нет, ты не маши руками. Посмотреть надо. Машина ни хрипеть, ни скрипеть не должна.

Обед уже подходил к концу. Но разговор был в самом разгаре. Сидели в столовой директор совхоза Николай Андреевич Давыдченко, парторг Иван Ананьевич Фролов, председатель рабочкома Иван Петрович Жокин и управляющий отделением Иван Федорович Антошкин.

– Сегодня кончите в своей бригаде, помогите другой, – директор говорит не тоном приказа, а просит. Знает, что люди чертовски устали. Работали по двадцать часов в сутки. Знает все это, но боится дождя.

Помолчали. Потом кто-то сказал:

– Дайте хоть профилактику машинам сделаем. Хоть несколько часов.

Зашумели и другие:

– Пусть в той бригаде сами управляют.

– Мы их на помощь не звали...

Директор понимал их. Сегодня суббота. Хотели в баньке помыться. Пораньше к семьям приехать, детей повидать. Выспаться. Они подготовили себя к этому дню, ждали его, работали на последнем дыхании. А он пришел и говорит: начинай сначала. И они понимали директора. И знали – это не он говорит, это Хлеб приказывает.

Учетчик торопливо объявил, кто сколько выработал за день, кто сколько заработал с начала уборки. Самая большая выработка и самый большой заработок были у Ивана Сорокина. Потом шел его напарник Виниченко.

Поблагодарили поварих, шумно поднялись. Уже на крыльце кто-то из комбайнеров под общий смех напомнил Фролову:

– Ты, парторг, обещал нас в ресторан «Сказка» повезти всей бригадой, если уборку сегодня кончим. Выполняй обещание.

Иван Сорокин натянул валенки и первым завел комбайн...

За всю уборку ни разу не виделся с Иваном Василий. Работали в разных бригадах.

Правда, с отцом Василий встретился. На току, вечером. Зашел на весовую за квитанцией, глядит, отец прикорнул на лавке.

– Ты чего тут лежишь? Дома не спится?

Михаил Кузьмич глянул на него одним глазом:

– Тоскливо дома. Пришел, думал, чем помогу. Да раскурочили мой комбайн.

Еще в прошлом году Михаил Кузьмич работал на току. Везл зерно своим стареньким комбайном. А теперь ток механизиро-

ванный, управляют без него. Даже с сыном не сумел старик поговорить – торопился Василий. Рейс на ток занимает ровно столько времени, сколько нужно, чтобы бункер заполнился зерном. Сломался как-то палец у самосвала. Сваривать – много времени уйдет. Хорошо, нашелся запасной у товарища. Прикрутил его Василий проволокой, чтобы только до вечера продержался. Провозился минуты три. Приехал в загонку, комбайн уже стоит. Три минуты простоя. Всего три, но и такие случаи у Сорокина явление чрезвычайное.

Бывают люди, у которых все ладится. То ли судьба им улыбается, то ли они сами с ней «на ты!»? Василий из таких. Победу встречал на Красной площади. Видел поверженные немецкие знамена. Видел счастливых людей. Ничего лучше этого дня не помнит Василий Сорокин, солдат парадных войск. А попадали в эти войска немногие. Только настоящие асы могли на большой скорости въехать на военной машине на площадь, пройти почти рядом с соседней, соблюдая до сантиметра дистанцию в рядах и между рядами.

Потом, когда вернулся в совхоз, просили его вести курсы шоферов. Днем работал, вечерами всю зиму занимался с курсантами. Теперь его ученики – целый совхоз.

...Один едет навстречу. Другой. Сегодня Василию повезло. Пыли нет. Большую часть пути машина идет по асфальту. Дорога синяя-синяя. А справа – кусок черной пашни. А посреди пашни сосна. Одинешенька, оторвалась от сестер, скособочилась, на жарком вечернем небе черной и тоскливой смотрится. Неуютно ей. За пашней – непаханая стерня. А где-то далеко, почти у самого горизонта – комбайны. Василий прикидывает, где должен оставаться комбайн. Аккуратно подводит машину, разравнивает зерно, заботливо укрывает пологом. Он даже в ясную, спокойную погоду не позволяет себе, как другие, оставлять зерно открытым. Хотел уже ехать, да взглянул по привычке на комбайнера Адама Аленборна. Тот тихонечко похрапывал, сидя на комбайнерском стульчике.

– Адам, кончили, поезжай!

Удивительная способность у этого Адама засыпать сидя. Умался.

И опять дорога. С поля на ток. С тока на поле. Наутро заглянул в маленькое окошечко диспетчерской, к Вале.

– Привет, сестра. Что-то у тебя вид неважный. Трудновато дается новая система?

...Валя кивает. Да, голова болит от сложных расчетов. Но она довольна – ребята нынче хорошо заработали.

Кончилась уборка. Снова собрались Сорокины за отцовский стол. Выпили, как полагается по русскому обычаю, за добрый урожай, за гостей, за отца с матерью, за всю сорокинскую семью.

– Расскажи-ка, Кузьмич, как на всю область прогремели? – хочет еще раз послушать известную всему селу историю про сорокинский семейный агрегат кто-то из гостей. Старый Сорокин отмахивается.

– Чего там рассказывать.

Однако вспомнить приятно:

– Прибегает как-то ко мне рабочком Жокин. Давай, говорит, семейный агрегат создавай! Тряхни стариной! Я на самоходках не ездывал. Однако думаю, раз всей семьей пойдем, отчего не попробовать. Потом уехал я на мельницу. Присылают за мной подводу. Везут в село. Я в муке весь, отдышаться не успел. Собирай, говорят, семью на торжество. Секретарь райкома в гости придет. Созвал сыновей. Сели за стол. Начали обязательства брать. Я по-стариковски много не заламывал. Говорю, гектаров триста попробую вытянуть. «Мало, Михаил Кузьмич», – говорит секретарь. Ай, думаю, была не была. Потягаюсь с молодыми. Обещал 450 гектаров убрать. Гришка взял 550. Василий тогда болен был. Шоферами у нас работали Василий да племянники – Павел и Генка. В общем, действительно семейный агрегат вышел. Даже бабка в него включилась – обеды нам в поле носила. Я тогда 480 гектаров скошил. И сыны не подвели.

...И этот хлеб, что на столе лежит, убирали они, Сорокины.

*Совхоз «Сандыктавский» Балкашинского района
«Целиноградская правда», 16 октября 1966 г.*

Созидатели

Я часто думаю о назначении человека, о его месте в жизни. И непременно начинаю перебирать знакомые имена, вспоминать лица, анализировать характеры. Вот один. Добродушный, приятный в обращении мужчина. Кругленький, аккуратненький, общественник. Надо в какую-нибудь комиссию – пожалуйста. На воскресник – извольте, чего приятнее. От знакомого ушла жена – первый радетель морали: будет бить во все колокола административно-профсоюзно-общественные. Послужной список у него чистенький. Начальство довольно – исполнительный. И сослуживцы терпят – обходительный.

И мало кто догадывается, что душонка у этого кругленького человечка слякотная, что он не упустит случая, если это безопасно, нажиться на несчастье товарища. Что без выгоды он не будет строить из себя блюстителя нравственности. Ослепленные его ласковостью не замечают, что приятный сослуживец умело потягивает денежки из государственного кармана и тащит золотой медок в свой тесный улышко.

Мне мерзок, противен такой тип людей. Отвратителен вдвойне оттого, что разгадать его куда труднее, чем откровенного хапугу, грубияна или тупицу. И каждый раз, когда я вспоминаю об этом человеке, хочется сказать еще раз людям: не цените человека только за исполнительность и аккуратность. Загляните в его душу, разберитесь, чем живет, для чего живет. Что заставляет его делать те или иные поступки? Маленькая личная выгода или большое искреннее желание помочь людям.

Иногда человек бывает ершист, резковат. Надо разглядеть за этими внешними чертами человека его суть, его стремление к творчеству, которое делает людей богаче, счастливее, борется с мещанской ограниченностью, лицемерием и подлостью.

Впрочем, довольно рассуждений. Я вам расскажу о людях, которых я полюбила за неприятие дряни и косности. Это люди, которые хотят видеть жизнь новой, красивой. Это творцы, созидатели ее.

Володя Турин

Володю Турина встретила я прошлым летом в Кокчетавской гостинице. Он был главным врачом студенческого отряда. Мне он показался хрупким интеллигентным юношей, прирожденным горожанином. Может быть, очки усиливали это впечатление, может быть, серьезный разговор о проблемах психотерапии. Признаться, тогда я не очень поверила его словам: – Закончу институт, приеду на целину работать. Врачи здесь очень нужны.

И вот он назначен главным врачом Кокчетавского района. Загорелый, возмужалый, в рабочем, выдавшем виды плаще и сапогах. Обветренный уже беспокойными ветрами нашими, он показался мне старожилом целины. Вот тебе и ленинградец. Интеллигент. И жест решительнее стал, и голос гуще.

– Знакомьтесь – моя жена. Привез недавно из Вологды.

– Клара, – представилась она.

Голос мягкий. Чуть картавит. Лицо приятное, спокойное. Волосы, как у античной мадонны, мелкими завитками. Невысокая, Володе по плечо. Все в ней скромно, мягко, словно приглушено. Но чувствовалась за этим внутренняя сила, спокойное обаяние. После института Клара работала главврачом районной больницы в вологодской области. Созданные по инициативе Клары прививочные отряды, широкая сеть университетов здоровья сделали большое дело. Смертность в районе уменьшилась в полтора раза, значительно сократились случаи травматизма. Внешне все это выглядело естественно и гладко, но сколько энергии, сил, нервов потратила Клара, пока добилась своего. Новое приходилось доказывать, завоевывать, бороться за него. А когда Клара приехала к Володе в Красный Яр, поняла, что здесь придется еще труднее, надо начинать с азов. Впрочем, Володя сумел за три месяца совершить тут настоящую революцию.

Принял он больницу еще зимой. Хотя то, что досталось ему в наследство от бывшего главврача, вряд ли можно было назвать лечебным учреждением. Больные лежали по двое на кроватях, не снимая затасканных халатов. В тесных, с обшарпанными темными стенами закутках помещались дети. О чистоте и порядке, даже

самых элементарных, не было и речи. Казалось, новая больница была уже готова. И Турина предлагали: принимай, мол, здание.

– Пока не проведете воду, неотрегулируете канализацию, не устранили все недоделки, принимать не буду, – наотрез отказался молодой врач.

Поднял на ноги партком, исполком райсовета, но добился своего.

– Круто взялся новый врач. Одного за другим увольняет, свои порядки вводит, – судачили по углам те, кто уютно прижился в больнице, кое-что подельвая и получая по полторы-две ставки.

Турина не смущали эти разговоры. Он знал, что порой резковат, строг, может быть, чересчур, но был уверен в своей правоте и в том, что здесь обязательно на первых порах нужна очень твердая рука, чтобы разорвать эту пелену равнодушия, расплескать застоявшуюся плесень взаимного укрывательства. Недовольные жаловались в прокуратуру и, как ни странно, находили там покровителей. Конфликт принял довольно крупные размеры. Пришлось вмешаться парткому. Нелегко далась Володе эта первая победа над иждивенцами, хапугами и лентяями. Но она была решающей. На его сторону стали даже те, кто поначалу недоверчиво приглядывался к его новшествам.

В больнице сделали воскресник, побелили стены, вымыли полы. В операционной установили новое оборудование, а в палатах появились первые обитатели.

В кабинет главврача то и дело заходят люди.

– Владимир Ильич, к нам на работу просится новая сестра. Примем?

– Посмотрим, как работать умеет.

– Завхоза целый день найти не можем. Говорят, пьяным его видели.

– Появится, пришлите ко мне.

И так целый день. И ночью подымут с постели – экстренный случай. Но Турины не жалуются. Пусть трудно, но интересно. Правильно они живут. Дают открытый честный бой любой грязи, чтобы чище и светлей жилось людям хорошим.

Михаил Гурьев

Не знаю, был ли в жизни Михаила Гурьева такой случай, какой произошел с Володей Туриным, когда он на свой страх и риск решил отправить тяжелобольного студента на самолете в Ленинград и этим спас парню жизнь. Но верю, что Михаил поступил бы точно так же, если бы ему пришлось выбирать: личное благополучие или жизнь человека. Верю, потому что нет у Михаила мелкого тщеславия, ложного самолюбия, потому что он считает ту работу интересной, которая нужна его родному совхозу «Комаровский», его односельчанам.

Когда Михаил явился на ферму с подойником в руках, над ним смеялись:

– Что это за доярка новая появилась? Уж ты бы юбку надел, раз в бабы записался.

А через несколько месяцев острословы приумолкли и, встречая Гурьева, даже справлялись:

– Ну, как, не подводишь мужскую половину рода?

Михаил стал одним из лучших на ферме. Работал с удовольствием. И, наверное, долго еще проработал бы на ферме. Только однажды встретил его председатель совхозрабкооп:

– Слушай, Миша, выручай. Принимай магазин. Ведь ты когда-то в кооперативном техникуме начинал учиться. Грамотный. Дело знаешь.

Не сразу согласился Михаил. Однако не хотелось подводить односельчан. Некоторые опять удивлялись:

– Вот чудак – денежную работу бросил.

Ну, как им, кто дальше пятака ничего не видит, как им объяснить, что важнее денег то удовлетворение, которое получаешь от работы. Нет, Михаил не умел объяснять, он умел работать.

Несколько дней выгребал хлам, расставлял товары, писал этикетки. А когда открыл магазин, односельчане глазам своим не поверили. Просторный, уютный, чистый и красивый. Книжки аккуратно расставлены на стеллажах, появилась новая литература – ее Михаил сам отобрал на складе. И продавец внимательный, исполнительный. Уважает покупателей, но не теряет при этом чув-

ства собственного достоинства. Он не просто получает деньги за товар, он предлагает самое лучшее, красивое, интересное, он формирует вкусы покупателей.

А это нелегко. Надо и самому постоянно учиться. Михаил только начинает постигать нелегкую профессию продавца. Но он никогда не будет кривить душой, перенимать староредакторские приемы обсчета и обмана покупателей, потому что ненавидит всякую подлость.

Слава Маганов

Слава Маганов пока еще не сделал скульптурных портретов ни Володи и Клары Туриных, ни Михаила Гурьева. Но если бы он встретился с ними, то непременно захотел бы высечь их в мраморе или вылепить из гипса. Потому что люди эти близки ему по духу. Они, как и он, созидатели.

Слава выглядит очень молодо, хотя за плечами у него нелегкая и немалая жизнь: детдомовское детство, война, работа, долгие годы учения – сначала в художественном училище, потом в институте имени Сурикова. Он пришел в искусство не на плечах влиятельных дядюшек. Прорубил путь своим талантом и трудом.

В его небольшой мастерской, что расположена в самом центре Кокчетова, царит искусство. На стенах фотографии скульптур Родена и Микеланджело, Эрзи и Рюда. На полках много интересных эскизов. На полу свежая заготовка для барельефа. В углу грудой навалены журналы. Тут же снимки институтских работ. На выставке в Целинограде Маганова называли самым талантливым скульптором в крае.

Сейчас Маганов ведет студию, старается передать местным художникам то, чему его научили в институте. Добивается, чтобы в городе был настоящий художественный совет, который бы запрещал всякую халтуру.

– А вообще, здесь интереснейшие люди, – говорит Слава, – выхожу я утром из дому, а навстречу мне девчонки в брюках. Чумазы, озорные. Строители. Или рабочие спешат на смену. Обстоятельные, неторопливые. Знают себе цену. Студенты бегут

торопливо – им каждый новый день открытием кажется. И всех мне хочется лепить. У каждого характер свой, интерес в жизни особый.

И Слава работает. Много работает. С утра до поздней ночи. Он хочет подарить людям прекрасное, заставить их полюбить прекрасное.

Мои герои еще только начинают самостоятельный трудовой путь. Но шагают они прямо и уверенно.

*Кокчетавская область
«Целинный край», 5 июня 1964 г.*

Девушка из нашего города

Мария осторожно постучала в дверь.

– Я вместо вашего агитатора. Уехал он и списка не оставил. Хочу снова вас переписать. Голос ее звучал немного виновато: стыдно за товарища.

Молодая женщина предложила стул. Муж ее отложил в сторону задачник.

– Алезин, Петр Иванович.

– А вы тоже в школе учитесь? – Мария кивнула на учебники.

– В восьмом классе. Шофером в аэропорту работаю.хлопотливое дело, и школу бросить никак нельзя.

– А за кого голосовать будете, знаете?

Она подала Алехину вырезку из газеты. Он благодарно кивнул.

Новая дверь. В углу телогрейки, измазанные известью сапоги. Здесь живут знакомые – тоже строители. И они рады приходу Марии.

На лестничной площадке Мария становилась. Достала из кармана листок с портретами и биографиями кандидатов и прикрепила его к стене.

В школу Мария опоздала. Коридор уже опустел. Техничка понимающе кивнула:

– Беги, беги, только что начался.

Урок физики. Молоденькая светловолосая учительница в красной кофточке объясняет закон Гука. Мария тщательно записывает формулы, решает задачи. Ее настойчивости удивляются друзья по классу. Четыре года назад эта девушка впервые пришла в эту школу. Она долго сидела над листком бумага, боялась написать заявление: «А что, если ошибок наделаю, не примут».

Мария – венгерка. Русский знала очень плохо. Часами после школы, после работы, в воскресенье, в субботу изучала язык. И была счастлива, когда узнала, что сдала экзамен по письменному русскому на четыре. Тогда она училась в седьмом классе. Сейчас Мария в девятом. После школы собирается в строительный институт. Такова мечта.

А прежде была другая – быть агрономом. В далеком закарпатском селе образовался колхоз, приехала молодой агроном Наташа. Морица, так звали ее родные, могла часами бродить с Наташей по полям и слушать ее бесконечные рассказы о том, что и где растет и как надо возделывать табак и кукурузу. Маленькая, худенькая, одетая в холщевую рубаху, девчушка осторожно ступала босыми ногами по вспаханной земле и, блаженно улыбаясь, пела: «Я буду агрономом. Агрономом буду я».

Когда Морица впервые попала в город, она была поражена. Оказывается, есть большие дома из кирпича, оказывается, есть громадные заводы.

– Пап, а как это делают? – теребила она отца.

– Подрастешь, узнаешь.

Сейчас Мария вспоминает об этом с улыбкой. Три строительных специальности освоила она с того времени, как приехала на целину. Сначала попала в разнорабочие. Потом выучилась на бетонщика, каменщика. Ей присвоили звание ударника коммунистического труда. И возникла еще одна мечта – стать маляром. Красивыми дома и комнаты делают маляры. Клава Шевченко была первой ее учительницей. Дала в руки кисть, показала, как красить, и строго наказала:

– Не торопись. Чтоб хорошо было!

А Мария не умеет плохо. Ей доставляет удовольствие смотреть на свежеекрашенную панель или веселый розовый фасад дома. Без работы руки беспокойны. Вот и вчера... Школьный день положен по закону. Нет, не спится Марии. Вскочила, пошла к своим, из бригады. В комнате была Катя Судас:

– Ты чего поднялась, тебе же сегодня на работу не идти. Спала бы.

– Не могу уснуть. Пойду я.

Катя махнула на нее рукой – одержимая!

Работа у маляров на строительстве ТЭЦ нелегкая. Приходится подниматься в деревянных ящиках, которые строители называют «люльками», на высоту 17-18 метров. А Марии нравится. Взглянешь вниз – все кажется маленьким, и голова кружится, будто в самолете. Черная краска ложится на трубы ровно. Если хорошо вглядеться, можно даже свое отражение увидеть.

Нелегко, но Мария любит свою работу. Да и бригада подобралась хорошая, дружная: Лида Шаймухамметова, Раиса Дельмиева и Мубарякова Фарида приехали на целину из Башкирии, Екатерина Судас – белоруска. В феврале задание выполнили на 168 процентов. Мастер Григорий Васильевич Давиденко доволен: брака нет.

От школы до общежития метров триста. Мимо нового Дворца культуры, мимо большой кучи земли, похожей на говорящую голову из сказки о Руслане и Людмиле. Мальчишки штурмом взяли воображаемую гору и теперь с гиком скатывались вниз на портфелях. Счастливые, и детство у них настоящее. У Марии было иное.

Помещик, на которого гнул спину отец, был толстый и сердитый. А жена его, сухая, как тарань, наводила на девочку панический страх. Однажды послали Морику в господский дом. Слуги шептали ей:

– Скажи барыне: целую ваши ручки.

Морика упрямо сжала губы. Инстинктивное чувство гордости заговорило в ней: она была дочерью непокорного батрака.

Шестилетней она пошла с отцом пасти помещичьих гусей. По ночам снилось страшное гогочущее стадо. Она бежала от него, бежала. А ноги – будто из ваты. Может быть, это ощущение и натолкнуло Морику на хитрость. Поймала несколько пчел и посадила их себе на ногу. Ступня распухла. Морики шла, прихрамывая.

– Что с тобой? – забеспокоился отец.

– Вывихнула ногу.

Мать понимала, но молчала: жаль малышку. А Морики в этот день не слышала гогота ненавистных барских гусей.

И еще осталась в памяти война. Ракеты чертили небо белыми свечами. Свист, бомбы, смерть. Отец схватил ребятишек и побежал в поле. Батрак ушел на войну добровольцем. Больную мать с семью детьми помещик выбросил на улицу. Спасибо, приютили добрые люди.

Морики было девять лет, когда отец вернулся. Пропахший порохом, обросший, только глаза сияют радостью. Схватил ее на руки: «Кончилась война, девчурка! Теперь жить хорошо будем. Русские не дадут нас в обиду».

Закарпатскую Украину присоединили к Советской. Землю помещика раздали беднякам. Отец одним из первых вступил в колхоз. Он был безграмотный, но сильный своей бедняцкой правдой.

Вот и общежитие. Родной дом Марии. Он толкнула дверь в радиоузел:

– Мария Ивановна, где кисть взять, хочу свою комнату побелить.

– У меня нет. Попроси у ребят, – посоветовала воспитательница.

На лестнице встретила девушку:

– Маш, книжку по коммунистическому воспитанию дай. Я тоже на диспуте выступать буду.

– Завтра вечером отдам. Почитаю еще.

Поздоровался председатель совета общежития Иван Плешкан:

– Ваня, а когда работать будем?

Бытовой совет создали неделю назад. Марию назначили ответственной за быт.

– Завтра в девять часов собираем совет. Ты бы прошла по общежитию, посмотрела, чего в комнатах не хватает.

– А я уже была кое-где. Приемников нет, лампочек.

– Вот завтра и скажешь.

Обыкновенная она. На улице встретишь и внимания не обратишь. Небольшие темно-серые глаза. Тяжелый виток русой косы оттягивает голову. Говорит мягко, с акцентом. Кажется очень застенчивой и нерасторопной. Но подруги и товарищи знают: активная, боевая, толковая. Недаром выдвинули ее делегатом на республиканскую профсоюзную конференцию в Алма-Ату. Ей до всего есть дело. Буфетчица боится ее придирчивого глаза: Мария общественный контролер. С радостью встречают избиратели агитатора. Когда в школе зашел разговор о подарках ребятам в день Советской Армии, инициатором стала Мария Керчанин.

Обыкновенная она. А душа у нее красивая, всему хорошему открыта настежь, беспокойная. Отчего восемнадцатилетняя девочка бросила свою деревню и ринулась невесть куда? Захотелось мир посмотреть, захотелось туда, где строят большие города и новые заводы. Комсомолкой Мария не была. Так и сказала в райкоме: «Не комсомолка я. Но прошу взять меня добровольцем». Тетка отговаривала. Из-за ее, теткинских сборов, и опоздала тогда на поезд, пришлось на мотоцикле догонять его. От Ужгорода до самого Чопа довез один из райкомовцев.

Обыкновенная она. Только сердце мужественное и самоотверженное.

...Умерли отец и мать. На шестнадцатилетнюю девочку остались пять маленьких требовательных ртов. Работала дояркой. Какая тогда на ферме механизация? Все вручную. А малышей накорми, одень, поиграй с ними. И никогда не жаловалась. Еще на танцы успевала бегать. Очень любила Морику танцевать чардаш. Потом малышей забрали в детдом. Сейчас пишут, как матери.

А разве не мужество – после трудной работы сидеть вечерами над учебниками и «зубрить» русский, математику? Не забывать о делах общественных и еще успевать почитать Маяковского, сыграть в красном уголке в шашки, потанцевать, сходить на концерт.

Вот за эту советскую, коммунистическую обыкновенность и приняли Марию в партию. Ничего радостнее этого дня не помнит в своей двадцатилетней жизни Мария.

Долго не решалась она подойти к секретарю партийной организации Николаю Марковичу Коваленко, наконец, осмелилась:

– Скажите, чем заслужить, чтобы в партию приняли?

Он засмеялся:

– Ты у нас и так заслуженная. Пиши заявление.

И вот собрание. Народу в красном уголке не перечесть. Мария сидит в последнем ряду. Волнуется. Выступали многие. Но особенно тронули ее слова старого каменщика Арипова.

– Марию Керечанин мы все знаем хорошо. У нас выросла. Работать здесь научилась. Первой из женщин строительно-монтажного поезда 209 присвоили ей звание ударника коммунистического труда. Достояна партии!

А в горькоме партии даже вопросов не задавали.

– Свой человек, утвердить.

Было это как раз накануне двадцать второго съезда партии. Дочь венгерского батрака стала коммунисткой.

«Целинный край», 1964 г.

Коммунары

Бывают же такие удивительные встречи!

Обсуждение спектакля «Судебная хроника» шло своим чередом. И вдруг слово попросила невысокая подвижная женщина в красной кофточке. Подошла к сцене.

– Позвольте мне, воспитаннице Макаренко, сказать о спектакле несколько слов.

Она говорила о важной теме спектакля – борьбе с хулиганством, об игре актеров. И особенно отметила одного:

– Извините, я вашей фамилии не знаю, но побольше бы таких полковников в жизни.

– Этот самый актер, Дмитрий Филиппович Терентюк, – тоже воспитанник колонии имени Дзержинского, – сказал один из молодых. Она восторгалась, вбежала на сцену. Вглядывалась в его лицо:

– Ты Полю Джуринскую помнишь?

– Как же, как же! – волновался Дмитрий Филиппович. А я сперва и не признал, ведь тридцать лет прошло.

Пока Дмитрий Филиппович снимал мундир полковника милиции, Полина Ефимовна с пристрастием допрашивала директора театра:

– Ну, как, он не пьет? Семьянин хороший? Не подводит нашего Антона?

И услышав добрые слова о нем, успокоилась.

Они шли по вечерним улицам Целинограда, вспоминали.

– Ленка Соколова преподает английский язык. Муж – адмирал.

– А Виктор Богданович сам адмиралом стал. Хочешь, адрес дам?

– Обязательно. Прекрасный был парень, справедливый, честный. Я в Харькове очень много наших видела. Вася Коломийцев получил орден Красного Знамени за какое-то изобретение. Обоих сыновей своих Антонами назвал.

В светлом уютном номере гостиницы «Москва», где остановилась Джуринская, они уселись за низенький круглый столик, и Полина Ефимовна вынула фотографии, журналы.

– Вот гляди, в «Просторе» мой очерк «Родня по Антону».

Она развернула журнал на той странице, где была фотография. Пятеро друзей, пятеро бывших коммунаров скорбно стоят у могилы Антона Семеновича на Новодевичьем.

Другая фотография озорная, веселая – «пацаны» из коммуны. Стоят бритоголовые мальчишки, вчерашние беспризорники.

В центре с наполеоновским уморительно-величественным видом Петя Братченко.

– Ты помнишь Петьку, на трубе играл? А это Гриша Гершанович, его «шкафиком» звали.

– Вот этот малыш, кажется, «хозрасчет»? Все шутили – перейдем на хозрасчет, он себя не прокормит: мал больно.

– Смотри-ка, это же Гнида! Антон его фамилию переменял на Первомайский.

Они вглядывались в лица, вспоминали фамилии, эпизоды своей коммунальной жизни.

– Помнишь, отдыхали мы в Святогорске. Ждали какую-то делегацию шахтерскую. Один наш парень решил подвиг совершить.

– Ты рассказываешь о Петьке, что влез на статую Артема?

– Вот-вот. Скульптура на крутом берегу Донца стояла, да и сама 26 метров высотой. А Петька при помощи веревки взобрался на голову этого памятника и там стойку на руках сделал.

Антон стоял бледный, как мел.

– Когда Петька благополучно спустился, Антон отправил его под арест. «В этом, – говорит, – геройства нету: жизнью ради шутки рисковать». И как его ни упрашивали отменить ради праздника арест, не сдался.

Полина Ефимовна бережно достала из шкафа только что купленную книгу о Постышеве. Показала Терентюку. Они несколько секунд молчали, рассматривая фотографию Павла Петровича, замечательного коммуниста, верного друга коммуны. Полина Ефимовна со смехом вспомнила об одной встрече с Постышевым.

– Ох, и оконфузилась я тогда. Дежурила на кухне. Павел Петрович спрашивает: «Кормят вкусно?». «Очень, – отвечаю. – И борщ, и котлеты, и вареники». – «Вегетарианское бывает?». – Нет, не бывает!», – решительно замотала я головой. Думала, это что-то невкусное.

– А я хорошо наркома Балицкого помню, председателя правления коммуны.

– Прекрасные были у нас воспитатели! Сделали нас людьми: Санчо Сопин и Саша Оноприенко юристами стали, Ваня Ветров – прокурор. Канисевич и Явлинский заведуют детскими домами. Саша Швед был недавно в Алма-Ате – он начальник колонии.

– Смотри-ка, многие наши пошли по стопам Антона.

– Знаешь, Дима, а я ведь в медицинский поступала. Антон говорил: «Медик из тебя средний получится, а педагог хороший». Я огрызнулась: «Всех вы хотите педагогами сделать». Однако пошла в Харьковский университет. Кончила и не жалею. Теперь ученый секретарь республиканского Совета педагогического общества.

– Меня Антон в актеры определил. Я уже учился в технологическом. А он мне покоя не дает: «Есть способности, иди в театральный». Убедил.

Макаренко писал в книге «О воспитании молодежи»: «Его фамилия Терентюк. Он очень хорошо учился – на пятерках. Потом пожелал пойти в технологический вуз. Я в нем открыл редкой наполненности комика, чрезвычайно тонкого, остроумного, обладающего прекрасными голосовыми связками, богатейшей мимикой, умного такого комика. Я видел, что именно в области актерской работы он может дать большой результат, а в технологическом будет средним студентом... Сейчас он прекрасный актер в одном из дальневосточных театров».

Джуринская днем позже прочитала эту страничку, а сейчас искренне высказала свое мнение:

– Должна тебе без лести сказать, актер из тебя хороший вышел. А заслуженного где получил?

– В Бурятии.

– Ну, а что играешь-то? Какие роли интересные сделал?

– Аргона в «Тартюфе». Ты помнишь, как мы этот спектакль в коммуне играли с Николаем Васильевичем Петровым?

– Ой, не говори! А моя была роль «Кушать подано». Все смеялись. Но мы с тобой отвлеклись. Так что ты играл?

– Ванюшина, Бессеменова в «Мещанах», дядю Ваню, Городничего, Швандю, здесь Щукаря играю.

– Диапазон отличный! А с чего начинали, помнишь? Антон тогда сам пьесы писал.

– Мы как-то с женой Макаренко, Галиной Стахиевной, один такой спектакль вспомнили. Крамов играл Антона, а я завхоза Дидоренко.

– Замечательный был завхоз. Душевнейший человек, но любил строгости на себя иногда напустить.

– Ребята, пользуясь его мягкосердечностью, все папиросы растаскивали, как только он портсигар открывал. Но я приметил, что стал Дидоренко хитрить. Вынимал из кармана по одной папироске. Таким его и показал. Вынул папироску, закурил и победно глянул на ребят: дескать, съели? Галина Стахиевна рассказывала, что они с Антоном очень смеялись.

Антон Семенович прекрасно понимал, что прививать коммунарам любовь к искусству надо на самых высоких образцах и приглашал в наставники им высокообразованных талантливых людей. Драматический кружок вели народные артисты Александр Григорьевич Камов и Николай Васильевич Петров. Им помогала и тоже играла с ребятами в спектаклях Людмила Александровна Скопина, народная артистка РСФСР. Литературу преподавал профессор Сергей Сергеевич Пушкинов. В опере, драматическом театре и цирке у коммунаров были свои ложи.

Вспоминая все это, Дмитрий Филиппович заметил:

– Недаром у нас в актеры пошли многие: Шура Сыромятникова, Клара Верискина, Ваня Ткачук.

– Да, ведь и я к театру отношение имею самое прямое. Пьесу о Макаренко написала «За нами пойдут». Ее народный театр поставил. Рецензии пишу. Член художественного совета театра. Ты еще, помню, на пианино играл?

– Да, с Векслером. На слух. А ты была в санитарной комиссии. Ох, и доставалось нам от тебя. С шести утра выходили лестницы драить.

– Калабалина видел? – спохватилась вдруг Джуринская, словно забыла о самом главном. Она бережно достала фотографии Семена Афанасьевича, известного по книгам Макаренко как Ка-

рабанов. На одной из фотографий надпись «Полинушке с верой в победу активной педагогики Макаренко».

– Все такой же красивый и неукротимый. Ты ведь знаешь, он директор одного подмосковного детского дома. Была я там. Порядок идеальный, все, как у нас. А теперь познакомься вот с этим «мсье Карабановым».

Полина Ефимовна разворачивает «Огонек» за прошлый год. В нем статья о Калабалине «Наследники Макаренко».

– Ты послушай, какой он пример приводит в беседе с французскими педагогами.

Читает вслух эпизод о том, как спасал Макаренко своих воспитанников от тифа. «Он променял в кулацких хуторах всю свою одежку, остался в одной старенькой шинельке. Обходя ночью больных ребят, которые замерзали в холодных спальнях, он ложился к самым слабым, согревал их своим теплом и прикрывал шинелькой. И ни один, поймите, ни один из тридцати воспитанников не умер».

– Помнишь, Дима, Антон говорил: «Построим, ребята, у себя кусочек социализма». Построили. И мы должны нести его другую педагогику в жизнь.

– Интересный случай был в Саратове. Позвали меня к бывшим беспризорникам рассказать о коммуне. Пришел. Клуб сырой, холодный. Сидят они оборванные и улюлюкают. Я им рассказал о Макаренко – они не верят. В общем, эффекта особого не было. Но начальнику сказал, чтоб клуб натопили, привели в порядок, и одели получше. Через два месяца прихожу: чистенько, тепло, слушают внимательно. Подтянулись парни. Колючую проволоку сняли. В город стали выпускать...

Они говорили обо всем, но ни слова о своем беспризорном прошлом. В коммуне об этом запрещено было говорить. Только Дмитрий Филиппович сказал, что когда ему было уже 44 года, у него нашлась мать...

Война разлучила их. Мальчишка скитался по детским домам. Беспризорники зимовали под крышей детдомов, а летом уходили

снова на улицу – там легче было прокормиться. Были у них свои ночлежки. Оборвыши, вернувшись с очередного «трудового» дня, который проводили обычно на базаре, собирались вокруг огонька и заставляли самого грамотного среди них, Димку, читать вслух книжки. А когда Димка попал с друзьями в колонию имени Дзержинского, все резко изменилось. Там у них сразу отнимали привычку к анархии. Коллектив брал в крепкие руки.

Полина Ефимовна в своем очерке вспоминает, как из нелюбимых, озлобленных детей колония делала людей, о пятиминутках культуры и о песочных часах, которые строго дозировали время выступавшего. О том, как в одном из многонедельных походов по стране, у них украли чемодан с ведомостями на карманные деньги, а когда составили новую, оказалось, что все сошлось копейка в копейку. О Наташе Чудной, которая сейчас работает судьей в Харькове. Она однажды провинилась тем, что рвала недоспелые яблоки в саду. Наказание последовало лишь осенью – все ели сочные красные яблоки, а в ее тарелке лежали недоспелые кислячки. И о том, как Поля сама была воспитателем девочек-беспризорниц, как делала линзы для фотоаппаратов на своем заводе. И о том, что Ваня Семенцов выбрал себе день рождения 9 мая, и теперь в этот день съезжаются к нему в Киев на семейный праздник коммунары.

– В Харькове была я в прошлом году. Дождь хлещет, а я все-таки поехала на Шишковку. Прихожу на наш завод. Сидят какие-то тети, не пускают. Представляешь, на наш завод не пускают. Вызвала Федьку Заику, он теперь начальник цеха.

– Помню его, всегда тихого, прилежного, в спецовке и обязательно с книжкой.

– Обрадовался он, затащил меня на территорию. Зелено кругом, хорошо. Солнце. А я иду, реву. Все родное. Юность наша. Вечером вся Шишкова собралась. Посидели одной семьей. Отогрелась душой около них...

Через несколько дней Джуринская снова приехала в Целиноград на конференцию по эстетическому воспитанию. Дмитрий Филиппович и его жена, актриса Нина Львовна Мазуркевич,

были рады ей как родной. Собрались за семейным столом. Выпили за Антона. И Дмитрий Филиппович, прекрасно копируя Корнея Чуковского, рассказал, как тот приехал однажды к Макаренку. Поклонился до земли и промолвил:

– Преклоняюсь.

«Целиноградская правда», 10 марта 1967 г.

Шагают в мечту

Как донести, не огрубив, не принизив стершимися словами, трепетное чувство восхищения этими людьми? Людьми, шагающими в мечту.

Шофер Александр Трепачев

Странное сегодня небо. Тревожное. Почти черное у горизонта, оно стянуло бунтующую степь тугим кольцом. Словно хотело задушить белые вихри, усмирить их. Но степь не сдавалась. Она бушевала, она бросала вызов небу. И, как зловещее предупреждение, небо выбросило густой багровый стяг – ответ уходящего где-то за черным кольцом на покой солнца. Только бы добраться, победить буран. Прорабу Гаряеву казалось, что он берет каждый сугроб, каждый бугорок, каждую рытвину своим сердцем вместе с машиной.

А Саша Трепачев, бывалый степной шофер, заместитель комсорга совхоза, хоккеист, баянист и вообще веселый славный парень, ехал по бушующей степи с каким-то лихим удовольствием. Гаряев, глядя на него, тоже стал успокаиваться, перестал думать о дороге. А машина, словно почувствовав, что потеряла болельщика, вдруг сникла и, глухо охнув, уткнулась колесами в сугроб. Долго, утомительно долго, безнадежно ревел мотор, однотонно раскачивая машину взад-вперед.

Гаряев вышел из машины, попробовал толкнуть. Ладони прилипли к железным бокам бензовоза, но он не подвинулся ни на сантиметр. Ветер хлестал пальто Гаряева, сек руки. Надо бы ту-

лупчик приобрести, рукавицы. Некогда все. Закрутили прораба неотложные дела. Что же делать с тобой, машина? Как помочь тебе, дружище? И другой бензовоз, как назло, застрял метрах в двухстах. Помощи ждать не приходится. Все ближе и мрачнее черное вечернее кольцо. Взгляд наткнулся на скирду, запорошенную снегом. Солома! Может быть, она спасет. Гаряев бросил охапку соломы под колеса. Машина, благодарно заурчав, медленно выползла на твердый грунт.

– Садись, прораб, да поживее. Вишь, застыл весь, – весело крикнул Саша. Он как-то сразу приободрился, лихо крутил баранку, и, наверное, чувствовал себя сейчас нужнейшим человеком на свете.

– Знаешь, жена моя, учительница, считает, что легче шоферской работы нет. Сиди, говорит, покручивай баранку, да посвистывай. Ну, как ей доказать? Говорю однажды:

– Поехали со мной, сама посмотришь. Собрались тогда пять машин. Тоже в Денисовку ездили. Сначала вроде тихо было, спокойно. Ветер налетел неожиданно, поднял степь вверх дном. А печка у меня не работает. Стекло замерзло. Открыл кабину и стоя еду, чтоб дорогу видно было. А ее, жену мою, занесло снегом. Сидит, сжалась вся, не шевелится. Телогрейку снял, отдал ей, в одной сорочке остался. С радиатора попону содрал – ноги ей укрыл. Плохо помогает. Остановились, не знаем, куда дальше. Один вправо зовет, другой влево тянет. – Давайте, – предлагаю, – искать снежную стену. Найдём – верный путь.

Саша на минуту замолчал. Вывернул машину под прямым углом и, перескочив через канаву, выехал на жнивье.

– А снежную стену эту сложил шофер из Денисовского СМУ. Попал тоже в буран. И чтобы не замерзнуть, всю ночь нарезал снежные кубы, клал из них стену. И выжил ведь. Вот парень! Нашли мы эту стену. Как маяк в степи она стояла. Вроде сил прибавилось. А женщины наши совсем приуныли. Володька Мацупа телогрейку свою на лоскуты порвал, ноги ими укутывал. Добрались мы до второго отделения. Пересели на почтовый вездеход. Но километрах в двух от дома застрял и он. Метров триста тол-

кали машину, пока не выехали на дорогу. С тех пор моя Аня знает, что такое шофер.

После очередной «битвы» с колеей, Трепачев опять повернулся к Гаряеву и с лукавинкой в глазах подмигнул:

– Что и говорить, шоферская работа не из легких. Два раза замерзал в степи. Один раз четверо суток просидел. А скажи – смени профессию. Нет! И к степи привык. Брат жены получил квартиру в Киеве. Пишет: немедленно приезжайте. Ну, как я целину брошу? Трудно еще здесь жить, а хорошо, просторно. Я вообще горожан не понимаю: некоторые не знают, как хлеб растет. Будь моя воля, я бы всех их на село на несколько лет жить посылал. Вот если бы нам поселок, как в городе, выстроить, тогда никто отсюда не уехал бы!

– Вот-вот, ты будто мои мысли читаешь, – обрадованно подхватил Гаряев. – Я тоже считаю, что совхозные поселки надо уже сейчас строить с запасом на десятки лет. Чтобы производство было промышленным. И полный комплекс культурно-бытовых объектов. Сделал я такой проект, не знаю, удастся ли построить...

Врач Владимир Кузнецов

– Знаешь, Виталька, у меня сегодня радость – первая девочка родилась. Все парни, парни, пять парней принял, а сегодня – девочка.

– Завидую тебе. Все село покорила. Женщины на тебя прямо молятся. Дескать, если Владимир Трофимович взялся, значит, вылечит.

– Чему завидуешь-то? – отшутился Володя. – Тому, что я за четыре месяца двенадцать килограммов веса сбросил? Или тому, что сплю два-три часа в сутки?

Разговор этот происходил поздним вечером в небольшой холостяцкой квартире главного врача совхоза Володи Кузнецова, куда Виталий Гаряев заглянул после хлопотливой поездки в Денисовку. Володя выглядел утомленным: вчера всю ночь писали с Виталием отчеты, но держался бодро. Шутил, смеялся. Наседал

на прораба, чтоб скорее с канализацией в новой больнице кончали. Но поговорить друзьям так и не удалось. В дверь постучала женщина:

– Владимир Трофимович! Что-то с дочкой, в жару вся. Стонет.

– Сейчас иду. Виталька, ты подожди меня.

Володя быстро набросил легонькое пальто – ни валенок, ни тулупа он еще не успел приобрести – и шагнул во вьюжную ночь. Гаряев восхищался этим человеком. На вчерашнего студента, двадцатитрехлетнего парня свалилась буквально непосильная работа. Он один в больнице на 35 коек, а по штату положено семь врачей. Он работает много, идет к больному в любое время суток. Нет врачей, медсестер, нет оборудования, не достроена еще по-настоящему больница. Шесть поселков обслуживает участковая больница, которой заведует Кузнецов. Но есть мечта: построить новую больницу, оборудованную по последнему слову науки, и лечить самые сложные недуги. Ему бы еще хотя бы трех-четырех помощников. Вот, если бы его ребята приехали! Рассказывал как-то Володя Гаряеву, что есть у него замечательные друзья. Собирались они после института в Снежногорск, четверо врачей. Но не посчиталась комиссия с их желанием.

– Но через три года соберемся, обязательно соберемся в одной больнице и будем работать вместе, – убежденно говорил Володя. – Я уверен, что у нас на селе можно больницу не хуже сделать, чем в городе.

Как хотелось Виталию, чтобы приехали друзья Володи сюда, в поселок, который спроектировал он. В поселок мечты.

Архитектор Виталий Гаряев

Отличные люди живут в совхозе, где поселился архитектор Виталий Гаряев, ныне прораб. Он завидует им, он гордится ими, учится у них выносливости и бодрости, его заражает их одержимость. А сам он, архитектор Гаряев, что он дал людям? Принес ли он какую-то пользу совхозу за этот год? Ведь прорабское дело –

новое для него. А скидок нет. Сегодня, подводя итог году, Гаряев признавался себе, что прожит он не зря. От бывшего прораба досталась ему донельзя запутанная документация. Диким бригадам тот переплачивал громадные суммы.

День и ночь занимался Гаряев документацией, составлял сметы, пока, наконец, не навел порядок. И садик в совхозе построили неплохой. Ребятишкам в нем тепло, светло и радостно живется. Яркие весенние краски, стены из разноцветных кубиков, зеленый пол. Сначала все это вызывало недоверие даже у самих строителей, а потом согласились, что для детей так и надо.

Еще и сейчас Виталию приходится порой доказывать, что можно красить панели без филенок, что в клубе нужно сделать декоративную стенку, а в больнице было бы неплохо расписать колонны.

Сложный это был год для архитектора Гаряева. Но он ни минуты не сомневался в том, что правильно поступил, оставив проектный институт в Целинограде, квартиру, приехав в этот совхоз. Правильно потому, что это первый шаг в осуществлении его идеи, его мечты, дела его жизни – построить идеально экономный и благоустроенный совхозный поселок. Впрочем, первый ли? Вся его жизнь была дорогой к осуществлению этой мечты.

Нет, конечно, маленький беловолосый мальчишка из глухой деревушки даже слова «архитектор» не знал. Но он с детства приучился к красоте. Дом его родителей, украшенный причудливыми резными ставнями, стоял на берегу озера, в березовой роще. И дед, как добрый волшебник, для всех людей в деревне делал резные наличники. А вечерами, когда над озером повисали звезды, дед брал старую скрипку и задумчивые мелодии заполняли березовую рощу.

– Тебе, внучек, эту скрипку завещаю. Как подрастешь, научись на ней играть, вспомни деда.

Виталий так и не стал скрипачом, но любовь к музыке, любовь к красоте живет в нем с той поры. Уже в пятом классе Гаряев стал вместе с двумя десятиклассниками победителем конкурса на лучший рисунок. После школы работал избачем, играл в струнном

оркестре. Попал на смотр народных талантов в Москву. Там и окрепло в нем желание идти в архитектурный.

Первый раз провалился. Остался в Москве, поступил на стройку, год занимался в студиях института. И поступил. Уже на первых курсах горожане, коренные москвичи, которые относились сначала «к новоявленному Ломоносову» с некоторой иронией, стали уважать юношу за самобытность, умение мыслить оригинально и делать интересные, смелые проекты. Не раз, одержимый какой-нибудь идеей, уверовавший в нее свято, Гаряев спорил даже с маститыми профессорами:

– Я всю жизнь прожил в деревне и знаю, что нужно сельскому жителю, – убежденно говорил он.

Он твердо решил посвятить свою жизнь сельскому проектированию. Десятки решений перебрал он для дипломного проекта совхоза, и ни один по-настоящему не удовлетворил его. Он продолжал искать, и работая в «Целинпроекте», куда с группой выпускников Московского архитектурного приехал после института. И здесь он искал наиболее экономичное и красивое решение совхозного поселка. Но ему не хватало знания местных целинных условий. И он твердо решил – поеду в совхоз.

– Никуда мы тебя не отпустим. Нам нужны архитекторы, – сказали в институте. – Что тебя не устраивает? Работа хорошая, квартиру тебе дали.

А ему было совершенно необходимо пожить одной жизнью с целинниками, своими глазами посмотреть, как ведется сейчас строительство на селе, узнать, что ждет от проектировщика современный рабочий совхоз.

И вот он в совхозе. Прораб. Он доставал материалы, строил и ремонтировал. Преподавал рисование в школе и играл в футбольной команде совхоза. Но каждую свободную минуту отдавал своему детищу, своему проекту. Теперь он знал, как ему проектировать поселок. Вечерами, наскоро перекусив в совхозной столовой, помучавшись полчаса с капризной печью, Виталий делал эскизы, расчеты, чертежи. Его друзья, инженер Виктор Зверков,

врач Владимир Кузнецов, были первыми советчиками и стали горячими сторонниками его идеи.

А идея простая и смелая: построить поселок с единым круговым центром, расположив четырехэтажные дома по радиусу, и соединить его пешеходным тоннелем, по которому пойдут и коммуникации, с животноводческим городком, построенным по тому же «радиусному» принципу.

Этот проект стал для друзей, как песня, как сказка. Полная механизация производства – даже корма прямо с полей доставляются на ферму по подвесной дороге. Небольшой заводик по переработке сельхозпродуктов. Общественные кухни, трансформируемый зал, который может быть и театром, и зрительным залом, и катком, и бассейном, и спортивной площадкой. Оранжереи и зимние сады...

– Нет, не реально, слишком уж идеальные условия, – говорили скептики, когда проект обсуждали в институте «Целингипроект-сельхоз».

Может быть, сложно, может быть, не очень пока реально. Но целинникам нужен поселок такого типа уже сейчас. И я верю, что в поселке, построенном на целине Виталием Гаряевым, будут жить такие люди, как шофер Саша Трепачев и врач Володя Кузнецов, люди, шагающие в мечту.

*Совхоз им. Орджоникидзе Денисовского района
Кустанайской области
«Целинный край», 14 января 1965 г.*

Крылья Жамилы

Вокруг Фени собрались все интернатские девчонки. Теревили – расскажи скорей, что видела, где была. Фениной бабушке было сто двадцать лет, и они с Феней поехали путешествовать. Даже в Москве побывали. Про все рассказывала Феня – про большие дома и про трамваи, про метро и про Красную площадь. Но Жамиле было интереснее всего послушать про парашют. Черная,

как грачонок, в длинной вязаной кофте, в широких сатиновых шароварах, она заставляла Феню по нескольку раз рассказывать про эту вышку.

– Понимаешь, стоит вышка, высокая-превысокая. Лезешь наверх по лестнице. Долго-долго. Потом надевают на тебя парашют. Ремни застегивают. Подошла я к краю вышки, глянула вниз. Батюшки! Высота-то какая! Ой, дяденька, говорю, отпусти меня. А он смеется: «Не трусь, раз уж решила полететь, прыгай!». Я глаза зажмурила и ... упала. Ой, думала, умру я, сердце выкатится, и все. Потом парашют распустился. И так хорошо! Поплыла, поплыла. Все внизу видно. И так хорошо!

– И не страшно, скажи, летать не страшно? – в который раз спрашивала Жамиля.

– Прыгать страшно, а лететь – нисколечки. Знаете, девчонки, школу кончу – пойду в летчики.

– А разве женщинам можно? – робко поинтересовалась Жамиля.

– Бабушка говорит, летают и женщины.

В эту ночь Жамиля долго не спала. Она, маленькая девочка из казахского глухого аула, никогда еще не летала на самолете, даже близко его не видела. Знала Жамиля степь да чабанскую работу. Отец ее, старый Жилкибай, всю жизнь был чабаном и скотником. Когда вернулся с войны, много рассказывал дочерям о войне, о танках и самолетах, о разных странах. Дошел солдат Тейсомасов до Берлина, принес с войны раны и боевые награды.

И представила себя Жамиля в кабине пилота. Кабина голубая, руль большой, белый, как у машины. И себя представила в белом костюме. А внизу земля зеленая, вся в цветах, и белые красивые дома. В эту ночь маленькая казашка решила твердо – стану летчиком.

В таком возрасте легко мечтается, легко даются обещания и клятвы самым романтическим профессиям, но немногие остаются верными своей мечте. У одних не хватает сил и воли учиться, другие склоняются к профессиям более легким и спокойным, третьих ломают обстоятельства. А Жамиля была цельной и упор-

ной. Просто удивительно, что в тихой, стеснительной девочке из аула было столько решимости и твердости в достижении этой, может быть, даже случайной мечты.

Она училась уже в десятом классе, когда в интернат казахской школы имени Джамбула приехал журналист из Алма-Аты. Спрашивал, кто кем собирается стать. Мальчишки хотели быть механизаторами, а девочки учителями и врачами. Только Жамиля промолчала. Боялась, что засмеют ее.

Все уже уgomонились, в комнате потушили свет, а Жамиля не ложилась. Она хотела спросить журналиста, можно ли ей учиться на пилота и как это сделать. Но робела. Она убеждала себя, что если сейчас не узнает, больше такого случая не представится.

Выскочила в одной кофточке на улицу. А мороз был, зима. Прошла под окнами комнаты, где остановился корреспондент. Сидит, пишет что-то. Чуть слышно постучала. Встала у порога и слова сказать не может. Страшно ей своей дерзости:

– Хочу быть летчицей, – и заплакала. Он усадил ее, успокоил, сказал, что и девушек берут в аэроклуб, обещал помочь.

В окошко к Жилкибаю постучался сосед:

– Открывай, старик, да давай откупную. За радостную весть. И подает журнал. Смотрит Жилкибай – дочь его, Жамиля, стоит с маленьким самолетиком в руках. Глазенки сияют, гордая такая. Удивился старый Жилкибай, засмеялся старый Жилкибай.

– А что же тут написано, читай скорее. Я ведь неграмотный, сам знаешь. Не тяни, читай.

А в хатку уже сельчане понабились – в маленьком ауле вести быстро разносятся. А тут еще какая! Про Жалкибаеву дочь в журнале напечатали, в самой Алма-Ате, да и фотографию поместили.

Писали в журнале, что прежде казахская женщина и мечтать не могла о небе, а теперь вот маленькая Жамиля хочет учиться водить самолеты. И это очень важно, что женщины наравне с мужчинами берутся за самые трудные дела. И Жамиля обязательно своего добьется.

Завидовали старому чабану. Поздравляли его. И ведь странно: только за то, что его дочь первой из аульных женщин отважилась заявить, что хочет стать летчицей, только за это решение поздравляли и гордились ею.

А между тем в Целиноград пришло из Алма-Аты письмо от того самого журналиста Макпала Башаева. Он прислал объявление о приеме в аэроклуб: принимали девушек с 17 лет. И приглашал Жамилю, если приедет в Алма-Ату, остановиться на первое время у них.

Ах, какой неловкой, какой чужой и некрасивой казалась она себе в этом щеголеватом городе. Она стеснялась своих пятирублевых простеньких ботинок. И платье, ее единственное креп-жоржетовое цветастенькое платьице, оказалось немодным. Нет, конечно, с такой невзрачной девчонкой даже и разговаривать не станут.

Она пришла в аэропорт. Робко справилась, нельзя ли здесь устроиться хоть на какую-нибудь работу, пусть уборщицей. Женщина из отдела кадров сочувственно перелистала ее паспорт.

– У тебя, милая, даже прописки алма-атинской нет. Какая же работа?

А в это время Макпал без ее ведома отнес документы в медицинский. Он теперь убеждал ее, что для женщины самое лучшее быть медиком. Может быть, он уже жалел о том, что заставил девочку поверить в возможность летать, может быть, он боялся, что испортит ей жизнь, может быть, он не верил в ее силы. Но Жамиля не сдавалась, несмотря на большую благодарность и уважение к этому человеку. Она забрала свои документы из института и поступила разнорабочей в СМУ.

А в октябре 1961 года – Жамиля никогда не забудет этот день – она прошла придирчивый прием у начальника Алма-атинского аэроклуба ДОСААФ и была принята в парашютную группу. Через месяц женщины из строительной бригады провожали Жамилю в первый полет. Славные женщины снабжали ее всякими житейскими советами и очень боялись, как бы она не подвернула ногу.

Но все прошло чудесно. Жамиля чувствовала себя первый раз в самолете, как в том детском сне, – покойно, радостно, свободно. Она летела над землей. Над красивым зеленым городом и белыми домами, над горами, над садами. Инструктор сказал:

– Пошла!

И Жамиля прыгнула в бездонную глубину. Она была жуткой и манящей. Но только первые секунды, пока не натянулся тугим куполом парашют. Потом эта бездна стала управляемой, осязаемой, ласковой, Жамиля чувствовала себя в ней свободно, невесомо, легко-легко. Она была счастлива, по-настоящему счастлива в эти короткие минуты парения в небе.

Теперь Жамиля не могла без неба. Ей хотелось подниматься к солнцу каждый день. Она все чаще заходила в отдел кадров аэропорта, и, наконец, ей сказали, что набирают на курсы бортпроводниц. Пусть подает документы. Жамиля прошла. Она была крепкой, тренированной, к тому же занималась в аэроклубе. И была единственной казашкой среди 16 курсанток.

Их обучали многому: географии и умению сервировать стол, давали основы строения самолета и учили правилам хорошего тона. Скоро подружки не узнавали Жамилю: так элегантно и со вкусом стала она одеваться, такую симпатичную прическу делала, узнала дорогу в парикмахерскую и косметический кабинет. Она была очень внимательной, доброй, аккуратной бортпроводницей. И не один парень заглядывался на симпатичную стюардессу, только она строга со всеми. Твердо решила – пока не стану пилотом, никаких замужеств.

В аэроклубе Жамиля уже перешла в летную группу – учли ее огромное желание летать и бортпроводническую практику. И летом, чтобы побольше летать, она взяла на 4 месяца отпуск без содержания.

И вот, наконец, ее оставили в кабине одну, наедине с небом и солнцем. Но с земли за ней следили друзья, наставники, и Жамиля чувствовала себя увереннее. Полет прошел успешно. Она приземлилась почти на заданную точку, чуть-чуть не дотянула.

А потом научилась делать бочки, горки, виражи – это было уже на втором году занятий.

Как-то в один из рейсов в Москву зашла Жамиля в ЦК ДО-СAAF и попросила, чтобы прислали запрос в Алма-Ату на одно место для женщины. И когда пришел этот запрос, из двух претенденток республиканский президиум единодушно выбрал Жамилю. Но и это было еще не все. На 10 мест в Саранск приехали 24 женщины. И опять – придирчивая мандатная комиссия.

В алма-атинский клуб она вернулась через два года с дипломом, и сама повела молодых парней и девушек осваивать заманчивое и капризное небо.

Потом переехала с родителями в Целиноград, поступила инструктором по планерам в клуб ДОСAAF. Вышла замуж, родила дочь Тогжан, какое-то время не могла летать.

А в начале прошлого года, после занятий в учебно-тренировочном отделе, получила звание пилота и стала летать на АН-2, «Антоне», как она ласково называет свой небольшой самолетик, вторым пилотом на местных линиях. Одна-единственная казашка-пилот в республике.

Очень нелегкая работа у пилота Жилкибаевой. Встает в пять утра, спешит на автобус. Пилот обязан ровно за час перед полетом быть на месте. Потом нужно проследить, чтобы самолет был нормально заправлен, заполнить все необходимые документы, четко вести бортжурнал – отмечать высоту, силу ветра, скорость полета и т. д. Важно точно лететь по курсу, чтобы не тратить зря времени и горючего. Самое большое испытание для летчика, пробный камень его способностей и умения – посадка. Приземлить самолет точно, мягко, плавно очень трудно, и опыт этот приходит не сразу. А бывает, что самолет неожиданно попадает в сильную болтанку, так что руль трудно удерживать – тогда пилот должен собрать все свое мужество и хладнокровие. Еще хуже, если на тебя надвигается гроза: не каждый сумеет маневрировать, обойти ее, проскочить через небольшой чистый коридорчик неба. Бывала Жамиля и в таких переделках. Выходила из них с честью. Во всяком случае, теперешний ее командир, Григорий

Беляев, доволен своим вторым пилотом. И очень рад был, когда недавно Жамилю приняли в кандидаты партии.

Иногда в день приходится делать по три рейса, проводить в воздухе по восемь часов. Нагрузка и для мужчины большая, а Жамиля выносит все спокойно и никогда не жалуется на усталость. Может быть, она и не чувствует ее, потому что ее работа – ее жизнь, ее радость, ее осуществленная мечта.

Как-то в аэропорту произошла неожиданная и, может быть, даже символическая встреча. Жамиля увидела располневшую женщину с добрым, очень знакомым лицом.

– Феня, неужели это ты?

Встретились подружки детства. Обе мечтали стать пилотами, но поднялась в небо только одна. Обе были очень рады встрече. Когда вдоволь наговорились, Феня проводила Жамилю до посадочной площадки и долго с грустью смотрела, как идет она легкой уверенной походкой к самолету – элегантная, аккуратная, красивая женщина-пилот. Самолет оторвался от земли и стал уходить в высоту, а Феня все махала мокрым от слез батистовым платочком.

– Счастливого, чистого неба тебе, Жамиля...

«Целиноградская правда», ноябрь 1967 г.

Быть на земле человеком

Звукам тесно. Они быются в окна маленькой комнатки, словно мотыльки в стеклянной банке. Они рвутся на простор. Это – симфония полей, симфония березовых рощ и больших человеческих чувств. Четвертая симфония Чайковского. Почему, услышав первые аккорды, хочешь взяться за перо? Наверное, потому, что тонкая, полная грации и прелести мелодия, напомнила мне ваш рассказ, Рахима Ахметжановна, о дивной природе Борового, о первых подснежниках на талой горе, о стройных сосенках и березках, о причудливых, словно сказка, древних камнях.

Я знаю, вы любите музыку. Быть может, сейчас вы слушаете эту симфонию, и она вызывает у вас те же образы, что и у меня.

...Черноглазая девушка, ничем не выделялась среди подружек-казашек. А в классе ее любили – добрая была девочка. Отец, уважаемый в селе человек, председатель колхоза частенько говаривал:

– Для людей, дочка, ничего жалеть не надо. И они тебя в беде не бросят.

Сам он не знал иных забот, кроме колхозных. И орден Ленина дан был ему заслуженно. Всем селом провожали председателя в Москву, в Тимирязевскую академию учиться.

О жизни в Москве у Рахимы остались смутные воспоминания. Помнит только, что русские девочки терпеливо обучали ее своему языку, а папины знакомые приходили в гости, сочувствовали:

– Ахметжан Шатенович, небось, трудно вам счеты четырехклассным-то образованием высшие науки познавать?

Отец улыбался:

– Познаем помаленечку.

Когда же «юности мятежной пришла пора», Рахима твердо решила: буду юристом. Но мечта рухнула самым неожиданным образом. Судили мать семерых детей, солдатку. Допустила недостачу. Всем было ясно, что женщина не виновата, что ошибка в оформлении документов. Но судья, молодая женщина, не разобравшись в деле, вынесла приговор – осудить на три года. Рахима чуть не заплакала. С возмущением, свойственным бескомпромиссной юности, решила: не буду юристом, стану врачом.

Отец умер, когда Рахима уже закончила институт. Одна осталась кормилица семьи. Брат учился на зоотехника, сестра на юриста, а младшие – при матери. Надо было поставить их на ноги. Два платица от стирки до стирки. Работала, не считаясь со временем. Сначала врачом в участковой больнице Джамбульской области, потом в Чуйском тубдиспансере и, наконец, с 1953 года в Боровском туберкулезном санатории.

Трудно, очень трудно было тогда. Больные приезжали в Боровое всего на два месяца. Нервные, изможденные, капризные. Да

разве можно их за такой срок вылечить? А нужно было! Сутками не выходила из больницы Рахима.

А летом работы прибавлялось. Даже на Черном море ни разу не удалось побывать. Впрочем, открытки с видами подстриженных, картинно красивых южных парков у нее есть. Но всякий раз, когда она сравнивается их с боровскими пейзажами, они кажутся ей мертвыми, убогими.

А лес! Разве сравнишь его с культурным южным парком? Конечно, кипарисы красивы по-своему, но Рахиме дороже здешняя безыскусственная прелесть. Паутина на ветке нежна, изящна. Красная ягода лукаво выглядывает из-под листка. Большой серый камень похож на китайскую пагоду. А когда едешь на мотоцикле (они с мужем часто совершают такие прогулки), кажется, что сосенки бегут от кого-то, часто семена стройными ножками. А те, что уже добежали до обочины дороги, тянут сухие веточки вперед, словно моля о помощи. Как люди, которых надо вылечить...

...Вот и последняя дверь. Палата № 24. Рахима Ахметжановна говорит приветливо:

– Здравствуйте, девочки! Как дела?

И «девочки» торопливо выкладывают своему доктору все последние новости: Галке лучше, а Маше – письмо из дому.

Рахима Ахметжановна внимательно вглядывается в лица: не деланная ли это веселость? Как они себя чувствуют? Что-то Маша ей сегодня не нравится. Вроде такая же румяная и веселая, как всегда, но, видно, опять что-то натворила. Но если так, скажет сама. Шатенова хорошо изучила ее характер. И правда, вдоволь насмеявшись, Маша замолкла и виновато посмотрела на врача:

– Отругайте меня. Опять сорвалась. Не могла смотреть, как медленно Ольга пол моет. Взяла у нее тряпку. За пять минут все было чисто.

Маша потупилась и тихонько добавила:

– Стало мне немного хуже. Но даю вам слово, последний раз.

Ну что же ее ругать? И так терзается. Сама себя наказала.

– Вот напишу твоему Николаю, чтоб дубину заготовил для тебя, – полушутя, полусерьезно говорит Рахима Ахметжановна.

– Ой, вы знаете, а он не приедет сюда, как обещал, – сказала Маша. – Ящур у них в совхозе. А он зоотехник... Разве тут до жены? Привет вам передает. Говорит, может, твой доктор не только от туберкулеза, но и от «тряпочной болезни» тебя вылечит. Знал бы он про эти несчастные ботинки...

Бывшая учительница одной из школ Кустанайской области Мария Винникова была очень тяжело больна. Шатенова пустила в ход все известные науке средства. Одно лечение не помогло – назначала другое. Но, главное, утвердила в ней веру на выздоровление. И оно пришло. Медленно, нелегко, но пришло. И тут эти ботинки.

Увидела их Маша в магазине поселка. Помчалась в корпус за деньгами. А дорога неблизкая, около километра. Разгорячившись, сбросила пуховую шаль и кофту. На обратном пути прохватило ветром. На следующий день слегла. И не столько от боли мучилась, сколько от мысли, что врача огорчит.

Маша беззаветно верит своему доктору. Она вылечит ее, как вылечила сотни других. Как возвратила к жизни Ольгу Манько, ту самую Ольгу, которая теперь уже может мыть полы (кстати, Шатенова заставляет заниматься больных физическим трудом – это полезно). Когда Ольгу поместили в палату, Маша тихонько шепнула соседке по койке:

– Смотри: скелет, да и только. Грудь впалая, и ни кровиночки.

Врач Шатенова сделала чудо: Ольга поправилась на десять килограммов, чувствует себя почти здоровой. Идет на поправку и Галя Алешаускене – беловолосая шахтерка из Саранска.

– Знаешь, Галка, – доверительно сказала Маша, когда Шатенова вышла из палаты, – мне Рахима Ахметжановна словно мать. Я ведь в жизни мало ласки видела. Росла сиротой... Доброе слово дороже всяких лекарств. Когда я в Ялте была, лечила меня одна врачиха. Придет в палату, спросит: «Как чувствуете себя, больная?». «Ничего». Еще что-нибудь спросит и уйдет. Слова теплого от нее не услышишь. Тоскливо было, тошно. Однажды не выдержала: «Скажите, доктор, буду я здоровая?». А она посмотрела на меня и отрезала: «Больная вы. И всегда будете жить на бочке с порохом. Так что ничего хорошего не обещаю». Убила. Одним словом убила. После этого совсем я себя плохо почувствовала. А вот Рахи-

ме Ахметжановне верю. Человек она. Помнишь, есть у Горького: «...Превосходная должность – быть на земле человеком».

Рахима Ахметжановна не слышала Машиных слов. Но так же о ней отзываются и другие больные.

«Никогда не забуду, что вернули меня к жизни», – благодарит инженер из Усть-Каменогорска Святогор Светлов.

«Спасибо вам за отца и мужа», – пишут жена и дети Филиппа Максимовича Зенчука.

«Благодарим врача Шатенову за чуткое, внимательное отношение к больным».

Таких записей в книге отзывов много. Но есть среди них одна, которая говорит не только о чуткости. «Хочу отметить расчетливую смелость врача Шатеновой при лечении больных», – это написал врач Бармашинского санатория Г. О. Мукашев. Он был настолько тяжело болен, что бармашинские врачи отказались делать своему коллеге поддувание. А Шатенова сделала. Она пошла на риск, потому что хотела помочь человеку.

Жизнь Рахимы Ахметжановны – каждодневный, неприметный подвиг. Она радуется, если ей удастся облегчить страдания людей, которые нуждаются в ее помощи. В доме Шатеновой все говорит о богатой душевной жизни хозяев, об искренней любви к прекрасному. Поэтому и напомнила мне о народном депутате Верховного Совета Казахской ССР Рахиме Ахметжановне Шатеновой дивная симфония Чайковского.

«Целинный край», 8 марта 1963 г.

Не родственники – родные

Сегодня в наше отделение положили девушку. Очень больная, вероятно, холецистит, но с норовом – резкая, независимая. Чем-то напоминает мальчишку-подростка, вожака уличных озорников. Глаза живые, прямые темные волосы, скуластая. В карточке записано: Мария Рассадкина. Эстонка. Работает комбайнером в совхозе «Энтузиаст».

Мне с ней нелегко – неразговорчивая, даже грубоватая. По-русски говорит с сильным акцентом.

– Как чувствуете себя? – спрашиваю.

– Хорошо, – бросает она резко, чтобы отделаться от вопросов.

Но я не унимаюсь:

– Расскажите подробнее, где болит.

– Я сегодня не хочу с вами разговаривать, приходите завтра, – и отворачивается к стене.

Попала в эту дурацкую белую клетку. Белый потолок. Белые стены. Белые простыни. Белые люди. Не хватает только белых тапочек. Ненавижу это белое. Ненавижу запах больницы. Ходят тут врачи, сестры. Сочувствие проявляют, заботу. Вот и врачиха эта молоденькая. Красивая, Галиной Болеславовной Загурской зовут. Тоже вроде сочувствие проявляет. А самой, поди, плевать. Небось, на танцы сбегать хочется или в кино. Знаю я этих врачей. Вон в Куйбышеве лежала, чуть в могилу не свели своим лечением. Эх, тошно. Больно. Ребята там тракторы ремонтируют, скоро сеять, а я инвалид. Оторвана от дела. Поскорее бы отсюда в мастерскую, в поле.

Как же мне быть с ней, с Рассадкиной? Все справочники перерыла, все доступные лекарства перепробовала. Мало помогает. Из Атбасара терапевта вызвала, она тот же диагноз поставила.

Похудела Мария за эти дни неузнаваемо. Одни скулы торчат, да глаза. Правда, потеплели глаза. Да и сама вроде мягче стала. Разговаривает со мной, даже назначения выполняет. Кажется, начала верить мне. Видно, трудная жизнь у нее была. Как-то раз проговорилась, что воспитывалась в детдоме.

Оказывается, эта Галина Болеславовна – хороший человек. Ей верить можно. С утра до вечера в больнице или в амбулатории. Меня несколько раз на дню посмотрит. Успокоит. И ночью еще забежит. Когда отдыхает – не знаю. Один терапевт на больницу, а

все у нее ладом. А ведь молодая, первый год работает. Мне вроде легче, когда она рядом. Я ведь тепла людского не много видела. Когда на отца похоронная пришла, мала еще была. Мать меня и братишку бросила. До сих пор понять не могу, как это своих детей можно бросить. Будто щенят паршивых. В детдоме, понятно, не сладко. Завидовала чужому счастью. Обидчивой стала, самолюбивой, недоверчивой. В каждом слове чудилась мне жалость к безотцовщине. Рада была, когда меня, восьмилетнюю, пригрели чужие люди. Только вышло еще хуже: камень сунули мне в руки вместо хлеба. Злые они люди. Кроме обид, ничего не видела. Не выдержала, сбежала. Милиция разыскала. Определили работать в совхоз. Сначала на разные работы, потом дояркой. Но меня все к машинам тянуло. Сильнее магнита. В общем, добилась своего, кончила училище механизации. Поработала, на ноги встала, тут-то и решила навестить своих «крестных родителей».

– Зачем, говорю, жизнь мою покалечили? Ведь у вас свой сын был. «Мать» оправдывалась, даже слезу выжала:

– Муж тогда в ночную работал, боязно было одной.

Словно игрушка я для них была, ночной караульщик.

Мария очень мужественный человек. Даже не стонет, хотя боль невыносимая. Я все время думаю о ней, словно о сестре. Она хорошая, честная, прямая, только немножко жизнь ее перевернула, сделала недоверчивой. Я часто ловлю себя на мысли, что если бы ей пришлось быть на месте Зои Космодемьянской или Ульяны Громовой, она была бы такой же стойкой, как они. И в работе, наверное, парням не уступает. Очень хочу, чтобы она поскорее встала. Приезжал врач из областной больницы. Смотрел ее. Положение серьезное, придется оперировать. А заведующий клубом проходу мне не дает:

– Приходите, я для вас дуэт отличный приготовил. Смотр наосу. Без вас не обойдемся.

Мне, конечно, хочется петь, но когда же мне в клуб, если я из больницы раньше десяти не прихожу? А тут еще занятия

на курсах медсестер, их ведь не сорвешь. Даже Клаве написать письмо некогда. Странно, нелепо все-таки получилось у нас с Клавой. В институте неразлучными были. Так и звали нас «Загурские». Разные, а уживались. Клава тихая, добрая, теплая какая-то, а я ехида, никому спуску не дам. И в педиатрическом кружке занимались вместе, меня даже старостой избрали. Только для меня педиатрия всегда была побочной, а мечтала стать терапевтом. Клава, наоборот, была прирожденным детским врачом. Собирались после института поехать вместе. Но в Боровом, куда Клава поехала педиатром, места терапевта не нашлось. Так и разъехались. И получилось неожиданно: в Боровом детских врачей много, а терапевтов не хватает. Пришлось Клаве стать терапевтом. Зовут и меня туда. Места красивые, работа интересная и, главное, она, Клавка, рядом. Но отсюда меня уже не вырвешь. Врачи и сестры – народ молодой, интересный, скучать некогда. И, главное, больные словно родными стали. За каждого душа болит. Особенно Мария. Пока не поставлю ее на ноги, ни о каких концертах, командировках и думать нечего.

Вот и прошла операция. Вырезали треть желудка. Только бы выздороветь. Только бы на комбайн скорее. В прошлом году не повезло – на прицепном мытарилась. Нынче пойду па СК-3. На шесть месяцев дали инвалидность, но, думаю, к осени встану. Галина Болеславовна говорит – встану. Золотой она человек, ближе сестры мне. Когда оперировали, над головой моей стояла. А я смотрю в глаза ее добрые и легче мне. Сейчас лежу в хирургическом отделе, так она и сюда каждый день приходит, хоть это уже совсем не ее забота. Обидно только, что из совхоза никаких вестей. Никто за эти месяцы не приехал ко мне. Обидно, год проработала, а словно чужая.

Снова ругалась по телефону с руководителями совхоза, где Мария работает. Засиделись в кабинетах, о человеке забыли. Заставила их, наконец, денег привезти, которые причитают-

ся Марии по листку нетрудоспособности. После операции пошла на поправку. Веселее глядят. Еще с месяц полежит, и выпишем. А у меня уже другая «самая главная забота»: комбайнер из совхоза «Кировский» Виктор Косачев.

Порок сердца. Труднейший случай. Не жалел себя на работе, день и ночь без сменщика. Нагрузка на сердце непосильная – вот и сдал парень. Несколько дней не отходила от Виктора. Жил на поддувании. Все думала, чем помочь ему. И вспомнила – где-то читала, что помогает, если ввести кислород со спиртом. Попробовала. И вот чудо – ожил, дышать стал нормально.

А Мария держится молодцом.

Послала сегодня телеграмму матери в Куйбышев. Она там работает на железной дороге. Долго мы ее искали, наконец, нашли. Приехали с братом в Куйбышев, думали, она обрадуется, а она – чужая. За племянников нас выдавала. Сама устраивала пьянки каждый вечер. Больно мне – мать все-таки. Брат на нее сердился – знать, говорит, не хочу. А я все надеюсь – образумится. Мать она мне. Вот и телеграмму послала, думаю, откликнется.

Солнце в окно, как рыжий футбольный мяч. Эх, сейчас бы на спортплощадку, поиграть, побегать! Или бы баян в руки, сыграть что-нибудь, веселое. А лучше всего – штурвал или рычаги трактора. Это хорошо, когда оживаешь. Спасибо Галине Болеславовне – она меня на ноги поставила.

*Пос. Жакасы Целиноградской области
«Целинный край», 6 мая 1964 г.*

Кладовая солнца

Репортаж

Из удушливой мучной пыли, из пекла сушилки вышел Костя Свинтицкий на железный баллончик, что прилепился к элеваторным могучим бокам, на высоте пятидесяти метров. Вышел

сушильный мастер Костя Свинтицкий на мостик, глотнул свежего воздуха, улыбнулся солнцу. Улыбнулся, как старым знакомым, облакам.

Нет, не плохо живется бывшему лесорубу Косте Свинтицкому на целинной земле. Конечно, работа трудная – пыль, жара. День-деньской намаешься. Зато знаешь – хлеб в силосные башни, в бункера вагонов идет настоящий, тебе подвластными машинами подсушенный и очищенный. Солнечный целинный хлеб.

А рядом, хорошо видная Косте с высоты, пытит безотказная работяга – СОБ. Она самая мощная на пункте – пропускает 50 тонн зерна в час. Наверное, сейчас на смене стоит коллега Иван Андреевич Вернер. Не затихая, работают и две другие сушилки, мощностью вполовину меньше. Какие-то замысловатые маневры выделяет мотовоз, перегоняя вагон с пшеницей к весам. Безостановочно бегут ленты транспортеров. Ловко орудуют метлами и лопатами, убирая пыль и полову, работники нарсуда во главе с судьей. Элеватор живет, трудится, дышит. Неподвижны только ребристые спины огромных складов, наполненных целинным хлебом.

Любит на все это смотреть Костя с высоты. Только минуты отдыха редки. Нужно следить за ситами, регулировать температуру в топке, следить за показаниями приборов.

Мы возвращаемся вместе с Костей в гудящий сушильный отсек, проходим мимо сепаратора, поднимаемся по узким железным лестницам на самый верх элеватора. Это своеобразная диспетчерская – здесь направляют зерно по бункерам и шнекам. Сухое – в один бункер, влажное – в другой. «Распределительные столы», это три больших круга с отверстиями-трубами, которые ведут в разные «кладовки». Нужно, например, послать пшеницу в десятый бункер – транспортерщик Зоя Маркова поворачивает хобот так, чтобы он совпал с отверстием в круге, у которого написано Б-10. Внешне все выглядит просто, но работа эта требует большого умения. И не всякого сюда поставить можно. Знает Зоя Маркова, что ее сейчас заменить здесь нечем, и молчит про свою болезнь, переносит ее на ногах, хотя врачи давно настаивают, чтобы пошла на бюллетень.

Долгий, очень долгий путь проделывают зерна пшеницы, прежде чем попасть в вагоны, которые покатыт их в Подмосковье, на Украину и в другие области страны. И, между прочим, не последнюю роль в этом длинном маршруте играют сцепщик вагонов Максименко и водитель мотовоза Щетинин.

Я встретила с ними на втором участке, в короткую минуту отдыха, когда вагоны стояли под разгрузкой. Оба сидели в кабине мотовоза и неторопливо толковали о жизни.

– Эх, Поликарпович, охота мне на комбайн, – со вздохом признался Максименко. – Ведь до войны я в колхозе работал. Теперь совхоз «Ергольский». Правда, на самоходках мне не пришлось. Прицепные были. Смешно вспомнить – на весь колхоз девять тракторов и семь комбайнов.

– А здесь чем хуже? – степенно возразил Щетинин. – Тот же хлеб. По двенадцать часов в сутки работаешь. На своем месте ты тут.

– Оно, конечно. Да ведь там, в степи вольнее сердцу дышится.

Нет, не может старый сцепщик на комбайн. Война отняла здоровье. Ранили снайпера Максименко в глаз и в ногу. Ему бы сейчас спокойную работенку, а он по полусуток не расстается со своим желтым флажком. Махнул направо – значит, подавай мотовоз вперед. Закрутил на месте – останавливай. Стрелки переводить – тоже его работа. Сигнальный свисток сцепщика хорошо знают на элеваторе: внимание, идет хлеб!

Идет хлеб. Он идет на Макинский элеватор днем и ночью. Из совхозов трех управлений: Алексеевского, Энбекшильдерского, Астраханского. Идут машины по степным дорогам. Идут мимо черной, словно затушеванной зяби. Пролетают перелески, в которых спичками горят осенние осинки. Торопятся машины скорее перевези хлеб, пока осинки эти не потухли. Пока осень подарила целинникам прозрачное бабье лето.

И на Макинском элеваторе стараются не задерживать этот могучий хлебный поток. Каждый день принимают по 120–150 тысяч пудов. Шесть подъемников разгружают машины. Визировщицы едва успевают брать анализы. Перед маленьким

окошком визировочной всегда кто-нибудь есть. Ирина Сергеевна Кривуленко быстро принимает очередную путевку и записывает: «Кобылянский Сергей Васильевич. Совхоз “Ергольский”. 82 центнера». Лаборанты определяют влажность зерна.

У Сергея Кобылянского тем временем произошла интересная встреча. Оказывается, на элеваторе работает его однофамилица Нина Кобылянская.

– Может быть, мы родственники? – спрашивает Сергей.

– А вы откуда?

– Из Джамбула, на помощь к вам приехал. Вот уже третью уборку нынче провожу.

Кто-то из шоферов, друзей Сергея, с гордостью, дескать, знай наших, говорит:

– Тезка у вас, Нина, человек хороший по всем статьям. Ударник коммунистического труда. В прошлом году возил хлеб с двумя прицепами. Дважды депутат. Так что не стыдно и родственника в нем узнать.

Может быть, они и в самом деле родственники, а вернее всего, нет. Но на целине в эти жаркие жатвенные дни стали друг другу дороже, ближе, роднее, потому что все живут сейчас одним – убрать большой хлеб, сохранить его. Этими заботами живут директор Макинского элеватора Константин Петрович Лошаков и начальник первого участка, целинник с десятилетним стажем Николай Константинович Кривуленко, заведующая лабораторией Раиса Григорьевна Могучева и сортировщица мешков Евдокия Алексеевна Кочурина, фельдшер Мария Яковлевна Конрад и заведующая столовой Екатерина Гавриловна Худякова, транспортерщик Валерий Андеков и машинист автоподъемника Анна Эльберт. Да что перечислять имена? В этот почетный список войдут все, кто трудится на Макинском элеваторе.

Он стоит на краю города, стройный, величавый, ревностно оберегающий золотое солнечное зерно целины.

«Целинный край», 1993 г.

Студенты открывают целину

Солнца уже не было. А руки все также точно и рассчитанно двигались, подчиняясь тому неуловимому рабочему ритму, который связал этих ребят. Тринадцать пар мозолистых, загрубевших – не спасают даже огромные рукавицы – рук делают свое дело. Наполняют горячей жидкой массой гудрона бадейку. Черную массу тотчас подхватывают черпаками еще четыре пары рук и чертят на крыше четкий четырехугольник. Крючники быстро приклеивают на него камышитовый мат.

Ровно, край в край, ложатся маты. Один, другой, третий. Все!

Уже расплылись силуэты на сером небе, только громадная крыша коровника, построенного этими ребятами, светлела желтыми камышитовыми скатами.

Гена Левинсон, комсомольский секретарь отряда, сдвинул на затылок причудливую соломенную шляпу и с шутиливой торжественностью произнес:

– Слово к коммунарам имеет командир отряда Виктор Сиедин.

Виктор, не теряя взятого Геной тона, поднял руку:

– Благодарю всех за работу. Молодцы! В честь окончания крыши – трехкратное «ура!».

Усталые, измазанные ниточками гудрона, в потрепанных телогрейках и тяжелых от налипшего камышита сапогах, они казались в этот момент необыкновенно красивыми. Глаза светились гордостью. Ведь большинство этих ребят, обычных московских студентов, впервые познало радость труда. Быть может, только Сиедину и бородатому неторопливому эстонцу Аркадию Тянаеву приходилось работать по-настоящему. Да бывший подводник, балагур и шутник Женья Жданов может похвастать богатым жизненным опытом.

Короче, на целину они отправлялись, очень смутно представляя, что это такое. Они не ожидали такого приема. На вокзале было много приветливых загорелых людей. А чуть поодаль вы-

строился длинный ряд машин. Думали, глушь, неустроенность, придется терпеть лишения. А совхоз «Заря» оказался гостеприимным. Приезжих тотчас повели в баню. Разместили в школе. Дали постели. Кто-то принес радостную весть:

– Ребята, а тут стадион и клуб есть довольно приличный.

– А в школе пианино стоит. Володь, поиграй.

Володя Астахов открыл крышку пианино, попытался взять аккорд, но махнул рукой:

– Развалина.

Потом долго возился с заигранным до глухоты инструментом, пока не добился нормального звучания.

У Гены Левинсона были свои заботы – нужно разместить книги, дар москвичей. А игрушки, что покупали в складчину, были раздарены совхозным ребятишкам.

– Задача ясна. Будем строить коровник, доильный зал и свинарник. Делимся на три бригады, – сообщил Сиедин.

С этого дня они стали строителями. Научились копать ямы, заливать фундаменты, класть стены, делать перекрытия, штукатурить. В первые дни ладони вспухли, покраснели, покрылись мозолями, болели спины. Постепенно привыкли, вошли в ритм, ровнее стал ложиться камень, быстрее пошла работа. Только ребята, строившие коровник, жаловались Сиедину:

– Ну, где справедливость? Самосвалы с материалами разгружают у свинарника, до нас не доходят.

– У них девчонок больше, вот шоферов и приворожили, – отшучивался Виктор. Однако всерьез размышлял, как ликвидировать простои.

Помогли ребята из центрального штаба. Приехали Зоя Кузнецова и Виктор Ягов. Собрали ребят в спортзале.

– Чтобы стройка шла ритмичнее, деловитей, создадим в отряде коммуну, – сказал Ягов.

Коровник и свинарник росли быстро. Каждая бригада всей душой болела за свой объект. Был даже названный кем-то шутивно «бой» «коровника» со «свинарником», футбольный матч двух бригад. Победил «свинарник».

Но когда был положен последний камень в стену свинарника и на высоком фронте укреплен шест с большой брезентовой рукавицей наверху, бригада, работающая на коровнике, радовалась не меньше своих соперников.

Есть такая бумажка. Химики ее называют лакмусовой. До поры до времени белая. А опустишь в специальный раствор, впрочем, тоже светлый, и она темнеет. Вот так и целина. Проявляет характер. Трескучий парень вдруг оказывается работающим, скромная тихая девочка – верной, патриот на словах – трусом.

Чего греха таить, были и в отряде энергетиков всякие. Были белоручки и бездельники. На них прикрикивали, их заставляли работать. Глядишь, такой парень или девушка входили во вкус труда, проще становились в общении, внимательнее относились к людям. А других ничто не брало. Рушились бывшие авторитеты. Здесь люди ценились не только за остроумие и внешний лоск: познавались товарищи в труде, в беде.

Была в отряде девушка. Назовем ее просто А. Красивая, развязная девчонка. Холеные, наманикюренные ручки никогда не держали мастерка и не таскали тяжелых ведер с раствором. А. любила говорить сквозь зубы, держа во рту папиросу:

– Ах, скорей бы в Москву. Все надоело...

И случай представился.

– От девочек мало пользы, хоть они и стараются. Не женское это дело – работать с камнями и цементом, – сказал как-то командир отряда. – Так что, девчата, можете собираться домой, в штабе согласовали.

Девушки возмущенно зашумели.

– Как это, уезжайте! Не хотим! Работать будем!

– Ну, ладно, ладно. Успокойтесь, живите, работайте, – утешил всех Сиедин. – Только уж давайте на совесть работать. А то есть у вас такие...

Он повернулся к А.

– Вот ты мечтала уехать. Можешь воспользоваться случаем.

– Ну и уеду, – с вызовом бросила девушка.

И уехала. А через неделю вернулась.

– Ребята, простите. Не могу без вас. Буду работать на совесть...

А настоящая проверка на зрелость была чуть позднее. Срок работы истек: можно уезжать... Снова собирается общее собрание. И ребята из центрального штаба растолковывают положение:

– Понимаете, неладно получается. Стены мы сделали. Но ведь без крыши в коровник скот не загонишь! А скоро зима. Придется остаться ударному отряду – закрыть крыши.

И они остались. Тринадцать ребят и две девушки. Остались лучшие. И даже трудно сказать, кому было грустнее: тем ли, кто уезжал, или тем, кто оставался. Во всяком случае, Сережа Мамжи очень скоро прислал ребятам из Москвы посылку с фотобумагой и письмо: «Скучаю. Как там у вас? Пришлите хоть фотографии...».

А им некогда было писать, ребята работали с утра до темноты.

...Полевая столовая с флагом над дверью. На флаге – эмблема факультета электронной техники: белый медведь, перечеркнутый красной молнией. На цистерне с водой укрепили лозунг «Электроника – соль, остальное все – ноль».

– Надя, коммунары прибыли, – всполошилась Люба Романовская.

В белом халате она и вправду походила на повара. А Надя, хрупкая беленькая девушка, сидела возле печки на старом изрубленном чурбаке и чистила картошку. Сколько ее, этой мелкой бесконечной картошки прошло через ее когда-то нежные белые руки. Сейчас они почернели, потрескались от пара, воды и картошки. Ребята относятся к Любе и Наде с неизменным дружеским почтением. Вот и сейчас, едва отмыли гудрон, Володя Шапочкин и Бронюс Ренкявичус принялись чистить картошку. Петя Быков подхватил на ходу сковородку и вместе с Любой стал жарить яичницу. В уголке, как всегда, примостился с книжкой в руках Володя Мудрый.

В дощатую столовую, построенную самими студентами, один за другим заходят студенты. Сегодня ужин особенный, празд-

ничный, в честь окончания крыши. Ребята довольны: вкусно! Поварихи сияют.

Целина – это не только поля, леса, озера. Целина – это, прежде всего, люди. Москвичи стали среди целинников своими: играли с совхозной молодежью в футбол, теннис, устраивали воскресник по ремонту клуба, вместе собирались там вечерами. В клуб перетаскивали все свои пластинки. Были в гостях у пионеров. Неплохой импровизированный концерт показали в клубе. Женя Жданов взялся отремонтировать чей-то приемник.

Но самые тесные связи были, конечно, с шоферами, что возили стройматериалы. Незаметные, на первый взгляд, парни оказывались замечательными гостеприимными товарищами. Как-то собрались студенты на озеро за несколько километров. Ехали на попутной. Когда доехали, достали деньги, хотели дать шоферу. Он посмотрел на них так удивленно, что ребятам даже стыдно стало. Или другой случай. Уезжала первая группа ребят. В спешке забыли два рюкзака. Обнаружил их Борис Пронин.

– Там автомобиль стоит, попроси, – посоветовал Саша Горященко.

Борис побежал к машине. Шофер знакомый.

– Алексей, срочно нужно догнать наших. Вот рюкзаки.

– Давай грузись, – Алексей не колебался ни минуты, хотя у него не было путевки и он мог потерять права. Борис с Сашей заскочили в машину. Девочки получили свои вещи.

Были, конечно, и неприятные столкновения – всякие люди встречаются. Но особенно возмутил всех поступок старшего прораба Аноя. Он торопил ребят поскорее кончить крышу.

– Александр Никитич, все сделаем до пятого, – обещали ребята. И работали по четырнадцать часов в сутки.

Когда крыша была уже утеплена камышитом и настала очередь покрывать ее цементом, ребята рассудили:

– Самое разумное делать слой сантиметров в пять.

Так и начали. Но тут налетел Аной и приказал:

– Два-три сантиметра хватит. Быстренько размажьте шваброй и все. Нечего копать.

Пришлось подчиниться. А когда вся крыша была покрыта ровной серой корочкой цемента, приехал инженер из района.

– Что это такое? Тонко! Переделать!

Аноей боялся смотреть ребятам в глаза. Только столкновение с Аноем и омрачило прощание. Но торжественная линейка прошла по всей форме. Секретарь партийной организации Шаймерден Садыкович Садыков тепло пожал Виктору Сиедину руку.

– Мы, ребята, очень вам благодарны. Приезжайте еще!

И долго смотрели целинники вслед крытой машине с красным флагом на кабине, которая уходила в сторону Петропавловска.

Совхоз «Заря», Сергеевское территориальное управление

Северо-Казахстанской области

«Целинный край», 25 сентября 1962 г.

Новаторы, мечтатели, творцы

...Геннадий Алексеевич Никифоров, секретарь Ермаковского райкома партии осторожно разглаживал на столе небольшой листочек бумаги, вырванный из тетради, и кому-то говорил в телефонную трубку:

– «Пограничник» меня обрадовал. Обсудили на собрании Обращение ЦК КПСС и Совета Министров СССР и решили своими механизаторами на уборке обойтись. Шестьдесят комбайнеров у себя в хозяйстве откопали. Обращение вот прислали ко всем совхозам района.

Он заглянул еще раз в листок.

– Обещают уборку закончить за пятнадцать рабочих дней, а технику полностью подготовить к двадцать пятому. Вы знаете, я убежден, что при таком директоре совхоз года через два будет образцовым хозяйством. Пикало все с дальним приделом делает. Удивительный человек.

Секретарь райкома положил трубку.

– Поезжайте-ка туда, посмотрите, что за хозяйство, люди какие. Тут недалеко.

...Несколько улиц из добротных, капитальных домиков. В центре совхоза высокое серое здание. Скоро строители снимут с него паутину лесов, и в «совхозный Дом Советов», как в шутку именуют будущую контору рабочие совхоза, перекочат директорский стол, драгоценный спортивный трофей – футбольный кубок, подарок друзей пограничников – картина и все «гроссбухи» бухгалтеров.

А пока контора расположена в небольшом одноэтажном домике, и кабинет директора на замке. Обед.

В столовой, на крылечке, прямо на полу, на скамейках и у окошечка – механизаторы.

– Ну, как дела на ремонте? – поинтересовался у соседа серьезного вида паренек в очках, видимо, строитель.

– Да ничего, кончаем. Есть у нас рекордсмены: по пять комбайнов отремонтировали, – ответил степенно комбайнер, сыпнув в тарелку всю баночку перца.

Паренек проследил, как комбайнер съел ложку борща и даже не поморщился. Потом продолжил прерванный разговор:

– А кто это у вас в чемпионах ходит?

– Иван Козлов и Володя Кольхан. Отлично работают.

– Слышал я, что вы как-то по-особенному нынче убирать хлеб надумали, – снова заговорил очкастый.

– Да что тут особенного? Просто все бригадиры, помощники, механики сядут на комбайны. Конечно, контроль и помощь от них получать станем, каждый из них возглавит механизированный отряд из пяти комбайнов.

Парнишка недоверчиво покосился на комбайнера.

– А запчасти как же, ремонт?

– Шофер будет возить. Возьмет заявку, добудет, что надо, и в поле. Ремонтировать механик поможет. Тут же, поблизости, работать будет.

– А еще я слышал, что механизаторам ужин бесплатно дают, правда это?

Комбайнер широко улыбнулся:

– Правда, правда. А ты что больно интересуешься – может, в комбайнеры надумал?

– Я бы ногами и руками – да не умею.

– Ну, не робей, приходи ко мне – подучу. Или на курсы поезжай.

На машинном дворе, за воротами, условно обозначенными натянутой в метре от земли проволокой, комбайны, жатки, тракторы. Словно на поверку выстроились СК-3. Новые, чистенькие, яркие. Напротив – их собратья, которые исходили немало пшеничных дорог. На многих надписи: «Обязуюсь убрать 1 000 гектаров». «Мое обязательство – 750 гектаров».

Комбайны отремонтированы. Но три беспокойных человека тщательно, до последней гаечки проверяют, все ли в порядке. Главный инженер Николай Васильевич Потапов придирчиво заносит в тетрадку малейший дефект.

– Ремень барабана треснут, надо заменить, – подсказывает механик Николай Олейник.

– Подборщик подцепят пусть, – напоминает другой член «тройки» Евгений Яковенко.

Не для комиссии, не для отчетов – для дела такой тщательный осмотр. Завтра на совещании прикажут комбайнерам, чтобы за день устранили недостатки. Машины должны работать бесперебойно – тем более что нынче уборка особенная. Хлеба хорошие, да и труд организовали по-новому.

Директор совхоза – среднего роста, очень подвижный и живой человек с умными, пронизательными глазами. Алексей Иванович Пикало прежде работал на Харьковщине. Однажды пригласили в Киев.

– Надо помочь целинникам. Собирайтесь.

Поехал налегке, думал провести уборку и вернуться домой. Однако не отпустила целина. Чувствовал: польза от него в крае есть. Домой написал:

– Не еду. Жду вас.

Жена с детишками не хотела бросать насиженного места. Но Алексей Иванович был неумолим: «Вы, как хотите, а я остаюсь здесь».

– Зашевелились мои и приехали, – с улыбкой вспоминает Пикало. Говорит он очень образно, с юмором, на смешанном русско-украинском языке.

Когда директор поднимается на трибуну, в зале оживление.

– Ну, сейчас будет критика.

Так было и в этот раз, на совещании механизаторов, когда обсуждали Обращение партии к казахстанцам. Многим досталось от остроумного директора. Пикало сумел убедить всех, что возможно и нужно обойтись на уборке своими механизаторами.

– Не хватает шестидесяти комбайнеров. Если нам пошлют курсантов – будешь при них няньками, и технику разбитую бросят. А если за штурвалы сядут наши механики, бригадиры – исправнее будет техника, выше качество уборки.

В зале зашумели: «Правильно говоришь, Алексей Иванович!»

– А разве им самим не выгодно? Получат пятьдесят процентов зарплаты, плюс заработают на уборке хлеб и деньги.

– Отходов для скота покупать не надо будет, – бросил реплику кто-то из зала.

– А мы этих руководящих механиков во главе отрядов из пяти комбайнов поставим. Пусть за свой отряд несут ответственность, – продолжал директор. – Придется полагаться на совесть. Пора нам таких людей воспитывать, с которыми в коммунизме не стыдно показаться.

Пикало переждал, когда утихнет шум в зале, и подытожил:

– Значит, мы сразу убиваем несколько зайцев: ведем уборку высококачественно, сохраняем в хорошем состоянии технику, деньги остаются в нашем хозяйстве, не будет лишних расходов на содержание приезжих. И, наконец, самое главное, попытаемся освоить отрядную систему работы, прогрессивную систему, которая воспитывает чувство локтя у механизаторов. Ответ придется только перед совестью своей держать.

Убедил. Приняли предложение безоговорочно. На комбайны сядут заведующий МТМ Владимир Рахнянский, инженер по снабжению Иван Капитан, механики Александр Руль, Евгений

Яковенко, Николай Олейник, заместитель председателя рабкооп-па Николай Лобода, скотник Владимир Тагнер, девять бригадиров и их помощники, несколько шоферов и трактористов.

А когда директор назвал фамилию своего заместителя Михаила Ивановича Дарюшина, в зале раздались аплодисменты, и кто-то громко крикнул: «Браво!»

Механизаторы острили:

– Растрясет наш Иваныч жирок, а то заелся «в замах».

Михаил Иванович – один из той группы целинников-пограничников, что забивали первый колышек в совхозе. Был отличным трактористом, комбайнером. А вот сейчас снова собирается «тряхнуть стариной».

Алексей Иванович удовлетворенно вспомнил об этом, рассматривая рабочий план уборки. На полях плана столбик фамилий. Пикало еще раз пробегает его глазами. Как будто все правильно. Заведовать токами поставили надежных людей, в основном коммунистов: комсорга Володю Лукашова, экономиста Петра Великого, секретаря поселкового Совета Николая Попенко, токаря Василия Петрова, пенсионеров Павла Федоровича Чмыхуна и Ивана Васильевича Воронцова, чабана Алексея Флямова. Еще нужно позаботиться о том, чтобы на тока вышли домашние хозяйки, чтобы все станы были хорошо оборудованы.

– Повара в бригадах есть. Обед будут возить в загонки. Заправщики подобраны. Что еще не учли, а, Николай Васильевич? – обратился Пикало к главному агроному.

– Да вроде бы все. Вот только, я думаю, надо нам еще попробовать на высоких скоростях косить, – предложил Потапов.

– Сделаем, обязательно сделаем.

...От дома до конторы несколько метров. Солнце висело над парком неправдоподобно большое. Оранжевое, как на картинах Ван Гога. Алексей Иванович замедлил шаг. Сколько раз он провожал светило на покой, когда оно, усталое, лениво катилось за горизонт. Отдало свое тепло и яркость людям днем, а сейчас немного помутневшее и величественное уходит, чтобы завтра с утра вновь приняться за работу. Вот у кого нужно учиться трудолюбию.

Стоит человек на дороге возле парка. И видит большой красивый Дворец культуры, просторную многоэтажную школу, микрорайон, утопающий в зелени, плодовый сад за селом. Видит их там, где сегодня ничего нет. Есть только проекты.

Спокойная, укрошенная степь дремала.

*Ермаковский район, Павлодарская область
«Целинный край», 31 июня 1962 г.*

«Помните!...»

О поисках и находках отряда красных следопытов Сандыктавской школы-интерната К 50-летию советской власти

Тихо под Тигодой. Ступают ребята по священной земле бережно и скорбно. На земле этой сражались их отцы. На траве этой умирали их отцы. Каски заржавленные, автоматы покореженные, гильзы пустые – все укрыла трава. Если посмотреть на поляну незнающим взглядом, ничего, кроме спокойной зелени, не увидишь здесь.

Но ребята пришли сюда, чтобы увидеть, представить те страшные, те решающие дни, когда 310 дивизия шла с боями по этим местам. Раздвигали траву, находили каски и автоматы. Были немецкие, были наши. Читали по ним, как шел бой. Около русского автомата нашли останки солдата. Обнажили головы, молча постояли в скорби и почтении. С почестями похоронили останки.

На этом месте, которое называли Просекой смерти, сражался батальон Вячеслава Ивановича Фомина, большого друга сандыктавских красных следопытов. Он и позвал их на этот слет.

Из какой-то газетной информации Вячеслав Иванович узнал, что мальчишки и девчонки из Сандыктавской школы-интерната разыскивают бывших воинов 310 ордена Ленина Краснознаменной Новгородской дивизии. И он, воин этой дивизии, а теперь летописец ее, послал в Сандыктав письмо:

«Молодые мои друзья! Спасибо вам от всех, оставшихся в живых, и тех, кто остался навеки там, на бывшем поле боя, за память, за прославление подвигов ваших отцов и дедов... 20 июня намечается большой сбор в Глажевской школе Киришского района Ленинградской области. Соберутся московские, ленинградские, костромские красные следопыты, чтобы пройти по местам боев прославленной 310 дивизии. Эта дивизия 25 августа 1941 года прибыла в Тихвин, совершила 400-километровый марш, а 9 сентября приняла первое боевое крещение у стен Ленинграда. Три года вела она бои за освобождение Ленинградской, Новгородской и Псковской областей. Было бы хорошо, если бы вы сумели приехать на слет...»

Альма Биттер, Вера Григорьева, Саша Фогель, Таня Денисенко, Миша Воркунов и руководитель группы Валерия Андреевна Трибуль никогда не забудут этой поездки. Музей боевой славы красных следопытов подмосковной Юровской школы, братские могилы под Чудовым, в Подсопье, Городищеве, Пчеве, траурные венки и клятвы. Под Новгородом путь им преградила военная машина. Возле дороги нашли снаряды. Их нужно было обезвредить. Никогда не забудут они доброго, в морщинках, лица старушки, что встретила их хлебом-солью в одной из деревенок, за которую сражались наши земляки.

На слете воины 310-й Домничев, Еськов, Чуприн, Фомин рассказывали о боевом пути дивизии. Здесь ребята узнали и о замечательном человеке, комиссаре батальона Федоре Ильиче Фоми-не, однофамильце и однополчанине В. И. Фомина.

Теперь в школьном музее боевой славы есть несколько фотографий, документов о комиссаре Фомине и похоронная на имя Анны Васильевны Фоминой. В ней о том, что три дня батальон ее Федора удерживал рубеж против превосходящих сил противника. «Враг бросал в бой все новые силы, но каждый раз наши бойцы, воодушевленные комиссаром тов. Фоминым, обращали их в бегство и наносили им большие потери. В этой схватке сам тов. Фомин уничтожил 15 фашистских гадов».

Воспоминания А. Кондратского «У стен Ленинграда», поэма А. Чивилихина о 310 дивизии легли рядом с фотографиями, письмами, касками и другими трофеями отряда имени Володи Дубинина, которому было дано задание проследить путь дивизии. После встречи с ветеранами войны П. А. Ворониным, И. М. Борзуновым, Ф. Н. Лопуховым и В. П. Суворковым арсенал отряда пополнился еще подарками воинов: пожелтевшей вырезкой со стихами бойца Овсянникова, фотографией: на ней балкашинские старики снялись вместе с воинами-земляками, которым привезли на фронт подарки и приветы. Но самой дорогой реликвией стал простреленный осколком снаряда комсомольский билет Ф. Н. Лопухова.

История 310-й – это только одно из заданий отряда красных следопытов. А их было много, и все они были выполнены с честью, недаром отряд считается лучшим в области. Перелистаем журнал отряда. На первой странице – фотографии личного состава отряда красных следопытов: Валерий Шаповалов – первый командир отряда, Николай Шарыпов – художник, Ренат Кутбанов – шеф корреспондентов, Сережа Игошин – ответственный секретарь. Дальше идут фотографии военных корреспондентов и связных, которые сообщают о боевых заданиях отрядам.

Самым первым заданием было: собрать сведения о героях Советского Союза, земляках В. М. Бенберине, Н. И. Колбасове, И. Д. Терехине. Рылись в архивах, писали в редакции газет, писали родственникам и друзьям героев. Иногда на несколько писем получали единственный ответ. Но не отчаивались и снова искали, узнавали, ездили по тем местам, где родились и жили их знаменитые земляки. Вот что узнали следопыты из отряда имени Вали Котика о подвиге бывшего жителя села Максимовка Николай Илларионовича Колбасова, павшего смертью храбрых.

Июль 1943 года. Идут бои на Белгородском направлении. Взвод гвардии лейтенанта Колбасова вступил в единоборство с немецкими «тиграми». Их много. Они грозны и нахальны. Но взвод отбивает все атаки... Прошло четверо страшных бессонных суток. На переключке многие не отзывались. А танки ползут

на батарею Колбасова. Подбили три «тигра», но остальные шли с бычиным упрямством. Разбита пушка, погибли товарищи, Колбасов сам стал у орудия. Бил без промаха. Еще четыре громадины остановились мертвыми железными гробами у подступов к батарее. Людей и снарядов оставалось мало, а враг снова наступал. Тогда Колбасов организовал круговую оборону и вместе с артиллеристами и пехотинцами истребил около ста фашистов. Когда же немцы стали обходить смельчаков, Колбасов поднял людей в контратаку и вывел их из вражеского кольца.

Фотографии и письма двух других героев, Терехина и Бенберина, тоже хранятся в журнале. Пионеры побывали в Богословке, где родился Василий Митрофанович Бенберин, ныне работник одного из райкомов партии Алма-Аты. В Богословской школе есть почетная карта героя и его фотография на стенде «Ими гордится школа». А сколько было радости, когда получили письмо от самого Василия Митрофановича! Вожатая Таня Полякова прочла его на сборе отряда:

«...Вспоминаю свои школьные годы, когда нам труднее было учиться. Даже бумаги не было, а уроки я учил при коптилке. Семья была большая, жили в нужде, но учился на “хорошо” и “отлично”. Желаю вам хорошо учиться, слушаться преподавателей...

Был я командиром I гвардейской танковой дивизии. Воевал на Первом Украинском и Первом Белорусском фронтах, принимал участие в прорыве блокады Ленинграда, форсировал Дон, Западный Буг, Вислу. При переправе через Одер был тяжело ранен, лишился руки. После войны долго был в госпитале, потом окончил алма-атинскую партшколу...»

Они очень скромны, герои. Скупое пишут о своих подвигах и обычно рассказывают о товарищах. И летчик-испытатель эскадрильи «Нормандия – Неман» Андрей Степанович Данилов, который прислал ребятам фотографию часов, что спасли его жизнь от бронебойной пули, писал не о себе, а о своих друзьях, русских и французах, которые плечом к плечу сражались с фашистами. И дважды Герой Советского Союза гвардии генерал-майор Леонид Игнатьевич Беда, который совершил 213 боевых вылетов и

до сих пор в строю – сам летает, учит летать молодых, тоже очень скупой писал о своих военных делах, зато много о том, какими должны быть они, нынешние школьники.

И они стараются быть похожими на этих замечательных людей во всем. Они хотят тоже сделать что-то полезное, интересное для своей школы, для своих товарищей. Был, например, смотр талантов – конкурс на лучший рисунок, стихотворение, сочинение, посвященные Советской Армии и Флоту. Премии получили Сережа Игошин, Таня Калицкая и Саша Каплевский. Во всех отрядах по заданию штаба читали и обсуждали книги о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне. 24 февраля был парад малышей, которые вышагивали в костюмах летчиков, пехотинцев и артиллеристов. Старшие ребята провели в этот день увлекательнейшую военную игру, где были хитроумные задания на сообразительность, упражнения на выносливость и штурм настоящей снежной крепости. Победители первого и второго этапов, армии под командованием Юры Самарина и Пети Ивонина, получили по шесть килограммов шоколадных конфет.

А еще было торжественное открытие Комнаты боевой славы. Первую экскурсию для притихших малышей проводил райвоенком Борис Павлович Устинов. Он рассказал о земляках-героях, показал опаленный камень из стены Брестской крепости и гильзу со священной брестской землей, рассказал о ее защитниках... Жаль, что в то время еще не было среди экспонатов музея замечательного письма фронтовой подруги Зон Космодемьянской, Анны Алексеевны Лаптевой, которая теперь живет в казахстанском городе Кентау, работает экономистом. Если бы это письмо уже было, Борис Павлович непременно прочел бы его вслух:

«Славной героической смертью была смерть нашей одноклассницы Зои Космодемьянской... В свои семнадцать лет она была примером мужества. Своей серьезностью она казалась старше своих лет. Были в комнате девушки и постарше ее, но Зою выбрали старостой. Помню ее высокой, стройной, с ясными глазами, темноволосой. Иногда девушки говорили ей: «Уж очень ты строга, Зоя». Она отвечала: «Раз выбрали старостой, слушайтесь».

В последнее для Зои задание ехали с песней. У развилки Зоя пересела на другую машину. Помахали друг другу, пожелали счастливого пути и разъехались. Разведчики с передовой проводили нас за линию фронта, а там уже самостоятельно выполняли задание. Когда вернулись, услышали по радио рассказ «Таня». Душа чувствовала, что кто-то из наших, но только в феврале узнали, что это была Зоя...

Еще несколько раз ходили в тыл к немцам: минировали дороги, мосты и т. д. Вскоре наш отряд направили в тыл к немцам, в Брянские леса... В октябре сорок второго награждена медалью «За отвагу». Помню, командир, вручая награду, сказал: «Теперь ты уже взрослая – скоро 18. Можно и Анной Алексеевной звать, а была самым молодым партизаном». Вы спрашиваете, что заставило меня в 16 лет стать партизанкой? Как же иначе? Как я могла спокойно жить, если страна в опасности и я не могу ей помочь? Я выросла без родителей, и можно без преувеличения сказать, что такой вырастили меня школа и комсомол».

А к письму была приложена фотография Анны Алексеевны со словами: «Помните павших и берегите мир!».

Ребята из Сандыктава помнят...

«Целиноградская правда», 28 декабря 1966 г.

Тех лет не смолкнет слава

«Круглый стол», встреча в редакции со старыми коммунистами, ветеранами революции, участниками гражданской войны

Не кинофильм мы смотрели, не книгу читали, не листали старые газеты – мы слушали живых людей, взволнованный голос свидетелей тех пламенных лет, когда родилась наша Родина. У нас в гостях – участники революции, те, кто с винтовкой в руках, с ленинским словом и горячей верой в новую жизнь бились с беяками, с голодом, и разрухой, с невежеством и отсталостью.

Отстояли, вынянчили новую Россию, вырастили ее в могучую, великую, гуманную державу. И работали в ней, пока были силы. Да и сейчас, уйдя на пенсию, продолжают быть полезными своей стране. И не только общественной работой, но рассказами своими, из которых узнает молодежь, как боролись и побеждали отцы и деды. Сегодня, в канун юбилейного года, 50-летия Советской власти, воспоминания наших гостей особенно волнуют.

Итак, представляем участников редакционной встречи: М. М. Борошенко, Е. Ф. Березнева, К. Д. Сергеева, С. А. Репкова, И. С. Бутина.

«Мы выросли во пламени»

Рассказ Михаила Максимовича Борошенко

Моя биография похожа на биографии многих моих сверстников. Родился в Белоруссии, в бедной семье. Окончил церковно-приходскую школу – это все мое образование. Батрачил у кулака в своем селе, потом в имении. Работал шахтером. Был призван в царскую армию, служил в железнодорожном батальоне.

Вот там-то, в армии, и начал приобщаться к революционной работе. Был у нас офицер, Плетнев по фамилии. Мы поначалу и не знали, что он коммунист. Стал нас потихонечку «обрабатывать». Шли поезда на фронт, а мы тайком в вагоны листовки совали: «Долой войну!».

Когда Февральская революция пришла, создали мы Комитет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов из семи человек. Плетнев в том комитете был, и я тоже. Агитировали темную солдатскую массу за революцию. Но свободная трибуна была только до июля. Потом Плетнева и еще одного товарища, Григорьева, арестовали, а меня товарищи предупредили: «Удирай».

Перебрался в родные места на Гомельщину и организовал там вместе с товарищами партийную организацию. Работы хватало, на селе тогда большие брожения были, банд кулацких полно. Создали мы партизанский отряд. Врагами нашими были и польские легионы, и немецкие оккупанты. Потом приходилось биться с Деникиным, был председателем комбеда, начальником отдела

милиции. В партию вступил я еще в феврале 1918 года, вместе с друзьями Федоренко да Фомой Михаленко.

Ох, нелегко нам пришлось с бандитами. Звери были, не люди. Дело о банде в Пропойске составляло несколько томов – тут и ограбления, и убийства, и изнасилования. Живыми жгли людей, изверги. А грабеж у них был на широкую ногу поставлен: специальную разведку имели, даже склады построили для награбленного народного добра. Но мы их выловили – 87 человек. Нескольких расстреляли, остальным – тюремное заключение.

А когда покончили со всей этой грязью, был я в Москве, в командировке. И посчастливилось мне Ленина видеть и слышать. Говорил он просто, но горячо, убежденно. Говорил о том, как новую жизнь строить, ту, которую мы сейчас вокруг себя видим.

Делали революцию

Рассказ Емельяна Филипповича Березнева

За 25 дней до Февральской революции меня призвали в царскую армию. Служил я в Петроградском 179 пехотном полку. Отсюда меня направили в инженерную часть в Брянск, а потом в Киев. Здесь и застала революция 1917 года. Однажды мне попало несколько номеров «Правды». Потрясенный ленинскими декретами, ясными, убеждающими статьями, я понес газеты в часть. После горячего обсуждения мы все безоговорочно примкнули к большевикам.

Вскоре после этого ночью нас накрыли националисты и в 3-дневный срок выслали из города. Так я попал в Петроград и пошел работать на железнодорожный транспорт.

Голод, разруха, нищета. Только тогда я по-настоящему понял, как трудно удержать завоеванную в боях советскую власть. Хлеб в стране есть, говорил Ленин, но он в руках у кулаков. Нужно организовать продовольственные отряды и взять этот хлеб.

С отрядом Бадаева, бывшего члена Государственной думы, мы отправились в Донскую область. Находили и отправляли хлеб и одновременно вели тяжелые бои с бандами, рассеянными по всей области. Здесь, в Петрограде, в 1918 году я и вступил в партию.

После этого я участвовал в боях на Карельском фронте, был депутатом Совета рабочих и солдатских депутатов. Новый 1920-й год мы встречали в Мариинском театре. Выдали нам премию по 300 граммов хлеба и по куску сахара. Слушал я тогда в театре незабываемый голос Шаляпина...

А потом получил задание политотдела Северо-Западной железной дороги организовать в Петергофе комсомольскую организацию. Так и пришлось мне, через 2 года после приема в партию, вступить в комсомол и стать секретарем уездного комитета комсомола.

Все мы в то время зачитывались выступлениями С. М. Кирова. И слушать мне его выпало счастье – скажу, что никогда не слышал я подобного оратора. Говорил он горячо, вдохновенно и, что было особенно ценно для нас, ясно и доходчиво. Приехал как-то Киров к нам, работникам транспорта. После его выступления несколько человек, и я в том числе, подошли к Сергею Мироновичу и попросили его нам помочь. Дело в том, что начальник дороги Поздеев, запутавшись, кто свой, а кто чужой, начал увольнять товарищей, злоупотреблял служебным положением. Это наносило большой ущерб работе коллектива.

– Я хорошо знаю Поздеева, – сказал нам Сергей Миронович. – Он преданный коммунист. Но если он ошибся, надо его поправить.

Через некоторое время Поздеева разобрали на пленуме райкома партии. С тех пор мы больше никаких претензий к нему не имели.

Вот так мы жили в то время. Революция делала настоящих борцов из людей неграмотных, политически не образованных. Я счастлив, что мне пришлось жить в те незабываемые годы.

Выстояли

Рассказ Константина Дмитриевича Сергеева

Мой родной город Орск был раньше захолустным степным городишком с 18 тысячами жителей. А теперь он крупный промышленный центр, жителей в нем 200 тысяч. И все это за полвека нашей власти!

Февральская революция застала меня в старой царской армии. Дружил я тогда с Чебановым Сашей. Отец его был коммунистом с 1905 года, и мы очень увлекались революционными идеями. За неповиновение услал нас воинский начальник Бочковский в город Белебей. Но и там мы нашли друга: продавец книжного магазина старичок Калинин был коммунистом, подпольщиком. Устраивал митинги. Реалисты кричали против него, а мы его защищали. Были выборы в Учредительное собрание, я, конечно, голосовал за список №9, за большевиков. И, по наивности, проговорился кому-то об этом. Донесли, сделали экзекуцию, и пришлось мне снова бежать в Орск.

А Саша к тому времени уже сам в партию вступил, познакомил меня с большевиками. Суровая тогда шла борьба с контрреволюционерами, с меньшевиками и эсерами. В Орске начальником земской управы был сын священника эсер Правдухин. Мы потребовали созвать учредительный съезд, провели большевистскую агитацию и добились того, что весь президиум – 21 человек – был избран из большевиков и сочувствующих. Правдухин со своими приспешниками покинули съезд. А съезд объявил советскую власть в Орске. Тут же решили создать Красную гвардию для защиты молодой советской власти. Меня назначили начальником штаба.

В апреле восемнадцатого года на Оренбург пошел Дутов. Основная часть нашего отряда отправилась на помощь оренбуржцам. Мне пришлось остаться на месте с 20 красногвардейцами. Прознал о том, что мало нас осталось, купец Мамонтов. Богатый был купец, ювелирную давку держал. Поехал он в станицу Новоорскую кулачью банду на нас подымать. А нам бедняки об этом заговоре рассказали. Что делать? Не справимся с кулаками в открытом бою, да и людей жалко. Решили по добру уладить дело. Направились мы с Сашей Чебановым по поручению секретаря парторганизации Долгорукова разоружать кулацкие банды. В поселке Кумакском удалось договориться с беднотой и фронтовиками. А в Новоорской нас и слушать не стали. Забрали приказ о разоружении, связали и в каталажку. Сказали: «Наутро повесим».

Мы в окошечко глядим: и правда, виселицу строят. Уж прощались мы с жизнью. Однако Мамонтов просчитался. Решил бандитов задобрить. Молебен отслужил, анафему – большевикам, а победу прочил казакам. А потом всем на магарыч выдал. Напились они до бессознания, а беднота восстание устроила. Нас вызволили, развязали. Ночью мы по степи 35 километров до Орска скакали на лошадях. Проспались бандиты, все-таки двинулись на Орск. В Кумакском остановились опохмеляться, и там их задержали. Но нам все-таки пришлось драться и с Дутовым, который окружил Орск, и с чехами.

Потом попал я в Самару на курсы красных командиров. Двадцать дней только и поучились – подняли нас на Деникина. Нужно было отстоять Воронеж. Нас было 700 штыков, 700 молодых парней по 18–20 лет. А у Деникина 7 000 сабель, да все бородачи. Два полка были «золотые», чисто офицерские. Начальник наш Транковский повел нас на рассвете в наступление. И мы разбили деникинцев, хотя нас было в десять раз меньше. За этот бой нам вручили Красное Знамя и наградили орденом Красного Знамени.

Курсы я все-таки окончил, попросился на Западный фронт против белополяков. Когда заключили мир с Польшей, домой возвращались пешком. Сотни километров шли по зиме в лаптях, одетые кое-как.

Я вспомнил это трудное время, когда был инструктором в школе красных командиров им. ВЦИК и стоял на параде. Мне было понятно волнение Владимира Ильича Ленина, который принимал этот парад. Вместо лапотников, оборванцев он видел настоящую, хорошо одетую и вооруженную армию и радовался, что мы сумели ее так быстро создать. Выступил тогда Ильич коротко, призывал будущих красных командиров учиться военной науке. Мы врагов разбили, но они еще попытаются вернуть старое, говорил он, и мы должны научиться одерживать победы с наименьшими потерями живой силы.

Пока я служил в Кремле, часто видел Ленина. Мы, бойцы Красной армии, постоянно чувствовали его отеческую заботу.

Как-то он узнал, что нет чайника в караульном помещении – прислал нам чайник. Мы так всем и говорили: «Подарок Владимира Ильича». Говорил он быстро, кратко, ясно. Он умел ценить время. Видимо, большая напряженная работа выработала в нем эту быстроту, стремительность, краткость.

Когда я вернулся в Орск, не нашел родных живыми: отца забили в застенке, брата убили кулаки, братья и сестры умерли. Но я не уехал из родного города. Работал председателем горисполкома. Мы выстояли. Жизнь продолжалась.

Были солдатами и студентами

Рассказ Сергея Алексеевича Репкова

Родился я в Арзамасе. Город наш был тихий и захолустный – 34 церкви, 3 монастыря. Великая Октябрьская революция расшевелила всех. Тут-то я узнал, что есть в городе люди, которые пропагандировали запрещенную литературу, боролись против арзамасских богатеев. Это и открыло мне глаза. Выпало мне счастье сразу после революции служить связистом при штабе Федора Федоровича Раскольников, будущего нашего дипломата. Он тогда командовал Волжской военной флотилией.

В 1918 году мы шли в наступление по реке Каме. Впереди стояли две баржи с пленными красноармейцами. Раскольников дал приказ взять эти баржи. Проходя мимо Саратова, мы грянули «Интернационал», перебили белогвардейскую охрану и освободили наших.

После этого я был откомандирован в роту связи Пятой армии, которой командовал Тухачевский. С этой армией дошел до Красноярского края и заболел тифом. В 1920 году, после выздоровления, меня направили в штаб Василия Ивановича Шорина, помглавкома Сибири, в 150-ю контору связи политконтролером. В 1921 году к нам в Омск приехал Дзержинский. Через меня он часто разговаривал с Лениным.

Никогда не забуду этих замечательных людей. Как связист я постоянно видел и разговаривал с Тухачевским, Шориным, Дзержинским. Их убежденность, горячая вера в победу совет-

ской власти были знаменем всей моей жизни. Именно здесь, при штабе Шорина, и созрело мое решение вступить в партию большевиков. 9 января 1924 года меня приняли.

С 1925 года я стал студентом Ленинградского финансового института. Молодые мои товарищи, как и я, воевали на фронтах революции. Перед нами часто выступали М. И. Калинин, С. М. Киров. Они говорили о том, что мы должны учиться, несмотря на голод и разруху, и учиться хорошо. Помню: собралось несколько человек, и я в том числе, и вошли к Кирову в Смольный. Принял он нас сразу. Долго беседовали мы с ним о делах института, о нашей общественной работе. Оглядел нас Сергей Миронович – а одеты мы все плохо, в дырявых гимнастерках, рваных ботинках – и говорит нам:

– Ну, вот что, товарищи студенты. Ступайте в подвал.

А в подвале Смольного была пошивочная мастерская. Мы получили одежду.

В те годы приходилось и учиться, и воевать.

Вместе с Лазо

Рассказ Ивана Семеновича Бутина

Революция выбрала меня, забайкальского казака, членом Комитета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Нашей главной задачей была борьба с контрреволюционной бандой Семенова. Семенов этот ходил по селам, вербовал в свою шайку людей за золото. А мы, 20 человек из села, пошли в отряд красногвардейцев под водительством Сергея Лазо. Прикомандировали меня к штабу. Занимались в основном шифровкой сообщений. Штабной вагон – большой, со всеми удобствами и даже с салоном – был нашим домом. Здесь же ехал и сам Лазо, и его ближайшие помощники Балябин, Богомягков, Рускис.

Получили как-то шифрованную телеграмму из Харбина. Всю ночь провозились, пока расшифровали. Оказывается, затребовано 700 вагонов под японские войска, которые идут на помощь Семенову. Собрал Лазо своих штабистов на совет.

– Что делать? С одной стороны – Семенов, с другой – чехи, с третьей – японцы. Мы в кольце.

Решили временно отступить в тайгу. А нам, местным, Лазо посоветовал идти в свои леса. Стали готовить лошадей, чтобы перебраться на них в безопасное место.

До 1918 года жили мы в лесу. Местные жители пищу нам носили. Связь была хорошая, и разведка работала безукоризненно. Настало время, вышли мы из лесу, перебили командиров одного беляцкого полка, солдаты перешли на нашу сторону. А семеновцы зверствовали, целые деревни сжигали. Схлестнулись мы с ними в селе Богдаты. Трудный был бой, у нас боеприпасов не хватало. Патроны покупали у китайцев за золото. Вырывались все же из окружения. А к 1921 году собрали мы 12 полков. Разбили Семенова, а японцев на острова угнали.

Так воевали мы. Воевали за то, чтобы наши дети и внуки были счастливы.

*Беседу записали Л. Шабалина и А. Горчева
«Целиноградская правда», 21 декабря 1966 г.*

ПРОБЛЕМЫ ЦЕЛИНЫ

Введение: аналитическая статья

Проблем на целине было великое множество, как во всяком новом и трудном деле. Одна из них – лиманное залужение, о котором я писала в статье «Кладовые сена». На примере работы над этой статьей хочу рассказать, как работали целинные журналисты над проблемными публикациями.

Собирала материал для нее месяца два. Изучала документальную информацию во Всесоюзном научно-исследовательском институте зернового хозяйства, который расположен в Шортландском районе, общалась с учеными, которые разрабатывали метод лиманного залужения, с руководителями, специалистами нескольких хозяйств, областных организаций и проектных институтов.

Раскрою эти источники подробнее.

Побывала в отделе кормоводства Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства, где поговорила с заведующим отделом и другими специалистами о преимуществах и технике лиманного залужения. Начальник районного сельхозуправления и секретарь райкома партии познакомили меня с планом мероприятий по выполнению решений пленума, где говорилось о необходимости строительства мелких водохозяйственных сооружений своими силами.

Потом посмотрела, что делается для реализации этого решения на местах. В совхозе «Андреевский» об этом поведал директор, в «Петровском» – главный агроном, а в «Пригородном» – главный экономист. Потом пришлось поехать в мастерскую «Казсельхозтехники» в колхозе «18 лет Казахстана» выяснять у директора и старшего бухгалтера, почему не выполняются заявки совхозов на технику.

В Целинограде работа по анализу проблемы продолжалась, потому что нужно было посетить ряд областных организаций, которые занимаются лиманным орошением. Говорила с главным агрономом «Целиноградводстроя», с начальником областного управления мелиорации и водного хозяйства, где познакомилась с их пятилетними планами работ, общалась с инженером-гидротехником и заведующим отделом земледелия облсельхозуправления.

Много интересного о проблеме сообщил начальник целиноградской проектно-изыскательской экспедиции института «Казгипроводхоз» и специалисты институтов, которые могли бы проектировать лиманы, – «Целингипросельхоз», «Гипроземцелинсовхоз».

Итак, посетила 12 организаций и хозяйств, поговорила с десятками людей. Изучила подробно документы, которые помогли понять проблему: решения пленума, план мероприятий по его реализации, планы облсельхозуправления, и «Целиноградводстроя», профинпланы нескольких совхозов, познакомилась с проектной документацией нескольких институтов. Кроме того,

изучала научные труды на эту тему, в частности книгу К. Д. По-стоялкова «Освоение кормовых угодий Северного Казахстана» с предисловием к ней директора ВНИИЗХ (Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства) академика А. И. Бараева.

Таким образом, в работе над статьей **активно использовались практически все методы журналистской работы: наблюдение, интервью, анализ документов.** Все это помогло полно изучить проблему и пути ее практического разрешения, причем противоположные позиции обязательно выяснялись у носителей разных точек зрения. И это была настоящая аналитическая и конструктивная помощь в решении реальных проблем.

Очень часто по таким публикациям принимались масштабные решения, распространяющие положительный опыт или вмещающие в обязанность разным организациям предпринимать конкретные действия. Весьма нередко нерадивые руководители лишались своих мест за нерасторопность.

По форме статьи, конечно, разительно отличались от очерков, они были серьезные, логичны, аргументированы, точны и лаконичны в выражении мыслей. Часто заканчивались дидактическим призывом ко власти имущим о том, что можно сделать для решения данной проблемы. Иногда, но это было тогда еще большой редкостью, при анализе ситуации применялись социологические методы, как при написании моей статьи «Сады».

Но чаще всего я, поскольку сначала работала в отделе культуры, писала статьи, отражающие заботу о красоте нашего города, воспитании хорошего вкуса, работе творческих организаций и их помощи в просвещении целинников. И тут всегда большую роль играли методы наблюдения и интервью.

Кладовые сена

Прошедшее лето было сухим. Сенокосы выгорали. На некоторых участках накашивали по 30–40 килограммов с гектара, но

подбирали и клочки травы, потому что в нынешнем году дорот каждый грамм. А шортандинцам приходилось косить сено даже в Ерментауском районе, хотя стоимость его была 50–70 рублей тонна. И все-таки заготовили сена всего 37 процентов. Проблема кормов стоит перед шортандинцами каждый год. И каждый год принимались самые экстренные меры, были даже случаи, когда везли «вату», как здесь говорили, из Узбекистана, ездили за соломой в другие далекие области. Сено поистине было золотым.

Короче говоря, нужно решать проблему кормов радикально и основательно, с прицелом на будущее. Есть ли к тому возможности? Какие? Этот вопрос привел нас в отдел кормопроизводства Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства.

Заведующий отделом Константин Дмитриевич Постоялков уже несколько лет вместе с коллективом сотрудников занимается этой проблемой, и он горячо убежден в экономической эффективности и необходимости коренного улучшения пастбищ и лиманного орошения сенокосов.

Простейший вид лимана можно сделать в любом хозяйстве, потому что почти всюду есть сток весенних вод по балкам с чашеобразными луговыми понижениями на пути, где можно поставить запруды. Первые три яруса такого лимана построили в опытном хозяйстве в 1961 году, сейчас лиман имеет уже десять ярусов. Засеяли на фоне коренного улучшения костер. В течение семи лет он дал самую высшую среднюю урожайность на лимане – по 40 центнеров с гектара, а в отдельные годы и до ста центнеров. Даже в очень сухом 1965 году, когда потеря влаги на лимане шла очень интенсивно, урожай лиманного сена был по 18–25 центнеров с гектара. Хорошо показала себя люцерна пестрогибридная, житняк ширококолосьй.

Если иметь в виду не примитивную запруду, а надежные дамбы с бетонированными водовыпусками и обсевом всех откосов травами, то один гектар лимана будет стоить около 200 рублей. Даже низкий для лимана урожай семян костра в 2 центнера с гектара, продажная стоимость которого 120 рублей центнер, окупа-

ет сооружение при первом сборе. Себестоимость центнера сена на богаре 2-3 рубля, иногда и больше, а лиманного всего 80 копеек – 1 рубль. Расчеты показывают, что все затраты на сооружение лимана, на вспашку, обработку и стоимость семян окупаются в первый же год сбора сена.

И еще один важный аргумент в пользу залужения пастбищ. Академик А. И. Бараев в предисловии к книге К. Д. Постоялкова «Освоение кормовых угодий Северного Казахстана» особо подчеркнул этот факт: «Весьма положительно, что автор связывает мелиорацию кормовых угодий с земледелием, искусственное залужение рассматривает как подготовку земель к возможному включению их в будущем в пашню».

О почвоохранном значении в эрозийных районах говорит также автор этой книги: «Залужение сенокосов и пастбищ – это грандиозное противоэрозийное мероприятие. Оно должно охватить все внепосевные площади каждого хозяйства. На землях, подвергшихся мелиорации, ветровая эрозия уже не представляет опасности, так как ее возникновению препятствует растительный покров. Мелиорация естественных угодий препятствует распространению водной эрозии».

На майском Пленуме ЦК КПСС особо подчеркивалось, что нужно всячески поощрять и поддерживать инициативу совхозов и колхозов в строительстве мелких водохозяйственных сооружений своими силами. Что же делается по претворению этих решений в жизнь, в частности по Шортандинскому району?

В районном сельхозуправлении есть аккуратно сброшюрованная книга «Мероприятия по выполнению решений майского Пленума ЦК КПСС». В ней очень подробно и доказательно написано о том, что дадут району работы по мелиорации, расписаны мероприятия по каждому совхозу. Запланировано на пятилетку 15 тысяч гектаров пастбищ подвергнуть коренному улучшению, 25 с половиной тысяч – поверхностному и оросить лиманами 7 500 гектаров. Это даст более 94 тысяч тонн сена, «не только полностью решит проблему обеспечения общественного скота грубыми кормами, но и позволит высвободить все пастби-

ща с поверхностным улучшением 25 500 га для зеленой подкормки, что даст дополнительно 102 тысячи тонн зеленых кормов».

Прекрасные перспективы. И, казалось бы, нужно как можно энергичнее двигать в жизнь мероприятия, намеченные совхозами. Но мероприятия пока еще не стали делом. Возьмем совхоз «Андреевский». Решено построить плотину на реке Шейке, которая затопила бы 800–900 гектаров. Здесь можно было бы ежегодно получать устойчивые урожаи сена по 30–35 центнеров с гектара, то есть около 3 000 тонн. Проблема кормов в совхозе была бы решена. И проект уже был сделан, и работы намечено было провести в этом году. Директор совхоза Казимир Антонович Стаховский говорит:

– Там затрат нужно около 180 тысяч. Мы нашли эти деньги, да вот нет организации, которая взялась бы строить эту плотину...

Далее в мероприятиях написано:

«Провести изыскательские работы вверх по Шейке, где существует плотина. При поднятии и удлинении ее возможно затопить 800–900 гектаров. Примерные затраты 12–15 тысяч рублей. Работы провести в 1966 году». Не сделано.

«Использовать водный источник для полива кукурузы и люцерны на озере Балыткуль в 67–68 годах». Работы не начинали.

«Приподнять грейдерную дорогу, идущую с Андреевки, на 60–70 сантиметров. Работу провести в 1967 году». Дорога в прежнем состоянии.

Единственное, что по этим мероприятиям сделано, – закрыли в местах прорыва плотину между совхозами «Андреевский» и «Петровский» и начали распахивать пастбища под коренное улучшение. Но работа эта ведется очень медленно.

Главный агроном совхоза «Петровский» Альфред Владимирович Сонгин уже лет десять работает в этом хозяйстве. Думающий, опытный, знающий каждый клочок совхозных земель, он очень обеспокоен проблемой кормов. В «Петровском» всего 263 гектара естественных сенокосов, которые дают урожай по 2–3 центнера с гектара. Поэтому без принуждения, очень охотно здесь занимаются улучшением пастбищ и сенокосов. Распахива-

ют их, чтобы весной засеять костром. Заложили свой семенник, на будущий год будут обеспечены семенами костра. Уже в этом году хотели насыпать дамбу. Место для лимана выбрали подходящее, и затрат особых не потребуется, могли бы насыпать своими силами. Есть в совхозе 2 скрепера, 6 бульдозеров. Попросили районного гидротехника сделать съемку. Пообещал приехать, но не дождался его.

И в «Пригородном» дело со строительством лиманов, которые намечено построить на 1, 2 и 3 отделениях, движется туго. Тут, как сообщил нам главный экономист совхоза Михаил Кузьмич Северин, и затраты небольшие, и изыскательские работы проведены – техники нет. Давали, говорит, заявку в ремонтную мастерскую «Казсельхозтехники», которая базируется рядом, в колхозе «18 лет Казахстана», но машин так и не прислали. Но ни директор мастерской Р. Г. Рунг, ни старший бухгалтер А. Н. Кравченко заявки этой, как они утверждают, не ввели.

– Да что вы, если бы была заявка, мы бы обязательно послали машины в «Пригородный». Даже в Кургальджино решили дороги делать, потому что нашим скреперам и бульдозерам в этом районе другой работы не находится.

Выходит, в районе есть организация, которая могла бы проводить мелиоративные работы в совхозах, а ей работы не находится. Очень странно. Единственный, кто попросил мастерскую построить лиман, колхоз «18 лет Казахстана». Но есть в «Пригородном» старая плотина, на слиянии рек Копутона и Талкары, которую каждое половодье сносит. На восстановление ее идет ежегодно 7–10 тысяч рублей, и, если бы построить новую, она давным-давно окупилась бы. И начальник райсельхозуправления А. В. Заудалов, и секретарь райкома партии В. И. Бубнов не раз в самых разных инстанциях «пробивали» строительство этой плотины. Наконец, проект сделан, но строить пока не начали. Главный агроном «Целиноградводстроя» Н. С. Логунов сказал, что и в «Пригородном», и в «Андреевском» смогут работать только на будущий год.

И так в любом совхозе. Или говорят, что проекта нет, или некому строить. А в райкоме и в райсельхозуправлении на все вопросы о том, почему плохо выполняются мероприятия по майскому Пленуму ЦК КПСС, говорят:

– Мы в область заявки дали. Вопрос не решается в области.

Мы побывали в областных организациях, которые занимаются лиманным орошением. Начальник областного управления мелиорации и водного хозяйства Р. К. Касымов показал план на пятилетку. В нем значилось, что облводхоз будет за пятилетку осваивать всего 10 тысяч гектаров лиманов, а 73 тысячи совхозы должны построить своими силами, за счет фонда предприятий или кредитов Госбанка.

– Облсельхозуправление должно собрать заявки от совхозов и внести их в план. Найти институт, который бы сделал по заявкам проекты, соблюдая при этом очередность хозяйств, учитывая необходимость каждого конкретного проекта. А потом уже планировать и мощность исполняющей организации – «Целиноградводстрой». И вообще при облсельхозуправлении неплохо было бы организовать специальный отдел, который бы занимался мелиорацией и всеми водными вопросами.

Но инженер-гидротехник облсельхозуправления Г. И. Эмин довольно категорично заявил:

– Мы лиманным орошением не занимаемся, на это есть облмелиоводхоз.

А заведующий отделом земледелия В. К. Хан сказал, что, конечно, дело инженера-гидротехника – и лиманы, и правильное орошение.

Вопрос о создании отдела по мелиоративным работам при облсельхозуправлении обсуждался в Министерстве сельского хозяйства долго. Сначала решено было создать отдел в 33 человека, потом предполагаемый штат был уменьшен, и, наконец, решили поручить единственному инженеру-гидротехнику только вопросы обводнения пастбищ, а лиманное орошение оставить за облмелиоводхозом. Единый штаб, который бы занимался в области всеми вопросами мелиорации, необходим.

Строительство лиманов дело не простое, не терпит кустарщины и спешки. Нужны в районах специальные мелиоративные отряды, которые занимались бы всеми работами по улучшению земель, по строительству лиманов. Но, главное, нужна мощная проектная организация, которая могла бы выполнять проекты для хозяйств. Пока проектированием занимается только Целиноградская проектно-изыскательская экспедиция института «Казгипроводхоз». План они перевыполняют, то есть работают на полную мощность. Жаль вот только, что мала она, эта мощность. Институт мог бы намного увеличить объем работ, если бы было помещение. Есть проект создать институт для Северного Казахстана с программой на 1 800 тысяч рублей в год. А пока экспедиция имеет 85 человек и план 220 тысяч. Принимать заявки от совхозов экспедиция не имеет возможности. Начальник экспедиции В. И. Ковалев добивался в Алма-Ате, чтобы им разрешили хотя бы процентов 15 свободного лимита для осуществления заявок совхозов, но пока этот вопрос не решен.

Есть, правда, в городе и другие институты, которые могли бы проектировать лиманы – «Целингипрсельхоз», «Гипроземцелинсовхоз», но они ссылаются на недостаток специалистов и большую загруженность. Короче говоря, вопрос о мощной проектной организации стоит остро и его надо решать.

Мы посмотрели профинпланы нескольких совхозов Шортандинского района и нигде не нашли цифр в графе «лиманное орошение». А вот на коренное улучшение было запланировано в этом году 18 950 га, а распаханно только 1 636 гектаров. Залужение проведено на площади, чуть большей тысячи гектаров, а по плану предполагалось 4 700. Соседи же шортандинцев из Целиноградского района засеяли травами около 4 тысяч гектаров.

Шортандинский район мы взяли как один из самых бедных сенокосами. Но проблема кормов стоит и в других районах области. Только настоящая работа по коренному улучшению лугов и пастбищ может поправить положение. Нужно приложить руки к земле, тогда кладовые сена будут богатыми.

«Целиноградская правда», 7 октября 1967 г.

Крылья творца и философия обывателя

Недавно я получила письмо от молодого инженера Л., только в прошлом году кончившего сельхозинститут. Привожу его дословно.

«...Остался я в городе. Работаю теперь инструктором-механиком. Возможно, тебе неприятно, что твой знакомый спасовал перед трудностями сельской жизни? Не бросился в передовые ряды молодежи, которая с восторгом хлынула в сельскую местность. Видно, такой уж у меня трусливый нрав. Состояние пакостное. Настроение, как матрац – тонкая узенькая белая полоска, а затем широкая черная и опять в том же порядке. Вот и сегодня. Уже седьмой час утра, а я еще не спал. Редко у меня так бывает, а раньше вообще не было! Сижу вот и думаю, отчего бы это?». ».

Подобные мрачные мысли и взгляды на жизнь, к сожалению, нередко встречаются у молодых специалистов, вчерашних выпускников вузов. Поэтому я решила ответить Л. через газету.

«Очень встревожило твое письмо. Почему черная полоска шире белой? И что за старческая бессонница? Очень пакостно на душе? Пробовал разобраться в этом?

Я встречала десятки выпускников вузов, которые “хорошо устроились”, жили в благоустроенных квартирах, работали в институтах и главках, но страдали от безделья. Умные люди, они понимали, что делают бесконечно мало. А сознание бессмысленности своего пребывания на земле ужасная, по-моему, штука. Молодой здоровый парень сидит в канцелярии и занимается бюрократическими бумажками – отсиживает положенные часы и получает положенную сумму.

Насколько я поняла, у тебя сложилась подобная ситуация. Работа тебя не увлекает, видимо, кажется скучной и ненужной.

А может быть, выход из этого именно тот, о котором ты пишешь так иронически? Поехать на село, в совхоз? Ведь ты инженер-механик по сельхозмашинам. Ты там очень нужен.

И, поверь, как рукой снимет с тебя шелуху скуки и хандры: просто некогда будет этим заниматься. Придется тебе с людьми простыми общаться, учиться у них простоте мудрой и умению работать. Я знаю, ты опять иронически улыбаешься, что, мол, в селе станет еще хуже: ни друзей, ни театра, ни читалки, ни ресторана, зачахнешь в тоске. Конечно, в селе нет театров. Но, если захочешь, то не только сам будешь чувствовать себя в “большом мире”, но и других приобщить к нему. Каким образом? Я тебе хочу рассказать об одном парне – Аркадии Мухине.

Есть под Павлодаром такой небольшой городишко Ермак. Строят там крупный ферросплавный завод. Хотя и называют Ермак городом, но городского очень в нем пока мало. В распутицу грязь страшная. Ни порядочной столовой, ни магазинов нормальных. Короче, парню, который всегда жил в крупных городах – в Белгороде, в Харькове, где он кончал институт, – не очень легко. Я уже не говорю о том, что остроносые ботинки часто приходится менять на болотные сапоги, а вместо деликатесов – кабачковая икра. И представь себе, парень этот не только не стонет и не хандрит – он очень увлечен своей работой и чувствует себя здесь вполне хорошо.

Я не смею утверждать, что ему нравится бытовая неустроенность, но он понимает, что все это временные трудности, с которыми нельзя мириться, но которые можно и нужно пережить. Он уже видит завод, которого еще нет, он говорит о нем с очень добрым чувством, как о чем-то дорогом. И большая эта мечта – построить нужный людям завод – помогает ему без хныканья переносить трудности.

Работает он начальником проектной группы в производственном отделе. Казалось бы, работа бумажная, канцелярская. Но здесь это один из самых важных и живых участков стройки. Нужно переделывать проекты, «привязывать» их к местным условиям, поэтому постоянно приходится бывать на стройках, среди людей. А вечерами засиживается за проектами: то вычерчивает красивый козырек к зданию, чтобы как-то осовременить конструкцию, придумывает, как облегчить балкон жилого дома,

или изобретает легкие изящные балки для спортивной школы. Над проектом плоской крыши, применение которой дало огромную экономию, он работал с особенным увлечением.

Меня поразила огромная любовь Аркадия к жизни, способность всюду чувствовать полноту, красоту ее, активно вторгаться в нее. Я видела, с каким интересом разговаривал он о саде со стариком-сторожем Яковом Петровичем Кондрашовым. Наблюдала, как один из комсомольцев, Саша Беляков, приходил советоваться с ним по оформлению газеты “Молния”. Слышала, что Аркадий принимал участие в выпуске фотобюллетеня и в подготовке ко Дню строителя. После работы он всегда приходил на Иртыш поплавать, подышать свежим речным воздухом, а по воскресеньям вместе с товарищами по работе ездил на рыбалку. Никто никогда не слышал, чтобы Аркадий жаловался на скуку. Некогда ему скучать.

А что касается духовной жизни... Впрочем, я лучше опишу его квартиру: говорят, это лицо хозяина. Небольшая комнатка завалена книгами – тут строительные и экономические сборники, книги по философии и искусству. Кипа газет и журналов. Я с удовольствием просмотрела последние номера “Музыкальной жизни” и “Советской культуры”. На стуле – еще не собранный самодельный приемник. Старенький “ФЭД” с маркой макаренковской трудовой колонии имени Дзержинского пристроился на этажерке. Над кроватью карандашный рисунок с одной из скульптур Кановы (Аркадий к тому же неплохо рисует) и клочок бумаги с режимом дня. Если еще сказать, что на кровати лежала недочитанная поэма Лонгфелло, а в углу стоял проигрыватель, тебе примерно станет ясен круг духовных запросов этого юноши.

Самая большая страсть его – музыка. Узнала я об этом совершенно случайно. Увидев на столе небольшую продолговатую книжечку, вдруг обнаружила, что это каталог пластинок. Такая фонотека, которую собрал Аркадий, составила бы честь каждому любителю. Бетховен, Шуберт, Гершвин, Сен-Санс, Чайковский, Рахманинов – невозможно даже имена перечислить, не говоря

уже о произведениях. Несколько ящиков первоклассных пластинок!

Может быть, именно музыка сделала его мечтателем. Он с гордостью показывал мне прекрасную светлую школу, большие жилые дома. А как он о строителях, о людях своих отзывается, с каким уважением слушает опытных, много лет проработавших каменщиков, штукатуров. И знаешь, к нему, молодому, только что с институтской скамьи, относятся с почтением. Говорят: дельный, умный парень.

А вот для контраста другой пример. Ребята эти живут по соседству, в нескольких километрах от Ермака. Они строят крупнейшую в Союзе ГРЭС. Разговор происходил летом, в гостинице, где живут молодые специалисты.

– Скучно жить ни этом свете, господа, – скептически изрек один из парней и, зевнув, поднялся со скрипучего дивана.

– В комнатах клопы, в диванах клопы, клопиное царство какое-то, – бормотал он, уходя из “холла”, как именовали обитатели гостиницы эту комнату.

Ребята равнодушными, безучастными взглядами провожали его. Делать было нечего. Говорить не о чем. Анекдоты все рассказаны. Никаких происшествий не случилось.

И вдруг Борис О. (здесь его звали просто Боб) оживился:

– Кстати, о клопах. Вы знаете, что в одном кубическом метре 33 миллиона клопов?

– Точно! Мы высчитали. Полдня трудились, – живо поддержал его Юра М.

Уловив любопытство в глазах ребят, Борис выложил самое сенсационное:

– А всего в поселке 0,73 куба клопов.

После оживленного обмена мнениями о “клопиной проблеме” разговор затух, и снова ленивой бессмыслицей затуманились взоры. Я смотрела на этих молодых парней, людей с высшим образованием, год-два назад окончивших вузы, и было обидно за них, за то, что сделались обывателями, бесцветно живут, что у самих души пропахли клопами. Откуда взялось такое безразли-

чие к окружающим и самим себе, откуда эта мещанская леность у молодых специалистов ермаковской ГРЭС?

На бытовые условия они обижаться не могут. Дирекция отдала под жилье благоустроенную гостиницу. В поселке две столовые, несколько магазинов, прекрасный клуб. На работу жаловаться тоже не приходится – простор для творчества на этой грандиозной стройке огромный. Вывод один: ребята виноваты сами, омертвели, обленились. Когда я спросила, интересуются ли они искусством, живописью, к примеру, кто-то из ребят пренебрежительно усмехнулся:

– Вряд ли вы найдете здесь человека, который отличит Шишкина от Куинджи.

Как много теряют они в жизни, не получая великого духовного наслаждения от глубокой и прекрасной поэзии Элюара или Дарио, от дивной музыки Баха, Грига, незабываемой живописи Ренуара, Врубеля и Репина.

Ты, наверное, иронически улыбаешься:

– Эх, куда хватила, да где это в деревне найти Ренуара? Кто сыграет Грига?

Ну, о симфоническом оркестре и галерее, видимо, говорить рановато, хотя это вовсе не утопия, потому что на ГРЭС нашлись бы и средства, и силы для организации всего этого, но создать фонотеку, “малый” Эрмитаж или Третьяковку под силу каждому. Может быть, потому и равнодушны они, что считают себя здесь временными? Многие мечтают сбежать в какую-нибудь “тихую контору” крупного города, чтобы иметь возможность “прошвырнуться по Бродвею”, как они говорят. Может быть, потому, что считают себя “элитой” по сравнению с “работягами” – этим термином окрестили они простых рабочих, а себя в противовес, называют “мастерами”. Они считают ниже своего достоинства общаться с рабочими, не хотят участвовать в общих делах. Гордыня. Абсолютно не оправданная. А ведь люди на ГРЭС настоящие. Достойные уважения и дружбы. Насколько они богаче, красивее, выше хилых скептиков, “сверхчеловеков”, подобных Анатолию Е.! Наш разговор происходил в тот момент, когда он, наконец,

изыскал способ выбраться со стройки в какое-то тепленькое местечко.

– Скучно здесь. Не с кем поговорить. А я пофилософствовать люблю. Фрейд изучал. И ресторанов нет – вечерами сидим на завалинке, грызем семечки.

Я почти дословно передала слова Е. Даже из этого короткого и, очевидно, не до конца откровенного разговора видно потребительское, глубоко мещанское, трухлявое кредо этого воспитанника Новочеркасского института. Однобокое увлечение Фрейдом, иностранными языками и модными зарубежными журналами – оболочка, которая прикрывает примитивную и подленькую философию: работать поменьше, жить повеселее, для собственного узенького благополучия. Тараканья запечная философия. Постыдная и непростительная в наше время. Разве можно человека, подобного Е., ставить во главе рабочего коллектива? Не станут уважать такого руководителя. От этого, в первую очередь, будет страдать производство. А с другой стороны, поведение и образ мыслей подобного начальника пагубно отразятся на коллективе.

Было бы, конечно, совершенно несправедливо всех молодых инженеров ГРЭС приравнивать к Е. Многие из них с увлечением работают. Беда в том, что в свободное время они бездельничают, устраивают соревнования по твисту и говорят о клопах.

Даже о комсомольском вожаке, бывшем секретаре Владимире Ж., парторг стройки Михаил Петрович Попов сказал:

– Живет по принципу “от” и “до”.

...Что же говорить о рядовых членах комсомольской организации? Были благие порывы: читали лекции в клубе, построили танцплощадку, создали совет молодых специалистов, пробовали создать киностудию, однако ни одного дела не довели до конца. Забыли, что диплом – это не только право самостоятельно творить, дерзать, это еще и обязанность, и долг перед людьми жить содержательной полнокровной жизнью и уметь передать эту увлеченность друзьям-комсомольцам. Хорошо, когда есть, что отдать людям. А если сам пуст и сер, как горсть песка? Тогда должно быть стыдно за институтский ромбик. И еще хуже, когда

есть что сказать людям, чему их научить, и держишь свое богатство взаперти, как Плюшкин. А разве не плюшкинскую скаредность проявил тот же Е., признанный знаток английского языка, который не захотел вести кружок? И разве найдется оправдание комсомольцу Д., который за свою работу с самодеятельным оркестром запросил деньги? Видимо, забыл сей молодой человек, что государство учило его много лет бесплатно, да еще выдавало ему стипендию.

Безусловно, существуют некоторые объективные обстоятельства, которые способствуют скептицизму молодых инженеров ГРЭС (консерватизм и неумение работать с людьми руководителей стройки, например, которые, конечно, за подрастающую смену несут ответственность), но я специально обхожу этот вопрос, ибо твердо убеждена, что такая армия молодых специалистов, которая работает на ГРЭС, может преодолеть любые трудности и препятствия. Были бы желание и настоящая комсомольская совесть. Совесть, которая не даст опозлать, принизить почетное имя: выпускник советского вуза.

Сравни судьбы, о которых я здесь написала, и постарайся правильно выбрать себе путь. Ведь диплом не старт, а финиш. И ты должен придти к нему с честным лицом, победителем, а не слабым ноющим нытиком».

«Целинный край», 1993 г.

Нельзя топтать цветы

Белая сирень. Прекрасные канны. Гордые гиацинты. Нежные цикламены. Зеркальная гладь бассейна. Дорожка из плиток средне желтого песка. Где это? На юге? В Сочинском дендрарии?

Нет. За окном буран, зима. А прекрасный цветущий уголок соорудили во Дворце целинников любители цветоводства. Это первое детище Целиноградского дендросада. Цветы – более пятисот – кочевали в далекий степной город из Риги, Москвы. Их внесли в поезд московские школьники, их встречали, укутывали,

словно малых ребят, одеялами и переносили на руках комсомольцы институтов «Целинпроект», «Целингипросельхоз». Несколько дней и ночей оформляли эту выставку молодые друзья дендросада. Ванну для бассейна сделали на заводе «Металлист», песок привезли из Рудного.

Сил положено много. Но зато целиноградцы были обрадованы приятным сюрпризом. Делегаты краевой комсомольской конференции увезли с собой горячий призыв целиноградцев – всюду посадить цветы и сады.

Но замечательному, благородному порыву молодежи, которая так активно взялась за создание дендросада, пока не суждено развиваться. Прекрасное дело хотят обюрократить, передать в чужие холодные руки. Проект дендросада поручили разработать одному из институтов Алма-Аты, совершенно сбросив со счета все, сделанное инициативной группой.

Идея создать дендросад-выставку зародилась у Нины Емельяновны Криштопы осенью 1962 года. Она была тогда председателем Общества охраны природы и, как никто другой, видела, до чего скуден зеленый наряд Целинограда.

В горисполкоме одобрили эту идею, но юридическое оформление тянулось неоправданно долго: почти пять месяцев. Пока рассуждали о том, как это лучше сделать, какой участок отвести под дендросад, время шло, приближалась пора осенних посадок, нельзя терять ни минуты – нужен проект. Н. Е. Криштопа обратилась к архитекторам института «Целинпроект» с просьбой сделать проект на общественных началах. Рассказала, что должно быть в парке, что нужно Целинограду.

Надя Королева, Неля Кирсанова, Галя Шихалева и другие выпускники Московского архитектурного института горячо взялись за разработку проекта. Три месяца – каждая суббота, каждое воскресенье, порой ночи напролет были отданы проекту. Пришлось заново изучать особенности зеленого строительства и архитектуры. Перелистали десятки книг, пересмотрели сотни фотографий, планов, эскизов. Поехали на консультацию в Московский ботанический сад, побывали в Павловском парке, одна

из частей которого, созданная архитектором Гонзаго, – прекрасный образец ландшафтного стиля.

Искали самое интересное, самое красивое решение. Около шестидесяти эскизов сделали архитекторы, пока, наконец, выбрали самый лучший. Здесь были и тюльпановая поляна, и ромашковый луг, и бассейны с лилиями, и альпинарий.

Наконец, было подписано решение об образовании дендросада. Нина Емельяновна Криштопа стала его директором. Кажется, нет больше преград. Можно заказать проект молодым архитекторам Целинограда, которые так самоотверженно работали над ним. Но не тут-то было. Консерваторам из горкомхоза и горзеленхоза, в тогу которых, как ни странно, нарядились главные инженеры В. Понеделко и А. Нестеренко (ныне уволенный), очень не хотелось брать на себя лишние хлопоты. И они с самого начала вставляли «спицы в колесницу». Привыкнув жить и работать по старинке, они не могли понять, почему это вдруг молодые энтузиасты взялись бесплатно (!) за такое большое, трудное дело.

И вот что получилось с проектом. Главный козырь Понеделко и Нестеренко: парковую зону Целинограда, в которую входит дендросад, делает алма-атинский институт «Казгипрокоммунстрой». Снова совещание в горсовете вместе с представителями алма-атинского института, снова необоснованные прямые возражения противников дендросада. И снова, в который раз, инициативная группа защищает свое детище. Говорит Надя Королева:

– Целинограду дендросад, выставка нужны как воздух, причем в ближайшее время, иначе мы не сумеем в короткий срок озеленить город. Что касается проекта алмаатинцев, мы не собираемся его нарушать. Наш дендросад займет всего двадцать пять гектаров – мизерную часть парка. И мы не видим причин, которые помешали бы генеральному проектировщику дать нам заказ на рабочие чертежи этой части парка. Тем более что первую часть мы уже сделали и хорошо знаем, в каком направлении нужно работать дальше.

Аргументы неопровержимы, и даже алмаатинцы согласились, что это самый разумный выход. Тут же было решено, что горкомхоз направит в Алма-Ату письмо с просьбой дать заказ на рабочие чертежи институту «Целинпроект».

Казалось, можно вздохнуть свободно. Инициативная группа приступила к закладке сада. Организовали несколько воскресников, на которые пришли сотни молодых целиноградцев. Они высадили ветрозащитную полосу, вспахали участок, заказали семена, саженцы, необходимую литературу, приобрели садовый инвентарь, устроили прекрасную зимнюю выставку.

Шло время, а заказ на рабочие чертежи генподрядчик так и не слал. Дирекция дендросада вновь обратилась в горисполком с просьбой разрешить ей заключить договор с «Целинпроектом». Такое решение было получено, договор подписан, перечислены деньги.

– Теперь можете вплотную приняться за проект, – обрадовала Н. Е. Криштопа авторов проекта и со спокойной душой уехала в командировку за саженцами.

А недоброжелатели словно только и ждали этого момента. Пока директор был в отлучке, они снова передали проект алмаатинскому институту. На сей раз выдвинули весьма нелепую причину – будто бы целиноградцы срывают сроки сдачи проекта. Но ведь с момента подписания договора минула всего неделя, тогда как «Казгипрокоммунстрой» уже трижды срывал сроки. Печален итог: проект, которому молодые архитекторы отдали столько сил, энергии, фантазии, не увидел света. Задание получили посторонние люди. Замечательная инициатива осталась без поддержки, энтузиазму подрезали крылья.

Правда, энтузиастов дендросада поддерживали в горкоме партии и горисполкоме. Но и они не сумели до конца отстоять подшефных. Не потому ли сейчас нет проекта, не открыто финансирование на 1964 год? А медлить с этим нельзя ни минуты – весна не ждет.

Дендросаду нужна постоянная, доброжелательная помощь всех общественных организаций, всех целиноградцев. Ведь это

первый в стране опыт организации сада, треть всех работ (а это экономит 45 тысяч) будет производиться во внерабочее время силами общественности, причем не от случая к случаю, а регулярно. Каким запасом душевной бодрости, душевной щедрости и красоты должны обладать люди, которые, отработав день, будут дотемна еще сажать деревья, ухаживать за цветами. Нельзя допустить, чтобы сотрудники дендросада и члены инициативной группы опустили руки.

А ведь то, что задумали инициаторы дендросада, это уже не ростки, а цветы нового, что рождается сейчас в нашем обществе.

Право на проект, право довести до конца благородное дело должно быть возвращено молодым целиноградцам.

«Целинный край», 1963 г.

Сады

Это целый городок. Дачный Целиноград. Тянется он вдоль Ишима километров на десять. Зеленый, расчерченный квадратами участков, пояс коллективных садов. Здесь свои микроулицы с маленькими домиками, своя трудовая жизнь. Днем городок тих, задумчив, только отпускники да пенсионеры здесь. А вечером почти четвертая часть целиноградцев переливается из шумного жаркого города сюда, к тени деревьев, к освежающим струям реки.

Ехали мы дорогой тряской и утомительной, ехали минут двадцать. Сады «Казахсельмаша» находятся почти в конце этой дачной полосы. Слева от остановки участки-первогодки. Они еще голы, черны. Только орнамент из труб оживляет их, да кое-где начинают строить домики. Хозяевам этих участков нынче придется много поработать. Земли здесь не очень щедрые, забот потребуют. Но это только в первые годы, потом они отдадут человеку за труд сторицей. Маловеров убедит в этом опыт их товарищей по работе. Те сады, что заложены в 1963 году, сейчас уже стоят пышной шапкой над Ишимом.

Иду зеленой улочкой мимо домишек с верандами. Голубые, зеленые, желтые, они очень приятно смотрятся на свежей зелени. Около многих домиков машины или мотоциклы. Сад председателя правления Петра Ивановича Степанова в самом конце улицы. Но до своего сада у него руки не доходят. Жена Надя махнула рукой в сторону реки:

– Наверное, у насосов.

Петр Иванович действительно был там. Стоял около новенького оранжевого, как солнышко, трактора и о чем-то горячо спорил с механиком. Степанов – столяр, но летом его освобождают от работы на заводе, и он получает зарплату в товариществе. В его хозяйстве 350 членов кооператива, два насоса, поливальная установка, механик, два сторожа, кассир и бухгалтер. Есть у казахсельмашевцев и свой агроном на общественных началах, пенсионер Вениамин Антонович Лавров. Он проработал 15 лет председателем колхоза имени Советской конституции. Вырастил сад на 25 гектарах. Оттуда и опыт агронома у него. В уютной хатенке с деревянной мебелью, сработанной самим хозяином, хорошая библиотека по садоводству. Тут же на стенке висит маленький транзистор.

– Когда на пенсию уходил, подарили сослуживцы. Не скучай, дескать, на отдыхе. А какая тут скука? Чувствую себя здоровым и бодрым. Часто живу здесь по нескольку дней.

Лавров познакомил меня со своими соседями по садам. Слесарь Анатолий Орестович Олту вместе с женой Раисой Степановной и сыновьями ездят сюда на собственной машине. Сам работает в саду, жена готовит на железной печке ужин, а мальчишки пошли на реку. Вернулись довольные, таща в ведерке малюсенькую рыбку. Потом взяли игрушечные леечки и пошли помогать отцу. Раиса Степановна не нарадуется хорошему аппетиту детей и здоровью. Бегают голяком целый день, но ни разу не болели. А прежде, пока в сад их не возили, постоянно по больницам таскала.

О прекрасном, благотворнейшем влиянии тесного союза людей с природой убеждалась я на каждом шагу, пройдя пешком всю полосу от садов «Казахсельмаша» до великолепных садов

насосного завода. Видела веселых загоревших ребятишек, студентов, штурмующих премудрости физики и медицины в тени яблонь, стариков, посвежевших и бодрых, избавившихся благодаря саду от скуки, безделья и вечных недугов. Видела, как парень бережно нес букет цветов из своего сада любимой девушке.

А старики Рыбины рассказали мне, что теперь их дети – двое из Москвы, одна из Свердловска – каждый год приезжают в отпуск к родителям.

– Когда сада не было, тоже бывали, но редко. Ехали на курорты. А сейчас в саду лучше всяких курортов. Река рядом, фруктов хватает. И нам, старикам, радость, – говорит Лидия Владимировна.

Муж ее Степан Степанович – председатель товарищества пенсионеров. На веранде, где рабочий стол, висит почетная грамота за развитие коллективного садоводства. Сад у Рыбиных, как оранжерея в научно-исследовательском институте. Помидоры такие высокие, каких я не видела ни в одном другом саду, спрятаны под целлофановые колпаки и уже скоро зацветут.

Но самые великолепные сады, конечно, у работников насосного завода. Многометровые пышные яблони образуют надежную крышу от палящих лучей. В саду спокойно, прохладно, журчит вода в арыках, поют соловьи. В трех шагах ленивый камышастый Ишим.

Заведующая химической лабораторией завода Галина Ивановна Решетникова, ее муж, работник облоно, Александр Петрович показали мне свой сад: уголок ягодников и плантации клубники, клумбы с цветами и грядки овощей. Александр Петрович посадил для опыта черноплодную рябину – говорят, хорошо помогает от гипертонии.

Пятнадцать лет назад, когда пришли первые энтузиасты, здесь был пустырь, обглоданный суховеем. С этого участка пошли шагать по Ишиму сады. Степь под Целиноградом становится живой и зеленой. Сады укрощают злые ветры.

В 1963 году было организовано 6 товариществ. Но особенно большая тяга к садам в последние два года. 11 тысяч участков за-

нято сейчас под коллективные сады. 45 тысяч человек, то есть четвертая часть горожан, пользуются незаменимыми дарами природы. И это не только прекрасный отдых, здоровье, отличное самочувствие.

Сады имеют и большое практическое значение – они помогают городу решить очень трудную проблему обеспечения целиноградцев овощами и фруктами. В 61 коллективном хозяйстве сейчас посажено более 95 тысяч плодовых деревьев, почти 23 тысячи ягодных кустарников, около 74 тысяч квадратных метров клубники. Под овощами и картофелем занято 224 гектара. Сады сельхозинститута и мехколхозы-56, «Казахсельмаша», насосного завода, пенсионеров, ВРЗ, ЖБК, стройтреста № 1 и облспортсоюза, где около двух тысяч участков, уже плодоносят, и в этом году дадут около 1 600 тонн садовой продукции. Клубники будет собрано тонн тридцать. И цифры эти будут год от года расти.

Чтобы выяснить отношение людей к коллективному садоводству, мы составили небольшую анкетку и распространили ее среди садоводов. Был там, в частности, и вопрос об урожайности. Те, у кого сады еще молодые, сообщили, что обеспечивают себя овощами. А четырехлетние сады дают уже достаточное количество и фруктов. Почти все казахсельмашевцы, например, написали, что овощи и фрукты им покупать не приходилось, а были даже излишки.

Для примера возьмем данные урожайности на участке парторга завода Геннадия Васильевича Соколова. В прошлом году он собрал 13 мешков картошки, 10 ведер ранеток, 3 ведра яблок, 10 ведер клубники, ведро слив, ведро вишни, два ведра смородины, ведро малины, 20 ведер огурцов, 40 ведер помидоров, мешок арбузов, мешок моркови, 400 килограммов капусты. Примерно такие же урожаи и в других садах.

Все, кто заполнил анкеты, убежденно написали о том, что они здесь прекрасно отдыхают, укрепляют здоровье, что работа в саду улучшает настроение. Дамский мастер фабрики индпошива Маргарита Христиановна Цайзер написала кроме всего: для детей очень полезен свежий воздух. А Вениамин Антонович Лав-

ров считает, что сад воспитывает у детей привычку к труду, возвращает молодых людей от хулиганства и пьянства.

Председатель горисполкома Валентин Евгеньевич Великанов, тоже владеец дачного участка, добавил к этому, что сады очень важный фактор для сокращения текучести кадров. Люди закрепляются на одном месте, не бегают с работы на работу, из города в город.

Да, коллективное садоводство – дело полезное, выгодное во всех отношениях. Но, к сожалению, несмотря на большую работу горисполкома по пропаганде и организации садоводства, все еще не решены многие очень важные вопросы.

В графу анкеты «Ваши предложения по улучшению коллективного садоводства» почти все казахсельмашевцы записали: сделать хорошую дорогу, потому что та, которая есть, после малейшего дождика становится непроезжей. Очень трудно садоводам добираться до дач, вечером автобусов не хватает. Садоводы предлагают увеличить в это время количество машин и сделать сквозной рейс от Дворца железнодорожников по улице Октябрьской с остановкой у «Казахсельмаша». Пересадки в микрорайоне отнимают много сил, времени, нервов и денег.

– Посудите сами, – доказывают садоводы, – если семья из 4 человек едет каждый вечер в сад, она должна ежедневно выложить 1 рубль 20 копеек. В неделю это набегает до 8 рублей, а в месяц около тридцати.

А пенсионерам, сады которых ближе к городу, приходится еще труднее: до них автобус, который возвращается в Целиноград, доходит до такой степени переполненным, что даже не останавливается. Легко ли старикам, дослужившимся до пенсии, подолгу ждать автобуса, порой под солнцем, или идти несколько километров пешком? Некоторые изобрели такой способ – садятся на автобус, идущий в другую сторону, делают кольцо, но это вдвое дороже. Пенсионеры просят, чтобы один автобус курсировал до их остановки.

Многочисленные просьбы к горсовету и автопарку пока не помогли. Вечерами, как сообщил директор автопарка тов. Ши-

манский, курсируют 4 автобуса, в субботу – 5, в воскресенье – 6. Если поток пассажиров увеличивается, диспетчер автотреста обязан снимать машины с линии и переводить на маршрут коллективных садов. Такая необходимость в эти летние дни появляется буквально каждый день. Не лучше ли пускать постоянно больше автобусов, а вот уж если окажутся лишние, пусть диспетчер снимает их с линии. Это будет гораздо разумнее. Удивляет нераспорядительность руководителей автотреста – ведь это было бы ему очень выгодно, потому что дало бы большую выручку. Я уж не говорю о том, что было бы спасено много времени и здоровья людям.

Но вернемся к предложениям садоводов. В. А. Лавров считает необходимым иметь для садов штатную должность ученого агронома, который мог бы в любое время дать консультацию, рекомендовать нужные сорта, научить основам садоводства. Кроме того, необходимо организовать агротехническую службу борьбы с вредителями, потому что самодеятельность в этом деле опасна, да и химикаты достать трудно. Работники же станции защиты растений за обработку каждого куста берут по 40 копеек, а если на участке до 200 кустов, это обойдется в огромную сумму 80 рублей.

Токарь завода «Казахсельмаш» Виктор Григорьевич Садовников, столяр Фаим Абубакиров, конструктор Ирина Владимировна Метлина и многие другие высказали пожелание горзеленхозу лучше обеспечивать садоводов хорошими сортами фруктовых деревьев и ягодников.

Александр Александрович Филиппий, электрослесарь ремонтно-проектной базы и председатель товарищества, озабочен тем, как раздобыть материалы для домиков, и предлагает продавать их и кредит. В самом деле, проблема строительства летних домиков одна из самых сложных проблем. Вы увидите здесь дома из кирпича и шлаколитые, из досок и реек, из железнодорожных шпал и деревоплит. И все это, конечно, не из любви к изобретательству, а потому, что в городе не нашлось умного хозяина, который наладил бы производство садовых домиков, организовал

бы бригаду по установке их. Этим мог бы заняться быткомбинат, лесоторговый склад, строительные организации, мебельная фабрика.

Очень важный вопрос ставили садоводы об организации палаток, где можно было бы купить свежее молоко, хлеб, консервы и другие продукты. Ведь скоро все предприятия Целинограда перейдут на пятидневную неделю, и люди будут приезжать на дачи с ночевкой на два дня – их нужно обеспечить питанием. Горисполком дал указание директору пищеторга тов. Давыдовой открыть три ларька, но оно до сих пор не выполнено.

Пора уже торгующим организациям города подумать и о том, как организовать прием излишней продукции садов, чтобы реализовать ее горожанам. Анкетный опрос показал, что излишки продукции раздаются родным и соседям, а часть их просто пропадает. Михаил Павлович Крылов, директор завода «Казахсельмаш», тоже заядлый садовод, показал мне большую кучу прекрасного зеленого лука:

– Вот смотрите, выбрасываем на свалку. А куда его деть?

Опять приходится напоминать некоторым недальновидным работникам, что организуй они своевременную и регулярную приемку овощей и фруктов, они сделали бы большое дело не только для садоводов, но и для целиноградцев, которые вынуждены покупать овощи и фрукты на рынке – ведь наш город всегда страдает от их недостатка. Дешевле продавать дары местных садов, чем везти за тридевять земель из других республик.

И в заключение о заботах товарищества ветеранов войны. Они просят, чтобы горсовет помог им прочистить речку. Но это, пожалуй, единственная просьба, потому что все остальные проблемы они решили сами. Товарищество это особое. Расположено оно по Кургальджинскому тракту, существует второй год. Здесь образцовый порядок. Президиум совета ветеранов во главе с Александром Иосифовичем Поташниковым и правление товарищества, председателем которого избран Константин Дмитриевич Сергеев, сумели решить проблему транспорта: у товарищества есть свой автобус, который ходит от сельхозинститута

и курсирует с 3 до 10 часов вечера. Садоводы не заботятся о том, где и как достать материалы для строительства домиков. Они сдают деньги в товарищество, которое закупает списанные доски, кирпич, другие строительные материалы. Специальная бригада ставит деревянные домики, обложенные кирпичом. Стоит такое сооружение вместе с верандой недорого – 335 рублей. Несколько десятков домиков уже заложено.

Много интересного может рассказать вам Александр Иосифович Поташников. И о том, что здесь есть свой медпункт, что излишки продукции ветераны будут отдавать детским садам, что малейшее проявление эгоизма или нечестности членами товарищества обсуждается публично. Один товарищ воспользовался служебным положением и привез за бесценок несколько кубометров досок для своего домика. Но такое ЧП было пока единственным и вряд ли повторится после того сурового осуждения, которое встретило в рядах ветеранов. А еще здесь вам назовут самых прилежных садоводов: Александру Александровну Купа, участников гражданской войны Ивана Семеновича Бутина, Сергея Алексеевича Ряпкова, Николая Васильевича Храбрых. А про Афанасия Сергеевича Воронова с доброй улыбкой скажут:

– Совсем плох был, пока сад не посадил. Теперь на велосипеде из города и обратно ездит, а на хворь не жалуется.

Такова исцеляющая сила садов. К 1970 году их будет 25 тысяч.

«Целиноградская правда», 2 июля 1967 г.

Где вы, Прометей красоты?

В рыночной толчее, возле торговки луком и семечками стоит молоденькая девушка с безучастным грустным взглядом. Около нее на прилавке стеклянный шар, в котором плавают лебеди и экзотические яркие цветы.

– Почем продаешь, красавица? – слышит девушка шепелявый голос.

Поспешно отвечает:

– Полтора рубля.

– А как это делается, не скажешь? – не унимается шепелявый.

– Из лампочки, вот как.

Ее заставила пойти на рынок мать, это она производит на свет «стеклянные пруды». А рядом с девушкой другие завсегдатаи толкучки, которые сделали своим ремеслом продажу пузатеньких ангелочков и кошечек, раззолоченных рамок для фотографий с пышногрудыми красавицами вместо орнамента, ковриков с белыми лебедями, символом мещанского счастья.

Кто пустил их сюда? Кто позволил разносить в народе эту подсиропленную пошлость? Оказывается, единственным судьей и законодателем художественных вкусов на Целиноградском рынке стал... горфинотдел. Я не хочу обидеть сотрудников финотдела, несомненно, среди них есть люди с хорошим вкусом, но я глубоко убеждена, что единственным и абсолютным ценителем любых художественных изделий должен быть художественный совет, который имел бы полное и безоговорочное право говорить «нет» халтуре, в каком бы виде она ни появлялась на свет: в виде кошечек-копилочек или аляповатых плакатов на улицах, в нелепой раскраске домов или безвкусно оформленных витринах магазинов.

Художественные советы есть во всех крупных городах и приносят неоценимую пользу. А в Целинограде до сих пор нет такого совета. Почему? Неизвестно. Может быть, нет людей, которые могли бы взять это дело в свои руки? Есть. В городе около десяти дипломированных художников, есть отделение Союза художников, есть скульпторы, и архитекторы. Нет только ни у городского отдела культуры, ни у горкома партии желания сдвинуть это дело с мертвой точки. А работы художественному совету в Целинограде много, очень много.

Он дыбится, светлеет наш юный город. Появляются современные красивые дома. А рядом... Каждый день сотни целиноградцев бывают у кинотеатра «Октябрь» и каждый день «любуются шедевром» художнического творчества на его фасаде. При-

митивно исполненное панно – образец дурного вкуса. Однажды его сняли, но ненадолго, после ремонта торжественно водворили на прежнее место.

Много лет мозолит глаза своей первозданной бездарностью плакат у школы имени Кирова «Первый раз в первый класс». Медленно, но верно внедряется он в сознание малышей, но не как эталон дурного, а как пример хорошего. Попробуй после такой упорной каждодневной агитации внушить детям понятие о настоящем искусстве. Нет, не безобидные это плакатики, а вредные, отравляющие, калечащие вкус людей.

Наверное, руководители завода Казахсельмаш вполне удовлетворены изопroduкцией, которая украшает вход на завод. И никто им не скажет, что эти плакаты аляповато, серо и обветшало выглядят, что они позорят марку хорошего завода и оскорбляют людей, которые живут в общежитии.

А глиняные парковые дамы с младенцами, а унылые витрины магазинов, осчастливленные «талантливой рукой» залетных халтурщиков, а угрожающее количество железных листов на улицах, топорно предупреждающих о том, как опасно шутить с огнем или прыгать под автобус, разве не оскорбляют достоинство любого целиноградца?

Внешний вид города воспитывает. Если все в нем гармонично, красиво, жители города постепенно приучаются к самым высоким эстетическим критериям относиться к тому, что окружает их в жизни. А дурной пример тоже заразителен. Я побывала как-то в седьмом общежитии треста «Целинограджилстрой». Живут там хорошие девчонки – каменщики, штукатуры, маляры. В головах у девчонок молодой веселый ералаш. Они только что вышли в самостоятельную жизнь, а разобраться, что хорошо, что плохо, пока еще не могут. Не умеют. Их бы только лепить сейчас, приучать понимать и ценить прекрасное. А их этому не только никто не учит, но, наоборот, всеми средствами портят вкус у девчонок. Ведь именно здесь, в Целинограде, приобрели они за рублевку на базаре искаженное изображение «Моны Лизы» и репинской картины «Иван Грозный убивает своего сына». И не

понимают строители, что эти безобразные копии – издевательство над искусством. Да откуда им это понимать, если каждое утро они отправляются на работу и раскрашивают стены домов, которые строят, накатом в цветочек или с удовольствием кладут на стены трафареты, изображающие пышнобокие яблоки. И результат: взаимное дурное влияние – строители делают неэстетичные дома, воспитывая невысокий вкус у будущих жильцов или доставляя им массу неприятных ощущений, а дома, построенные таким образом, обедняют самих строителей.

Самая культурная строительная организация в городе «Целинтрансстрой». На ее счету немало отлично выполненных зданий, в том числе Дворец целинников. Но чувство красоты, чувство строительной эстетики нередко подводит и руководителей этого треста. Простой пример: с улицы Мира хорошо видно здание новой машиносчетной станции, построенной по проекту архитектора института «Целинпроект» Надежды Королевой. Проект интересный, хорошо вписывается в городскую застройку. Но выглядит сейчас это здание безликим и неинтересным. Светлое пятно на белом экране домов. Было бы оно теплого терракотового цвета и сразу заиграло бы, ожило, расцветило и украсило этот уголок города. А вот, поди ж ты! Несмотря на неоднократные просьбы архитектора изменить цвет наружной отделки, начальник СМП-24 тов. Тюменев самовольно продолжал работы, прикрываясь первоначальным проектом, в котором было указано: покрыть станцию белой штукатуркой. Вина архитектора очевидна, хотя три года назад, когда был сдан проект, она не могла предвидеть, что окружающие здание строения будут именно белого цвета. А у Тюменева одна цель: поскорее закончить строительство, не затрудняя себя поисками материалов, не обращая внимания на то, как будет выглядеть здание. У него был в достаточном количестве зеленоватый цемент, и он приказал покрывать стены этим цементом. Приказал, хотя имел на руках официальное запрещение от городского архитектора тов. Нурмагамбетова. Кстати, очень мягкотелым, непоследовательным оказался в этом вопросе и городской архитектор.

Художественный совет должен быть и воспитателем, и грозой, если хотите. Чтобы не своевольничали в городе, который принадлежит всем, чтобы уважали мнение специалистов. Люди уже не хотят довольствоваться только крышей над головой. Они научились понимать эстетику. А тому, кто не научился, надо помочь найти ее во всем, что нас окружает, надо ее создавать.

Создавать. До сих пор мы говорили о том, с чем надо бороться. Но если не давать ничего взамен, борьба эта мало будет стоить. Выбивая почву из-под ног халтурщиков, мы должны дать людям понятие о настоящем искусстве. Путь много, пути разные.

Организовало отделение Союза художников университет культуры по изобразительному искусству при краевой библиотеке. Дело хорошее, интересное, ценное. А что из этого вышло? На занятия университета, которые проходили очень нерегулярно, собирались в основном работники библиотеки. А вот те, которым очень необходимы эти беседы, никогда здесь не бывали. Девчонкам-строителям, рабочим завода Казахсельмаш, студентам техникумов и институтов – вот кому особенно нужно умное, доходчивое слово об искусстве.

А побывай устроители этого университета в общежитиях и аудиториях, сумей заинтересовать людей, – они бы сделали большое и благородное дело. А разве не могли бы художники, проектировщики, которых в городе, кстати сказать, огромная армия, взять шефство над рабочими общежитиями? Стать добрыми друзьями строителей, которые воплощают в жизнь их проекты и должны быть одушевлены идеей прекрасного. Неужели обременительно раз-два в месяц побывать в рабочих общежитиях, рассказать об интересной выставке, показать альбом известного художника, посоветовать, как просто и со вкусом оформить комнату? Мы много говорим о воспитании гармоничного, умного, понимающего искусство человека и, к сожалению, очень мало практически для этого делаем.

И особый счет – к творческой интеллигенции города. Она должна, обязана, нести культуру, знания, понятие о высоком и красивом тем людям, которые волею обстоятельств не сумели по-

пасть в институты, не сумели приобщиться к музеям и концертам, не видели красивых городов.

Создали было при краевом драмтеатре клуб творческой молодежи. Даже эмблему придумали. Несколько раз собирались на интересные вечера, слушали музыку или обсуждали работы художников. Но нежизнеспособным оказалось это тепличное дитя. И не только потому, что не нашлось у него крепкого руководителя, но и потому, что творческая молодежь «варилась в собственном соку». А ведь вначале горели в речах грандиозные планы:

- Давайте свой кукольный театр сделаем.
- Пусть художники организуют студию.

Словесным энтузиазмом и красивыми словами ничего не сделаешь. Нужна постоянная, кропотливая, целенаправленная работа. Такая, какую ведет учительница железнодорожной школы Наташа Капустина, ее муж, преподаватель педагогического института Наум Шафер. Это настоящие подвижники искусства. Их библиотека и фонотека насчитывают десятки тысяч томов и пластинок. И все это не лежит мертвым грузом – все это для тех, кто бывает на занятиях университета изобразительных искусств при Дворце культуры железнодорожников (его ректор Н. Капустина), для тех, кто стал постоянным слушателем и участником кружков музыки и поэзии (их ведут со студентами братья Шаферы). Искры красоты, таланта, высокую культуру понесут их студенты, будущие преподаватели, и своим ученикам. Эта эстафета, как прометеев огонь, будет расти и шириться, освещая благодатным светом всех, кто прикоснется к ней.

Но воспитывать понятие о прекрасном нужно не только словами, лекциями. Надо обязательно дать людям возможность видеть настоящее искусство вокруг себя в городе (гармоничные архитектурные ансамбли, хорошую мозаику, фрески, скульптуры) и в своем доме. Вместо аляповатых копий и ковриков с лебедями мы должны предложить целиноградцам настоящие самобытные художественные произведения, оригинальные эстампы, красивую керамику. Кстати и то, и другое, и третье есть у художников и скульпторов города, но они не имеют возможности предста-

вить это для продажи, потому что в городе до сих пор нет художественного салона. Найти уютное светлое помещение для этой цели необходимо, и чем скорее, тем лучше. Хорошо было бы выделить уголок для салона в выставочном зале, который тоже, как воздух, нужен городу.

Целиноградцам необходимы художественный совет, салон и выставочный зал! Пусть об этом, наконец, задумаются и позаботятся в краевом управлении культуры, городском отделе культуры, горкомах партии и комсомола, горисполкоме и художественном фонде. Пусть работники этих организаций загорятся великой благородной задачей – сделать жизнь целинников красивой, наполненной настоящей высокой эстетикой!

«Целинный край», 11 августа 1965 г.

Искусство или коммерция

С раннего утра стекаются к кинотеатру «Октябрь» люди. Занимают очередь у кассового окошечка, устраиваются поудобнее и ждут. Ждут, словно приятного сюрприза, билета на фильм «Три мушкетера». Вот уже несколько дней идет эта кинокартина, и несколько дней не иссякает очередь у кассы. И днем, и вечером директору кинотеатра Ольге Михайловне Буравлевой нет покоя. Заходят знакомые и незнакомые. Умоляют «оставить билетик». Приносят заявки. Самая последняя на тридцатое августа. Просят принять заявку начальник областного управления культуры тов. Маевский, директор школы руководящих работников совхозов тов. Тарасюк, председатели местного комитета облсовпрофа тов. Максюков и краевого совета профсоюзов тов. Коломенский.

Просьба работников крайкниготорга надежно скреплена подписью заместителя начальника краевого управления культуры А. В. Андреевой, а на заявке строителей панорамного кинотеатра резолюция директора кинотеатра тов. Шкляева. Но самая большая заявка с завода Сельмаш, подписанная председателя

завкома тов. Сударевым и секретарем комсомольской организации тов. Рябинченко. Они закупили на 26 июля весь кинотеатр: 340 мест!

Удивительная оперативность. Чем вызван этот ажиотаж? Может быть, фильм действительно так хорош? Может быть, это крупная удача итальянских и французских кинематографистов, которые его поставили? Ничуть. Этот фильм – как красивая золотая хлопущка, нарядный, но пустой. Три с половиной часа авторы фильма угощают зрелищем бесконечных дуэлей и драк, весьма небогатых по набору ситуаций и трюков: традиционные пинки и прыжки, комические падения в воду и каскады рапирных атак. Эти весьма экспрессивные кадры перемежаются стремительными скачками и погонями, демонстрацией красивых придворных туалетов и хорошеньких женщин. Человечная, умная канва романа Дюма о дружбе четырех друзей растворилась в пустеньких, легких кадрах, где главный упор делается на внешнюю занимательность и эффектность. Отдельные актерские удачи и выразительно сделанные психологические сцены не спасают положения. Фильм пустой и бездумный.

Почему же многие стремятся на него попасть? Потому что не все еще умеют отличить красивую безделушку от подлинного искусства. И виноваты в этом... виноваты многие. Те же самые руководители предприятий, секретари партийных и комсомольских организаций, председатели местных комитетов, которые вместо настоящей работы по воспитанию хорошего вкуса на лучших образцах киноискусства сознательно поощряют интерес к заведомо слабому фильму. Ведь коллективное посещение кино – эффективное и серьезное средство пропаганды фильма. И поэтому принято давать заявки на хорошие фильмы. У нас плохо поставлена пропаганда настоящего искусства, нет живой и интересной рекламы фильма. За весь год дирекция кинотеатра «Октябрь», например, провела всего-навсего одну зрительскую конференцию по фильму «Коллеги» в железнодорожном техникуме... Работники управлений культуры, краевой библиотеки, отделов кинофикации почему-то не считают нужным заниматься пропагандой

фильмов. Так, по вине бывшей заведующей краевой библиотеки тов. Поповой было сорвано обсуждение фильма «Заря». Была попытка создать клуб кинолюбителей (он заявил о себе довольно громко, устроив в сельхозинституте зрительскую конференцию по фильму «Люди и звери»). Но, ярко вспыхнув, фейерверк погас. А этот клуб мог принести большую пользу: он имел бы своих полпредов на предприятиях и в вузах, в школах и техникумах. И там можно было бы развернуть живую, интересную работу.

Немаловажен другой факт – рекламирование фильмов. В нашем городе оно поставлено крайне плохо. На окраинах нет рекламных щитов и афиш, да и в центре их недостаточно. Весьма действенные и апробированные формы рекламы – анонсирование перед сеансом, выступление с краткой аннотацией фильма – почему-то у нас не практикуются. В качестве кинорецензентов могли бы выступать работники культуры, журналисты, библиотекари, кинолюбители. В управлении культуры, в отделе кинофикации проводятся общественные просмотры фильмов перед тем, как выпустить их на экраны. А какую практическую пользу приносят такие просмотры? Никакой.

Еще об одном хочется сказать: почему бы в Целинограде, по примеру других городов, не выпускать кинобюллетень, в котором сообщалось бы о новых фильмах недели, давались бы рецензии на них, печатались кадры из фильмов. Правда, опыт издания кинорепертуара был. Несколько десятков экземпляров такого кинолистка разошлись молниеносно. Нужно сделать выпуск их регулярным и многотиражным.

А видели вы хотя бы в одном кинотеатре витрину с последним номером журнала «Советский экран» или киноприложением «Советской культуры»? Нет. А почему? Ведь это было бы отличным ориентиром нашим зрителям, которые могли познакомиться с рецензиями на фильм. По непонятной причине очень редко бывают журналы «Искусство кино» и «Советский экран» в свободной продаже.

В заключение – о репертуарной политике. Чаще всего критерием отбора фильма для отдела кинофикации является кассовый

сбор: если аншлаги – значит, крути фильм, пока будут сборы, пусть даже он заведомо слабый, принимай коллективные заявки; а коли сборы неполные, снимай с экрана – не выгодно. Коммерция в вопросах идеологии – это страшная вещь. Ведь главная задача работников искусства воспитывать в человеке гуманные коммунистические черты на лучших образцах литературы, живописи, кино.

«Целинный край», 1963 г.

ПУБЛИКАЦИИ НА ТЕМЫ МОРАЛИ

Введение: письмо проверяет журналист

Темы морали были очень популярны и всегда вызывали отклик читателей. После каждой такой статьи приходили письма в редакцию с сочувствием или возмущением по поводу описываемых в публикации событий. Часто в письмах приводились подобные истории.

Брошенные дети, разрушенные семьи чаще всего были поводом для таких материалов. В редакции существовал так называемый «Час интересного письма», когда заведующий отделом писем рассказывал о таких письмах, и коллективно обсуждали, по какому письму стоит поехать в командировку и кто из журналистов поедет.

Популярность таких публикаций была связана с тем, что в советское время большое внимание уделялось ценностным ориентациям людей, общество было озабочено нормальным воспитанием детей.

Существовал Моральный кодекс строителя коммунизма, который в безбожной стране тем не менее был очень близок к заповедям Божьим. Все мы были воинствующими атеистами не только в жизни, о чем я уже писала в первом разделе, но и в журналистике. У меня на эту тему было два материала, за которые мне стыдно сейчас. В одном из них речь шла о хорошей девушке,

которая глубоко верила в Бога, жила в строительном общежитии. Когда в редакцию пришло письмо об этой девушке, я решила с нею познакомиться и приобщить ее к театру, к искусству. Она относилась ко мне благожелательно, но твердо держалась своей веры. Наконец мы назначили день, когда должны были идти в театр, я зашла за нею в общежитие, но мне сказали, что она уехала из города совсем. Как же мне стыдно сегодня, что своей безбожной настырностью выжила человека из города, а потом еще и написала о ней осудительную статью.

Вообще, именно статьям на темы морали свойственен повышенный категоризм, которым, к сожалению, грешила советская журналистика, и целинная тоже. Это морализаторство шло от сознания того, что любое поведение, не одобряемое обществом, пагубно, и его надо обличать. И в моих статьях на темы морали этот обличительный пафос явственно проглядывает, сейчас бы я его, безусловно, смягчила. Но в то время, в той ситуации было у нас такое мироощущение, и журналист чувствовал себя судьей по любым делам, вплоть до взаимоотношений в семье.

Люди не оставят Сережку

Телефон моем столе тревожно просигналил.

– Говорят из Дома ребенка. Просим помочь. Молодая мамаша, Надежда Гнездюк, отказалась от сына. Приехал ее муж, солдат, забирает мальчика к своей матери в Кировоградскую область. Но денег на самолет у него не хватает. Не можете ли вы помочь?

Николаю Терновскому помогли, выделили деньги. Бывшая подруга Надежды Гнездюк Лена Липатова согласилась присматривать за маленьким Сережей в самолете. В Доме ребенка собрали малышу приданое.

Кажется, все кончилось хорошо. Только не будет у Сережки родной матери. Почему? Чего не хватает Надежде? Молодая. Здоровая. Живет в достатке. Начальник мостопоезда Геннадий Иванович Лавров предлагал:

– Дадим тебе квартиру при яслях, мальчишку устроим, сама будешь там же работать.

Отказалась. Сознательно, в полном здравии написала отречение от сына. Заверила его у нотариуса. Принесла в Дом ребенка. Нормальному человеку это понять трудно. Невозможно. Тем более что при первом знакомстве Надежда производит приятное впечатление. Беленькие кудряшки, черная родинка на щеке и легкий малиновый сарафанчик делают ее похожей на лубочного ангелочка. Правда, образ этот не очень вяжется с пыльным чайником, немытой посудой на полу, кучей грязного белья в углу квартиры, где она сейчас живет. Но ее тихий голос и одинокая слезинка производят впечатление. Она говорит, что кается, что очень страдает и чувствует свою вину перед сыном, мужем и перед людьми. Может быть, это искренне. Может быть. Но трудно верить тебе, Надя. Уж очень часто ты лгала.

– Я сирота. Воспитывалась в детдоме. Отца на фронте убили. Мать умерла.

Лгала, чтобы жалели тебя, прощали все твои выходки! Разве может быть хоть какое-нибудь объяснение и оправдание этому кощунству? Вдове солдата нелегко было вырастить вас двоих. День и дочь на работе. А вспомни, Надя, как твоя мать спасла русского пленного Алексея Зябрикова. Она сказала немцам, что это ее муж, и Зябрикова отпустили. А разве забыла ты, как горько плакала мать, когда ты бросила школу? Она старалась настоящими людьми вас вырастить. А чем вы отплатили ей? Когда Прасковья Кирилловна бросила немудреное хозяйство на Украине и приехала в Целиноград, вы с сестрой Раей считали ее обузой, лишним ртом. Она мешала вам, замужним женщинам, водить в дом приятелей, она осуждала ваши пьянки. Может быть, тебе не известно, Надя, что мать уходила к соседям и там плакала? Лена Липатова не раз предлагала ей:

– Тетя Паша, вы оставайтесь у нас ночевать. Живите, места не жалко.

Но мать и тут берегла вашу честь:

– Что люди скажут дочерям? Мол, мать выгнали. Уж помучаюсь еще, поживу.

Но долго так не могло продолжаться. Мать уехала. Известие о твоём поступке застало ее уже в Малой Виске. Прасковья Кириловна тут же вызвала тебя к телефону:

– Не смей бросать сына, привези ко мне.

– Хорошо, – согласилась ты, чтобы отвязаться от матери. И снова лгала. Впрочем, предложение матери натолкнуло тебя на мысль: скажу в роддоме и на работе, что везу ребенка к матери, – выдадут деньги, перестанут осуждать.

Но одна ложь неизменно влечет за собой другую. Раз ты сирота, значит нельзя везти ребенка к матери. Так ты и сказала всем. Собралась забирать ребенка, версия о письме матери, железнодорожном билете, даже импровизированное раскаяние – все это было великолепно разыграно в конторе мостопоезда, куда тебя привезла вместе с сыном врач К. А. Цепляева. Но твои нехитрые трюки были быстро разгаданы. И тогда Клавдия Александровна решила проверить тебя в последний раз:

– Я вижу, Надя, тебе не нужен ребенок, отдай его нам.

Нет, ты не спорила, не возражала, не просила оставить Сережку. Очень легко, без тени волнения передала его Цепляевой. Получила деньги и со спокойной совестью ушла с работы, оставив трудовую книжку.

Не заставил тебя забрать сына и твой новый муж, шофер автобазы Николай Т. Когда я говорила с тобой, ты очень просила:

– Если будете писать в газету, не упоминайте Николая. Я одна во всем виновата.

Но я все-таки решила назвать его имя. И он виноват. Виноват перед твоим мужем, имел ли он моральное право назвать тебя, жену солдата, своей женой? Нет. А уж коли назвал, так должен был и твоего ребенка усыновить, настоять на том, чтобы вы воспитывали его вместе. Он этого не сделал.

А ты продолжала лгать. Сказала соседям, что сын умер. Никто не знал правды и о твоём муже, который служил в армии. Чтобы

как-то оправдаться, обливала мужа грязью: мол, бил тебя, гулял, пьянствовал, не хотел ребенка.

И снова мне придется перевести на русский язык твои слова.

Сероглазый, подтянутый адвокат сахарного завода Коля Терновский до встречи с тобой вообще не знал вкуса водки. И когда вы вместе уехали в Коми АССР, ты пыталась втянуть его в пьянки. Это не он, а ты бегала на танцы, хотела уехать с одним из своих приятелей. А что касается ребенка, Николай в каждом письме спрашивал о его и твоём здоровье. Старушка, у которой ты жила, рассказывает, что письма эти дышали заботой и любовью к тебе и будущему малышу. 57 писем написал тебе за год службы Николай. А ты? Всего три писульки. Сухие. Чужие. А в одной из них убийственное: «Сына ты не увидишь...».

Да, Впрочем, в письмах ли дело? Николай делом доказал, что он настоящий человек и настоящий отец. Он забрал Сережку и будет его воспитывать. Конечно, ему помогут вырастить сына. И Сергей, наверное, никогда не узнает, что у него была такая мать. Нельзя калечить душу ребенка. Пусть он видит мир чистым и справедливым.

А ты, Надя? Что тебя ждет? Сейчас ты не хочешь идти на работу, отгородилась от людей в четырех стенах своей квартиры. Но это не выход из положения. И если ты искренне раскаялась, как говоришь, если этот случай тебя чему-то научил, докажи это. Еще не поздно вернуться к сыну. Может быть, тебя простит и Николай. Ведь выше, чище, светлее чувства материнства нет ничего на свете. Тебе не рассказывала Клавдия Александровна Цепляева о Зине Самохиной? Нет? Так слушай.

Неважно сложилась жизнь у Зины. Муж ушел от нее накануне родов. И даже в больницу не ходил. «Как буду растить ребенка без мужа? Где жить?» – эти вопросы не давали ей покоя.

– Клавдия Александровна, – решила она однажды заговорить с Цепляевой, – мне, видно, придется оставить ребенка здесь. Не сумею вырастить, трудно.

Цепляева тотчас же позвонила в стройуправление, где работала Зина. В роддом приехали начальник управления,

секретарь комсомольской организации, товарищи по работе.

– Ты не волнуйся. Поможем тебе и ребенку. Квартиру найдем, в ясли определим, – говорили они Зине.

А когда сияющая от счастья Зина с бутузом Витюшкой на руках вошла в вестибюль, ее встретили, словно дочь родную. Посадили в машину, привезли в комнату, которую выделили в общежитии. Зина так и ахнула от радости: здесь было все, что нужно для новорожденного, даже ванночка. Ребята таскали для купанья воду, девочки помогали по хозяйству. Всюду чувствовала Зина доброе людское участие. Даже когда ходила на курсы трактористов, друзья по очереди оставались с Витькой. Он стал всеобщим любимцем, сыном общежития.

Скоро справила Зина новоселье в новом доме. Зина часто заходит в родильный дом.

– Клавдия Александровна, смотрите, какой у меня парень хороший. Спасибо вам! Я и не представляю, как бы без него жила.

Зине помогли вовремя, и она не отказалась от помощи. А ведь тоже могла бы попасть в число тех, кого в народе презрительно называют «кукушками». В Доме ребенка мне показали безымянного мальчика, которого прошлым воскресеньем нашли на вокзале, грязного, голодного, больного. Кто его мать? Впрочем, можно ли назвать чудовище, которое бросает своих детей, матерью?

«Целинный край», 1994 г.

Трудная

«В 1966 году я находилась в плохом положении. Не желаю никому, чтобы такое в жизни могло случиться. Вспоминаю, и становится страшно и не верится, что я теперь живу по-настоящему, работаю, воспитываю сына Сережку. Стоило раз в жизни споткнуться – и быстро расступилась пропасть. И если бы первыми не подали руку, не вытащили из пропасти Тихонская Светлана Михайловна и Тихонский Алексей Васильевич – пропала б жизнь моя и

моего ребенка. Спасибо хорошим людям из СУ-2: Виталию Семеновичу Непомнящему, парторгу Федору Андреевичу Кондратко, председателю профкома Валентину Александровичу Акользину, старшему бухгалтеру Адель Эдуардовне Горст, инспектору по кадрам Анне Ивановне Губаревой, всем врачам и медицинскому персоналу роддома. Спасибо им за сына и за себя. Анна Ложкина».

Бывают судьбы трудные, когда каждый шаг в жизни дается ценой утрат и усилий. Бывают потери, которые невозможно восполнить, бывают черные полосы, когда кажется, что нет сил бороться за свое право быть счастливым. Тогда смотришь на людей, которые живут ровно, удачливо, легко, начинаешь верить в фатальную трагичность своей личности, перестаешь бороться. Вот тогда смыкается над тобой круг неудач и, бессильного, несет тебя жизнь. Нужны громадные усилия, чтобы одолеть эту мнимую фатальную трагичность. Часто у человека нет на это воли и желания. Его порой спасают другие. Но уж если удалось с помощью друзей выбраться на берег, человек должен найти силы идти по жизни прямо и честно. Тогда беда отступает.

...Несчастье пришло к Ане в пять лет. Оспа исковеркала хорошенькое личико девочки. Но она еще не воспринимала это, как беду, и скоро привыкла к дразнилкам мальчишек и к жалеющим взглядам незнакомых людей. Жила до войны хорошо и весело. Война разрушила все. Отца, шахтера, засыпало в забое, и его, едва живого, увезли в больницу. Мать, больная ревматизмом, не могла оправиться от потрясения. Умерла. Было это в новогоднюю ночь. Отец лежал в больнице, братья Иван и Николай – на фронте. Аня с младшей сестренкой Тоней остались одни.

Поехали к брату Василию, который жил в Белорецке. Жена его не скрывала, что девочки ей в тягость, потому не разрешила Ане ни работать, ни учиться, а заставила управляться по дому. Хозяйство было большое – корова, телка, пять овец. Аня взбунтовалась. Поступила работать официанткой, стала учиться в вечерней школе. А потом ушла от брата. Ее как хорошую работницу поселили в интернате. 11 лет работала Аня Ложкина в системе

ОРСа. Пела в самодеятельности, ходила на комсомольские воскресники, легко справлялась с обязанностями председателя местного комитета. Сестричку Тоню взяла от брата к себе. Стала ей за мать. Все было хорошо, все справно. Вот только тосковала девичья душа по хорошему парню, по верной любви. Считала Аня себя некрасивой, боялась на парней глаза поднять. Но тут зачастил к ней один. Каждый день в магазин навещался, комплименты говорил. А девичье сердце доверчиво, падко на хорошие слова. Да и как тут не поверить, если парень просил ее женой его стать.

– Уедем, – говорит, – с тобой в Ригу, где брат твой. Заживем, лучше не надо.

Старенький отец смотрел на жениха недоверчиво, однако счастьем дочери мешать не хотел. Пришел провожать на вокзал, помог грузить чемоданы с приданным, подушки.

– Живите, дети, счастливо, – напутствовал.

Счастливою была Аня, в новую жизнь вступает, своя семья теперь есть.

А наутро – ни Михаила, ни чемоданов, ни денег, которые Аня взяла со сберкнижки. Аня стояла на перроне незнакомого городка, держа подмышкой пуховую подушку – все, что у нее осталось... Ехать к брату она не могла, возвращаться домой – тоже. Было стыдно и больно. Ее жизнь растоптана, опозорена навсегда, как ей казалось. Смирилась – несчастливая, меченая.

Снова приняли ее на работу в ОРС. Тоня замуж вышла. И другие подружки все с семьями. Аня радовалась их счастью. А про свое не вспоминала. И когда стал похаживать к ее прилавку скромный симпатичный паренек, относилась к нему настороженно. А он робок был, ненавязчив. Работал электрогазосварщиком. Долго ходил, верно ходил, и растаяло недоверие.

Дали молодоженам комнатуху в красном уголке. Выучился муж на шофера. Работал на руднике Майкаин. Счастливее этих четырех лет ничего не было в жизни Анны Николаевны. Был нежным муж, помощником, заботливым. Одно горе было у них – ребенок родился мертвым. А потом пришло другое – муж все чаще ездил в командировки и все реже появлялся дома. А скоро и

причина стала известна. Станционная буфетчица приворожила шофера.

Уехали от греха подальше, в Целиноград, но муж скоро бросил Анну Николаевну без денег, без крова, в отчаянии. Он тогда еще не знал, что у них будет ребенок. То, что было потом, Анна Николаевна вспоминает, как ужасный сон. Скиталась по квартирам, платить было нечем. Тяжело болела. Продала все вещички, пообтрепалась. Стала пить. Приходилось ночевать даже в подвалах, в подъездах домов. Она опустилась до такой степени, что куда бы ни приходила устраиваться на работу, ей всюду отказывали: уж очень подозрительно выглядела. К тому же ее трудовую книжку затеряли в отделе кадров кирпичного завода. А ей было обидно, что ее не берут хотя бы техничкой. Она стала ненавидеть людей. Пить еще больше. Не раз была в вытрезвителе, ее хорошо знали в отделениях милиции. И однажды привезли в полубоморочном состоянии в роддом.

И сразу теплота, участие окружили женщину. Была мягкая чистая постель, вкусная еда, покой. Ей назначили усиленное питание и стали лечить. Она была очень слаба. Сердечко ребенка едва прослушивалось. Когда Анна Николаевна пришла в себя, когда поняла, что ребенок, ее сын, будет жив и здоров, когда увидела беспомощное сморщенное личико, расплакалась горькими бабьими слезами. От любви к нему, такой необычной, такой новой любви, и от беспокойства за будущее своего ребенка. Ни крова, ни работы, ни копейки денег, чтобы хоть купить сыну приданое. Слышала неумолимое:

– Не воспитать ей ребенка, пусть лучше в Дом малютки сдаст.

И кричала:

– Не отдам, мой сын. Побираться пойду, а не отдам никому.

В ее треснувшей жизни маленький родной человечек был лучиком надежды, звездочкой, ради которой стоило жить, стоило начать жизнь сызнова. Нет, она не такая уж конченная, если дала жизнь новому существу на земле. Она мать!

Ко всем ходили мужья, родственники, приносили передачи. Только к Ложкиной никто не приходил. Но соседки делились с

нею продуктами. Особенно Раиса Семеновна, учительница из совхоза имени Кирова. Была с ней как сестра.

Врачи Розия Закировна Галимова и Светлана Михайловна Тихонская, которым Анна Николаевна рассказала о своей корявой жизни, сочувствовали женщине и от всей души старались помочь. Уже пора было выписывать Ложкину из больницы, а Светлана Михайловна все оттягивала этот момент, выхлопотала, чтобы оставили пока женщину в роддоме. Рассказала о трудном положении Ложкиной своему мужу, работнику горкома партии. Алексей Васильевич позвонил начальнику СУ-2 треста «Целиноградстрой» Непомнящему:

– Виталий Семенович, знаю твое доброе сердце. Многих ты у себя в СУ трудных людей выправил. Возьми, сделай милость, еще одну женщину на воспитание. Ребенок у нее, понимаешь, ни жилья, ни работы, ни денег.

– Что-нибудь придумаем, – пообещал Непомнящий.

А маленькому Сережке готовили приданое. Работники роддома вручили Анне Николаевне двадцать рублей на самые необходимые вещи для сына, дали ваты – одеялко настежила. Врач Вера Даниловна Соркина принесла целую кучу ползунков, пеленок от своих детей, которые подросли. Звонила Светлана Михайловна в Ригу, брату Ложкиной, инженеру. Но он помочь наотрез отказался – дескать, сердит на сестру, что плохо себя вела.

Удивительно, – чужие люди пытались сделать все, чтобы мать обрела сына и веру в жизнь, а он, родной брат, был неумолим. Впрочем, потом уже, когда Анна Николаевна написала ему несколько смиренных писем, рассказала о том, как ее хорошо приняли в общежитии, как дали ей от стройкома денежное пособие, как направили работать в лучшую бригаду отделочников Ивана Васильевича Кретова и как она счастлива теперь, как благодарна, этим людям, как она дорожит своим Сереженькой, брат смягчился – послал письмо, в котором прощал ее, помог и деньгами. Но все это было значительно позже, когда Анна Николаевна встала на ноги, и когда сын был уже с нею. А сколько до того еще пришлось пережить...

Из роддома встретила ее комендант общежития и сказала, что сына в общежитии держать ни минуты нельзя – придется его сдать пока в Дом малютки. Анна Николаевна понимала, что иначе сейчас нельзя – в общей комнате ребенку не житье, да и ей работать не будет возможности. Она понимала, что люди и без того много добра ей сделали, что большего они пока не могут, и в слезах отнесла Сережку в Дом малютки.

Она не могла дождаться часа, когда нужно было его кормить, она не могла наглядеться на него. Но порядок суров: покормила – иди, не нарушай режима. От переживаний за сына пропало молоко, мальчишка заболел и попал в детскую больницу. Ее не положили с ним, но она все свободное время проводила там, ночами просиживала в вестибюле. И чуть ему стало лучше – упростила врачей, чтобы, отдали ей ребенка. И принесла в общежитие – будь что будет. Решила с сыном не расставаться. А как будет жить, еще не знала. Верила только, что люди не оставят.

Но Валентин Александрович Акользин сказал:

– Молодец, Аня, что забрала мальчишку. Теперь верю, что ты мать настоящая. А с комнаткой поможем тебе.

Помучилась несколько дней в общей комнате. Ребенок спал плохо, пугали его посторонние звуки. А девочки в общежитии молодые, звонкие. Стала Анна Николаевна снова нервной, неспокойной. Виталий Семенович Непомнящий не раз был арбитром в конфликтах между комендантом общежития, воспитательницей и Ложкиной. Анна Николаевна в своей любви к сыну бывала порой резка и несправедлива, а их раздражало, что она требует особых, каких не положено в общежитии, условий для сына.

Конфликты кончились, когда Ложкину оставили в комнате одну. Нелегко было выкроить такую возможность. Но нашли, сделали. Потом нашли ей работу прямо в общежитии, чтобы могла смотреть за сыном. Очень неохотно уходила Анна Николаевна из полюбившейся ей бригады Ивана Васильевича Кретьова. Обогрели ее здесь, научили ремеслу маляра, помогли в трудное время.

Ивану Васильевичу она написала письмо: «Очень больно и обидно, что временно не работаю среди коллектива вашей бри-

гады. Уважаемый Иван Васильевич, прошу меня не забывать, то есть в бригаду я вернусь, я ведь отсутствую по уважительной причине. Сын растет. Здоровье его стало лучше. Сама тут немного приболела, рука отнималась. Конечно, все понемножку отразилось, и жизнь была несладка. Теперь мой долг, Иван Васильевич, вырастить и воспитать сына и работать, не покладая рук, оправдать доверие перед достойными хорошими людьми. Желаю всей бригаде успеха. Ложкина».

Посветлевшая, праздничная какая-то, с голубенькой ленточкой в волосах, хлопотала она около Сережки, когда я зашла к ней в комнату. Она скребла ее, убирала, чтобы лучше было сыну. Она стирала ему ползунки и пеленки, мыла и кормила его. Он был для нее всем, всем. Пришла, как-то Анна Николаевна в редакцию. Сын на руках. Здоровый. Веселый.

– Помогли мне с яслями. Опять в бригаду пойду. Все у нас с Сережкой хорошо теперь.

А я смотрю на нее и думаю, как нелегко далось ей счастье. Как долго, мучительно шла к нему. О людях думаю, которые не пожалели времени, нервов, душевного тепла, чтобы помочь женщине, заставить поверить в людей, в добро, в жизнь. И изменить кое-что в своем поведении.

И вспоминаю о другом Сережке. Я писала о нем года четыре назад. Молодая здоровая девица, муж которой служил в армии, отказалась от сына еще в роддоме. Отказалась потому, что так хотел человек, с которым она теперь жила.

Отец ребенка, солдат, узнав об этом, приехал в Целиноград, забрал маленького Сережку и отвез его к своей матери на Украину. Кончилось это трагично. Ужасно. Лишенный материнского молока и заботы, малыш ослаб, заболел и умер. А ведь у родившей его женщины – не могу назвать ее матерью – было все: здоровье, молодость, муж, квартира. Не было сердца. Совести. Элементарной человечности лишена была эта женщина.

А Сереже Ложкину скоро год. Отличный парень растет. И мать счастливая. Если сумеет счастье это не пролить, понесет его бережно.

«Целиноградская правда», 19 января 1968 г.

Помогли люди...

За окном тоскливо шелестели листья. Ровно дышал во сне Виктор. А Эльзе не спалось. Угрюмые видения преследовали ее.

Эльза торопливо оделась и выбежала из дому. Высокая трава секла ноги. Эльза задыхалась, но бежала и бежала, подгоняемая, словно бичом, одним словом: «Молись!»

Вот и лес. Темный, затаившийся, страшный. Но Эльза не боялась леса. Она боялась людей, а в лесу не было людей.

Темным маленьким призраком встала на колени. И закричала. Она не могла больше молчать. Нет, ее молитва не была похожа на обычную смиренную молитву. Эльза взывала к милосердию божескому настойчиво, отчаянно.

– Ты же знаешь, какая я была здоровая, ловкая. Как могла петь, работать. Зачем, зачем, скажи, наслал ты мне болезнь эту? Вылечи! Я хочу, чтобы мой ребенок родился здоровым. Помоги!

Ребенок умер через несколько часов после рождения. Припадки стали все чаще. Молчаливее и мрачнее день ото дня становился Виктор и куда-то надолго пропадал вечерами. А родственники мужа с осуждением смотрели на Эльзу – зачем Виктору больная жена.

Эльза страдала молча. Избегала людей, разговоров. Перестала ходить в клуб. Не читала книг. Даже встречая своих лучших друзей Машу Филатову, Лизу Сушкову, с которыми когда-то вместе участвовала в самодеятельности, работала на комсомольских воскресниках, старалась пройти мимо не замеченной. Эльза молилась. И днем, и ночью. Она верила, что бог услышит ее.

Стало невыносимо жить в доме мужа. Наблюдать его попойки, видеть косые взгляды родственников. Однажды Виктор сказал жестокое и непоправимое:

– Какая ты теперь жена? Давай разойдемся.

Она ушла к своей матери. Но муж вернул ее. И снова: молитвы, слезы. Слезы, молитвы. Эльза ждала второго ребенка. К врачам она не обращалась. Зато мать Виктора упорно заставля-

ла ее снова наведаться в Вознесенку, к тому старику, который уже шептал однажды над Эльзой свои «магические» заклинания.

Эта невыносимая жизнь кончилась бы трагически, но однажды, когда Виктор был на работе, а его мать отправилась в Вознесенку навестить «колдуна», к Эльзе пришли ее сестры.

– Собирайся, поедешь в Караганду лечиться.

Ничего не взяла с собой Эльза. Только альбом с фотографиями.

Поцеловала «гезангенбух» и сказала свекру.

– Если Виктор захочет меня видеть, пусть приедет.

Виктор пришел пьяный. Кричал, угрожал.

В Караганде Эльзу сразу положили в больницу. Главврач Актасской больницы Исаак Абрамович Альтшулер, невропатолог Таисья Павловна Цыплякова установили особый контроль за Эльзой. И, может быть, не столько лекарство, сколько дружеское участие и человечность этих людей спасли Эльзу. Через месяц она благополучно родила сына. И не молитвой встретила появление ребенка. Она благодарила врачей, которые сохранили ей жизнь и сына. Для бога не осталось места. Его заменили люди.

Два года жила Эльза в семье сестры Фриды, не работая: она была еще больна. Но никогда не слышала ни слова упрека. А Виктор не находил нужным помогать своей семье.

Эльзе было нелегко воспитывать Сашу. Работать на стройке, как прежде, она уже не могла. Пошла в общежитие горняков уборщицей. Ребята поначалу настороженно приглядывались к новой уборщице, тонкой, хрупкой, с большими печальными глазами. Бывало, Эльза слышала нагловатые смешки. Но скоро даже самые развязные жильцы стали относиться к маленькой печальной женщине с уважением и даже какой-то трогательной заботливостью. К ней нельзя было относиться иначе: столько душевной чистоты, доброты было в ней. С какой бы просьбой ни обратились к Эльзе – погладить ли костюм, починить носки, пришить пуговицу, – она никогда не откажется, хотя это и не входит в ее обязанности.

И еще одну заботу добровольно взяла на себя Эльза – цветы. Где-то достала землю, горшки, кадки, раздобыла разные сорта

комнатных растений, и теперь общежитие превратилось в маленький зеленый оазис. Стоит ли говорить, что ее общежитие – лучшее на шахте.

Эльзу до слез трогает внимание горняков. Каждый праздник они дарят ей что-нибудь и, если Эльза чувствует себя плохо, стараются ей помочь. Приступы болезни бывают редко, и врачи постоянно следят за ее здоровьем. Эльза снова вернулась к жизни. Она очень много читает, любит ходить в кино, в театр. Она вернулась к людям и о своем былом богомолии вспоминает с иронической улыбкой. Маленький Сашка, крепкий и непоседливый парнишка, скоро пойдет в школу.

Казалось бы, на этом и можно было закончить рассказ. Счастливый конец. Занавес закрывается. Победила человечность.

Но история Эльзы Корбмахер – поучительная история, и над ней стоит поразмыслить. Потому что у нее есть и другой конец, менее счастливый. У Саши нет отца, у Эльзы – мужа. У Виктора совести.

Впрочем, если послушать Виктора, можно подумать, что виноват не он, а Эльза и ее родственники. Во-первых, зачем она больная выходила замуж? (Хотя и мать Виктора, и сам Виктор утверждают, что первый припадок случился через несколько недель после свадьбы, а врачи ставят это в зависимость от беременности.) Во-вторых, почему Эльза была замкнутой и неделями не разговаривала с ними, с мужем? (Его эгоистичному сознанию трудно представить, что в том подавленном состоянии, в которое он сам поставил жену своими попойками и безразличным отношением к ее болезни, Эльзе трудно было сохранять бодрость духа и веселое настроение.) В-третьих, наконец, зачем она ушла из дому? (А что ей оставалось делать? Умирать в четырех стенах дома, где к ней относились как к тяжелой и неприятной обузе и где никому не было никакого дела до нее и ее болезни? Оставаться угнетенной нашептываниями старух и изнуряющими молитвами?) Она уехала в Караганду лечиться, а не бежала от семьи. Все это слова, создающие видимость непричастности к беде, которая случилась с Эльзой. Ведь не успел еще, как говорится,

Виктор ботинок износить, у него появилась другая жена. Здоровая, крепкая. В общем, казалось бы, его не в чем упрекнуть. Эльза от него ушла, он встретил другую женщину. Да, но честно ли это? Перед Эльзой? Перед совестью? Перед людьми? Перед сыном?

Ведь Виктор любил Эльзу. И он никогда не бросил бы ее, если бы она была здорова. Значит, только ее болезнь, которую при желании и настойчивости можно было бы излечить, сразу толкнула его на этот шаг, глубоко эгоистичный и жестокий.

– Скажите, Виктор, а если бы с вами случилась беда – если бы вы, например, потеряли зрение и от вас ушла жена, которую вы считали преданным, любящим другом на всю жизнь? Разве вы не считали бы это предательством? Вам бы не было больно?

Что он мог сказать?

С несколько туповатым упрямством он во всем обвинял кого угодно, только не себя. Даже сын, его родной сын, которому всего шесть лет, который виноват только в том, что у него нет отца (кстати, Виктор даже не знает дня его рождения), успел чем-то досадить этому здоровому, розовощекому мужчине.

Встреча сына с отцом состоялась недавно, летом, когда Эльза вместе с Фридой, ее мужем Манелем, дядей Виктора, и Сашей приехали в Отрадное навестить родных.

Виктор радостно обнял дядю, подал руку Фриде. А на сына даже не взглянул.

– Смотри, Саша, это твой отец, – сказала Фрида мальчику.

– Нет, нет, ты не мой сын. Я никогда не буду твоим отцом. Нет, – торопливо и жестоко, не глядя на сына, ответил Виктор.

Мальчишка, всегда бойкий и озорной, притих, спрятавшись за спину тети Фриды. Мальчишка вспоминал портрет, который висел в их комнате, – папа. Добрый, хороший папа. А это был другой, злой, жестокий человек.

– Почему вы не помогали сыну и жене? Ведь вы знали, что Эльза не работает, что ей нужно усиленное питание и лекарства. Да и сейчас она зарабатывает мало, а мальчик уже вырос. Почему нужно было доводить дело до суда?

Виктор опять не сразу находит ответ, он не очень уверенно оправдывается.

– Сначала не думал об этом. А сейчас своя семья.

И снова эгоизмом и такой обезоруживающей, наивной жестокостью повеяло от его слов. Именно наивной. Виктора нелегко убедить в том, что он неправ. Да, видимо, никто никогда и не пытался этого делать, хотя события развивались на виду у всего села.

– Это их личное дело – пусть живут, как знают.

Это и укрепляло жестокую веру Виктора в свою правоту, и он находил десятки причин, обид, он переворачивал объективные факты так, чтобы они заиграли как осуждение Эльзе и оправдание ему, Виктору. Человеку свойственны компромиссы с собственной совестью, тем более что явления жизни настолько многообразны, что их можно толковать как угодно. Но есть же, есть объективный беспристрастный критерий всех поступков: человечность. Виктор поправ человечность во имя мелкой себялюбивой самозащиты от житейских трудностей. Он захотел жить легко и бесхлопотно, когда родные ему люди были глубоко несчастливы. Виктора Бруха судили два раза – судили за хулиганство. А почему не судят его судом совести? Ведь он совершил тягчайшее из человеческих преступлений – бросил в беде жену и сына. Не потому ли, что для общественности совхоза «Суворовский» моральные принципы советского человека до сих пор остаются принципами, записанными на бумаге и механически вызубренными наизусть? Не потому ли, что по старинке многие считают, быт – частное дело? А человечность, элементарная порядочность, стремление прийти на помощь тому, кто нуждается в ней? Разве не должны мы воспитывать эти свойства у каждого?

Люди помогли Эльзе избавиться от дикой веры в сверхъестественные чудеса, но ведь людское равнодушие и толкнуло ее к богу. Даже лучшая подруга Эльзы Лиза Сушкова, ныне коммунист, бухгалтер совхоза, которая прекрасно видела, что с Эльзой творится что-то неладное, не поинтересовалась ее жизнью, не помогла подруге. А многим вообще была глубоко безразлична ее

судьба. Формально эти люди не виноваты – она не просила их о помощи. Но они должны были сами увидеть и почувствовать, когда нужно прийти человеку на помощь.

Имеем ли мы право на такое житье, если рядом есть человек, которому плохо? Имеем ли мы право эгоистически закрывать глаза на безобразные поступки кого-то, если другим людям приходится долго исправлять то, что можно было пресечь в самом начале?

Ни один человек не имеет права строить свое благополучие на чьих-то бедах. Пусть совесть скажет ему: нет! Пусть все честные настоящие люди скажут ему: нет! нет! нет!

*Караганда – Отрадное Астраханского управления
«Целинный край», 3 сентября 1964 г.*

Куда пропала Сайраш?

Исчезла девочка. Пятнадцатилетняя девочка, шестиклассница 62-й Целиноградской школы Сайраш Нурмагамбетова. Потом выяснилось, что ее увез в Караганду Коля Исенов, который жил с ней по соседству. Увез и женился.

Отец и дядя Сони приехали в Караганду. Отец не кричал, не ругался, вовсе не настаивал, чтобы она вернулась домой. Соня догадывалась, почему он так ласков: видимо, свекрови удалось уговорить отца и дядю не поднимать шуму, она посулила им калым, если ее сына не будут судить за женитьбу на несовершеннолетней.

После визита родственников все умолкло. Неизвестно, что говорили они учителям школы, где училась Сайраш, как убеждали их, но они молчали о случившемся. Ясно одно: и директор школы Сулейменов, и секретарь партийной организации Абдулин решили скрыть позорный факт замужества Сайраш. Не сообщили об этом ни в горком партии, ни в прокуратуру.

Так и кончилась бы эта некрасивая история, если бы не письмо в редакцию... Получив его, мы пригласили директора школы.

Не старый еще человек, деловитый и вежливый, с уклончивым взглядом.

– Сайраш Нурмагамбетова? Да, в школе она не занимается. У нее заболела мать, уехала к ней. Дядя пришел, очень просил отпустить и даже заявление принес.

Тов. Сулейменов разворачивает помятую бумажку, на которой корявыми каракулями написано, что мать у девочки больна и ее просят отпустить из школы. А в углу шпаргалки рукой директора резолюция: отпустить.

– О том, что она вышла замуж, мы ничего не знали до того времени, пока вы нам не сообщили, – голос директора звучал довольно искренне.

Настораживало одно: очень уж старательно он подобрал аргументы в свое оправдание – даже заявление позаботился принести. Вот, мол, смотрите, какой я пунктуальный и справедливый.

А ведь было иначе. Сразу же после того, как стало известно о побеге девочки, классный руководитель т. Смагулова пришла к Нурмагамбетовым и заставила написать заявление о том, что мать Сони больна. Вы, т. Сулейменов, прекрасно знали, что это фальшивка, однако принесли ее в редакцию. Вы решили замести следы, потому, что просмотрели девочку, не сумели ей, юной и неопытной, внушить, что опрометчиво в ее возрасте поступать подобным образом. Вы, верно, будете возражать:

– Кто мог знать, что такое случится именно с этой девочкой?

В том-то и дело, что не надо ждать, когда «такое случится». Надо воспитывать детей так, чтобы не было подобных «ЧП». А ведь у вас в школе считают ненужными всякие разговоры на «запретные темы». А ученики все равно знают об этом, но из каких-то других, часто пагубных и неверных источников. Тут бы умную наставницу, старшего друга, которая доверительно и скромно посвятила бы девочек в то, как нужно вести себя с ребятами, воспитывала бы в детях правильные понятия о дружбе и любви, умело разоблачала бы тяжелые пережитки, которые остались у казахского народа от дедов-кочевников. Но учителя не сумели найти заветного ключика к сердцам своих воспи-

танников, потому и стал возможным опрометчивый поступок Сони.

А какую позицию занимают родственники Сони? Ведь ее дядя Нурмагамбетов – коммунист.

...Небольшая светлая мазанка прилепилась на самом краю пыльной дороги. Нас привела в комнату девочка лет тринадцати, которая оказалась сестрой Сони, и показала на спящего мужчину:

– Вот дядя.

Он даже не встал, хотя мы представились. Говорил лениво, тщательно подбирая слова, как бы не сказать чего лишнего. Да, девочка жила в его семье, потому что на станции Тастак, где живут ее родители, нет школы. Да, увез ее сосед, и в школу они сообщили об этом сразу. Учителя советовали вернуть девочку. Да, побывали в Караганде. Но Сайраш не захотела возвращаться. И об этом знают в школе.

– Ну, а что вы собираетесь дальше предпринять?

Ленивый зевок. Какое равнодушие к судьбе девочки! А ведь он, коммунист Нурмагамбетов, виноват во многом. Вместо того чтобы заниматься воспитанием девочки, он часто приходил домой пьяным, бранил ее.

Еду в Караганду. Дом, где живут Исеновы, оказалось найти нелегко. Закрытая на засов дверь, длинный проход. В окне круглое девичье лицо. Я сразу узнала ее – Сайраш очень похожа на свою сестру, которую я видела в Целинограде. Попросила ее выйти. Она осторожно оглянулась, не видит ли кто, накинула на голову платок и выбежала в сенцы, испуганно глядя на меня.

– Ты Сайраш Нурмагамбетова?

Реснички торопливо хлопнули:

– Я, а что?

– Мне нужно с тобой поговорить.

Соня посмотрела на меня подозрительно. Недоверчивым, всего боящимся взглядом окинула двор и часть улицы за высоким забором.

– А вы одна? Может быть, с вами кто-нибудь есть?

С трудом мне удалось успокоить девочку. Но когда я сказала, зачем приехала, она тихонько всхлипнула и ткнулась в мое плечо, вытирая концом цветастого платка слезы.

Отчего плакала Соня? От свалившегося на нее недетского горя и раннего замужества? От постоянного страха за себя и за Колю? Или оттого, что дома она даже поплакать не может под суровым взглядом свекрови? Трудно было разобраться в ее ощущениях. Только плакала девочка, горько плакала. А потом рассказала свою невеселую историю.

– Зачем ты все-таки убежала?

– Надоело с дядькой жить. Пил он и ругался. И одеться захотелось получше.

– А как же с учебой?

– Не знаю.

– Возвращаться не собираешься?

– Что вы!

Пока мы говорили, подозрительная родня почуяла в моем приходе что-то неладное. Сначала прибежала маленькая девочка и торопливо затараторила – должно быть, передавала суровый бабкин приказ немедленно идти домой. Потом пришла молодая женщина и тоже стала убеждать Сонию вернуться. Когда и это не помогло, зловещей сухой тенью показалась из ворот свекровь. Ее слова были отрывисты и резки, словно команда. Соня сжалась, опустила голову, и только мое вмешательство заставило старуху уйти обратно в дом.

Когда минут через десять я разговаривала с ней, старая казашка делала вид, что ничего не понимает. Однако она прекрасно все понимала и пыталась замести нечистые следы свои.

– Что вы, что вы, мы не видели никаких родственников Сайраш. Были они в Караганде, а нас не нашли. О калыме не говорили. Мы бедные, денег нет, какой тут калым?

Она лгала. С невинной наглостью лгала, чтобы не было подозрений, что здесь состоялась нечестная сделка. Не сказала она правды и о том, где сейчас ее сын:

– Уехал к родственникам, вернется ночью.

А Коля уехал на базар, я встретила его недалеко от дома. Перед мной стоял растерявшийся мальчик, который совершил большую оплошность и теперь не знает, как выбраться из лабиринта. Он виноват. За то, что оторвал Соню от учебы и сделал прислугой матери. За то, что получился этот брак невеселым. Брак, замешанный на слезах, страхе, на лжи и запретах. За это Исенов должен ответить. Ответить вместе с учителями и родственниками Сайраш. Потому что подлые унижительные рецидивы прошлого не должны мутить светлой нашей жизни.

Целиноград – Караганда

От редакции. Когда статья была уже подготовлена к печати, состоялось бюро горкома партии, на котором директора 62-й школы т. Сулейменова за недостойное поведение, плохую воспитательную работу в школе и замалчивание факта замужества Сайраш Нурмагамбетовой сняли с работы и отклонили просьбу первичной организации о приеме его в партию. Секретарь партийной организации школы т. Абдулин за политическую близорукость и попустительство недостойным поступкам директора школы получил строгий выговор с занесением в учетную карточку.

«Целинный край», 2 августа 1963 г.

Свидетельство о браке – не патент на счастье

ЦВЕТЫ, шампанское, музыка, улыбки и хорошие слова. С этого обычно начинается жизнь у молодых супругов. Выдают им драгоценный документ в зеленых корочках – свидетельство о браке. И в эту торжественную минуту наверное всем молодоженам кажется эта книжица символом счастья, гарантией счастья, патентом на счастье. Обычно так оно и бывает. Но, увы, не оттого, что брачное свидетельство обладает какой-то чудодейственной силой делать людей счастливыми, а потому, что люди эти сами берегут его, свое счастье. Да, уберечь его трудно, очень

трудно. Оно может ускользнуть незаметно, без ведома и желания двух людей.

Есть у меня знакомая семья. Оба очень симпатичные люди. Оба инженеры-строители. Есть у них дочь, очень занятный ребенок. Прежде я очень любила бывать у них в семье. Марат (назовем его Маратом, а ее Леной) обычно мастерил что-то, он всю мебель в комнате сделал своими руками, или читал новый журнал. Мы начинали горячо обсуждать какую-нибудь архитектурную проблему. Он доказывал, что Корбюзье недостижим и Райт значительно ниже его, хотя тоже хорош, ой, как хорош! Спорить он очень любил, спорил истово, аргументированно. Сбить с толку его было трудно. Читал новые стихи Вознесенского или ставил пленку с записью голоса Есенина. В живописи его кумиром был Гоген, а из скульпторов он очень любил Кремера.

Мы спорили, а Ленка хлопотала около стола.

– Леночка, ты сегодня замечательный кофе сварила, – удивительно хорошо улыбаясь жене, говорил он в самый разгар спора о японской культуре.

Ленка лучилась от его взгляда. Тихая, садилась подле Марата и слушала. Она никогда не принимала участия в общем разговоре. Редко-редко вставит словцо:

– Да вы берите печенье! А может, неудачно испекла? Кофе подлить?

Мы отказывались, благодарили Ленку. Хвалили Ленку. Какая у тебя прекрасная жена, говорили Марату. Он улыбался, нежно брал Ленку за руку и опять бросался в словесную атаку.

Ленка мало смыслила в Винерах и Райтах, зато у нее везде была стерильная чистота, и скатерти она умела отменно крахмалить, и наизусть знала все способы лечения детских болезней. Марат бегал по магазинам, стирал, играл с девочкой, и все у них было дружно и мило.

И вот через три года снова сидим перед низким столиком в уютных креслах, снова пьем кофе и говорим об осенней выставке в Москве. И Ленка снова беззвучно ставит на стол чашки и

печенье. Марат рассказывал о новой работе Жилинского, когда Ленка, как обычно, спросила:

– Может, кофейку подлить?

Марат посмотрел на нее жестко и нетерпеливо предупредил:

– Елена, не мешай!

И она сжалась, как от удара, и тихонько ушла на кухню. Она сидела в уголке на низеньком желтом стульчике дочери и тихонько плакала. Это казалось странным. Ленка плачет от грубости Марата. Ленка, что случилось?

Она не ждала моего прихода, быстро вытерла слезы, попыталась улыбнуться:

– Да так, чепуха.

Начала зачем-то чистить и без того идеально чистый чайник.

– Понимаешь, это началось уже давно. Внешне все тихо и мирно. Срывается он редко. Вежливый со мной. Но понимаешь, не родной мне стал. С работы придет. Спрашиваю: «Ну, как дела?» Отмахивается: «Тебе не понять». Я, и правда, многого не понимаю, я не такая умная, как он и его друзья, не могу с ними поговорить обо всем. Знаю только обед да девчонку.

Ленка снова заплакала.

– Но разве я виновата, что у меня нет времени читать все газеты и журналы, как у него? Я и книг-то не читаю. А он приходит поздно. Поест и сразу за газету. Или друзей приведет. Я им целый вечер кофе варю.

– Но, помню, прежде он тебе помогал. Все было на двоих.

– Теперь говорит: мне некогда. Он ведет в школе кружок поэзии, состоит в клубе филателистов и ходит на тренировки по волейболу. В общем, скучать ему некогда. А я, кроме этой кухни, ничего не вижу.

Что же случилось в этой семье, некогда такой дружной и светлой? Кто виноват? Марат? Да. Очень. Вначале, когда семейные заботы были ему внове, увлекали его, он охотно помогал Ленке, и маленькие семейные радости были общими радостями. А когда дочь немного подросла, он решил: Ленка все может сделать сама. Тем более что ее, кажется, не очень интересуют высокие материи.

Да, Ленка не так умна и образованна, как Марат, хотя она тоже кончила институт. Но если бы Марат не относился к ней с пренебрежением, если бы говорил с ней всерьез о серьезном, если бы пытался, чтобы она поняла то, что любит он, я уверена, была бы очень благодарным и способным учеником. А он все поставил на свои места – ты занимаешься дочерью и хозяйством, я – интеллектуальный центр, существо высокоорганизованное, и ко мне нужно относиться с почтением и предупредительностью.

А Ленка? Виновата, конечно. Слишком уж преклонялась перед Маратом, сама говорила: «Да не беспокойся, все сделаю». И если он иногда предлагал почитать новую поэму в «Юности», махала рукой:

– Некогда мне, в магазин надо сбегать.

Она сама приучила мужа к тому, что он стал видеть в ней только мать своей дочери, хозяйку дома, но не равного себе друга. Ленка сейчас понимает, что Марату с ней скучнее, чем с друзьями. Она сейчас жалеет, что не попыталась понять вкусы и пристрастия Марата, с самого начала решила, что это ей не доступно. Она только сейчас поняла: когда кончается свежесть и новизна семейной жизни и наступает привычное однообразие, нужно его разрушать всеми силами, бежать от этой обыденности. Надо, чтобы всегда в семье было интересно.

Не раз приходилось мне наблюдать, как сами люди рушат мир и уважение в семье. Рушат своим неумным эгоизмом. Портят настроение другого из упрямства или по привычке. Машинист дядя Петя и его жена продавец тетя Нюра живут лет тридцать. Пятерых детей вырастили и неплохо живут, хотя тетя Нюра очень горячая женщина. Неплохо, наверное, потому, что дядя Петя во всем ей уступает, машет рукой: баба, что с ней поделаешь!

Но в одном дядя Петя непреклонен – он страстный футбольный болельщик, и тут что бы тетя Нюра ни говорила, не уступает. В дни футбольных матчей они обычно ссорятся. Происходит это примерно так.

– Матушка, я на футбол иду, – торопливо сообщает дядя Петя, наскоро переодевшись и едва притронувшись к щам.

– Не пушу, – встает в дверях тетя Нюра. – Опять на свою дурацкую игру собрался. Огород надо полить. Не пушу.

Дядя Петя умоляюще смотрит на жену:

– Нюра, приду – полью, мы ведь всегда поливаем позднее, когда жара свянет.

Но тетя Нюра неумолима. Начинает говорить несправедливые слова про футбол и его товарищей-болельщиков, называет дядю Петю лентяем, хотя он никогда таковым не был.

Дядя Петя молчит, морщится и поглядывает на часы: не опоздать бы. Наконец, после получасовой Нюриной речи он взрывается:

– А ну, мать, пошла с дороги, а то стукну!

Тетя Нюра обиженно поджмывает губы, давая понять, что она сейчас будет плакать. Но дядя Петя уже ни на что не обращает внимания, бежит на стадион в дурном настроении. И только первый гол в ворота противника восстанавливает покой в его душе. И тогда он с Нюрой мирится в этот же день. Если же любимцы проиграли, он относит все беды на счет своей сварливой жены и дует на нее дня три. И эта сцена с некоторыми вариантами повторяется вот уже тридцать лет. Зачем? Кому она нужна? Сколько нервов вымотала она из обоих.

Я знаю: счастливых дружных семей больше, чем плохих, чужих. Но в редакцию редко, очень редко пишут о хороших семьях. Счастье становится привычным, нормой, его не замечают. Зато нередко получаем мы письма о том, что муж – пьяница, дерется, гоняет жену и детей, пропивает получку. В общем, не отец, а разрушитель семьи, враг своих детей, калечащий их психику, прививающий самые дурные наклонности и самые неприятные мысли о жизни и людях. Таких отцов нужно гнать из семьи в три шеи, изолировать их от детей, если не удастся вернуть на «стезю добродетели», если не удалось сделать из него хорошего семьянина.

Пришла в редакцию Г. И. Кропотова и рассказала о муже, что он негодай, пьяница, хулиган, просит найти управу. Почему же, спрашиваем, не уйдете от него?

– Детей жалко.

– Но ведь им с таким отцом хуже, чем без отца.

– Хуже, – говорит.

– ?!

А другие жалуются на то, что муж изменяет. И просят совета, как быть. Вот письмо учительницы Н. с рудника Жолымбет. «Муж денег не дает. Первую жену надо задобрить, чтобы не скандалила и на суд не подала, третью, самую юную и любимую, надо удержать возле себя деньгами, а нам с дочерью ничего не остается. Наглый, не стыдится никого и уезжать не хочет. Пробовала очень робко просить, чтобы нас расселили. А надо мной смеется: “Чего добила? Не нравится, убирайся сама и учти: я не прощаю тому, кто становится на моей дороге”. Не стесняясь, рассказывает мне, что зовут ее Зоей, что работает она в одной из Целиноградских школ и на 21 год моложе его. Мне даже страшно становится: разве можно издеваться надо мной?

Я ему говорю: “Раз любишь, женись”. А он нагло ухмыляется: “Я третий раз жениться не собираюсь, меня такая связь ни к чему не обязывает”. Понимаете, какой цинизм. Но никто не поверил бы мне, если бы узнал обо всем этом, потому что он предельно вежлив со всеми. Каждому посочувствует, окажет какую-нибудь услугу. Самое странное, что его уважают, ему доверяют самую ответственную работу – он возглавляет бригаду коммунистического труда. И никому нет никакого дела, какой он дома. А мне стыдно все это предавать огласке».

Семейные отношения – область сложная и тонкая. Есть в ней подспудные, скрытые от глаз пружины и пружинки, оттенки и детали, совокупность которых может повернуть мир и покой в семье на 180 градусов, с «ясно» на «пасмурно». Очень трудно бывает иногда решить, кто прав, кто виноват. Но если все обстоит так, как пишет учительница, то ее муж – воплощение непопулярности и цинизма, лицемерия и эгоизма. Это тип челове-

ка, который, усвоив определенную сумму жизненных навыков, помогающих ему скрывать настоящую сущность, спекулирует на работе и на друзьях. А дома расслабляется, дома дает выход своему сдерживаемому на людях эгоизму и жестокости, потому что такие люди считают жену, женщину существом второго порядка, которое обязано безмолвно переносить все его, мужнины, прихоти. Если все обстоит так, как пишет женщина, ее муж черный подлец, протитутуирует самые чистые чувства, низводя их до грязной временной связи. А ведь на словах соловей, красивый и влюбленный, самоотверженный и благородный и, главное, страдающий. На эту удочку, на душевные страдания и неурядицы, женщины попадают легче всего.

Н. просит посоветовать: как быть? Она тоже виновата. Вinovата в главном и большом – она поверила человеку, который уже бросил одну женщину. Поверила, хотя чувствовала неладное. («В Джезказгане очень многие его поступки казались мне странными. Почему я не обратила на них тогда никакого внимания?») Видимо, сама она была несколько эгоистична. Вот, дескать, обратил на меня внимание мужчина, на 11 лет старше меня. А разглядеть, проверить человека не удосужилась. И вот результат – он повторил свой опыт еще раз. Н. мирится с унижительным положением обманутой жены, и у нее не хватает мужества бросить мужа. Уехала бы! Ведь учителя нужны всюду – и квартира будет, и зарплата немалая, и душевный покой. Дочь будет защищена от грязи, женщина будет смело глядеть людям в глаза. В таких случаях нельзя ограничиваться полумерами, компромиссами. Семья должна быть чистой, светлой. В ней должно быть уважение и доверие.

Уважение и доверие. Оно порой бывает в семье долгие годы и вдруг однажды рушится. Все летит в тартарары, и, казалось, неразделимая семья тает. Отчего это? Вот письмо из Макинска. Снова пишет жена. «Семья наша маленькая. Муж работает на Макинском заводе имени Ленина, я – медсестрой, а сын учится в седьмом классе. Живем вместе 16 лет. Еще недавно нашей семье

завидовали люди. Работа интересная, выписывали много газет и журналов, вместе слушали музыку, ходили в кино, летом купались, зимой бегали на лыжах. В доме радость, веселье, мы всегда находили общий язык и могли поговорить на любую тему. Я знаю производство мужа, он понимал мой беспокойный труд. Мнения наши расходились редко, спорили по пустякам. И вот 5 ноября прошлого года случилось большое несчастье – мы остались вдвоем с сыном. Муж, возвратившись с курорта, сказал, что жить вместе не будет, и подал на развод. На суде оскорблял меня, обвинял в плохом поведении. Я слушала его и не могла поверить, что это говорит мой муж, который считал меня самым прекрасным человеком, преданной женой. Я потеряла всякий интерес к жизни, не могу слушать радио, не выношу громкого разговора. Живем с сыном молча. В квартире тишина, как в могиле. Я пыталась образумить мужа, мне везде старались помочь: на заводе, в горсовете, в нарсуде, но он представлял из себя обиженного. Причина его ухода – стремление построить семейную жизнь, очевидно, дружба и любовь завязались на курорте. Это уже не первый раз. 6 лет назад он тоже оставлял нас. Но скоро исправил свою ошибку. И до нашего брака он был не безгрешен – оставил жену и ребенка, потом еще жену и двух детей, от которых отказался, был наказан, обвинял жен, как сейчас обвиняет меня, и, доживши до 47 лет, не воспитал ни одного ребенка. Помогите вернуть отца и мужа. Он хотя и пренебрег нами, дорог нам».

Четыре жены, четверо брошенных детей. Не много ли для одного человека? Причем ведь он убежден, что прав. Подобные люди рассуждают таким образом: «Лучше бросить нелюбимую жену, чем приносить ей страдания своей холодностью. Лучше пусть будет двое несчастных (жена и сын), чем трое (жена, сын и я). Непростительно упускать счастье, когда оно само плывет тебе в руки». А через год-два новая любимая также кажется уже скучной, потому что привычна и доступна, а новая дразнящая и волнующая личность появляется на горизонте. Снова успокаивающие доводы: лучше двое несчастных (опять же сын и жена), чем четверо (я, моя новая подруга, сын и жена). Арифме-

тика убедительнее прежней, и новый бракоразводный процесс неминуем.

Но дело тут не в арифметике и не в роковой любви, а в эгоизме, легкомыслии, нежелании воспитывать своих детей и простой непорядочности. Да, за сохранение семьи надо бороться до конца всеми средствами. Но я не ратую за то, чтобы все без исключения люди были прикованы узами брака друг к другу до гробовой доски. Конечно, это было бы хорошо, но при условии, если эта семья истинная, без фальши. Бывает, что действительно люди ошиблись друг в друге, бывает действительно новая, настоящая любовь. Бывает. И тогда разумные супруги по взаимному доброму согласию расходятся и образуют новые семьи. Но всегда нужно, чтобы во всех делах и поступках была максимальная доля справедливости и разумности, и прежде всего с точки зрения детей.

«Целиноградская правда», 10 августа 1966 г.

Тень

Материал не опубликован, потому что после командировки в Барнаул, куда переехала героиня, и ее просьбы не печатать письмо, я отказалась от публикации и теперь меняю имена персонажей.

ЖЕНЩИНЕ сорок лет. У нее девятилетняя дочь. У нее хорошая специальность – экономист. И, говорят, в молодости был отличный характер, веселый и жизнерадостный. Что же заставило ее забиться в дыру, бежать из Целинограда тайком на какой-то глухой сибирский полустанок, бросив семью, дочь, работу, квартиру, друзей? Я никогда не видела Маргариту Михайловну Туганову. Я знаю ее только по письмам и рассказам товарищей по работе. Но письма эти – в них вся ее жизнь и вся трагедия. Оговорюсь только, что письмо, вернее, оно называется объяснением, было написано рукой Тугановой, но не ее умом и сердцем.

Итак, письмо первое. *«Настоящее объяснение даю своему мужу после словесного объяснения Керимову А. Д., с кем я прожила 12 лет. Объясняю нижеследующее дословной правдой, пишу собственной рукой».*

Далее на двух страницах описывается, что с В. И. Бушенко, который был знаком ей по учебе в железнодорожном техникуме, не раз встречалась она и во время замужества. Муж заявил, будто ребенок, который должен был родиться, не его. *«Из всего вышеизложенного видно, что мной совершена непоправимая ошибка, которая стоит мне жизни. И вот теперь я умираю. Думать об этом страшно, но сознание подсказывает, что в этом самое малое наказание для меня».* 8.1.66 г.

Письмо второе, присланное 21 марта в суд.

Я, Туганова М. М. в 1953 году вышла замуж за Керимова А. А., но брак свой не зарегистрировали. В 1957 году у нас родилась дочь Наташа. С 1959 года, с тех пор, как мы стали жить отдельно от родителей, муж очень плохо относился ко мне, оскорблял и бил без всякого повода. Его деспотизм довел меня до того, что 18 февраля я вынуждена была скрыться от него. Девочка так напугана этими скандалами, что боится ему возражать... Я прошу вас оставить дочь мне, потому что дочь очень привязана ко мне. А такой отец окончательно искалечит ей жизнь».

Письмо третье, присланное после того, как Маргарите Михайловне стало известно, что вырванное у нее под пытками «объяснение» Керимов принес в суд: реабилитировать себя и очернить ее.

«При разборе моего заявления от 21 марта 1966 года прошу не принимать во внимание предъявленное моим мужем мое письмо... Письмо это написано потому, что я не могла переносить те издевательства, которые устраивал надо мной муж. Последний скандал вызван тем, что я оказалась в положении и долго не говорила ему, потому что устала расплачиваться за это. Детей он больше иметь не хотел. Стал говорить, что ребенок не его. Допытывался, кто отец ребенка. Если я отрицала, бил меня на глазах у Наташи. А девочка, видя, что я плачу, тоже со слезами умоляла меня ска-

зять что-нибудь. Так продолжалось до тех пор, пока я не придумала какую-то фамилию.

Когда я пришла домой, из больницы, он снова стал устраивать допросы, хотя я была больна. Тогда я снова придумала фамилию Коваленко. В тот день пыталась я отравиться, выпив стиральную соду. Неудачно. А он требовал все новых фактов. Доведенная до отчаяния, я снова попыталась отравиться чернилами, но он вызвал скорую помощь и заявил в милицию, что я отравилась, будучи разоблачена. Он навел справки о Коваленко, не нашел такого и снова стал пытаться. Он порвал на мне одежду и сказал, что если я не скажу правды, убьет и меня, и себя, при этом упомянул о ноже. Тогда я, полумертвая от страха и болезни, сказала, что «он испортил мне жизнь». Он спросил: «Кто? Бушенко?» Я подтвердила, и с этого началась новая фантазия. Каждый вечер он допрашивал меня, как перед судом, и если я что-то отрицала, бил и грозил смертью. Я, потерявшая над собой силу воли, соглашалась со всем, что он требовал. Он сам водил меня на мнимые места моих встреч с Бушенко, иногда мы даже ходили вместе с Наташей. Вот тогда-то я и написала это письмо...

В милиции, горкоме партии меня просили привести факты, подтверждающие мои отношения с Бушенко. Но откуда они будут, если я его не видела не известно с каких пор?»

Письмо четвертое, написанное сотрудникам по работе в «Целинспецстрое» уже из добровольного изгнания. Эти люди помогли ей уехать, собрали все необходимое, вплоть до кастрюли. Они поддерживают ее не только морально, но и посылают деньги, посылки, потому что Маргарита Михайловна не могла устроиться на постоянную работу. Каримов спрятал ее паспорт и диплом.

«Большое спасибо за посылку. Спасибо, что верите мне и поддерживаете. Только зачем вы мне все шлете? Ходила же я три года в одном платье, а сейчас это тем более ни к чему. Я нигде не хожу, кроме как на временную работу. Сегодня я получила ваше письмо (о том, что Керимов увез Наташу на Кавказ к своим родственникам – Л. Ш.), сильно расстроилась и ушла с работы – разболелась

голова. Да еще что-то с рукой. С утра вроде ничего, а к вечеру не могу сжать пальцы вместе.

Наверное, после того, как вы прочли то ужасное письмо, возненавидели меня. Но еще раз прошу, вас не верьте ему. Да неужели в эту нечеловеческую грязь можно поверить. На такую пошлость способен только мой муж. Мне даже думать о том, что там написано, противно. За все тринадцать лет я не видела ничего хорошего, вся радость была в Наточке, а приходилось терпеть такие дикие сцены, что страшно даже вспоминать об этом... Ведь он убил во мне все человеческое, не знаю, как дальше жить, для чего жить. Единственная зацепка в жизни – Наташа. Но она пока далеко от меня. Если вам придется услышать, что меня нет в живых, не думайте, пожалуйста, обо мне плохо. Честное человеческое слово, я этого не заслуживаю, я никому не сделала зла, даже своему мужу, который не хотел и не хочет это признавать»

Скажите, люди, разве это не страшно, что человек мечтает о смерти, как об избавлении от унижений, от преследований? Разве не страшно, что женщина стала ничем, тенью, человеком без адреса, без семьи, без работы, без всяких надежд и радостей? Разве можно простить тому, кто толкнул ее в это жуткое положение? Казалось бы, Керимов должен быть сурово наказан, тем более что в суде лежит ходатайство сотрудников Тугановой о привлечении его к уголовной ответственности. Но... Керимов ходит в героях и пострадавших. Пример родного брата, осужденного на два года за издевательства над женой, заставил Керимова искать «надежные» средства. Он осторожен, хитер. В его жизненных планах нет остановки под названием «скамья подсудимых». Он знает, что самый надежный способ защиты – нападение.

Он писал сам и заставлял писать свою безропотную, обессиленную жену в горьком, обком. Подробно перечислил свои заслуги: денежные премии и общественные награды, требовал, чтобы была «восстановлена справедливость».

Кроме этой генеральной линии наступления Керимов придумал несколько других путей и дорожек, по которым он может

бежать от ответственности, если она, паче чаяния, встанет на поветку дня.

Мы постучались к нему уже затемно. Открыл дверь молодой мужчина, несколько худоватый, с оценивающим быстрым взглядом и улыбкой, застенчивой и любезной. Голос тихий – то ли от привычки сдерживать свои эмоции, то ли от желания придать особую убедительность и, значит, важность своим словам. Все поначалу располагает в этом человеке: чистенький, тихий, улыбающийся. И книжки на столе.

– В институте учусь. Заочно.

Да, на работе Тугановой говорили, что Рита ночами не спала – проекты ему чертила, контрольные делала.

– Неужели вы думаете, что я способен кого-нибудь обидеть?

Действительно, трудно поверить, что этот человек способен истязать жену. Только глаза выдают его – цепкие, жестокие. Что ему ответить? Сказать, что Рита приходила с синяками на работу? Усмехнется: «У нас дверь узкая, о косяк ушиблась». Напомнить, что она ходила, повязанная по глаза платком, и годами не снимала одного единственного платица, у которого уже спина прохудилась – он не давал ей ни копейки на одежду. А когда сотрудники купили ей на дорогу туфельки – расплакалась: «У меня никогда таких не было...» Удивится, разведет руками: «Посмотрите, разве бедно мы живем? Вся обстановка есть, и ковры...» Сказать ему, что Туганова никогда даже на собрания не оставалась, бежала домой, потому что он измучил ее беспочвенной ревностью? Пожмет плечами: «Ее дело...» Может быть, спросить его о том случае, когда он встретил Бушенко и грозил ему расправой, а сам прятал за спиной нож? Оправдается: «Не нож, а отвертка...». Он все будет отрицать, хотя есть свидетели, много свидетелей.

С улыбкой достал и самый главный козырь – один из вариантов «объяснения», самый грязный, самый циничный. Невозможно было верить, чтобы человек может написать на себя такое. Мы были просто ошеломлены. А он улыбался победно и... застенчиво.

– А вот фотокарточки, оба тут.

Старые, студенческие. Рита и Бушенко позируют в группе своих товарищей.

– Но смешно считать доказательством фотографии двадцатилетней давности! А свое «объяснение» она же сама опровергла. Может быть, вы назовете человека, который хотя бы видел их вместе в последние несколько лет? Хотя бы просто так, на улице?

– Нет. Никто не видел. Зато я вам могу показать график.

Да, действительно, даты ночных дежурств и даты мнимых свиданий совпадают. Но было бы странно, если бы это было иначе. Потому что нет никаких сомнений: «объяснение» жены написано под диктовку мужа. Правая рука знала, что творит левая. Убедитесь в этом сами, если сравните образчики стиля Керимова с тем, которым написано «объяснение». Вот несколько характерных для Керимова фраз.

«Считаю своим долгом довести до вашего сведения через настоящее заявление нижеследующее...»

«Настоящее объяснение я, Керимов А. А., поясняю, что паспорт... Объяснение: написал собственноручно Керимов».

И для сравнения еще раз напомним начало объяснения, якобы написанного Тугановой: *«Настоящее объяснение даю своему мужу после словесного объяснения Керимову А. Д., с кем я прожила 12 лет. Объясняю нижеследующее дословной правдой, пишу собственной рукой».*

А дочь Тугановой Наташа рассказала помощнику прокурора тов. Балгабаевой и классной руководительнице, что отец грозил матери убийством и потом заставлял ее что-то писать: «Мама плачет и говорит: “Не было этого. Не было”. Плачет, плачет, потом пишет. Папа ей говорит, а она пишет».

– Только не говорите об этом папе, а то он будет меня ругать, – попросила на прощанье девочка.

Сейчас Наташа на Кавказе, у его родственников. Сорвал ее с учебы, чтобы мать не увезла к себе. Наверное, он привязан к ребенку. Но как можно при девочке истязать мать? Как можно выливать на ребенка всю эту грязь, изобретателем которой он

сам же и стал. Сейчас в суде гражданское дело о судьбе Наташи поставлено в ряд, который называется «дела без движения». Нужно, оказывается, обследование условий жизни отца, матери и личное присутствие всех на суде. А Маргарита Михайловна боится приезжать в Целиноград, боится расправы мужа и написала в суд заявление, чтобы рассмотрели дело без нее. Говорят, нельзя. Керимов, почуяв такой оборот, просит рассмотреть дело в суде города Грозного. Далеко и безопасно.

Что будет с девочкой? Чему научит ее такой отец? Лицемерию, вероломству и жестокости, как сам умеет? Или превратит ее в запуганную безмолвную рабыню, какой стала ее мать? Девочка должна остаться с матерью! Это о деле гражданском.

А разговор об уголовной ответственности Керимова должен быть продолжен. Доказательств – сколько угодно, если не прямых, так косвенных. Надо только не лениться их найти. Слишком проста была бы задача органов юстиции, если бы все улики лежали на поверхности и не надобно было бы их добывать и исследовать. Между тем дело Керимова два раза кочевало из прокуратуры в суд, «отфутболивалось», по образному определению судьи Л. П. Цой. И в нем нет самого, казалось бы, необходимого – объяснения самого Керимова. Зато есть записка заместителя начальника отдела милиции тов. Быкова, напоминающая об этом следователю милиции: «Тов. Хасенов! К собиранию материалов по факту истязания подошел несерьезно. Подробно, по все фактам отобрать объяснение от Керимова, а ты даже не указал, где он работает».

Керимов между тем уверовал в свою безнаказанность, разыскал тщательно скрывааемый от всех адрес жены и поехал расправиться с ней, заставить ее молчать. Вот что пишет об этом набеге квартирная хозяйка Маргариты Михайловны.

«У нас был переполох. Заявился 28 числа Керимов. Я случайно увидела, что он шел за кустами. Рита выскочила в окно и убежала. Я ему сказала, что проводила ее на поезд. Но тут были соседи – ведь без паразитов нигде не обойдется. Рассказали, как она выпрыгнула в окно и куда-то побежала, как мой сынишка выносил ей одежду.

Я послала сына в погоню предупредить, чтобы не ездила в Завьялово. Керимов вернулся, стал кричать. Всю ночь караулил нашу квартиру, хоть собаке было веселей. Он сказал, что мать Риты попала под мотоцикл. Узнайте скорее, сообщите, правда ли это, а то ведь женщина совсем потеряла голову».

Облава, капкан. Загнал жену в щель, как зверя. И опять спекулирует самым дорогим: мать, мол, в тяжелом положении, хотя мать здорова и бодра. Хотел таким способом выманить жену из убежища. Не удалось. Поехал второй раз. Снова не нашел. А Маргарита Михайловна, напуганная этими налетами, перестала писать даже товарищам по работе, лишилась их поддержки и заботы.

Чем кончится эта история? Будет ли Маргарита Михайловна снова жить и работать, как все люди? Увидит ли рядом с собой любимую дочь? Избавится ли от гнетущего страха за свою жизнь и будущее дочери?

«Целиноградская правда», гранка, 1966 г.

Врачевание души

Обзор писем

Человек попал в беду. Человеку очень плохо. О нем позаботятся родные. А если нет родных? Тогда друзья. А если нет друзей, кто протянет руку помощи? Товарищи по работе, незнакомые люди. Да, если они чуткие, хорошие люди. Но, к сожалению, часто забываем мы за своими делами человека, который живет рядом с нами. Кажется, и немного надо сделать – вовремя снять телефонную трубку и справиться о здоровье, или заглянуть в больницу, или попросить начальника перевести человека на другую работу, или просто поговорить по душам. Отложил такой разговор на завтра, на послезавтра, отмахнулся от просьбы, потом ошибку бывает трудно исправить. Если человек, которому вовремя не помогли, не запил «горькую», значит, замкнулся в себе, очерствел, закрыл свою душу для людей.

Как-то в редакцию зашел пожилой человек, назвался рабочим четвертого отделения учхоза сельхозинститута М. Смаиловым и положил на стол листок бумаги.

– Очень прошу, напечатайте. Очень мы с женой благодарны за нашего сына хорошим людям.

А случилось вот что. Родился в семье Смаиловых сын Марат. Радовались родители малышу. Только одна печаль – кривошеим родился. Не раз обращались к врачам. Они разводили руками:

– Ничего не можем сделать.

Парнишка подрос, стал ходить в школу. А тут еще хулиганы-мальчишки дразнили. Как-то узнал Смаилов, что в Ленинград из Москвы приехал хирург Центрального института травматологии и ортопедии Юрий Борисович Гинзбург. Привез он Марата в город, и через несколько дней Гинзбург успешно провел операцию. Марат больше месяца лежал в больнице, и в школу ходить не мог. Но не отстал. Учительница Татьяна Федоровна Тамбовцева каждый день приходила к Смаиловым и занималась с Маратом. Пожилая, больная женщина не считалась со временем, перевозмогала недуги, хотя ей было очень трудно ходить. Она знала: мальчику нужна ее помощь. Мальчик должен перейти в пятый класс.

Теперь Марат здоров и весел. Хорошо учится, и злые мальчишки уже не дразнят его. Его спасли хорошие люди.

Беречь людей – нелегкая, но почетная обязанность. Беречь их добрые чувства и светлые взгляды на жизнь. Ведь как озаряется, как вырастает человек, если он чувствует, что вокруг него чуткие, справедливые люди. Он старается жить чище, лучше работать, без оглядок на часы. Как Николай Якимчук, мастер СУ-2 треста «Целинограджилстрой».

Молодой парень приехал на целину после училища. Доверили ему ответственный участок, избрали в комитет комсомола. И его новые друзья оказались настоящими друзьями. Когда Коля заболел, в больницу постоянно приходили то Анна Ивановна Губарева, начальник отдела, то член стройкома Мария Дмитриевна Грушечкина, то друзья комсомольцы. Но чаще всех бывала

табельщица Мария Клайн. И, конечно, не передачам радовался Николай, а человеческому участию. Болезнь отступала.

Тяжело только было смотреть на товарища по несчастью Анатолия Меленчука. Толя работал в СУ-4. Приехал к нам на целину по комсомольской путевке. Родных нет. Славный, работающий парень был. А попал в больницу, все о нем забыли. Когда Николай выписался из больницы, он несколько раз навещал нового знакомого. И надо было видеть, как радовался Меленчук. Он оказался стойким парнем. Выписался, пришел на работу, а ему говорят:

– Никаких бюллетеней оформлять не будем, живи как знаешь.

Самое страшное, если на посту руководителя сидит вот этакое существо, фаршированное инструкциями, цифрами, приказами, в которых преобладает буква «Я». Для такого человека-автомата люди – только средство, клавиши для создания себе авторитета.

Когда такого просят помочь, досадливо отмахивается: «Некогда. Зайдите в другой раз». А порой это грозит большим несчастьем. Вот что пишет в редакцию продавец магазина № 3 Аксуского продснаба Анастасия Дмитриевна Слезенко. Третьего августа она почувствовала сильные боли живота. Закрыла магазин, но уйти в больницу не могла: охранник магазина почему-то задержался. Слезенко позвонила в торговый отдел продснаба тов. Тагильцеву:

– Пришлите охранника. Я очень плохо себя чувствую. Мне нужно в больницу.

Тагильцев грубо оборвал ее:

– Если оставите магазин, будете отвечать. Вас тут много, и я не собираюсь с каждым разводить дебаты.

Вот он, холодный, равнодушный окрик бюрократа. Окрик, который мог кончиться очень плохо. Ведь с двух часов дня до десяти вечера женщина сидела в магазине, и ей было очень, очень плохо. Не помоги ей начальник продснаба Карманов, возможно, вмешательство хирургов было бы бесполезно. Когда Слезенко позвонила на квартиру тов. Карманова, он немедленно послал охранника, вызвал скорую помощь, и уже через несколько минут

женщина лежала на операционном столе. Было поздно, и хирург В. Р. Шевчука и главврача В. С. Терещенко пришлось вызвать в больницу по телефону. Острый аппендицит. Немедленно оперировать – решили врачи. В ту ночь они не уснули ни на минуту, но жизнь больной была спасена.

«Спасибо душевным, чутким людям. Пусть они всегда будут такими», – кончает свое письмо Анастасия Дмитриевна.

К ее словам нечего добавить.

«Целинный край», 12 ноября 1963 г.

Счастье надо беречь

По письмам читателей

Любовь, семья, дети. Вечный, нестареющий вопрос. Как важно, чтобы люди бережно и чутко относились друг к другу, ценили, добрые чувства в семье. А между тем в газетах довольно часто появляются объявления о разводах. Отчего?

Лида Милова написала в редакцию о своей жизни и прислала фотографию. С фотографии улыбается симпатичная девушка в белой шапочке. А рядом с ней, прикрыв лицо воротником, стоит парень, настороженно поглядывая на фотографа. Это и есть бывшие супруги Миловы – Лидия и Анатолий. Почему же пришлось написать это очень обидное и неприятное слово «бывшие»?

Три года ждала Лида своего любимого, пока он служил в армии. А когда вернулся, поженились. Анатолий поступил в Целиноградский сельскохозяйственный институт, а Лида работала на фабрике имени Маншук Маметовой. Когда родился сын Витя, Анатолий радовался, как ребенок. Два года молодые жили счастливо и спокойно. Беда пришла неожиданно. Все началось с того, что Анатолий, не посоветовавшись с женой, перешел на заочное отделение и решил поехать к своим родителям. Родные мужа встретили Лиду как чужую. Мать отказалась смотреть за внуком, устроить Витю в ясли не было возможности. Молодая женщина вынуждена была

сидеть дома, оторванная от любимой работы, от друзей. Она превратилась в домохозяйку, полностью зависимую от мужа. Это было унижительно. Когда Лида просила у мужа купить что-нибудь для сына или для нее самой, он досадливо отмахивался:

– Сначала заработать надо, а потом уж покупать.

Лида терпела, молчала. Дошло до того, что Лиде предложили уехать. Куда она зимой с ребенком? Пришла на вокзал – тогда они жили на станции Жана-Арка, – и села на поезд, следующий в Целиноград.

На работу Лиду приняли, а место в яслях оказалось занятым. Куда девать сына? Хорошо, если соседи соглашались присматривать за ним, когда мать была на работе. А если нет? Приходилось оставлять одиннадцатимесячного малыша одного.

Никаких вестей от отца не было. Сдал экзамены, уехал на курорт. Даже вещей Лидиных не привез. И вот опять молодая женщина вместе с сыном зимой совершает рискованное путешествие на станцию Жана-Арка с тайной надеждой: может быть, одумается, вспомнит о сыне Анатолий. Но нет. Он уже женился на другой.

Нам трудно судить, насколько серьезны причины, побудившие Анатолия бросить семью. Отношения супругов порой настолько сложны, что невозможно со стороны рассудить их. Тут, как говорится, дело внутреннее. Можно предположить, что Анатолий и учительница Мешкова полюбили друг друга большой настоящей любовью. Только не верится, что это так. Человек, который может по-хамски обращаться с женой, сознательно обрекает своего сына на лишения, это человек сухой, черствый, эгоистичный, не способный на большое чувство. Он не может беречь и ценить добрые отношения. К таким людям обычно на склоне лет приходит раскаяние. Они вспоминают о своих детях, хотят вернуться в семью. Но часто это бывает слишком поздно.

Вот еще одно письмо в редакцию. Пишут дети:

«Наш отец, Демур Петр Михайлович, бросил нашу семью в 1949 году. Матери очень трудно было с нами. Ведь нас шестеро. И вот, когда уже подросли, стали на ноги, наш отец решил вер-

нуться. Через тринадцать лет. Прошел месяц, и он ушел обратно. Можем мы назвать этого человека своим отцом?»

На этот вопрос можно не отвечать: он риторический. Ответ на него ясен. Себялюбец, скрывшийся от ответственности, мечтающий на старости обрести покой и ласку родных, не имеет права носить высокого имени «отец». Он не воспитал своих детей. И очень жаль, что иногда суд признает подобных мерзавцев законными отцами.

С возмущением и горечью пишет в редакцию Елена Сергеевна Привенкова из города Канибадам Таджикской ССР.

«Иногда человека можно сравнить с мотыльком, который летает от одной жены к другой, ищет легкой жизни. Вот такой человек встретился и на моем пути. Это Провенков Михаил Петрович, работник отдела техснабжения завода “Казахсельмаш”. Трудно даже перечислить его многочисленных жен. Причем почти все эти браки ловкий авантюрист регистрировал, уничтожая в паспорте предыдущие штампы. Любовные похождения и пьянки были основной причиной того, что ни одна его супружеская связь не была прочной и долгой. От брака с Галиной Альшевой у Привенкова была дочь Люба. Когда он женился на Елене Сергеевне Сальцевой, народный суд городов Кустаная и Шауляя Литовской ССР с согласия Сальцевой решил отдать девочку Привенковым. Любе тогда было четыре года. Она не помнит своей матери и считает Елену Сергеевну родной. И Елена Сергеевна привязалась к ребенку.

Поскольку супруг не хотел заниматься воспитанием дочери, Елена Сергеевна брала ребенка с собой даже в командировки. Вечерами читала девочке стихи, учила считать. А отец пьянствовал и приходил домой поздней ночью.

И вот в августе прошлого года Привенков забрал ребенка и ушел к Альшевой. Елена Сергеевна скучала по девочке, да и Люба полюбила ее. Елена Сергеевна добилась, наконец, чтобы девочка вернулась к ней. Некоторое время Привенков молчал, а потом начал строчить в разные инстанции то слезные, то возмущенные бумаги: Елена Сергеевна, де, не имеет к Любе никакого

отношения, она украла дочь. Это она-то, женщина, которая дала девочке материнскую заботу и ласку?

«Прошу вас, – пишет Привенкова в редакцию, – помогите установить мир в моей жизни. Я хочу одного, чтобы мы с моей девочкой могли свободно ходить, спокойно жить, чтобы нас не беспокоил этот человек».

Письмо, как говорится, не требует комментариев, и, видимо, лучшей помощью Елене Сергеевне будет всеобщее осуждение ее бывшего супруга. Нельзя топтать светлые чувства материнства и любви. Елену Сергеевну Люба с полным правом может назвать матерью, потому что она отдала ей тепло и ласку щедрой души.

Подобное случилось и с другой нашей читательницей, Раисой Родиной. Горькое письмо прислала она в редакцию. Письмо о своем бывшем супруге Анатолии Андрееве. Постоянные пьянки, разгульная жизнь, унижительные долги, которые Анатолий делал в 1-й автобазе и в комбинате бытового обслуживания, где он работал, оскорбительное отношение к жене вынудили Раису уйти от мужа. Тяжелым осадком осталось в душе молодой женщины это время. Такие раны не заживают легко. А отнесись она строже, присмотрись повнимательнее к своему жениху, усмотрела бы те наклонности его натуры, которые привели к разрыву, и, наверное, не дала бы согласия на брак.

Создание семьи – это шаг серьезный, это на всю жизнь. Здесь не место легкомыслию и скороспелым решениям. Бывает ведь так – сегодня познакомились в парке, а назавтра уже отдали заявление в ЗАГС, а через два месяца знакомые молодоженов приносят соболезнования по поводу скорого развода.

А бывает и по-другому. Поженились. И живут два хороших человека. Хорошо живут, счастливо. И вдруг один из них сорвался, забыл, что уважение и любовь в семье держатся на взаимном доверии и чуткости. Стал несправедлив, без повода бранлив. Обиднее всего, когда вот из-за такого, казалось бы, пустяка распадаются хорошие семьи.

Перед нами письмо. Его автор не захотел назвать имени. А письмо взволнованное, интересное. Увлекаться танцами он

стал еще будучи во флоте. А когда демобилизовался и приехал по комсомольской путевке в Целиноград, не оставил своего любимого занятия – записался в Целиноградский ансамбль песни и танца. Первое время жена принимала это как должное, но после поездки в Караганду решительно сказала:

– Больше на репетиции не пойдешь – или я не буду с тобой разговаривать.

А он очень любил танцевать и не мог уступить капризу жены: ведь она была неправа. В семье начались размолвки. Каждый день молодой супруг искал выхода из этого нелепого положения. Даже убедительные доводы друзей не действовали на жену:

«Дорогая редакция, – просит нас автор письма, – объясните, пожалуйста, моей жене, что я очень ее люблю и мне обидно, что она так несправедливо относится к моим занятиям».

Мы хотим дать молодой женщине дружеский совет: бросить это нелепое упрямство, терпимее и дружелюбнее относиться к занятиям мужа. Ведь это любовь к искусству, облагораживающему и возвышающему человека. Вы неправы и должны признать это. Иначе может случиться, что такая незначительная, на первый взгляд, размолвка может привести к разрыву.

Счастье надо беречь!

«Целинный край», 2 июля 1963 г.

Поговорим начистоту

Отчет

Дорогой читатель! Мы приглашаем тебя вместе с нами принять участие в большом откровенном разговоре о судьбах нашего города, который недавно состоялся во Дворце целинников. Мы думаем, ты вместе с нами будешь возмущаться непорядками и тебя тоже глубоко взволнуют и возмутят те факты, о которых мы узнали на собрании. И, наверное, с этого дня ты будешь строже и требовательнее относиться к своим поступкам, к поведению

своих товарищей, людей, с которыми ты живешь в одном городе. Не будь равнодушным, не проходи мимо такого...

Беды могло не быть...

В клубе строителей весело и уютно. Девчонки, наскоро сбросив забрызганные раствором спецовки, надев хрупкие туфельки, самозабвенно кружились в вальсе. И вдруг в дверях клуба появилась неопрятная, пьяная фигура: Р. Норвидас, строитель, жилец общежития СУ-2. Замерли девичьи сердца. Потупились парни, будто не замечая пьяного, оскорбительных бранных слов. И только маляр Пранскевичус не побоялся одернуть хулигана.

– Стыдно! Шел бы, проспался.

Норвидас с пьяной свирепостью набросился на маляра и избил его в присутствии десятка безмолвствовавших здоровенных парней. Никто не осмелился вступить за порядок, за справедливость. Трусливые, жалкие людишки!

Норвидас вломился в женское общежитие. Разделить веселье с Норвидасом пришел и его дружок Магамедов. На шум прибежали рабочие, завязалась драка. Жертвой осатаневшего хулигана стал Галицкий: Норвидас ударил его ножом. Преступник привлечен к уголовной ответственности. А ведь он мог остаться в рядах строителей, мог с пользой прожить свою жизнь. Мог бы... Если бы строители СУ-2 треста «Промстрой» чувствовали себя хозяевами города, ответственными за каждого жителя. Если бы не встретил трусости и равнодушия на своем пути. Если бы в строительных общежитиях были все условия для полезного, интересного отдыха. Если бы секретарь партийной организации СУ тов. Волостных, председатель местного комитета тов. Пылаев, секретарь комсомольской организации тов. Ледова, воспитатель тов. Жданович по-настоящему занимались воспитанием молодых рабочих.

Мало носить почетный титул руководителя. Мало правильно исполнять служебные обязанности. Работа руководителя исчисляется не только процентами плана, но и судьбами вверенных ему людей. Каждый их проступок и его вина. А вот яркий образчик казенного, равнодушного отношения к человеку.

Электросварщик СУ-5 треста «Промстрой» Евгений Семиколенных в марте прошлого года был арестован за ранение ножом рабочего Усманова. Не успели, как говорится, страсти улегаться, а сердобольная бригада, где он работал, прислала в суд ходатайство. Семиколенных выглядел в нем чуть ли не ангелом: человек хороший, работник отменный. Не поскупился на похвалы и бригадир тов. Костин. Суд поверил, суд понадеялся на силу коллектива и вернул хулигана в бригаду. А бригадир и члены бригады, видимо, решив, что сделали человеку доброе дело, избавив его от скамьи подсудимых, перестали обращать внимание на поступки Семиколенных. И снова пьянки, хулиганские выходки, драки. После одной из таких драк Семиколенных решил скрыться из города. Сердобольные руководители СУ-5 его рассчитали. Зачем лишние хлопоты? – решили начальник СУ тов. Лелеков и бригадир тов. Костин. Уходит человек, и ладно. И никто не вспомнил, что в суде лежит ходатайство о взятии его на поруки. Никого не интересовала судьба человека.

С горечью и гневом рассказал об этих случаях Н. И. Мовчан, заместитель начальника отдела краевого управления охраны общественного порядка. Об этом же говорил и его коллега Б. Я. Томбак.

Молодая девушка Тамара Вовкова, зверски убитая шофером Давыденко, могла жить. Могла петь, любить, заниматься интересным делом. Но в СУ-2, где она работала, никто не спросил Тамару, почему перестала ходить на работу, почему ушла из общежития. Даже те, кто кричал «горько» на ее свадьбе, не поинтересовались, почему разошлась с мужем и решила уехать из города. Девушка оказалась вне коллектива. Нечуткими были люди, с которыми столкнулась она в тяжелое для нее время. Их, этих людей, не судили. А высшим судом совести их следовало судить. Потеряли человека. И хуже того, спрятались, трусили, не помогли раскрыть преступление. А вот маленькая девочка, школьница Галя Завадчикова, преподавала всем урок честности и мужества. Она помогла найти убийцу.

Пиявки

Пиявки. А как назвать их иначе, людей, которые тащат деньги из государственной казны или вымогают их у своих же товарищей? Как назвать взяточников, спекулянтов, воров? Об этой нечисти говорил на собрании начальник ОБХСС городского отдела милиции Ф. Ф. Тамендаров.

Мы привыкли с уважением относиться к нелегкому труду работников торговли. Но скажите, как можно с уважением относиться к таким, как инспектор городского управления торговли Дорошенко, которая за один день положила в карман 116 рублей, вырученных от проданных по спекулятивным ценам кофточек?

А продавец магазина № 21 горпищеторга Борович нашла еще более безбидный способ наживы, она взбила цены на воду. Простой лимонад оказался «золотым» напитком. В месяц он давал Борович 240 рублей.

Грязными, черными руками «зарабатывают» буфетчица школы имени Крупской Краснобородько и повар-бригадир школы имени Кирова Гончарова. Они набивают свои кошельки за счет копеек, которые дают родители детям на завтрак. С какой совестью смотрят эти женщины в глаза людям? Ведь они, наверное, тоже матери. И у них, наверное, тоже есть дети. Дети будут стыдиться таких родителей. Тот, кто способен обидеть, обмануть доверчивого ребенка, совершает самый тяжкий грех перед совестью своей.

С граммов, с копеек начинается крупное воровство. Но страшнее материального урона язва моральная. Страсть к наживе, к легкому заработку разъедает душу, убивает ее, человек превращается в пресыщенного ленивого самодура. Такое случилось с директором ресторана «Север» Межовым. Чувствуя себя неуязвимым хозяином ресторана, он систематически пьянствовал там со своими друзьями, естественно, не вкладывая в эти роскошные ужины ни копеечки денег. Повар Силиниченко аккуратно и безропотно устраивала ему эти банкеты, а потом вершила махинации, чтобы покрыть расходы.

Но этих благ разгулявшемуся директору показалось мало. Назначили торговать тестом продавца Черезову, а услужливая

Силиниченко подсказала растерявшейся Черецовой, чтоб та «подмазала» директора. Черцова дала взятку 30 рублей, после чего Межов милостиво согласился утвердить ее продавцом. Через некоторое время он вторично получил взятку.

Совсем свежий факт. Буфетчица ресторана «Ишим» Морозова постоянно обвешивала покупателей. Об этом стало известно дирекции треста столовых и ресторанов. И вы думаете, наказали? Нет! Дали путевку на курорт. А чтобы «патронессе» не скучно было, дали отпуск без содержания и ее приятельнице официантке Барановой. Такая медвежья услуга не поможет человеку стать на ноги. Покровительство нечестным людям в конце концов приводит их на скамью подсудимых.

Только постоянный, действенный всеобщий контроль поможет нам «выудить» всех нечестных людишек, которых еще, к стыду нашему, немало в торговых и строительных организациях города, в быткомбинате, на винно-водочном заводе, на мясокомбинате, в таксомоторном парке.

«Делать жизнь с кого?»

Дети. Им по пятнадцать, по шестнадцать. А на счету у некоторых уже по несколько краж. Одни – ученики, другие – работают, немало – бездельничают. С болью говорили о таких подростках прокурор города А. П. Баранов, начальник городского отдела милиции М. А. Каражанов и секретарь партийного бюро института «Индустройпроект» тов. Руденко. Родители этих подростков плохо занимались воспитанием детей и, еще хуже, сами порой подавали им дурные примеры: сквернословили, пьянствовали, дебоширили в семье. А в результате вырастали убогие, озлобленные или безвольные ребята с искаленной психикой, извращенными понятиями о нормах поведения в социалистическом обществе.

Трудно сложилась жизнь у А. Шевченко. Отец бросил семью, уехал. Мать, работница депо, не находила времени для воспитания сына. И в школе не сумели привить иммунитета к дурным поступкам, и на заводе сантехизделий, куда парень поступил ра-

ботать слесарем-жестянщиком, некому было заняться этим легким характером. А финал печальный: вместе с Орловым и Бейсембековым подросток совершил в конце прошлого года кражу.

Важно, чтобы каждый понял, что судьбы подростков – это наше кровное, общее, самое главное дело. И вести борьбу за молодого человека нужно по всем фронтам.

А. П. Баранов внес очень ценное предложение: не считать предприятие, выполнившее план по всем показателям, передовым, если на предприятии есть случаи правонарушений и не воспитывают молодых рабочих. А борьба с алкоголизмом? Разве это не борьба за чистоту нашей жизни, за то, чтобы пьяницы-родители не калечили своих детей? Я уже не говорю о том, что пьянство – первый спутник уголовных преступлений.

Кстати, на вечере были очень поучительные и гневные выступления ГАИ милиции. На Доске позора – нарушители порядка из автопарка, автотэб, СМП-4, горводоканала, завода «Казахсельмаш», вагоноремонтного завода, СУ-4, мясокомбината. Отвратительные, жалкие, смешные фигурки ползли по экрану, когда мы смотрели фильм «В Целиноградском медвытрезвителе». Таким людям нельзя доверять воспитание детей!

Очень много ценных предложений по борьбе с безнадзорностью подростков высказали участники вечера в специальных анкетах. Вот пожелания преподавателей железнодорожного техникума Л. Абукаримовой, Л. Саркисова, В. Яблокова:

– Нужно организовать вечерами в тех местах, где собираются подростки, родительский патруль. Чтобы молодежь интересно и с пользой проводила свободное время, надо открыть в городе молодежные кафе, построить спортивные залы, хорошо оборудовать стадионы.

В общем, путей и средств работы с подростками много, важно, чтобы взрослые понимали, что они должны быть образцом поведения для своих младших товарищей, и «за грудой дел» не забывали о молодых гражданах страны Советской.

Закончились речи, просмотрены поучительные фильмы и выставки, заполнены анкеты. Вечер был очень полезным. У тех, кто

побывал на нем, только одно пожелание к устроителям – учесть ценные предложения, высказанные в анкетах, и провести подобные собрания на всех крупных предприятиях города.

Хорошо сказал, закрывая вечер, секретарь, горкома партии А. М. Асанов:

– Давайте все вместе, каждый день и каждый час заботиться о том, чтобы очистить наш город от грязных, позорных явлений. Сделаем Целиноград городом коммунистического быта.

«Целинный край», 25 января 1965 г.

Опасный возраст. Рядом с тобой – подросток

Отчет

Опасный возраст... Это подростки, которые уже мыслят себя взрослыми. Для них многое в жизни сложно, непонятно, зыбко. Но хочется взять ее, эту самую жизнь, с налету – познать все сразу, подчинить себе. И если в критический переходный период от детства к «взрослости» не будет рядом умного, чуткого старшего друга – пойдет путь подростка по кривой, и кто знает, куда приведет. Не на скамью ли подсудимых, как учеников школы № 15 Елисабаева, Хана, Писарева, Юрченко, которые занялись позорным промыслом – воровством?

А ведь, наверное, были бы эти парнишки славными ребятами, наверное, строили бы модели кораблей, увлекались бы спортом или полюбили слесарное дело – если бы направить энергию в нужное русло. Стремление к действию, к необычайным приключениям привело их к преступлению. То, что в начале казалось увлекательной детской игрой, стало трудноизлечимым недугом.

Как не просмотреть этого критического момента в жизни мальчишек и девочек, как работать с трудными подростками, как организовать досуг детей по месту жительства?

Обо всем этом говорили на пленуме Целиноградского горкома комсомола. Многие из целиноградцев любовались четким строем ребят, одетых в одинаковую синюю форму, строгих и

подтянутых. Это направляется на дежурство комсомольская оперативная дружина имени Дзержинского – гроза хулиганов, заботливый воспитатель «трудных». На счету у членов отряда Вячеслава Кравцова, Игоря Долданова, Владимира Быковского, Александра Хухлянского и других немало «спасенных душ». Среди них студент машиностроительного техникума Михаил, задержанный однажды за кражу. Немало пришлось повозиться с парнем, зато теперь он сам – кандидат в члены оперативного отряда.

И военно-спортивный лагерь «Факел», в который направляли подростков, задержанных милицией, – тоже дело оперативно-го отряда. Увлекательные военные игры, труд, спорт, встречи с киноактерами и передовыми рабочими, в общем, жизнь, в которой каждый час был интересным, полезным, делал ребят неузнаваемыми.

Секретарь горкома комсомола В. Быков говорил на пленуме о встречах с ветеранами труда и войны, о воспитательных беседах, о торжественных вечерах посвящения в рабочие и вручения паспортов. Все это, безусловно, хорошо и важно. Но за этой массовой работой нельзя забывать, что главное – доходить до каждого человека. Очень хорошо сказал по этому поводу прокурор города тов. Баранов:

– На беседы и лекции, как правило, «педагогически запущенные» подростки не ходят. А ведь вы, наверняка, хорошо знаете своих соседей, знаете, кто склонен к преступлению. Вот на него и обратите особое внимание. Не жалеите времени. Не дайте ему отойти от хорошего и прибиться к дурному...

Индивидуальная работа – самое трудное, но самое верное орудие воспитания. И, казалось бы, кому, как не комсомольцам, студентам педагогического института, научиться владеть им? Но они оказались до странного пассивны и бессильны, когда работники прокуратуры обратились к ним с просьбой взять индивидуальное шефство над некоторыми подростками.

А вот Василий Балабанов, которого направили в комитет комсомола железнодорожного узла, попал в надежные руки. Поста-

вили парня работать учеником слесарного цеха локомотивного депо, устроили в общежитие. Через некоторое время бывший хулиган получил разряд, стал хорошим рабочим человеком.

Работа с подростками, которые уже попадают на заметку милиции, – это исправление плохого. Это трудно. Гораздо проще и разумнее не допускать до этого. С самого раннего детства научить детей жить в коллективе, ценить труд, привить им чувство справедливости. Это значит, что не только в детском саду, в школе, но и дома, во дворе, на улице рядом с детьми должен быть умный, чуткий наставник, который наполнил бы их жизнь полезными, занимательными делами. А поучиться есть у кого.

За последние полтора года в Целинограде открылось более 400 дворовых клубов, и число правонарушений среди подростков уменьшилось в 2,5 раза. Зависимость самая прямая. В Усть-Каменогорске по инициативе горкома комсомола стали строить в подвалах плавательные бассейны для детей. А Новокузнецкий горисполком принимает дом только в том случае, если во дворе построены простейшие спортивные сооружения и выделены помещения для дворовых клубов.

К сожалению, в нашем городе довольно трудно отвоевать помещения для таких клубов, да и практически некому заняться этим. Горком комсомола до последнего времени очень пассивно относился к организации дворовых клубов. И только два секретаря комитетов комсомола – треста «Целинтрансстрой» Роберт Генц и железнодорожного узла Ада Кокшарова – рассказали на пленуме о своем опыте работы с подростками. А самым интересным было выступление пенсионерки Александры Ивановны Ивановой, которая организовала в своем доме по улице Мира, 2 детский клуб «Искорка». Комсомольцы искренне завидовали ее увлеченности, молодому задору, ее любви к детям и бережному уважению к их характерам.

Три года работает этот клуб. Мальчишки, которые когда-то били стекла, обрезали звонки и ломали яблоньки, посаженные во дворе, теперь – певцы и танцоры, шахматисты и волейболисты. Они теперь шефы самых маленьких. В клубе каждый чувствует

ответственность за всех. Даже самый незначительный проступок не проходит здесь незамеченным. Вот только один пример.

Прибегают как-то к Александре Ивановне девочки. Возбужденные. Беспокойные.

– Вы знаете, что у нас случилось? Таня взяла цветочек у памятника Ленину. Мы хотим устроить над ней суд.

И «суд» был. Таня во всем призналась, расплакалась. И пообещала никогда больше так не делать. А если бы прошли мимо такой мелочи, она могла бы перерасти в большую беду. С тех пор как работает клуб, во дворе не стало хулиганов. И двоечников намного меньше. И в школах своих ребята с этого двора самые активные.

Конечно, в нашем городе есть немало людей, которые могли бы, как Александра Ивановна Иванова, стать общественными заведующими дворовых клубов. Надо найти этих людей, помочь им добиться помещения. Привлечь к этому горисполком, строительные тресты, домовые комитеты. А возглавить эту работу должен, конечно, комсомол.

Хорошо, что комсомольцы сразу после пленума пошли на воскресник по оборудованию одного из дворовых клубов. Но пусть тремя часами работы не исчерпывается их участие в воспитании подростков. И хотя не очень богатым интересными предложениями был этот пленум, будем надеяться, что разошлись с него комсомольцы с твердым намерением сделать все, чтобы подростки благополучно миновали все рифы «опасного возраста».

«Целиноградская правда», 13 мая 1968 г.

От суда людского не уйти

После выступления «Целинного края»

25 июня, когда в нашей газете была напечатана корреспонденция «Мы презираем этого человека», в редакции весь день раздавались звонки.

– Неужели правда то, что написано в газете? Что же это за человек такой?

А через несколько дней пришло в редакцию письмо от машиниста Севчугова:

«Статью читал не один. Не дали дочитать до последней строки – в адрес Кузьменко полетели колкие слова. Каждый из нас хотел увидеть в эту минуту его лицо, чтобы задать вопрос: “Зачем вы живете, Кузьменко?”».

Нам часто приходилось встречать людей, которые просили о помощи. Поднимет человек руку на разъезде, на перегоне. Скорость 80 километров. Инструкция не позволяет останавливать поезд, а рука машиниста невольно тянется к крану. И вот тормоза в действии, поезд останавливается на пять минут. Разве существуют инструкции и правила, если рядом беда?».

Мать Саши Губарева Ольга Сидоровна долго набирала сил, чтобы прийти в редакцию. Горе согнуло ее, состарило. Сдало сердце, положили в больницу.

Ей трудно говорить – слезы. Ей невозможно понять, что Саши нет. Когда в Гомель, куда они с мужем, кузнецом завода Казахсельмаш, поехали в отпуск, пришла телеграмма о несчастье, – она не верила. И сейчас сын, как живой, всюду с ней. Здоровый, крепкий парнишка, заядлый футболист. Мечтал стать летчиком-испытателем.

...На похороны пришли ученики шестой школы, где учился Саша, рабочие завода «Казахсельмаш», сослуживцы Ольги Сидоровны по краевой конторе Госбанка. Все, как могли, старались утешить мать.

Она пришла в редакцию, чтобы поблагодарить через газету всех, кто спасал ее сына — работников завода ЖБК и «Казахсельмаша». Мать и в горе своем нашла силы сказать людям спасибо за сочувствие и благородство.

Больше всего ранил безрассудный поступок Кузьменко тех, кто работал рядом с ним, – шоферов. Негодяем оказался человек, с которым они каждое утро здоровались, с которым вместе сидели на планерках и собраниях, которого не раз выручали в трудную минуту. Стыдно, горько, непонятно. Тяжело судить своего сослуживца, но не судить нельзя. То, что он сделал, не прощают никому, никогда.

Некоторые полагали, что произошло какое-то недоразумение, может быть, в этой истории что-то преувеличено. Но, когда в прохладном гараже, где проходило собрание шоферов, появились рабочие завода ЖБК и стали рассказывать, как это произошло, люди притихли и помрачнели. Не буду приводить полностью всех выступлений. Только некоторые фразы и факты.

Леон Станиславович Винсевичус:

– Подошел я к Кузьменко, попросил поехать за врачом. Он отрезал:

– Не поеду, пусть мотоцикл едет.

А потом, когда все стали возмущаться, сбежал от людей, поставил машину в другом месте.

Лидия Андреевна Руф: Сестра Саши приехала вся в слезах:

– Помогите, люди.

А мы и без того все готовы были отдать, чтобы спасти мальчика. Только Кузьменко был невозмутим.

Вот тут один шофер реплики бросает, мол, Кузьменко трудовой человек. Неправда! Трудовой человек всегда в беде поможет. Тот же шофер, видимо друг и защитник Кузьменко, задал нелепый вопрос:

– Куда родители смотрели? Сами виноваты.

Да разве мы раздумывали, где родители, кто виноват? Разве это было в тот момент важно? Нужно было спасти мальчика любой ценой. Мы все в ответе за детей. Нет своих и чужих, когда несчастье.

Петр Петрович Бенцлер: Два раза посылал я людей к Кузьменко. Говорят, отказывается ехать. Тогда сам пошел.

– Чья машина? – спрашиваю.

А он нагло на меня смотрит и прямо в глаза лжет:

– Хозяин купаться пошел.

И как только совести хватило? Ведь я – председатель садоводческого общества, в члены его принимал. И прекрасно в лицо его знаю. В то же воскресенье мы единогласно исключили его из товарищества. И просим уволить его из гаража, лишить родительских прав.

Александра Леоновна Винсевичус: «Слышала я тут, кто-то сказал, что мы злые. Нет, не злые мы. Мы все отцы, матери. У нас душа болит за каждого ребенка. Ведь не ушли мы с огородов до вечера, не ушли; даже тогда, когда помощь наша мальчику уже не была нужна. А Кузьменко, ничего не сделав для спасения ребенка, уехал со спокойной совестью».

Один за другим поднимались шоферы. Говорили скупые, беспощадные слова.

– Друга узнают в беде. Кузьменко не выдержал испытания. Ему не место в нашем коллективе, – сказал Л. Гекман.

А. Демушкан поддержал его:

– Маскировался. Хорошим прикидывался. Теперь полностью гнилую свою душонку показал.

Заведующий гаражом тов. Новгородцев говорил с болью и горечью: понимал, что все работники гаража, и он в первую очередь, виноваты в том, что не сумели разглядеть человека.

– Мы ждали, что Кузьменко будет со слезами на глазах просить прощения, но он ведет себя вызывающе. Не место ему у нас...

Слова были разные – гнев один и требование одно: просить автоинспекцию лишить Кузьменко водительских прав навсегда, уволить с работы. Дружно поднялись руки. Голосовали за человечность. И только один человек не поднял руки – А. Хохлов, шофер ОКСа райисполкома, тот самый, который в начале собрания бросал реплики в защиту Кузьменко.

Наверное, после собрания все, кто был на нем, посмотрят друг на друга пристальным строгим взглядом. Такой разговор не пройдет даром – заставит относиться к жизни честно, самоотверженно, благородно.

«Целинный край», 17 июля 1965 г.

ФЕЛЬЕТОН, РЕЦЕНЗИЯ, ЭССЕ

Введение: жанровая универсальность

Целинные журналисты часто были жанровыми универсалами. Могли написать и статью, и очерк, и фельетон, и рецензию, и новеллу, и эссе, и стихи. Это разнообразие было весьма характерным для той журналистики, потому что здесь работали талантливые творческие люди, а разнообразие жанров поощрялось в редакциях. Регулярно выходили литературные страницы, где печатались не только местные поэты и прозаики, но и журналисты. Часто в руках у журналиста был и фотоаппарат, его снимки сопровождали публикации. Вообще газеты, и наша, и «Молодой целинник» были «нарядно одеты», хорошо смакетированы и сверстаны, здесь печатались хорошие фотографии и фотоэтюды.

В этом разделе я привожу жанровую смесь: фельетон, реплику, рецензию и эссе.

С фельетоном «Славные люди, мои знакомые» была весьма интересная история. Он был безадресный, имена вымышленные. Просто я придумала типичную ситуацию и типичных персонажей, которых, конечно, приглядела в жизни. Каково же было мое удивление, когда в редакцию пошли звонки от тех, кто узнал себя в героях фельетона. Одни оправдывались, что было не совсем так, а чуть по-другому. Другие каялись. Было даже письмо о принятии мер к конкретным людям. Такой была сила газетной публицистики.

Славные люди, мои знакомые

Фельетон

Павел Петрович – преотличный человек. Искренний, честный. Чужой копейки не возьмет, ни-ни. Даже если сослуживец угостит его пирожком, отдаст точнехонько десять копеек. И бухгалтерские дела ведет отменно. Копеечка в копеечку. Ни одна ре-

визия не придерется. Отличный человек Павел Петрович. Только вот имеет маленькую слабость. По субботам. Ровно в 18.00 по московскому времени.

Садится Павел Петрович в пышное красное кресло с гнутой спинкой старой конструкции, берет правой рукою элегантную белую телефонную трубку новой конструкции и ласково-твердым голосом говорит:

– Але, красавица моя. Дай-ка мне Москву, милая:

Телефоны и там и тут известны. Пароль прежний – «Три ноля. Пасьянс»...

Элегантная белая трубка шелестит пианным воркованием:

– Поняла, Павел Петрович. Вы бы могли и не затруднять себя, Павел Петрович. Я и сама помню, Павел Петрович. Вы человек исключительно точный, Павел Петрович.

И тут же, не отходя от трубки, Павел Петрович получает свое субботнее удовольствие – выслушивает очередную порцию анекдотов в исполнении своего преферансового друга Коли Расковыркина, работника одного из банно-прачечных комбинатов.

На шестидесятой минуте Павел Петрович строго обрывает Расковыркина:

– Заболтались мы с тобой, Коленька. Нечего зря транжирить государственные деньги. Кончай анекдотики. До субботы.

Павел Петрович очень пунктуальный человек. Он кончает переговоры ровно в 19.00, секунда в секунду.

А жена Павла Петровича, Клеопатра Львовна, и того лучше. За три года на посту домоуправа ни одного выговора. Очень оперативная, деловая и принципиальная женщина Клеопатра Львовна. Если случится, что верхний жилец залетит нижних до такой безобразной степени, что по комнате плавают, как ноёвы ковчег-и, могучие диваны, Клеопатра Львовна немедленно составит акт на нарушителя и после нескольких предупреждений обязательно добьется его выселения. Говорят, бывали даже случаи, что Клеопатра Львовна добивалась ремонта утонувшей квартиры за счет пострадавшие... извините, виновного. Но это частности.

Главное достоинство Клеопатры Львовны, конечно, в том, что она очень любит и холит свою пятикомнатную квартиру. Нельзя сказать, чтобы она была велика для Клеопатры Львовны – все-таки в семье три человека, да еще раз в четыре года на неделю приезжает бабушка из Тернополя, погостить. В общем, не сказать, чтобы велика была квартира, но и малой не считаешь.

Досталась она Клеопатре Львовне по чистой случайности. Владельца квартиры, доктора философских наук, перевели в Москву. Нет, вы не подумайте, что тут было какое-нибудь нарушение. В ордере все правильно. Вписана бабушка из Тернополя, которая приезжает по високосным годам в первую неделю августа, – мама Павла Петровича очень пунктуальна. Вписана еще троюродная сестра – из Магадана, которую Клеопатра Львовна, признаться, не видела лет двадцать, но девочки в квартирном бюро очень милые: поверили ей на слово, даже паспорта не спросили. И еще стояла в ордере фамилия дяди по бабушкиной линии, который, правда, по непроверенным слухам, года два назад умер. Клеопатра Львовна очень жалела безвременно погибшего дядю, но никому не призналась в своей скорби.

В общем, с квартирой все уладилось как нельзя лучше. Клеопатра Львовна позвала всех, причастных к этому радостному событию, на новоселье, не забыв, конечно, тех, на которых возлагала надежды в будущем. Среди них был очень симпатичный старичок из сантехмонтажной организации, молодой боевитый начальник строительного участка. Но на красное место Клеопатра Львовна посадила начальника ремстройконторы. Не потому, конечно, что Клеопатра Львовна затевала капитальный ремонт своей новой квартиры, а исключительно из соображений вежливости и уважительности.

Ах, какая хорошая хозяйка Клеопатра Львовна! Какая бездна вкуса у нее. Как преобразилась профессорская квартира, в которой прежде единственным украшением были стеллажи с книгами! Кухня стала отделана нежно-розовато-желтоватым кафелем, ванная комната по контрасту с сахарно-перламутровой ванной отливала черной плиткой (это Клеопатра Львовна высмотрела

в одном голландском проспекте, который показала ей приятельница, которой подарил эту картинку один командировочный, который утверждал, что приятельница похожа на голландский тюльпан).

О комнатах нечего и говорить – одна была горчично-лилового цвета, с поперечными черными треугольниками, другая, напротив, выглядела веселенькой, потому что один знакомый художник изобразил на болотном фоне ярко-красных ангелочков, которые играли с желтыми котятами. Кабинет Павла Петровича был зашит до потолка деревоплитой непробиваемого серого цвета, и на стене, противоположной окну, тот же знакомый художник выбил по трафарету силуэт роденовского мыслителя. Клеопатру Львовну, правда, долго смущало, что мыслитель не одет, но художник пристыдил ее за необразованность, и она, обидевшись, смирилась. В спальне все дышало теплом и светом, там было столько всякого цвету, что душа заходилась от восторга.

Не осмелюсь сказать, что все эти краски, унитазы, плитки и подвесочки Клеопатра Львовна приобретала за наличные в государственном магазине. Потому что, вы же знаете, Павел Петрович очень экономный человек. Скорее всего, выручили друзья. Конечно, Клеопатра Львовна тоже в долгу не осталась. Для старичка из сантехмонтажной организации выхлопотала путевочку в санаторий, а молодоженившемуся начальнику СУ – без очереди обеспечила холодильник. Жене начальника ремстройконторы отдала свою личную модную портниху. И, конечно, устроила еще одно новоселье, по случаю ремонта квартиры.

Начальник ремстройконторы не обиделся, что его место во главе стола занял зав. кафедрой ихтиологии, сосед по квартире. Начальник ремстройконторы не был эгоистичным человеком, он знал, что сын Павла Петровича и Клеопатры Львовны Сенечка кончает нынче десятый класс и что в институт поступить не так легко.

И не сказать, чтобы Сенечка был плохим или непослушным мальчиком. Нет, он был скорее очень милым и вежливым мальчиком и от папы с мамой взял самые славные черты. Но Сенечка

ка был несколько балованным и немножко ленивым мальчиком. И не то чтобы он совсем не занимался, он скорее много и прилежно занимался с Мишей, своим другом, который был бойчее Сени и сообразительнее и всегда все задачки решал первым. И Миша был не жадным мальчиком, он давал Сене списывать задачки. Сенечка всегда приглашал его на обед и всегда давал ему билет в кино. Правда, был у Сени с Мишиной мамой маленький конфликт. Когда Сене однажды не хотелось идти на уроки, он попросил у Мишиной мамы-врача справку о том, что у него болит горло, но Мишина мама сказала очень строго, что это стыдно и нехорошо обманывать товарищей, учителей, что лгать очень дурно. И что вот же папа у Сени честный человек, а мама – принципиальный человек, и почему Сеня не учится у них?

Но Сеня уже забыл про этот неприятный случай. Хотя ему искренне жаль и Мишу, и его маму-врача, потому что Миша не попал в институт: одного балла не хватило. А Сене хватило баллов, потому что сосед-доцент оказался неплохим человеком. Он умел держать свое слово и ценил хорошие отношения с соседями.

А вспомнила я об этих славных людях благодарно из-за краника. Свалился водопроводный краник на кухне. Позвонила я в домоуправление. Мне ответили, что сантехник придет через 10 дней. Я, конечно, понимаю, что у сантехника много работы и что заявки выполняются в порядке очереди, но ведь краником-то я пользуюсь каждый день. И, поколебавшись немного, набрала я телефон Клеопатры Львовны, потому что именно она – наш домоуправ. И сказала ей:

– Как поживает Павел Петрович? Все слушает анекдоты из Москвы? А из народного контроля вашей квартиркой не интересовались? И Сенечке еще не грозит исключение из института? Ну, слава богу, все в порядке! А у меня, знаете ли, краник на кухне свалился...

Через полчаса краник был водворен на место усилиями очень аккуратного и вежливого сантехника, потому что моя знакомая семья – очень славные люди.

«Целиноградская правда», 3 января 1968 г.

Бантик

Реплика

Началась история о бантике самым благоприятным образом. На письмо, напечатанное в газете под заголовком «Почему?» (речь шла о том, что в сапожной будке нельзя сделать набойку), директор фабрики индивидуального пошива одежды тов. Макеев убедительно... ответил: потому что оборудованной по последнему слову техники обувной фабрике не хватает заказов. И просил сообщить через газету, что заказы на фабрике исполняются быстро, с отличным качеством, а работает фабрика с 8 до 20.

Но мы не торопились с этим объявлением, а прежде решили провести маленький эксперимент. Одна из наших сотрудниц сдала две пары женских и одну мужских туфель в приемный пункт фабрики. Сначала все шло изумительно – так, как и предсказывал тов. Макеев. Милая девушка приняла обувь, подробно записала, что нужно сделать и сказала с хорошей улыбкой:

– Приходите через три дня. Обувь получите прямо на фабрике.

Не очень поверив таким радужным перспективам, заказчица наведася на фабрику через четыре дня. Ее повели на склад обуви. Она сразу нашла свои красные туфли. Но что это? Вместо наборного каблука, какой был написан в квитанции, на прежний каблук просто сделали набойку, а каблукорые раны замазали красной краской. Во-первых, быстрее, во-вторых, дешевле и, в-третьих, менее хлопотно.

Пришлось оставить туфли на переделку; все равно надо заходить еще раз – ведь две другие пары были еще не готовы.

Заказчица легко перенесла эту маленькую неприятность, все еще веря в истинность утверждений тов. Макеева, тем более что ее заверили: через день обязательно все будет готово.

Но прошло два дня, а на полке оказались снова только одни туфли – на этот раз черные. И надо сказать, починили их неплохо, но... пропал бантик. Без бантика один туфель стал невзрачным и тоскливым.

– Где же бантик?

– Ничего не знаю, гражданочка, я принимала без бантика, – был равнодушный ответ.

– Но я-то не виновата, что между приемным пунктом и фабрикой вы потеряли бантик. Сделайте новый.

– Мы бантиков не делаем, – был раздраженный ответ.

На счастье случился тут директор обувной фабрики Яков Абрамович Семенников. Он успокоил:

– Сделаем вам бантики.

Пока выяснились обстоятельства пропажи бантика, Яков Абрамович повел посетительницу наверх, в цех, чтобы ослепить ее великолепием конвейера. Действительно, стояли в ряд новехонькие машины, но почему-то не работали. Меж ними то там, то тут сидели, как в обычных сапожных будках, люди и... работали вручную. Работу одной машины, той, что обтачивала каблуки, правда, удалось посмотреть.

Рядом лежала груда обуви, каблуки и подошвы которой были обработаны очень небрежно, неровно. Еще хуже зашиваются стоптанные задники.

Короче говоря, на этот раз заказчица снова ушла ни с чем, потому что мужские туфли, которые к этому времени успели принести, тоже оказались со щелью на подошве.

Прошло еще три дня, прежде чем она снова отважилась переступить порог фабрики. Задник у мужских туфель был прошит, но не починен. Бантики появились, но не такие, как прежде. Она хотела было оставить все это на фабрике еще раз, но, взглянув на недовольную приемщицу, торопливо отдала ей квитанции.

Итак, подведем итоги нашего эксперимента. Вопреки уверениям тов. Макеева заказы делаются не быстро (десять дней вместо трех) и не отлично (доказательством тому не только описанные выше приключения, но многочисленные претензии, устные и письменные). В общей сложности потеряно на посещения фабрики четыре часа, расход же нервной энергии подсчету не поддается.

В сапожной же будке любезные люди делают ремонт за пять минут, спокойно и довольно неплохо. Почему же целиноград-

цев лишили этой удобной для них формы обслуживания и насильственно навязывают утомительный и трудный путь отношений с фабрикой? Говорят, что это мера борьбы с хапугами-сапожниками. Но позвольте: во-первых, в силах администрации фабрики подобрать на эту работу честных людей, во-вторых, нужно их почаще контролировать. А в-третьих, это страусовый прием, потому что сапожники как делали, так и делают мелкий ремонт, только теперь нелегально, добывая материалы обходными путями и получая за такую «опасную» работу немалые суммы. Так не лучше ли сделать их легальными, но усилить контроль за работой?

В противном случае для горожан останется один выход – осваивать сапожное ремесло самим. Наверное, не так трудно научиться даже бантики делать. Вот жаль только, что конвейера под руками нет.

А как думает тов. Макеев?

Спектакль о целинниках

Рецензия

Яблонька. Символ молодости, чистоты, доверчивости. Этот образ одухотворяет, поэтизирует, наполняет светом и теплом спектакль, поставленный М. И. Малюшкиной на сцене краевого драматического театра. Пьеса А. Ольшанского привлекла режиссера тем, что в ней живут настоящие люди, целинники, живут сложной, интересной жизнью. Конфликты в пьесе не бумажные, а жизненные. Идея вечная – к подлости нельзя привыкать, с ней нужно бороться, бороться во имя светлого, честного, хорошего. Однако, при всех достоинствах, пьеса Ольшанского несколько камерна, чувствуется анемичность в обрисовке некоторых действующих лиц. Естественно, что режиссеру пришлось за спокойными, не очень выразительными словами и репликами искать глубокий смысл. Ей удалось заставить заиграть, зазвучать страсти пьесы. Спектакль сделан по большому счету.

М. И. Малюшкина – ученица большого режиссера Николая Охлопкова, и, естественно, она постаралась раздвинуть рамки спектакля, вынести действие пьесы на воздух, на простор, приподнять его, романтизировать. Многие сцены спектакля происходят в яблонево́м саду, Дашенькином саду. В пьесе они даются в общезнании. Эту камерность удалось разрушить. И это не прихоть режиссера, а смелый, интересный и очень верный прием: судьба Дашеньки, Ильи, Алексея, Ольги – не частное дело. Их конфликт вырастает до общественных размеров. Режиссер выводит на авансцену, а потом в зал Илью, когда тот говорит о непримиримости к «добренским», к тем, которые покрывают подлость. После страстного монолога Ильи в зале звучат аплодисменты – зрители принимают его слова, они благодарны ему. И, честное слово, многие будут после спектакля внимательнее приглядываться к своим знакомым, к людям, которые рядом. И, наверное, многие из них уже не пройдут мимо, когда «Алексеи» будут творить подлости.

Весь строй спектакля, все образы его построены так, чтобы убедить зрителя, показать ему, что необходимо бороться со злом, в каком бы виде оно ни представало. Спектакль построен на противопоставлении двух фигур: Ильи и Алексея. И очень приятно, что режиссеру и актерам удалось избежать часто повторяющейся неприятности, когда характерный, ярко выписанный «отрицательный герой» выразительнее, полнокровнее «положительно-го героя». А ведь в пьесе Ольшанского, и в самом деле, роль Ильи написана слабее, бледнее, чем роль Алексея. И молодой актер В. Габаев отлично справился с трудной задачей одушевить роль. Он предстает перед нами подтянутым, мыслящим, богатым духовно. Он – центр, нерв, он – то положительное ядро, к которому тянется все хорошее. И Юлька просит совета, и старый комендант Бабахин идет к нему за добрым словом, Дашенька, сломленная, оскорбленная в лучших своих чувствах к Алексею, находит поддержку именно у Ильи. Актеру не приходится «нажимать» на голос или прибегать к пышным театральным жестам: он идет по внутренней линии, он живет в образе и поэтому убеждает.

Несколько пассивный вначале, к концу спектакля он становится жестоким, суровым с Алексеем, он уже не верит его клятвам и просьбам простить его.

– На дружбе хочешь сыграть, не выйдет!

Алексей повержен. Илья – Габаев победил. И победа эта досталась нелегко, потому что В. Соколов-Беллонин, который играет роль Алексея, создал интересный и сложный образ. Нет, Алексей не тот злодей, которого можно определить с первого взгляда. Он может быть элегантным и обаятельным, может казаться мужественным и бескорыстным, нежным и поэтичным. Это человек с тысячей лиц. Каждая его маска – очередное переодевание для того, чтобы приспособиться, побыстрее и половчее добиться своего. Ольге, покоренной его безудержностью, его показной верностью, он нанес глубокую незаживающую рану. Жертвой его эгоизма стал парень с обмороженными пальцами, которого Алексей бросил одного в поле с неисправным мотором. Но самая тяжкая вина его перед Дашенькой, светлую, чуткую мечту которой он безжалостно растоптал и разрушил. Да, ему удалось обмануть этих людей, надев улыбчивую маску, но зато как злобен, растерян Алексей в сцене, когда Ольга и Дашенька открывают обман. Как жалок и неприятен он, когда блудным сыном возвращается снова в совхоз. Нет, его раскаянию зритель не верит. Алексей все еще эгоистичен, и его покорность – только новая маска, чтобы как-то снова оказаться на волне, затесаться в кипучую жизнь целинного совхоза, из которого его выкинули как полову, отделенную от полновесного зерна. Он, Алексей, конечно, еще попробует устроиться, прилепиться, но вряд ли это удастся, и ему придется всерьез задуматься над своим бытием.

Даже Дашенька, любящая, преданная Дашенька, находит силы отказаться от него. Дашенька в исполнении Р. Песецкой – один из самых обаятельных образов спектакля. У молодой актрисы богатейшая палитра красок. Дашенька – наивная девчонка, только что приехала в совхоз, и единственное ее сокровище – плюшевый мишка. Дашенька, доверчиво, светло влюбленная в Алексея, озорная и веселая на полевом стане, счастливая своей любовью

и ожиданием ребенка. И вдруг открывается, что Алексей низко обманывал ее:

– Нет, нет, не может быть! Вы шутите, ну скажите, что все это сон – просит Дашенька – Песецкая.

Она не представляет, что в жизни может быть такое. Мы не узнаем Дашеньку. Да, это ее фигура, ее лицо. Но глаза, голос... Яблоньку сломали подлые руки. Яблонька поникла. Но цветет сад, посаженный ее руками. Рядом друзья. И, опять же, не счастливой хохотушкой, совсем оправившейся от горя, как это часто бывает в плохих спектаклях, предстает перед нами в финале Дашенька. Нет, она еще не до конца выпрямилась, но в спокойствии и стойкости, с которой она переносит разрыв с Алексеем и гибель ребенка, видим ее силу. И верим, будет еще Дашенька счастлива.

Нашла в себе мужество забыть Алексея и Ольга (Л. Ошуркова). Резковатая, замкнутая (воспитанница детдома), Ольга на самом деле легко ранимый, очень человечный человек. Она привыкла жить по большому счету, и любовь нужна ей не маленькая, а чтобы пылала, как костер. Нетрудно понять, что неукротимый, честолюбивый Алексей показался ей именно тем героем, о котором она мечтала. Л. Ошуркова тонко, сдержанно передает чувства своей героини, ей во многом удалось избавиться от ложного пафоса, которым грешат монологи Ольги в пьесе.

Свежо, чисто сыграли свои небольшие роли В. Зиновьев – Тимур и Л. Кречунова – Юлька. Может быть, не хватает мужественности Д. Родионову (парень с отмороженными руками), но он подкупает лиричностью и искренностью. Вообще, спектакль «Яблонька» – заслуженный успех театральной молодежи.

Нельзя не сказать и об удачной игре актеров старшего поколения: народной артистки РСФСР и Северо-Осетинской АССР В. С. Каргиновой (Варвара), М. Г. Глазкова (Бабахин), З. Б. Кожевниковой (хозяйка). И художник П. Ильин нашел интересное, лаконичное решение спектакля.

Спектакль о целинниках стал праздником настоящего искусства.

«Целинный край», 1964 г.

Камыши

Эссе

Камыши шумели тревожно, пугающе. Где-то за ними глухо стонало озеро. Днем оно было ласковым и большим. Камыши задиристой щеточкой шагали по его песчаным берегам. И было Сережке весело и покойно. А сейчас все пропало, ушло в темноту. Мир жался около костра. За пределами этого светлого клочка земли все было неизвестно и страшно. Сережка пугливо держался поближе к отцу и с завистью смотрел на отцова друга дядю Васю, который отважно исчезал в лабиринте камышей и возвращался с рыбой. Был дядя Вася небольшим и худеньким, как мальчишка.

– Ну, Сергей-воробей, не робей.

Балагур был дядя Вася и большой знаток рыбной ловли. Отец не хотел брать Сережку на рыбалку с ночевой. И мать не пускала. Но дядя Вася сказал им:

– Кутенка из ребенка не воспитывайте. Ему мужчиной быть положено. Я в его годы в тайге один ночевал.

Костерок стал поярче. Дядя Вася ловко разделывал рыбу. Отец подбрасывал сучья в огонь.

– Дядь Вась! Расскажи, как это ты ночью один в лесу оставался.

Настороженные парнишкины глаза поблескивали в полумраке острым любопытством. Дядя Вася загадочно улыбнулся. Приладил котелок на треногу, поставил на огонь, чтоб ушица млела на тихом жару, кинул под себя охапку сухого камыша для мягкости. Выкатил из костра уголек, прикурил.

– Жил я тогда, Серега-тревога, в Сибири, и было мне десять годков, как тебе теперь. Собрались мы как-то с сестрой да ее мужем в тайгу, по орехи. Кедрач в том году богатый был. Насшибали орехов, нашелушили полных два мешка. Тяжелые – не унести нам. Сестра говорит: «Натаскаем тебе дров на костер. Ружье есть, переночуешь здесь, а мы за подводой пойдем. Утром увезем мешки». Накатали деревьев, поставили шалаш и ушли.

А я костер развел, орехов нажарил, спать собрался. Слышу шум какой-то в кустах. Сначала думал – лось. Однако вслушался: на лося не похоже. Сохатый раздельно вышагивает, а этот мягко идет. Неужели медведь? Дома у нас была два мeleniumких медвежонка, а вот в тайге мне с ними встречаться не приходилось. И хотя был я не из пугливых, а крепко струсил. Про ружье свое забыл. Ноги в охапку, да в сторону от костра. Не помню уж, как на лиственнице очутился. Она снизу – гладкая, залезть трудно, но, видно, страх силы дал мне. Закрепился почти на самой вершине. Глянул вниз – медведь. К костру подошел. Ружье мое увидел. Взял его в лапы да со всего маху об дерево. Только щепки брызнули. Я сижу ни жив, ни мертв. Заметит, думаю, полезет за мной...

Дядя Вася зачерпнул деревянной ложкой ущицы, попробовал. Снял котелок.

– Неси, Сергуня, чашки, уху хлебать будем.

Сережка пулей слетал в палатку.

– Дядь Вась, ну а что же дальше-то было? Рассказывай скорей.

– Ну, что было. Нашел он мешки с орехами. Полоснул по одному лапой, раскроил пополам. Наелся орехов, улегся у костра. Потом пошел к речке. Окунулся, отряхнулся над костром, зашипели дрова, гаснуть стали. Второй раз сходил – потушил огонь совсем. И стало в лесу темно. Так всю ночь и просидел я, словно пташка, на дереве. А наутро глянул вниз – шалашик мой разрушен, костер весь раскидан, а мешки с орехами разорены. Ушел косолапый...

Дядя Вася замолчал, поворошил головешки. Заговорщически подмигнул:

– Ну, ты-то, конечно, не струсил бы. Бабахнул бы из ружья.

Сережка покраснел. А, может быть, это оживший костер полыхнул на лицо...

В палатке было тепло, уютно. Отец и дядя Вася спали. Тоскливо шуршали камыши, и плакала ночная птица.

Сережка откинул полог палатки. Зажмурился от жуткой черноты. Приоткрыл один глаз, другой. Долго смотрел в ночь. Пу-

гливо, неровно колотилось сердце. Рывком встал и сделал первый шаг в страшные камыши к невидимому озеру.

Он решил найти птицу, которая плачет.

«Целиноградская правда», 23 июля 1967 г.

Вместе с солнцем

Доброе утро, солнце!

Люся торопливо натянула выдавшие виды парусиновые тапочки, плеснула на лицо пригоршней воду и, крикнув с порога: «Девчата, пошли!», выбежала из общежития. Навстречу солнцу, навстречу дню. Она восторженно любила солнце, она мечтала быть загорелой, как негритянка, но оно щадило ее нежную белую кожу и только слегка золотило ее. Но Люся не сердилась на солнце. Оно было ее другом. Оно чертило ровные квадраты на внутренней стене нового дома, который Люся делала красивым.

Было просто удивительно, как эти хрупкие пальчики держали нелегкий мастерок, да еще с раствором, как ловко маленькие руки покрывали стену ровным слоем штукатурки. Ни единого бугорка, ни одной впадины. И вдруг оказались эти руки сильными, по-рабочему шершавыми. И сама она, Люся Сальминович, – маленькая, беловолосая, очень ладно сложенная девчонка.

В характеристиках воспитатели детдома писали о ней: «Немного капризная, но очень деятельная, хороший организатор».

Капризная... Да, может быть, у Люси нелегкий характер, не ровный, не спокойный. Может быть, девчонка по ночам плачет. Правда, подруги, ее соседи по комнате этого не видят, но бывает, что веселая озорная Люська иногда плачет. Так уж случилось.

...Она иногда открывает свой чемоданчик и достает из папки пожелтевший обтрепавшийся от времени листочек. Она бережно хранит его вместе с почетными грамотами за отличную работу и активное участие в художественной самодеятельности. Хранит вместе, но в сердце для него особый уголок. И в который раз грустно перечитывает полустертые слова, единственное

воспоминание о матери. Сухая врачебная справка о том, что мать Люси больна туберкулезом, и детей – дочь и сына – нужно от нее изолировать. Внизу стояло «1947 год».

Люсе тогда было пять лет. Она не помнила ни больной матери, ни брата, ни отца, который пропал без вести в сорок втором. Может быть, поэтому Люся так любит смотреть на этого доброго большого негра, который держит на руках белую девочку и радостно улыбается. Эта фотография из журнала намертво приклеена к верхней крышке чемодана. Наверное, отец был такой же добрый и веселый, как этот негр, Люся несколько раз подавала на розыски отца – быть может, жив? Но пока не нашелся родной человек.

Люська бережно складывает в папку грамоты, письма, справку и неохотно закрывает чемодан, провожая глазами доброго негра. Чемодан, чемодан. Любимый спутник всех ее отважных путешествий.

После детдома направили ее учиться на штукатур, а потом осталась работать на строительстве большого цементного завода. Хорошо было там жить, весело и интересно. И любимые подружки, «детдомовские сестры», были рядом, и отличный клуб, куда Люся ходила заниматься в вокальном и танцевальном кружках. Горячая была работа, чистенькое, уютное общежитие. Но Люська чувствовала себя беспокойно. Часто поглядывала на чемоданчик и думала: а ведь где-то еще интереснее работа, где-то строятся молодые города. Однажды она вбежала к своей подруге Шуре.

– Шур, посмотри, как здорово! – Люся торопливо развернула газету. Будет новый город Целиноград! Видишь, молодежь на стройку зовут. Поеду я!

Она подхватила ошеломленную подругу и закрутила ее по комнате, напевая мотив какого-то марша. «В Целиноград, в Целиноград».

Шура отговаривать не стала – знала твердый, немного взбалмошный Люськин характер. Да и в самом деле – пусть поработает на целине.

Девчонки из бригады и мастер очень не хотели, чтобы она уезжала – хорошая была Люся работница, веселая, песенница –

душа любой компании. Немножко завидовали ее отважности и на прощание обещали приехать к ней в новый город.

Но в Целиноград Люся не попала. Попутчик, работник отдела кадров, отговорил:

– Сейчас зима, рабочих пока в Целиноград не набирают, а вот в совхозах нужны рабочие руки: поезжай-ка к нам, в Кокчетавскую область.

Да, рабочие, особенно штукатуры, оказались Степняковскому СМУ очень нужны, и Люсю сразу же направили в один из самых дальних совхозов Энбекшильдерского района «Золотую ниву». Люськин чемодан снова нашел временное пристанище. Кто знает, может быть, через год-два, когда совхоз вырастет, обстроится, и ее руки будут здесь не очень нужны, позовет сердце беспокойную девчонку на стройки Сибири или на Север. А может быть, поедет она учиться в музыкальное училище и будет певицей – есть у нее такая сокровенная мечта.

А пока работает Люся Сальминович горячо и пылко – нужно скорее закончить жилье для рабочих совхоза. И хоть неважное общежитие у строителей и в клубе руководитель не такой опытный и квалифицированный, как там, на стройке цементного завода, Люся не жалеет, что приехала на целину. Покорила степь девчонку.

Вечерело. Густел над белыми домишками воздух, синевел, окутывал легкой дымкой крыши. Нехотя угасал закат, будто солнце хотело последним лучом-глазком взглянуть на свою маленькую приятельницу и ее высокого, плечистого друга. Люся приветливо помахала светилу рукой:

– До встречи завтра, солнце!

«Целинный край», 12 июля 1962 г.

Голубой стебелек

Море пело. Тихо, уютно, в лад с Аленкиным дыханием. Когда Аленка шла саженьками, оно звучало трудолюбиво, бодряще.

Потом ей надоедало это однообразие, и она ложилась на спинку. И сразу плавно переводился невидимый переключатель. В голове начинали звучать ясные, чистые тоны. Аленка даже придумала для них имя: морские космические. Слушать эти глубинные позывные она могла бесконечно. Лежала неподвижно, раскинув руки, смотрела в небо и слушала. Хорошо бы попасть на самую далекую, не видимую глазом звездочку. Но больше всего ей хотелось нырнуть на самое дно моря. Пожить среди рыб, научиться их безмолвному языку.

Аленка верила, что существует такая тонкая, нежная, как спаржа, голубая водоросль, которая лечит от всех болезней. Аленка принесет этот голубой стебелек домой, поставит его на старенькое бабушкино пианино, такое же старенькое, как сама бабушка, и скажет:

– Бабуся, это подарок от моря. Больше ты никогда не будешь болеть.

Бабушка светло улыбнется и тронет клавиши.

У Аленки на всей земле был единственный родной человек – бабушка. Аленка догадывалась, что бабушка заболела в блокаду. Аленка тогда была еще маленькая, но помнит, как добрыми морщинками лучились бабушкины глаза, когда она приносила кусочек сыру или яблочка.

Зазвенели быстрые, неземные колокольчики, и, повинаясь таинственному зову, Аленка нырнула. Тело было легким, послушным, и Аленка словно не плыла, а танцевала плавный морской танец. Из голубой глубины тянулся к Аленке светлый снопик лучей. Ей казалось, что на дне спряталось маленькое солнце.

Вдруг снопик лучей исчез. Его закрыло большой темной тенью какое-то морское чудовище. Аленка в ужасе закрыла глаза. А через секунду увидела, что у чудовища большие зеленые глаза под стеклянной маской, и оно весело улыбается и протягивает Аленке руку.

Аленка тихо ойкнула от неожиданности. В руках у парнишки был нежный, как спаржа, голубой стебелек. Она бережно взяла его, благодарно кивнула веселым зеленым глазам и вынырнула.

Наверху было большое доброе солнце. И старенькая бабушка в далеком целинном городе ждала домой путешественницу. А голубой стебелек пел слышимые лишь Аленке песни морских глубин.

А мальчишка смеялся

Маленькая новелла

...Штиблеты были безукоризненные. Чуть вытянутые и затупленные. Зеркально-безгрешные.

Она ждала. Не поднимала головы. Вот вскинет ее сразу и увидит в его руках цветы. Беленькие, маленькие, на тонких стебельках. Он всегда дарил ей в этот день цветы...

Она даже попыталась отыскать отражение букетика в штиблетах. Но они отсвечивали ровно, безразлично.

– Вот тебе подарок...

Она протянула руки к нему. И отшатнулась. Не увидела его лица – он уже нагнулся, расшнуровывать штиблеты. А вместо тонких стебельков в руках – шершавый картон коробки.

– Во всех магазинах очереди. Не буду же я полчаса торчать из-за подарка. Хорошо хоть клубочницу купил. Вяжи на здоровье. Ты теперь домашняя хозяйка...

Он еще что-то говорил. Рассказывал о чем-то, по-видимому, забавном. Сам смеялся. Тускло как-то, деланно смеялся. Потом ушел в комнату. Она машинально дернула выключатель – свет в прихожей погас. Открыла коробку – в ней лежал темный холодный пластмассовый шар. Взяла его за шелковый шнур, покачала. Да, за подарками очереди. И в цветочном, наверное, очередь. Интересно, а в прошлом году были очереди? Наверное, были.

Домашняя хозяйка... Сиди с сыном... Вяжи носки... А клубочница, конечно, пригодится. Он молодец, заботливый. Тем более – очереди.

Тревожно, требовательно заплакал сын. Он болел. И кричал, кричал. Замолкал только тогда, когда засыпал. Она вбежала в детскую, забыв спрятать клубочницу в коробку. И вдруг чудо –

сын засмеялся. Восторженно, удивленно засмеялся. Он увидел в руках у матери солнечный шар. В светлой комнате шар казался прозрачным, искрился и переливался десятком цветов. Он был таким красивым, звонким, что она сама улыбнулась.

А сын крепко забрал в руки новую игрушку-солнышко и смеялся.

Смеялся. Смеялся...



Путешествия

Введение: путевые заметки

Этот жанр тоже приветствовался в целинных газетах. Например, журналисты «Молодого целинника», мой земляк Петр Скобелкин и Юрий Чернов, два раза ездили на мотоциклах по 51-й параллели, давая репортажи из этих поездок. Вот что писал один

из них, Юрий Чернов, в газете «Ведомости»: «Всякое дальнейшее путешествие начинается на карте... Запершись в кабинете краевой газеты “Молодой целинник”, два разъездных корреспондента усердно прокладывали пятитысячекилометровый маршрут мотопробега по 51-й “целинной” параллели – от Целинограда до Бреста, а оттуда – до Москвы. Поездка посвящалась 10-летию с начала освоения целины. Красная горизонтальная линия маршрута, ведомая рукой моего товарища Петра Скобелкина, уже уперлась в глазок Саратова, а затем вдруг резко пошла южнее 51-й параллели. “Отклоняемся”, – заметил я. “Нет”, – пыхнул дымом трубки Петр, не спуская глаз с черной точки, обозначающей станицу Вешенскую. Рука его неудержимо двигалась к станице, словно ее притягивал магнит. Мне ничего не оставалось, как приложить к карандашу и свою руку, чтобы “доехать” до Вешенской вместе. Мы многозначительно и радостно переглянулись.

– А если нас спросят, почему заехали не в ту степь?

– Именно в ту. У нас – поднятая целина и у него – “Поднятая целина”!

С этой минуты предстоящая поездка обрела больший смысл и значимость».

Далее Юрий Чернов рассказывает о двух незабываемых встречах и разговорах с Шолоховым и о том, что он подарил им таганок и теплые куртки, которые грели их в пути. «Мы прошли от Вешенской по дорогам России еще не одну тысячу километров, попадали в ливни, ехали холодными ночами. Нас согревали в пути “тепушки” Шолохова и всегда греет тепло его слов, его щедрого и большого сердца» (<http://vedomosti.sfo.ru>).

У меня было несколько путешествий по туристским тропам целины, по России и Кавказу, по Венгрии, Голландии и Великобритании. У заграничных путешествий тоже своя целинная специфика, потому что и ездили в эти путешествия в основном целинники. За рубежом, особенно в Великобритании, мы остро чувствовали себя советскими людьми, представителями своей страны. В Шотландии в основном встречались с молодежью, настроенной прокоммунистически, или даже с членами коммуни-

стической партии, хотя было много и других встреч с молодежью, со студентами, были очень горячие споры по поводу колониальной политики Англии и наших идейных разногласий.

Помню, нас крайне удивляло, как могут быть леса, реки и горы частной собственностью? Как удается в таких неприглядных условиях работать на Чикагском заводе или на рыбацких промыслах? Поражало, зачем многоэтажный дом покрашен в такие нелепые сочетания тонов только потому, что у подъездов разные собственники. Весьма неодобрительно мы относились и к пост-модернистскому беспредметному искусству.

Итак, путешествия давали познавательную информацию, живые эмоциональные наблюдения и позволяли познакомиться, поговорить с разными людьми, узнать об их работе, учебе, жизни и быте. Порой наши споры с ними были чрезмерно идеологизированными.

В дружественной же Венгрии, наоборот, мы искали положительный опыт. Хотя общение с журналистами разных стран, которые отдыхали в Международном доме журналистов, тоже давало повод для осуждения, например, американской агрессии во Вьетнаме, вызванного рассказом коллеги – вьетнамского журналиста – о зверствах американцев в этой маленькой стране, были очень сильны интернациональные чувства единения с другими народами и журналистами, особенно на Балатоне. Эта дружба чувствовалась в Армении, Азербайджане и Грузии, с которыми мы тогда замечательно жили в едином Союзе. Этот интернационал был и на целине, где единой семьей, без всяких конфликтов, по-доброму жили русские, казахи, немцы, которых много было на целине, и люди десятков других национальностей.

Зовут молодых туристские тропы

В краю легенд

Рассудительные домоседы считали нас чудаками: ну, благо бы летом, а то зимой пошли в поход! И не куда-нибудь на Кубринку, на денечек, а в Боровое, на три дня.

– Простынете. Не ходите, – убеждали они.

Нет, наши ребята не боялись холода, не страшились неизвестности. Это в основном бывалые туристы. Не раз ходили одной тропой, не раз грели руки у одного костра и пели песни под одну гитару. Инженер «Целинпроекта» Зоя Вострова, организатор всех походов, Асик Мозесон, инженер института «Целингипрсельхозстрой», наш «Теркин», неунывающий, неистощимый на выдумки. Мозесона трудно представить без его постоянного спутника и друга Михаила Хомчука, тоже инженера-строителя. Татьяна Васильева, Галина Венедиктова, Валентина Налогина (они работают в тресте «Целинограджилстрой») – наши хозяйственные «боги». Инженер Валентин Островский – кинооператор и художник. И, конечно, главный массовик-затейник архитектор Володя Колпиков.

Пошли в поход и «новички». Это тоже стало традиционным – приобщать людей к туризму. На сей раз «новичками» оказались начальник участка СУ-2 Геннадий Мелешкин, конструктор «Казгосстройпроекта» Людмила Хархота и архитекторы Ремас Жилинстас и Александр Янкаукас.

Ночью мы прибыли на вокзал. Билетов в кассе не оказалось. Мы взвалили на плечи рюкзаки и тихонько поплелись назад. И вдруг Асик и Миша сорвались с места и, бросив «пождите здесь», – исчезли. Не знаю, каким образом им удалось кого-то убедить, но нам разрешили сесть в товарный вагон. Конечно, филистерствующий мещанин сказал бы при этом:

– Фи, как это неэстетично – ехать в вагоне из-под фуража.

Но мы были рады. Товарный? Это даже интересно. Вагон был пустой, громадный, хоть бал устраивай. Но на этот раз мы даже не пели. Залезли в спальные мешки и быстро уснули.

А утро было тихое, неброское. Солнце словно стеснялось, не показывалось целиком, а поглядывало сквозь облака робко и нерешительно. А когда выгрузились из автобуса на грейдер, небо было уже совсем серое. Оно сгущалось на сопках и словно сливалось с ними. Снежные сопки ершились черными деревьями. Это было очень своеобразное, немножко таинственное, пугающее

зрелище. Зато земля – как соболий мех, белая, пушистая, с ворсинками травинки, которые пробивались из-под снега.

Ночевать решили в избушке огородной бригады, что расположена на берегу озера в живописном колке. Там растут какие-то диковинные деревья, там есть распутившаяся верба, на ветках которой сохранились нежные пушистые сережки. Но сейчас нам нет времени любоваться вербами. Нужно заготовить дрова, сделать костер и сварить ужин.

Приходилось ли вам сидеть зимой возле костра ночью? Это дивное зрелище. Смотришь в огонь, на тонкие веточки, которые, обгорев, еще некоторое время сохраняют свою форму и создают причудливые оранжевые комбинации. Потом они тают, ломаются, превращаются в пепел. И отступают перед веселыми веточками, перед неутомимыми всплесками огня холод и темнота. Отступают, чтобы на расстоянии двух шагов колоть еще злее.

Но мы не боимся мороза. В избушке, которую гостеприимные старички предоставили в наше распоряжение, затопили печь. Хозяин наш, Иван Владимирович Насонов, молчит. Слушает. Принес нам на ужин соленых помидоров, да так и остался. Видно, песни наши хочет послушать. И жена его, Евдокия Устиновна, тоже с нами. Может, вспомнили славные люди молодость свою, может, позавидовали нам.

Им жизнь трудная выпала, но славная. Иван Владимирович воевал, Евдокия Устиновна медсестрой работала. Тогда об отдыхе не думали. И музыка другая была – рвались снаряды. И походы другие – со скатками и винтовками. Нет, не угас и сейчас огонек, что вел этих людей на большие дела. Хотя и на отшибе живут, болеют за общее дело.

– Вы подумайте, двести матов сгнило, да столько же рам, – возмущается Евдокия Устиновна. – Мы нашему бригадиру, Марии Понятовой, говорили: убрать надо маты под крышу, в сохранности будут. Она только рукой махнула.

Наверное, эти заметки прочтет директор Щучинского совхоза и, может быть, наведет порядок в огородной бригаде первого отделения.

С гостеприимными стариками мы простилась утром. Это было особенное утро, торжественное, праздничное. Поприветствовали солнце, и в путь. Начинался буран. Ветер резко пробирался под штормовки. А Володя Колпиков в лад погоде поет беспокойные арии из «Демона».

Застыл величественным изваянием каменный «Верблюд». У казахского народа доныне жива легенда об этой горе. Давным-давно царь верблюдов, красивый и сильный, каждый день ходил на водопой к озеру. Но однажды сын бая решил убить верблюда: не понравилась ему независимость гордеца. Подкараулил он жертву и пустил стрелу. И верблюд окаменел.

Неожиданно метель утихла. Успокоилась, словно осталась где-то за сопками. Подошли к озеру. У него будничное, невыразительное название «Большое Чебачье», но трудно словами описать, до чего здесь хорошо! Это надо видеть, пережить. Ну, разве расскажешь, какими трогательными и грациозными кажутся на фоне серовато-голубой воды зимние березки? Разве передашь очарование свежей зелени прибрежных сосен в сочетании с голубоватым снежком на ветках? Разве перечислишь, как разнообразны ледяные танцовщицы на ножках-камышках, застывшие в театральных позах над водой.

Даже флегматичный Геннадий Мелешкин растрогался при виде этого великолепия. А Ремас решил стать туристом на всю жизнь.

Утром отправляемся на поиски Пещеры. На высокой, отвесной скале небольшая площадка. С нее вход в пещеру, большую, низкую закопченную кострами туристов. На стенках надписи. И на русском, и на арабском языках.

Посидели на каменных скамьях – помолчали. Спустились вниз и пошли по берегу Боровского озера. На пути – величественная каменная пирамида «Ок жетпес». Много легенд сложено об этой скале. Одно из сказаний рассказывает, что поселился на ее вершине могучий орел, справедливая птица. И рассказывал он людям правду о баях и звал он на борьбу. Разъяренные бай хотели убить орла. Много раз пытались добраться до вершины. Тщетно.

Тогда решили снять его стрелой. Созвали своих лучников, но ни одна стрела не долетела до орла. С тех пор и стали звать эту скалу «Ок жетпес» («Не долетит стрела»). А посреди Боровского озера, как раз напротив «Ок жетпеса», возвышается каменный сфинкс.

Удивляться приходилось на каждом шагу. Березовый пенек, совершенно сгнивший внутри, похож на лукошко. Причудливый ручей. Строгая, словно готический собор, сосновая роща. Желтые камыши. Заманчивая гряда горы Синюхи. И озера. Озера.

Есть легенда, что люди, получив после сотворения мира степные и полупустынные равнины Северного Казахстана, были очень недовольны несправедливостью аллаха. Они пришли к аллаху и просили хоть как-нибудь украсить этот край. Тогда аллах собрал в горсть все, что осталось у него от сотворения – морей, лесов, гор, и бросил на середину степной равнины. Так образовалось Боровое – «зеленый рай», как называют его казахи...

«Целинный край», 27 декабря 1963 г.

По целинной Швейцарии

Есть у польской юмористки Стефании Гродзенской веселый и поэтический рассказ о том, как девушка выбирала себе маршрут для воскресного отдыха. В туристском бюро ей предлагали самые модные курорты. Но лучше всего оказалась ближайшая роща. Вспомнила я этот рассказ недаром. Почему многие болеют «сочиманией»? Если отдыхать, рассуждают они, так только на Черном море, в Сочи или в Крыму.

Но зачем искать красоты так далеко, если рядом, в нескольких сотнях километров, есть дивные места, не уступающие по красоте южным пейзажам?

Я стала горячим сторонником нашей целинной Швейцарии – Борового. А все началось с майского туристического похода. Мы, группа целиноградских туристов, приехали в Боровое солнечным днем. Инструктор Анатолий Герасимов приказал вы-

строиться в цепочку. Двадцать четких теней неотступно следовали за нами по асфальту. Майский Щучинск встречал нас чистыми улицами, побеленными домами.

В лесу были самые первые, самые нежные подснежники. Березки, словно черные подвесочки, тянулись вниз к озеру. Оно искрилось и весело сверкало, но было еще холодным. Мы ловили у берега ледяные кристаллики, похожие на хрустальные замки, и дарили друг другу на память. Память была недолгая – таяла в руках. Мы горько сокрушались:

– Есть же на свете люди, которые сейчас сидят в четырех углах, а не шагают по лесным дорогам.

Для стоянки выбрали высокую сухую площадку среди сосен на берегу озера Щучье. Дежурные – «завхоз» Рая Березовская, Вадим Толстопят и Вера Рассказова готовили ужин. Работы хватало всем. Девочки носили хворост для костра и лишайники, которые напоминали серых ежей, ребята отесывали колья для установки палаток.

После ужина долго сидели у костра и пели песни под гитару. Негромко, словно боясь спугнуть лесную чуткую темноту.

Самыми счастливыми на следующее утро были дежурные. Они встали рано и видели восход. Большое спящее солнце бежало к ним через озеро сверкающей хрустальной дорожкой. Инженеры-строители Вадим Толстопят и Миша Хомчук отважно кинулись вплавь по этой дорожке навстречу солнцу, но минуты через две вернулись на берег. Вода ледяная и купаться в ней было еще опасно.

После зарядки, холодного обтирания и праздничного завтрака начался веселый фестиваль. Средства для него были более чем скудные, но изобретательность оказалась неистощимой. Толя Герасимов при помощи простыни и полотенца превратился в индийского раджу. Лев Полонский, Вадим Толстопят и Михаил Хомчук изобразили предводителей племен, они же при помощи кружек и ложек воспроизводили звуки там-тама. Галя Венедиктова получила на грудь олимпийскую медаль из круглой шапки лишайника, а Неля Кирсанова несла колючий сосновый (лавровый) венок.

В общем, праздник получился веселый. Были тут и танцы, и песни, и комическая клятва воде и солнцу. Мы и в самом деле целый день пребывали под солнцем рядом с водой. Загорали. Инженер треста «Целинограджилстрой» Валя Налогина читала свои стихи. Они подкупали искренностью и свежестью чувств. Вообще меня поразило в Вале сочетание тонкой лиричности и мальчишеской резковатости, увлеченности рискованными делами. Когда Валя еще училась в Саранском строительном институте, она ездила к брату в Рязань и там вместе с ним участвовала в дежурствах оперативного отряда. А потом и в Саранске организовала такой отряд. Хулиганы и пьяницы побаивались этой отважной девушки, не раз грозили отомстить ей. Но это не страшило Валю. Умело управлялась она и на строительстве, где работала мастером. Рабочие гораздо старше ее по возрасту слушали и уважали своего мастера.

На следующий день мы покинули наш уютный бивуак и направились в сторону горы Синюхи. По дороге сделали довольно длительный привал в пионерском лагере.

Это была интереснейшая дорога. Высокие сосны на полянках, припорошенных желтым песочком. Рябые березки, пушистые колобочки верб, трогательные подснежники. И камни: то алтарь, то носорог или лягушка, то слон, то голова сфинкса. Скалы эти причудливы и необычны. Трудно поверить, что это сделано не руками человека.

Наш поход идет к концу. Мы еще полюбовались озером Большое Чебачье, побывали на Голубом заливе, в Пещере. Все это необыкновенно живописные места. Уезжая из Борового, мы мечтали только об одном – вернуться сюда.

Целиноградцы получили бы громадное удовольствие, если бы имели возможность проводить здесь воскресные дни. Но пока это не так-то просто: во-первых, нелегко достать билет, во-вторых, стоит он недешево и, самое главное, такую поездку надо организовать. Городской клуб туристов, который был инициатором нашего похода, обратился к руководителям Отделения дороги с хорошим предложением: организовать по воскресеньям туристский поезд

Целиноград – Боровое. Но почему-то ответа до сих пор не последовало. А жаль. Туристы Целинограда ждут его с нетерпением.

Целиноград – Боровое
«Ленинская смена», 6 июня 1963 г.

Туристский поезд «Молодой целинник»

Город мужества

Туристский поезд «Молодой целинник» совершил путешествие по стране. Первая остановка – Волгоград. Сегодня мы печатаем записки нашего специального корреспондента Л. Шабалиной.

Новый город – загадка. Новый город – открытие. Каким он окажется, Волгоград? Город, который стал родным с тех далеких страшных лет, которые назывались войной. Мы идем по идеально чистым тенистым улицам города. Волгоградцы возродили его из руин. Строг и красив этот город, припавший к Волге. И все-таки на каждом шагу мы встречали напоминание о войне. Вот дворник, у него деревянная нога. Бывший воин Михаил Степанович Писарев занимается мирной хорошей работой. И ведь мог бы не работать – получать пенсию. Нет, не сидится старому фронтовику дома.

– Пока могу, буду работать.

Михаил Степанович показал нам, как пройти к реке Царице, где шли бои. Бывшая картинная галерея разрушена. Торчат только стены. Кругом валяются снаряды, каски. Трава заботливо скрывает их от глаз. Сейчас здесь на крутом склоне Царицы бывший фронтовик Федор Степанович Усов выращивает клубнику. А на другом берегу, видный всему городу, высится памятник воинам-чекистам, которые насмерть стояли на этом клочке земли.

Если бы сейчас наши земляки-акмолинцы, бывшие воины, побывали здесь, где они когда-то проходили с боями, не узнали бы этих мест. Улица Рабоче-крестьянская, прямая и светлая, застроенная многоэтажными домами, переходит в мост через Царицу.

Ажурный, легкий мост этот – один из красивейших в Волгограде. А архитекторы уже планируют на разрушенных склонах реки детские площадки, стадион, зеленый театр и галерею восстановить для Дома художника.

Бывший начальник политотдела гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии, в которой сражались наши земляки, Григорий Иванович Денисов, сейчас директор Музея обороны Волгограда.

– Передайте большой привет боевым друзьям в Целинограде, – попросил он. – Расскажите им, что на высокой горе, где акмолинцы вели бои за деревушку Елки, поставили памятник. Останки комиссара дивизии Василия Шурши и других наших героев перевезли в Бекетовку и там на площади захоронили в братской могиле. В районе элеватора, на улицах С. Халтурина, Пушкина, где вели бои акмолинцы, выстроены благоустроенные жилые кварталы. А центральный универмаг реставрирован. Передайте товарищам: волгоградцы сделали свой город прекрасным, но они никогда не забудут войны.

Нет, не забудут. И детям своим завещают священную любовь к городу, Волге, к памяти погибших. Площадь павших борцов. Гранитный обелиск и братская могила героев войны. Скорбная, тихая музыка, вечный огонь памяти и цветы на черном полированном мраморе. В этот день на могилу возложили розы и мы, туристы-целинники. Дань светлой памяти тем, кто сражался и погиб, не путив фашистов к Волге.

В суровом строгом молчании стоят 400 целинников. И среди них немало фронтовиков. Немало тех, кто потерял родных и близких в эту войну. Но одно лицо особенно запомнилось мне. Худощавый человек лет сорока с пустым рукавом. Бригадир совхоза «Макинский» Алексеевского управления Петр Ананьевич Аношин был ранен здесь, под Волгоградом, в боях за Мамаев курган. Ему знакома каждая выбоина на склоне кургана. Три раза ходил Аношин в атаку.

Мужеству Аношиных, защитников Мамаева кургана, – памятник, который сооружается сейчас по проекту скульптора Вуче-

тича. «Память, одетая в камень» – так называют волгоградцы этот прекрасный памятник.

Широкая лестница, у которой, кажется, нет конца. Она кончается небом. На последней ступеньке открывается незабываемая панорама. В центре – скульптура Воина-освободителя. Сила, непреклонность, мужество, вера в победу, мудрость – все в ней, в этой скульптуре.

Дальше снова лестница, между двумя стенами, стеной клятвы и стеной гнева. Это говорящие стены разрушенных зданий. Здесь и крик солдата: «Ни шагу назад!» И рука с комсомольским билетом, как присяга на стойкость. Камень рассказывает о подвигах снайпера Василия Зайцева и Михаила Паникахи, который с горящим факелом бросился под вражеский танк. Скорбь по умершим, клятвы живых и зоркий дозорный с автоматом в руках, как символ нашей бдительности.

А дальше многофигурные композиции. Они еще не завершены. На чистой белой стене будут высечены слова: «Железный ветер бил им в лицо, а они шли вперед, и чувство страха снова охватывало врагов. Люди шли в атаку. Смертны ли они?»

Памятник будет венчать 52-метровая фигура Родины-матери с мечом в руках. Этот меч – не меч угрозы, это знак нашей силы и миролюбия.

На Мамаев курган приходят не только туристы. Здесь мы встретили старую работницу завода «Баррикады», которая потеряла на войне сына, и ребятишек из детского сада № 13 молодого города Волжского.

Так же чтут волгоградцы и другие памятники великой битвы на Волге. Легендарный дом сержанта Павлова сейчас восстановлен и обрамлен ажурной полукруглой колоннадой. На площади сооружен памятник В. И. Ленину. От Волги к вокзалу, в том районе, где шли самые ожесточенные бои, раскинулась вся в цветах и деревьях Аллея героев. Зеленым ковром травы, уютными дорожками покрыта набережная Волги. Каждый день появляются свежие цветы у памятника героям войны Рубену Ибаррури, Владимиру Колменщикову, Хафизу Фаттахутдинову.

Волгоград был и остался славным городом. В этом мы убеждались на каждом шагу. Удивлялись размаху жилищного строительства, чистоте и красоте города. Это один из самых зеленых городов Союза: здесь на каждого жителя приходится по 9 квадратных метров зелени. Восхищались великим сооружением Волжской ГЭС, с уважением смотрели на прославленный тракторный завод, который выстоял в войну, снабжая нашу армию непобедимыми танками. Мы видели юных волгоградцев, выступающих на празднике искусств, и поля ромашек в парках. Мы видели студентов, которые готовятся к экзаменам, и беззаботных юных матерей, что катали своих сынов в колясках по улицам, разрытым когда-то снарядами.

И мы полюбили этот город мужественных.

«Целинный край», 13 августа 1964 г.

Кавказ древний и молодой

Горы. Древние, морщинистые, величавые горы. Они маячили недосыгаемыми дымчатыми вершинами из Пятигорска. Они мчались за окном вагона словно театральные задники, когда мы ехали в Ереван. Горы казались живыми. Они то сжимались, то расширялись и вырастали до великанских размеров. Они поминутно переодевались. Мягкий лиловый цвет сменялся яркорыжим или сероватым. То вдруг преобладающим тоном становился зеленый – склоны ершились деревьями.

Мелькали за окном и чужие горы, турецкие. Они были такие же, как наши, только по ту сторону границы – строптивой реки Аракс. А вот долины по ту сторону были другие. Поля цвета спелого лимона разделены на клетушки зелеными изгородями или глиняными заборами. На этих клочках земли ковыряются земледельцы. Машин нигде не видно, да и откуда взять бедняку машины? Мимолетная, но грустная картина. Нам, привыкшим к громадным кукурузным полям, совхозным виноградникам и чайным плантациям, было непривычно видеть расклетченные турецкие поля.

А когда комфортабельный туристский автобус помчал нас через эвкалиптовую аллею из Батуми вдоль горного ущелья, мы ви-

дели обжитые горы. Горцы очень трудолюбивый и бережливый народ; они не дадут пропасть ни единому кусочку благодатной кавказской земли, пусть он находится даже на высоте нескольких сот метров. На некоторых горных участках можно работать, только привязавшись для страховки к дереву. Здесь возделывают душистый грузинский чай. Местные жители рассказывали нам, что некоторые горянки достигли такой быстроты в обрывании молодых чайных побегов, что собирают в день по 200–250, даже 300 килограммов.

И еще в горах нас удивляли коровы. Честное слово, любой альпинист мог бы позавидовать ловкости этих бесстрашных животных, которые в горах чувствовали себя ничуть не хуже, чем на равнине. Кстати, об альпинизме. Он в нашей программе предусмотрен не был, и побывать в Теберде и на Дамбае нам не удалось. Об этих дивных местах Кавказа слышали мы от туристов, с которыми встретились на вечере дружбы в Гагринской туристской базе.

Горы это одно из чудес Кавказа. Другое – море. Вернее, моря. Кавказу повезло. У него два моря. Очень разные, но равно прекрасные. В Дербенте наш поезд стоял в ста метрах от моря, и мы первый раз за время нашего путешествия искупались в светлой солоноватой воде Каспия. Нигде больше не видели мы такой светлой воды и такого колючего пляжа – он состоял сплошь из желтоватого резного ракушечника. Здесь море дикое, вольное. И никаких буйков – плыви хоть к Карабогазголу.

Зато в Баку пляж организованный, утыканный зонтами, а дреманое око спасателей ни за что не допустит, чтобы вы заплыли дальше положенной черты. Море здесь было менее приветливое, клочковатое. Мы с ним помирились только на нефтяных промыслах, где Каспий – трудолюбивый, обстоятельный, словно пожилой рабочий в промасленной спецовке. Непрерывно пыхтят маховики, гонят нефть. А море спокойно золотится, разграфленное ажурными мостками, которые тянутся от одной нефтевышки к другой.

Есть в Баку еще одно море – для морских прогулок. Оно ласково притулилось к приморскому бульвару (бакинцы утверждают, что это самый красивый бульвар в мире).

Другое море Кавказа – Черное. Море-красавец, море-баловень, море-неженка. Мы были в Батуми, Сухуми, Гудауте, Гагре, и всюду – экзотические пальмы, уютные пляжи и колонии отдыхающих. В этих приморских городах нас не возили на экскурсии, если не считать поездки на дивное горное озеро Рицу, Батумский ботанический сад и Сухумский обезьяний питомник. Здесь мы могли днями загорать и купаться.

Горы. Море. А города? А люди? Ведь мы побывали во всех трех кавказских республиках. Что поразило нас там? Какие встречи запомнились?

Дербент. Город необыкновенно своеобразный. В нем удивительно переплелись черты нового современного города и древнего горского поселения. Здесь еще сохранилась широкая массивная крепостная стена, сложенная на века. Венчает город величественная седая крепость. Она высится на холме незыблемым памятником искусству и мужеству предков. На круглой каменной площадке перед крепостью сидел, опершись на палку, седой, но удивительно стройный горец. Когда-то он плавал на судах моряком, «делал революцию» на флоте, а сейчас живет воспоминаниями да рассказывает заезжим экскурсантам о крепости. Он не сыплет фамилиями, но зато твердо знает, что в этой крепости насмерть стояли против врагов его предки, что она связана с именем легендарного Шамиля.

Баку запомнился морем, нефтяными вышками, добротными, построенными на века, строгими темно-серыми домами, прекрасным парком на холме, одним из самых больших зеленых театров, со световым занавесом и веселым концертом, который дали для нас гостеприимные бакинцы. Вообще доброе, радушное отношение к целинникам мы чувствовали на Кавказе всюду.

В Ереване на вокзале нас встретила большая группа молодежи. И тут же устроила танцы. В этот же вечер ереванцы показали нам свой город. Он выделяется среди других кавказских городов

разнообразием и какой-то светящейся веселостью. Видимо, это впечатление создают разноцветные дома, построенные из белого, розового, желтого, сиреневого, серого туфа. Как и в любом городе, в Ереване есть свои Черемушки, и здесь квартал новых домов называется «Белая ромашка». Ереванцы очень гордятся своим оперным театром, красивым водоемом, который копирует озеро Севан, хранилищем древних рукописей, историческим музеем.

К достопримечательностям города относят мост через реку Раздан, крытый рынок своеобразной армянской архитектуры. Ереванские архитекторы смело экспериментируют: улицы города, сквер перед театром оформлены скульптурами и декоративными вазами.

В Ереване мы побывали в филармонии, где исполнялся двухчастный концерт для фортепьяно с оркестром, сочиненный выпускником музыкальной школы-десятилетки Левонем Чаушяном. На сцену вышел мальчик лет четырнадцати, строгий, подтянутый, серьезный. Сел к роялю. Играл он уверенно, самозабвенно. Этот концерт – третье крупное произведение талантливого армянского мальчика.

Богаты сокровища Ереванской картинной галереи, но, пожалуй, самый интересный отдел армянской живописи: солнечные полотна Сарьяна, интересные по живописи картины Суренянца, энциклопедическое наследие Коджояна. Зардарян, сестры Асламазян, Никогосян – можно перечислять десятки талантливых полотен.

Очень интересную экспозицию грузинской живописи посмотрели мы в Тбилисском музее искусств. Есть в нем небольшой зал, мимо которого нельзя пройти равнодушным. Здесь собраны работы Нико Пиросманишвили. Самобытный народный художник не имел возможности учиться профессиональным приемам, поэтому его картины, которые он часто рисовал на клочке клеенки или жести и которыми расплачивался за обед в кабаке, напоминают примитивный народный лубок. Но они живописны, искренни, талантливы и сильны эмоционально выраженным отношением художника к натуре.

На выставке абхазской живописи, которая проходила в это время в Тбилиси, мы познакомились с работами сухумского студента Вячеслава Денисова. Будущий физик в свободное от занятий время делает забавные композиции из кусочков дерева, коры и желудей. Тут Дон Кихот и Санчо Панса, пильщики дров и влюбленные. В каждой фигурке столько доброго, умного юмора, что посетители выставки подолгу с улыбкой рассматривали их.

О Тбилиси можно сказать: весь этот город есть произведение искусства. Это самый красивый город на Кавказе, изящный, строгий, устремленный стрельчатыми башнями в небо. Здесь много прекрасных древних замков, соборов, храмов. Их свято охраняют. Но особенно почитают в Тбилиси пантеон великих людей Грузии. Здесь похоронены Александр Грибоедов и его юная жена, красавица Нино. Прекрасные памятники на могилах Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Важи Пшавелы.

А на самом высоком холме, видная всему городу, изваяна скульптура «Мать-Грузия». Стройная, гордая женщина в длинном национальном платье с мечом мира в одной руке и чашей гостеприимства в другой – это символ прекрасной щедрой Грузии. Такой и осталась она в нашей памяти.

Где Лермонтова дух мятежный...

*Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.*

Родились эти грустные строки более сотни лет назад, но и сейчас тревожат безысходной тоской по родине, по воле. Мы ехали в Пятигорск по той самой дороге, где когда-то двигался на перекладных Лермонтов, сосланный царем на Кавказ за стихотворение «На смерть поэта». Это был гневный, ядовитый плевок в физиономию самодержавия, которое убило Пушкина. Это был невыносимо скорбный реквием в честь прекрасного поэта земли

русской. Реквием, который звучал гневной болью и тогда, когда погиб от руки наемного убийцы сам Лермонтов.

Строгие пилоны указывают путь к месту дуэли Лермонтова. Сейчас туда ведет прекрасное асфальтированное шоссе. И каждый день к скорбному обелиску съезжаются сотни экскурсантов. Сегодня дань памяти великому поэту отдают целинники. В благоговейном молчании стоят и доярка совхоза «Череновский» Павлодарской области Ольга Готлибовна Грильдазер, и тракторист совхоза «Петровский» Целиноградской области Алексей Клюковкин, и посланцы юного города Рудный Маргарита Андреевна Багирова, Лидия Степановна Терентьева.

Учительница Боскольской средней школы Кустанайской области Лидия Петровна Вышегородцева старается не пропустить ни одного слова из рассказа экскурсовода – ее ученики должны знать, что в тот страшный день, когда Лермонтов был убит, не переставая лил дождь, словно природа вместе со всем народом русским оплакивала гибель поэта. Дети должны знать, что средства на памятник Лермонтову собирали по всей России – крестьяне отдавали последний грош, чтобы увековечить его память.

Отсюда, с открытой площадки на склоне Машука, Лермонтов в последний раз любовался пятиглавым Бештау, провожал в дальний путь караван странствующих тучек.

Здесь, в местах, где все связано с именем Лермонтова, хотелось подумать, помолчать, вспомнить. Побывать наедине с собой, с поэзией, с Лермонтовым и почувствовать поэзию тех мест, где бывал, о которых писал автор «Героя нашего времени». У нас был чудесный экскурсовод Алла Цокота. Она совсем недавно окончила историко-филологический факультет Пятигорского пединститута. Еще девочкой любила она забираться в Эолову арфу и слушать песни ветров, как когда-то юный Лермонтов (в детстве бабушка приводила его в Горячеводск лечиться). Алла любила слушать рассказы о последнем вечере, который Лермонтов устроил в гроте Дианы. Конечно, только человек, который написал «Мцыри» и «Демон», мог так экзотически украсить весь грот прекрасными шелковыми шальями.

Уже подростком Алла с видом знатока водила за собой вагату малышей и рассказывала им об академической галерее, о лермонтовских ваннах, о ресторации, показывала провал и грот Лермонтова. Малыши никак не хотели верить, что на том месте, где сейчас прекрасный цветник, зеленый бульвар, когда-то были выщербленные мостовые, а кислосерную воду черпали из колодца кружками.

Сейчас Алла рассказывает о Лермонтове не только своему маленькому сынишке, но и сотням, тысячам людей, которые приезжают сюда. Очень бережно, удивительно свежо и поэтично рассказывала нам о Лермонтове эта девушка, невысокая, кареглазая, обаятельная, как лермонтовская героиня. Она сумела донести, не расплескав, не заштамповав от частых повторений, аромат и неповторимую прелесть этих мест.

Она показала нам и домик Верзилиных, и комнату, в которой произошло роковое столкновение Лермонтова с Мартыновым. Небольшая уютная гостиная. Между окнами мягкий диванчик. На нем сидел, весело болтая о чем-то с хозяевами дома и гостями, Лермонтов. Мартынов в это время стоял в противоположном углу комнаты, около рояля. Вид у него был фанфаронский, надутый, надменный и глуповатый. Лермонтов озорно вполголоса сострил, чтобы развеселить своих соседек:

– Горе-гусар.

Мартынов вряд ли расслышал, что сказал Лермонтов, но он сделал вид, что смертельно оскорблен, тем более его уже давно натавливали на поэта. И вызвал Лермонтова на дуэль.

Побывали мы на знаменитом Пятигорском бульваре, прошли длинным темным тоннелем к провалу, который Лермонтов описывал в «Княжне Мэри», посмотрели грот Лермонтова, поклонились памятнику поэта, сделанному талантливым русским скульптором Опекушиным.

Все эти памятные лермонтовские места бережно охраняются, но нынче Пятигорска не узнать. Из захудалого провинциального городишки, который был местом ссылки, Пятигорск стал краси-

вым современным курортом. На Пятигорском бульваре, где во времена Лермонтова гуляли праздные бездельники, немощные старухи и скучающие светские красавицы, сейчас два близлежащих колхоза строят для членов артели современные, прекрасно оборудованные санатории. А у источника, где в те поры лечебную воду разливал инвалид и вешал кружки по рангам, согласно чину их хозяев, сейчас прекрасные светлые салоны и симпатичные милые девушки в мгновение ока напоят вас очень полезной водой. Пятигорск открыт для всех – и для профессора, и для колхозника.

России, которую проклинал Лермонтов, «страны рабов, страны господ» больше нет. Народная Советская Россия любит, помнит славного сына своего. И мы рады были, что именно нынче, когда исполняется 150 лет со дня рождения Лермонтова, мы побывали в этих дорогих нам местах, поклонились памяти поэта.

«Целинный край», 15 августа 1964 г.

По Венгрии

На Балатоне

Балатон. Слово музыкальное, тихое. Наверное, бывает Балатон беспокойным, ершистым, хмурым, но мы его таким не видели. Летом, когда съезжаются к добрым его берегам туристы со всего света, озеро мирное, дружелюбное, словно хочет сказать: живите, люди, в мире и согласии.

Мы жили очень дружно. Мы – это журналисты разных стран, которые приехали в Международный дом отдыха журналистов. Были здесь поляки, немцы из обеих Германий, итальянцы, бельгийцы, вьетнамцы, венгры и русские. Мы говорили на разных языках, но жили под одной крышей, загорали под одним солнцем и научились понимать друг друга. Маленькие и большие пресс-конференции бывали в самых неожиданных местах – в столовой или в баре, на пляжной лужайке или в больших плетеных кор-

зинках от солнца, в лодке или прямо в воде: озеро у берега мелкое, и, пока бредешь до глубины, можно поговорить обо всем на свете.

По утрам, например, собирались наши женщины вокруг веселой польки Оранки-Изабеллы, которая тут же на пляже давала уроки гимнастики йогов. Ученицы были очень послушны и не щадили себя – еще бы, Оранка за три года занятий по системе йогов согнала 15 килограммов и излечилась, по ее утверждению, абсолютно от всех болезней.

Мужчины чаще всего собирались на террасе перед баром и вели серьезные разговоры о политике, о литературе, о юриспруденции, об автомобилях.

Очень мы подружились с немкой из Берлина, немолодой уже, но красивой женщиной. Мы восхищались ее неистощимым, молодым жизнелюбием. А жизнь она прожила трудную. Бежала от нацистского режима в Россию. Здесь в голодные годы войны потеряла семью. Была эвакуирована в один из башкирских колхозов, работала для фронта всю войну, не досыпая, не доедая, оторванная от родины и родных. Русские стали ей друзьями, Россия – вторым домом.

Как тесен мир! Сплетаются судьбы людей разных национальностей. В нашем доме отдыхала молодая семья из Берлина: Ира – русская, прекрасно знает язык от своей бабушки. Ее муж – Эрик – немец, не понимает по-русски. А трехлетняя дочка Марика свободно болтает на обоих языках. И даже начала обучать немецкому свою русскую подружку Галочку Шинкареву. А другая супружеская чета – русская Надя и поляк Ежи – встретились в войну. Вместе боролись с фашизмом. Теперь Надя живет в Варшаве, работает переводчицей.

Да, тесен мир. В Будапеште на стене одного из музеев мы видели четкие русские буквы: «Проверено. Мин нет». Причем две первые буквы заложены свежим кирпичом, видно, была на этом месте рана от фашистской пули. Их и сейчас, этих ран, очень много на прекрасных зданиях венгерской столицы – не успели заделать. Не успели...

А пожилой немец Майер, когда у нас зашел разговор о сегодняшних нацистах, с болью сказал:

– Война была такой страшной трагедией для моего народа. Очень печально, что некоторые на моей родине забыли: фашизм принес горе миру.

Он посидел в войну, этот немец, у него печальные умные глаза. Такие же, как у вьетнамца, который возглавлял делегацию журналистов из Южного Вьетнама. На пресс-конференции он показывал фотографии, рассказывал о тяжелой, мучительной войне, о том, что вьетнамцы вынуждены жить в подземных городах. Они ненавидят американцев, пришедших топтать их страну. И будут сражаться за свободу родины до победы, чтобы не было на земле вьетнамской ни одного чужеземного солдатского следа. Этим маленьким смелым народом нельзя не восхищаться. И все мы, немцы, поляки, русские, венгры, дружно аплодировали стойкости и мужеству вьетнамцев.

А потом мы ездили вместе с ними по Балатону на катере и бросали за борт крошки хлеба грациозным чайкам, мирным птицам мирного озера. Оно тянется в длину на 77 километров, а ширина – четыре-пять километров. Балатон неглубок – и поэтому вода прогревается очень хорошо. И вдобавок ко всему щедрая природа подарила этому краю две тысячи солнечных часов в год! Это очень много. Поэтому Венгерское море, как здесь называют Балатон, привлекает туристов. Великолепные комфортабельные гостиницы, кемпинги, разноцветные мотыльки палаток в сосновых борах, причудливые дачки с гномиками и краснобокими грибами из жести в садиках, кафе, спортивные площадки.

Самый большой и комфортабельный курорт на южном берегу Балатона Шиофок, родина Имре Кальмана, которому в тенистом парке стоит памятник. Здесь более 120 профсоюзных и ведомственных домов отдыха, порою это совсем маленькие дачки на несколько человек. Бывший аристократический курорт стал любимым уголком отдыха трудящихся Венгрии.

Если обогнуть озеро с востока, попадешь в благодатное место Балатонфюред. Лечебные источники этого курорта извест-

ны всему миру – здесь лечат болезни сердца. Городок небольшой, тихий, прилип к озеру. А если подняться чуть выше, пройти тропинкой среди виноградников, попадешь к чарде под дубом. Дубу этому много лет. Корявый, сильный, черный, стоит он словно произведение искусства над старинной чардой с низкими каменными сводами, где при свечах пьют традиционные венгерские вина и новейшие коктейли. Над мангалами, большими и крепкими, как мельничные жернова. Над людьми, что пристроились в тени его, на открытой террасе. Он ко всему привык, этот старый дуб. Он отзывался только на ветер, да на звуки скрипки.

Два музыканта, наверное, ровесники дерева, играли так хорошо, что хотелось плакать. То щемяще печальные, то огневые и неудержимо веселые скрипки рассказывали о своей родине, о ее трудной судьбе, о гордом и веселом народе. А потом вдруг неожиданно вплеталась в музыкальный ручей польская мелодия или захлестывала все вокруг русская «Калинка-малинка». А дуб все кивал ветвями, кивал, кивал...

Когда сухонький, седой, но очень бойкий старичок разжег все мангалы, и деревянные чурки превратились в угли, началось таинство жаренья венгерского шпига. Нам дали по длинному, сантиметров семьдесят, пруту с куском шпига, по два куса белого хлеба с нарезанным кружочками луком. Мы встали вокруг мангала, поставили тарелки с хлебом на каменный его бортик и, медленно переворачивая палочки, начали жарить. Натопленным жиром смачивали хлеб с луком. И снова – вертело к углям, пока шпиг не станет совсем мягким.

Потом сели за общие длинные столы под белыми скатертями и лакомились этим традиционным венгерским шашлыком, проносили тосты за дружбу, слушали музыку. А наш мангалыщик лихо отплясывал русскую «Барыню», даже пускался вприсядку, высоко подкидывая острые коленки. Видно, среди многочисленных туристов-иностранцев самыми дорогими гостями были для него русские.

Но покинем гостеприимную чарду под дубом, побываем в самом живописном уголке Балатона Тихани. Тиханьский по-

дуостров так далеко выдается в озеро, что почти смыкается с противоположным берегом. Паром проходит небольшой водный рукав за несколько минут. Представьте себе узенькую полосу очень ярких, изящных гостиниц, ресторанов, спортивных площадок и за ними довольно высокую лесистую гору, которую венчает двуглавая церковь. Это Тихань. Извилистая горная дорога приведет вас к старинному рыбацкому селу. В двух маленьких домиках, крытых камышом, музей народного быта: погребок с винными бочонками разных размеров, горницы с маленькими оконцами, высокие деревянные кровати с пышными подушками, темные резные стулья, крепкие столы. Тут же национальные костюмы венгров.

А над поселком, в парке, три христовых распятия – одно повыше, два другие, как концы креста, по бокам. Удивительные распятия! Не традиционные. Мужичкий, народный бог на кресте. И крест не гладкий, не тонкий, а могучий, деревянный, с сучками. У венгерского крестьянина было свое понятие о бедах и печалях Господних, он выразил в распятии свою судьбу, свое горе.

Если мы продолжим путешествие по северному берегу Балатона на запад, то придется остановиться в Бодачони, где нам дадут попробовать отличнейших венгерских вин «сюркебарат» и «кокнелю», пройти в большущих музейных тапках по залам старинной библиотеки Геликон в Кестхее, искупаться в теплом целебном озере Хевиз.

И снова камышистый берег, и снова попадаем на южную сторону. Балатонсентгеорги – старая звездчатая крепость. Предполагают, что она построена в XV веке. Толстые стены и бойницы, оконца. Внутри – караульная, спальня, столовая, кухня для обитателей крепости. Все старинное – оружие, утварь и костюмы. А в страшном темном сыром подвале – камеры для узников. Гид любезно предложил одной из женщин роль колодницы. Она села на клочок соломы, брошенный на грязный пол, протянула покорно руки – ей надели колодки, а на шее замкнули деревянный хомут. И она, и мы долго смеялись. Но узникам, конечно, было не так весело.

И последнее местечко, о котором мне хочется рассказать, это Балатонкерешти. Здесь каждое лето в церкви, основанной монахами Франсиканского ордена в XV веке, бывают концерты старинной венгерской музыки. Церковь небольшая, массивная, с прекрасными готическими окнами. Проход между скамейками ведет к сцене, которая сейчас непривычно освещена двумя прожекторами. Орган и хоры над входом в церковь.

Известный не только в Венгрии, но и за ее пределами Будапештский мадригальный хор существует уже пятнадцать лет. Он – лауреат международных фестивалей. Его основатель и бессменный руководитель Секереш Ференц – тонкий, умный музыкант, большой знаток, ценитель и пропагандист старинной венгерской музыки. В программе концерта – народная музыка, Кодай, Лист, Фаркаш, Ференц, Бакфарк. Исполнители – певицы Будапештской оперы Агай Карола, Чайбок Терезия, известный гитарист Сандрей Карпер Ласло, органист Ковач Егдре. Впечатление от этого необычного концерта удивительное. Музыка то расходится органными волнами, заполняя высокий купол церкви, то затихает в нежнейшем пиано женского голоса.

Мудрая, вечная музыка.

«Целиноградская правда», 1 декабря 1967 г.

Кооператив «Согласие»

Нам сказали, что поедем в кооператив. Мы приготовились к дальней дороге и очень удивились, когда минут через пятнадцать автобус остановился на окраине Шиофока перед аккуратным одноэтажным домиком и гид сообщил:

– Приехали в кооператив «Согласие».

Дворик конторы оказался сплошным цветником. На крыльце нас встретил веселый подвижный человек лет тридцати пяти, председатель кооператива. Всем подавал руку, называл имя:

– Мартон Лайош.

Кабинет у него простенький, тесный: стол, несколько стульев да книжный шкаф. На стенах – грамоты за хорошую работу, искусные изделия из пшеницы. В конторе едва нашлось сту-

льев, чтоб нас всех посадить. Сначала маленькая пресс-конференция.

Кооператив этот пригородный, карликовый по сравнению с нашими целинными хозяйствами. Земли в нем всего 750 гектаров, а пашни около 700. И машин, соответственно, мало: 12 пахотных тракторов, один собственный комбайн СК-4, две грузовые автомашины. Легковых в кооперативе нет, а председатель с агрономом ездят на мотоциклах. Зато шесть личных машин у членов кооператива. Животноводство по нашим понятиям небольшое – 70 коров, около 500 свиней и поросят, несколько десятков лошадей.

А вот, поди ж ты, хозяйство это высокодоходное, имеет более 6 миллионов форинтов чистой прибыли (около 460 тысяч рублей), оттого что очень высока продуктивность земледелия и животноводства. В этом году, например, собрали пшеницы по 19,8 центнера с гектара, то есть по 39 центнеров с гектара. А средняя урожайность пшеницы – 33 центнера с гектара. Мы видели на полях кукурузу. Стебли-гиганты, початки с полновесными ядреными зернами. А урожай? 36 центнеров с гектара сухого зерна.

По пыльной дороге среди чахлой травки шли мы к животноводческому городку. А председатель говорил нам, что уже нынче осенью здесь посадят деревья и кустарники, посыплют дорожки песком.

– А на будущий год посадим цветы, и будет так же красиво, как около канторы. Приезжайте, сами увидите.

Добротный двухрядный коровник сух и чист. Вдоль стойл длинный деревянный жолоб – для корма и воды. За девять месяцев средний надой на фуражную корову составил 2 750 литров. Сейчас животноводы заняты вопросом улучшения породности стада.

С особой гордостью показывал нам Мартон Лайош лошадей. Могучие тяжеловозы совершают неблизкое путешествие в Италию, где очень ценят венгерских рабочих лошадей. А скаковые жеребцы пользуются спросом во многих европейских странах и

не раз завоевывали призы на скачках. Двух самых горячих скакунов вывели из конюшни, чтобы показать нам. Конюх едва удерживал разгоряченных, стройных красавцев, которые ни минуты не стояли на месте. Как раз в этот момент я их сумела сфотографировать.

Свинарника два. Один для маток с поросятами, другой – для откормочников. Около фермы мы видели громадные чаны с хлебом. Оказалось, что кооператив скупает черствый хлеб в магазинах на корм свиньям. Свиноводство – это, пожалуй, самая выгодная отрасль животноводства, потому что свинина – основной продукт питания в Венгрии. Ее подают на обед и на ужин.

Вот только несколько названий из нашего меню: паштет из свинины, ростбиф а ла Чаки, ромштекс с парижским гарниром, ризотто из свинины, свинина по-лионски, мясо с начинкой из грибов, край из свинины а ла Савояр, свинина со спагетти, соус гороховый с краем из свинины. Это меню двух дней. Мы выбирали по вкусу или национальную кухню, или интернациональную, или диетическое питание. И за двенадцать дней, пока мы жили в Венгрии, – ни одного повторяющегося блюда, и почти все из свинины. Каждый раз по-другому, необычайно вкусно. Причем дневное меню обычно бывало такое: на завтрак ветчина и знаменитая венгерская сухая колбаса с паприкой – перцем, чай, кофе или какао по желанию. Для диетиков – мед, масло, варенье. На обед салатик – обычно острый или сладкий, из огурцов или капусты, протертый суп, два вторых из свинины, иногда из курятины, сладкое (причем кондитеры здесь – великие мастера) и чистая холодная вода. Ужин может быть мясной или холодный, и фрукты.

Но мы несколько отвлеклись. Вернемся в кооператив. Нас очень интересовала организация производства, система планирования. В венгерской деревне – тоже своеобразная экономическая реформа. Прежде даже план на урожайность культур «спускался сверху», теперь планирует правление кооператива. Местные специалисты также определяют, какую культуру выгоднее всего возделывать, какую отрасль животноводства развивать. Поднялись заготовительные цены. Сейчас в кооперативе прово-

дят землеустроительные работы, очень много уделяют внимания увеличению плодородия каждого гектара.

В кооператив «Согласие» идут с охотой – хозяйство крепкое, заработки хорошие. Но еще процентов пять осталось единоличных хозяйств. Правда, Мартон Лайош говорит, что они все чаще поглядывают на кооператив, и уже многие распрощались со своей землей и влились в дружную кооперативную семью. Вступившему оставляют полгектара земли, остальную землю принимают в фонд кооператива. До 1963 года можно было оставлять себе одну корову, два теленка, одну свинью – все остальное сдавать в кооператив. Теперь ограничений нет.

Но чтобы попасть в члены кооператива, нужно доказать своей работой, что ты достоин этого, пройти полугодовой кандидатский срок. Но и после принятия в кооператив за поведением его членов постоянно следит дисциплинарная комиссия. С лодырей снимают трудовни, а если это не помогает, исключают из кооператива.

Сейчас в кооперативе 198 членов и 68 служащих. Директор и агроном имеют высшее образование, многие техническое и среднее.

– А неграмотные есть? – поинтересовались мы.

Председатель улыбнулся:

– Есть двое. Но один из них пастух, писать не умеет, а говорит на шести языках.

Мы уже собрались возвращаться домой, когда кто-то попросил Мартона:

– Покажите нам, как живут члены кооператива?

Председатель охотно остановил автобус:

– Давайте зайдем хоть в этот дом. Правда, тут живут одни мужчины, хозяйка умерла в прошлом году.

По аккуратным, посыпанным песочком дорожкам, мимо цветочных клумб и деревьев, мимо маленьких кактусов в горшочках подошли мы к дому. Серенький, гладко отштукатуренный, деревянные жалюзи на окнах – как везде в Венгрии, домик этот поразил нас чистотой и комфортом. Три большие комна-

ты, кухня, ванная. Кухня, ванная отделаны кафелем, очень современная мебель. И убрано все с удивительным вкусом. Нас встретили два брата – сыновья хозяина дома и подружка одного из них. Один парень учится в техникуме, другой поступает в институт. Все трое вышли нас провожать, и наши абхазские журналисты Артем и Шалва радушно пригласили юных венгров на Кавказ.

– Приезжайте, не пожалеете. Море наше покажем, горы наши покажем, лучшим вином угостим. Приезжайте, друзья!

«Целиноградская правда», 2 декабря 1967 г.

Тысячелетия минули

Улицы Сомбатхея запружены народом. Люди стоят на тротуарах, устраиваются на временных деревянных трибунах и помостах, несут с собою раскладные стульчики и чурбаки. Мальчишки виснут на телеграфных столбах, пристраиваются на карнизах, взбираются на деревья. В окнах, на балконах, даже на крышах домов: люди, люди, люди. Почему таким тесным стал этот обычно тихий пограничный городок Венгрии?

Сегодня – исторический карнавал. Он бывает каждый год в последнее воскресенье августа. Вся двухтысячелетняя история Венгрии проходит в красочном театрализованном действе. Декорации – улицы древней Саварии (так назывался Сомбатхей прежде). Исполнители – артисты венгерских театров и четыре тысячи статистов. На площади многоярусный помост. В центре римские патриции в тогах, ниже – воины-телохранители со щитами. Если бы не толпа зрителей – можно было бы подумать, что мы попали в древний Рим, так достоверны костюмы, позы, так торжественна и величественна церемония открытия карнавального шествия. Неторопливый голос ведущего уводит нас во времена давно минувшие, когда в 43 году до нашей эры на этом месте римский император Клавдий основал город, названный Саварией.

История собственно Венгрии началась с 896 года, когда венгры появились на территории нынешней своей родины после падения Римской империи. И с той поры маленький гордый на-

род храбро сражался с врагами. Много тяжелых битв пришлось вынести на своих плечах, много горя хлебнуть и слез пролить пришлось матерям венгерским. В тринадцатом веке словно смертельный смерч пронесли по стране монголы, выжигая и уничтожая все на своем пути. Потом полтора столетия воевал венгерский народ с турками, жестокими и коварными оккупантами. Вот они идут по площади, уверенные в своем могуществе и непобедимости. Но были побиты и они. Едва страна вздохнула свободно – новая беда: на страну наложили лапу Габсбурги... Ракоши – Ференц II поднял свой народ на освободительную войну.

Не обошел своим «вниманием» Венгрию и Наполеон. Самодовольный, чванливый едет карнавальный полководец в окружении своей свиты.

А вот новый герой Лайош Кошут, руководитель борьбы за независимость Венгрии, которая в 1848 году закончилась революцией. Улицы взрываются аплодисментами. Зрители приветствуют народного героя.

Но Габсбурги снова затягивают петлю гнета. Как бедны, как ветхи одежды женщин, как печальны их лица. Оборванные ребята жмутся к матерям. А мужчины, изнуренные тяжелой работой на господ, медленно катят тачки. Но не сломлена вера народа в победу, не убита воля к свободе. Резко, предостерегающе разрезает воздух свист длинных пастушьих бичей. Пастухи идут по площади неторопливо, в длинных почти до пят черных одеждах, в короткополых шляпах и режут, режут по асфальту бичами. И звуки эти – как боевой клич к восстанию.

Оно произошло. 21 марта 1919 года была провозглашена Венгерская советская республика. Красное знамя полыхает над толпой. Но интервенты и венгерские контрреволюционеры разгромили первое социалистическое государство центральной Европы. И снова черная полоса в истории Венгрии.

Фашизм, немецкая оккупация, бешено проносятся на мотоциклах немецкие солдаты, словно демоны смерти и разрушения. Помрачнели лица людей. Многие вспомнили страшное время. Оно

было трагическим не только для венгров. Перестали улыбаться всегда веселые поляки – в их стране были лагеря смерти. Опустили глаза немцы – им больно за Германию, им стыдно истории своей страны. Полыхнул огонек несмываемой ненависти в глазах Якова Григорьевича Горелика – юриста из Белгорода. Его нога не сгибается после фронтового ранения. И, кажется, он первым захопал, когда на площади появился бронетранспортер № 542 с советскими солдатами. Кругом кричали, аплодировали, смеялись, как в тот далекий апрельский день освобождения 1945 года. А Яков Григорьевич крикнул, словно родным, этим венгерским ребятам в форме советских солдат:

– Привет, братишки!

А улицы залил поток ликующих, празднично одетых людей. Свободная Венгрия. Счастливые дети, ее будущее. Они живут в городе, который стоит на дороге дружбы, на янтарном пути, соединяющем области Балтийского и Средиземного морей. Наверное, именно поэтому выбрали древний Сомбатхей местом для исторического карнавала. Наверное, потому, что сам город – музейный памятник. Недавно здесь открыли древнее, второго века, святилище Изиз: в Саварии был центр религиозных культов. Старину, историю страны здесь чтят и берегут, и очень осторожно застраивают город новыми зданиями.

Зато в Будапеште, удивительном, тоже с двухтысячелетней историей городе, вы встретите архитектурные стили всех времен: тут и готические стрельчатые соборы, и дворцы в стиле ампир, массивные толстостенные постройки средних веков и полные света и воздуха современные здания. История отмечала свой неторопливый ход этими каменными сооружениями.

Поднимаемся на вершину Будапешта, гору Геллерт. Здесь видимый со всех сторон возносится над городом монумент Освобождения. Скульптор выразил образ освобожденной Венгрии в виде женщины, возносящей в небо пальмовую ветвь мира. А внизу, разделенный Дунаем на Буду и Пешт, лежит один из

красивейших городов Европы. На противоположном берегу хорошо виден парламент, очень напоминающий лондонский.

Слева маленький островок Маргит, остров-чудо, остров-цветник. Его можно проехать за десять минут из конца в конец. Как весело искрятся фонтаны, как уютны и тихи тенистые аллеи, как хороши цветы на этом острове!

А справа на Дунае дымит трудолюбиво другой остров – рабочий Чепель. Его называют «Красным Чепелем» – это колыбель венгерских революционеров.

Будапешт – не только город-труженик, но и город-курорт. Столице Венгрии необыкновенно повезло – земля подарила ей 123 целебных источника, которые каждый день дают 70 миллионов литров теплой воды. В Будапешт едут со всего мира лечиться этой чудодейственной водой.

Если спуститься с горы Геллерт и перебраться по мосту Эржебет на пештскую часть, мы попадем в центр города Бельварош, окруженный полукругом бульваров. Отсюда очень интересно пройти по проспекту Непкезтаршашаг. Большие государственные магазины и маленькие частные лавочки, великолепно оформленные витрины и скромные выставки обуви, кофточек, шляп, галстуков в полутемных внутренних дворах. Туристы с удовольствием покупают любопытные деревянные сувенирчики, куклы в венгерских костюмах, флаги для вина в меховых чехлах, плетеные из соломки сумки, домашние шлепанцы, подносы.

Проспект Непкезтаршашаг очень длинный, удобнее всего ехать по нему подземкой. Это первая на континенте подземная железная дорога, построенная в форме коркового покрытия. Десятка три ступеней вниз и попадаешь на небольшую, облицованную керамической плиткой площадку. Покупаешь в кассе билет за форинт и садишься в один из двух вагонов, напоминающих трамвай старой конструкции. Последняя остановка – на площади Героев. Слева – Музей изящных искусств, справа – выставочный зал, в центре памятники истории Венгрии, скульптуры всех

венгерских королей. По живописному мостику можно пройти в городской парк, который начинается сразу за площадью. Здесь цирк, зоопарк и веселый «Луна-парк».

Ах, какой он действительно веселый, этот парк! Сколько там удивительных аттракционов, смешных игр, какие яркие, праздничные карусели! У мальчишек есть любимое занятие – катание на электроавтомобилях, которые напоминают бронированные лодки. Очень смешно наблюдать, как неумелые водители сталкивают нечаянно эти неуклюжие медленные посудины с искореженными боками. Немало любопытных у клеток со львами, но конечно, самая веселая толпа около лабиринта приключений. Громкий хохот сопровождает похождения отважившихся зайти в этот дом.

Всегда очередь перед кассой на головокружительные американские горки и очень много желающих ухнуть с высокой деревянной горы на лодке в маленький водоемчик, подняв веер брызг.

А бесконечные азартные игры. Опустить монету в автомат – и можешь кидать шарик в галерею уменьшающихся колец, или сбивать пирамидки из кубиков, или ловить ковшиком летающие шарики. Очень нелегко попасть в движущиеся физиономии мишеней, но еще труднее послать вверх по желобу игрушечного козла, чтобы он боднул сидящего наверху, тоже, конечно, игрушечного, клоуна. Тут нужна не только удачливость, но и сила.

А самые тихие посетители заняты безобидным делом: вылавливают железных рыбок. Изловчился поймать, получаешь приз: карандаш, зеркальце или другую безделушку.

Жизнерадостными, дружелюбными запомнились нам венгры. И те, которых мы видели на улицах городов, и те, которые так хорошо приняли нас в Доме журналистов. Но самым дорогим человеком стал для нас работник Венгерского союза журналистов, наш гид, наш друг Тивадор Михаи. Человек большой образованности, владеющий несколькими языками, он держал себя очень скромно и был так добр, так предупредителен со всеми, так ис-

крenne старался сделать наше пребывание в Венгрии не только приятным, но интересным.

Мы будем помнить вашу славную, гостеприимную страну, Тивадор!

«Целиноградская правда», 3 декабря 1967 г.

Голландия – Англия – Шотландия

Над каналами амстердамскими

Тюльпаны. Желтоватые и чистые, как целинный снег. Ослепительно-огненные и таинственные, бархатные, почти черные. Они уютно примостились в одном из уголков Амстердамского аэропорта под сенью ажурных крыльев ветряной мельницы, символа патриархальной Голландии. Нам, советским туристам, приехавшим от снегов Дальнего Востока и льдов Архангельска, от вьюг целинных и тихой воронежской зимы эти прекрасные цветы были откровением, частичкой солнца, даром славной доброй души простого голландца.

Мы попали в Амстердам неожиданно-негаданно. Как говорят, «свалились с неба». Летели мы, 27 советских туристов, в Лондон. Летели наедине с большим и низким солнцем, уверенные, что через час пуховое вязево облаков распадется и мы увидим берега Темзы. Но бортпроводница прервала наши небесные грезы:

– В Лондоне выпал сильный снег. Приземляемся в Амстердаме.

Мы рады. Мы очень рады. Мы бродим по этому городу, городу тюльпанов и островерхих соборов, переплетенному паутиной каналов. Он очень спокойный и добрый, Амстердам. Какой-то неумолимый устойчивый ритм есть в его улицах-каналах со спокойной темной водой, окантованных ожерельем автомобилей и велосипедов, в привычных ко всему, одомашненных чайках, в темных кирпичных домах с белыми наличниками окон, в бесчисленных каменных мостиках. Теплым домашним уютом веет

от аккуратно подвешенных на балконах простынок, от заботливо выставленных на солнечных подоконниках перин, от маленьких лавчонок и цветов. Город живет тихо, неторопливо, размеренно.

Но что это? Музыка. Хрипловатая, монотонная, безнадежно тоскливая. О чем она пела, эта заплатанная дешевой позолотой фанерная шарманка? О том, что хозяин ее, костлявый, неулыбчивый человек, нищ? О том, что ей, старой, ветхой коробке, пора на покой? Владелец фургона вторил музыке тоскливым звоном жестянки, в которой перекатывались две-три монеты. Грустный дуэт.

А чуть подальше на узкой, пустынной улочке мы увидели трио: музыканты с бледными лицами в черных хлопчатобумажных костюмах, сосредоточенно глядя под ноги, несли тихую жалобную мелодию. Четвертый, тоже в черной одежде, но хромоногий, собирал скудное подаяние редких прохожих.

А на главной улице Амстердамалюдно, и жизнь идет бойчее, веселее. Рвутся вперед беспокойные автомобили. Торопятся тихоходные велосипеды. И не знаю, чего больше: автомобилей или велосипедов. Весь Амстердам на колесах. Пешеходы редки.

Едет старушка с кошелкой овощей, едет семилетний малыш, видимо, в школу, отправляется на прогулку группа молодых людей в одинаковой форме – наверное, студенты, осторожно везет свой груз развозчик молока, пожилой мужчина в громадных деревянных башмаках. Такие башмаки-сувениры видели мы в витринах магазинов. Это национальный символ Голландии, как тюльпаны, мельницы, каравеллы и фаянсовые блюда с портретом Рембрандта.

Рембрандт – святыня голландцев, гордость этого маленького народа. Мы спросили у двух подростков, как нам пройти к домику Рембрандта. Они заулыбались и охотно вызвались нас проводить. Он стоит недалеко от центра, неприметный обычный голландский домик с высоким крылечком, на берегу темного задумчивого канала. Домик, который дорог каждому, кто когда-нибудь

видел «Блудного сына» и «Данаю», «Эсфирь» и «Ночной дозор», кто помнит сильные, неотразимые по психологической глубине и живописности портреты Рембрандта. Нам, побывавшим в этом домике, еще ближе, знакомее стал этот неукротимый человек, проживший жизнь трудную, беспокойную, но до краев полную высоким искусством.

Чтут в Голландии и другого большого художника – Ван Гога. В Амстердамском аэропорту на самом видном месте любовно оформлена экспозиция репродукций его картин. Здесь и ранний грубоватый Ван-Гог «Едоки картофеля» и «Башмаки», здесь и щемящая душу нежность «Яблоневого дерева», и безудержная фантазия «Звездной ночи», и могучая солнечность «Подсолнухов».

Мы были в Амстердаме только один день. Мы попали сюда случайно. И, конечно, многого не успели увидеть – ведь у нас не было гидов. И не сумели по-настоящему познакомиться с голландцами. Но одну встречу мы запомнили. Это был пожилой человек, служащий гостиницы, где мы остановились. Когда он узнал, что мы русские, заулыбался и протянул руку.

– Здравствуйте. Я очень люблю вашу страну. Я очень уважаю русский народ. Я рад, что вы к нам приехали.

И каждую свободную минуту этот человек проводил с нами. А когда на следующее утро мы уезжали из Амстердама, он проводил нас едва ли не со слезами на глазах и передал записку от своей жены на русском языке: «Очень сожалею, что не смогла с вами встретиться. Я была в Советском Союзе. Я очень люблю русских. Передайте от нашей семьи большой привет советским людям». С этим сердечным приветом покидали Амстердам.

До свидания, страна тюльпанов. Мир и покой твоим полям и городам, благополучия твоему народу.

Амстердам – Целиноград
«Целинный край», 26 июня 1965 г.

«Мой дом – моя крепость»

Поговорка эта – наверное, самое точное и концентрированное выражение сути англичанина. Он необыкновенно консервативен, свято, последовательно и упорно сохраняет свои традиции. Мы побывали в Лондоне и в четырех городах Шотландии. Они очень разные. Тихий университетский городок Данди и чистенький аккуратный порт Абердин, громадный неопрятный шумный Глазго – промышленное сердце Шотландии, и ее столица Эдинбург, живописный, грациозный, аристократических, королевских статей. Они разные, эти города, но все удивительно похоже одним – своим стремлением жить по законам и обычаям предков, убежденностью в неизменности своих традиций.

Английские города – черные города. Вернее, черно-белые. Это тоже традиция. Виной тому камин – национальная гордость и национальное бедствие. Гордость потому, что и сейчас, в век атома и электричества, камин – символ счастья и благополучия английской семьи. Бедствие потому, что эта традиция необычайно дорого обходится английской нации – коэффициент полезного действия минимальный, а тысячи тонн угля вылетают в трубу. И еще потому, что, смешиваясь с туманами, копоть образует плотную, вредную для здоровья смесь – «смог». Вот эта копоть и чернит стены домов, а дождь, тоже постоянный спутник англичанина, чисто промывает все доступные ему части колонн и балконов.

Из любви к старине и от нежелания ломать устаревшие нормы бытия англичане почти не строят новых домов в городах. Новые кварталы – на окраинах. Исключение составляет, пожалуй, Лондон, где старые дома разрежены в некоторых местах стройными многоэтажными сооружениями из стекла и бетона.

«Мой дом – моя крепость» – это не только отвлеченный символ английского консерватизма. Это и в буквальном значении. Здесь все разделено на «мое» и «твое». Поля разных владельцев разграничены невысокой грядой из камней, подобранных тут же, на пашне. Каждый домик обнесен аккуратной, искусно сложенной кирпичной оградой. Даже горы, желтые, бесплодные, никому не нужные горы разделены заборами – у них разные

владельцы. Мы видели огороженные леса и реки – это собственность. Чужая нога не имеет права туда ступить. Иметь свой дом – мечта каждого англичанина. Но это дорого. На окраине любого города вы увидите многокилометровые улицы особняков-близнецов. Они отличаются друг от друга только оградами, своеобразным цветом крыш и гаражей. Одни хозяева предпочитают чистые газоны и причудливую горочку из камней. Другие выращивают деревья, похожие на шары, третьи подстригают кусты кубами.

Ближе к центру – дорогая земля. Теперь перед нами серия двухэтажных особняков. Они подешевле – в них по четыре хозяина. Потом дома становятся еще больше, и в центре – уже четырех-пятиэтажные. Но и здесь, в таком «коллективном» доме, англичане умудряются отъединяться. Дома делятся на вертикальные секции. У каждой секции – отдельное крыльцо, занумерованное как самостоятельный дом. Каждый владелец дома имеет право покрасить свою часть дома в тот цвет, который находит нужным. И порой получаются довольно нелепые цветовые сочетания.

Много традиций у британцев. Одни нас забавляли, другие радовали, третьи вызывали сожаление. Хорошо, что англичане точны, аккуратны и строги в одежде, вежливы и обходительны. Мы были очень благодарны служителям гостиницы за теплые глиняные бутылки-грелки, которые нам на ночь клали в постель. В каждом номере – библия, но мы ее не читаем.

Похвально, что по воскресным дням англичане семьями отправляются в горы покататься на лыжах, но почему в эти дни закрыты все театры? Оказывается, есть закон, который запрещает по воскресеньям «лицедейство». Души должны быть отданы богу. Но странно: на фильмы с раздеваниями и кровавыми убийствами закон не распространяется, потому что там, видите ли, показывают не живых людей, а их изображения.

Всем известно, что английская королева почти не принимает участия в делах государства, но чтут ее в Англии свято. Каждый фильм и любая телевизионная передача кончаются национальным гимном, и на экране появляется изображение королевы

Елизаветы. И каждое утро у решетки Букингемского дворца, лондонской резиденции королевы, собираются сотни лондонцев и туристов из других стран, чтобы посмотреть торжественное зрелище – смену королевского караула.

Сначала мимо крылатого памятника королеве Виктории грациозно проходят конники в красных мундирах. Потом медленно, торжественно и важно шагая, идет королевская гвардия в черных длинных шинелях и высоких мохнатых шапках. Стоя едет в карете письмоводитель королевы. Идут музыканты... А когда это сверкающее зрелище кончается, пожилой человек в худенькой одежонке выкатывает из внутреннего дворцового дворика мусорную тележку и начинает неторопливо подбирать бумажки, занесенные ветром через решетку. Немножко комичный и грустный финал.

«Целинный край», 28 июня 1965 г.

Его Величество рабочий класс

Есть у английского народа и другие традиции, славные, добрые традиции рабочего класса, людей с мозолистыми сильными рунами. Это по его традиции чтут все простые англичане память великого Маркса. Его могила – на Хайгетском кладбище в Лондоне.

Высоко над городом в живописном месте стоит бюст Маркса, скромный серый камень лежит на его могиле. Мы принесли сюда цветы и положили их рядом с другими, оставленными немцами и шведами, американцами и поляками. Было что-то волнующее и притягательное в этом содружестве венков и букетов, сложенных на могиле человека, который мечтал о всемирном торжестве коммунизма. Говорят, в тихие утренние часы здесь слышны все звоны Лондона. Это самое чуткое место столицы. Наверное, так. Наверное, по утрам сюда слетаются не только церковные звоны, но и шумы утренней Москвы, и плач детей Вьетнама, гневные возгласы бастующего Марселя и радостные песни свободной Африки. Наверное, сюда доносится и монотонный железный гул Глазго. Это трудится его Величество рабочий класс.

«Альбион моторс». Один из крупнейших автомобильных заводов Глазго. Наш гид, сухопарый пожилой человек с любезной улыбкой на устах – один из владельцев завода. Он корректен и внимателен, охотно показывает нам цехи и станки, но почему-то очень спешит. И все-таки мы задерживаемся то у одного, то у другого станка, чтобы поговорить с рабочими, и нашему гиду приходится с беспокойной вежливостью поджидать нас у выхода. Вот невысокий худой токарь. Его глаза смотрят на нас внимательно, ожидающе.

– Ваш хозяин говорит, что многие рабочие завода держат акции. Нет ли у вас таких акций?

Он горько улыбается:

– У меня на жизнь денег не хватает...

– А может быть, вы знаете рабочих, которые являются членами этой компании?

Отрицательно качает головой.

Подросток лет шестнадцати, замасленный, бледный. Едва успевает подхватить деталь с конвейера. У него на разговор с нами буквально одна минута.

– Работаю, как взрослый, получаю вдвое меньше.

Группа молодых парней. Весело смеются. Оказывается, кто-то из наших с удивлением посмотрел на фотографии полуобнаженных девиц, развешанные в цехе. Парни шутят:

– С подружками веселей работа идет.

А наш гид пробегает уже по следующему цеху. Ему, наверное, очень не хочется, чтобы мы смотрели на захламленные некрашенные станки, лишённые самых элементарных оградительных устройств, убогие вешалки рядом со станками, где рабочие оставляют свои поношенные макинтоши. Но мы видим.

– Неужели у вас нет раздевалки? – недоуменно спрашиваем одного из рабочих.

Он пожимает плечами.

– Нет.

– А душевые? Где вы моетесь?

Он кивает в угол цеха.

– Вон там умывальник для рук.

В это время прозвучал сигнал к обеду, и рабочий, извинившись, бегом бросился к лифту.

– Куда они так торопятся?

– Обед длится ровно 52 минуты, и за это время нужно успеть поесть, – любезно отвечает наш провожатый.

Мы тоже идем в столовую. Но не в ту, где питаются рабочие, а на «чистую половину», что для служащих и инженеров. Здесь за традиционным английским беконом с яйцом и сосиской, за морожеными фруктами и крепким кофе с молоком мы можем спокойно поговорить с хозяином.

– Скажите, а какие льготы имеют у вас беременные женщины?

Нашему собеседнику неприятен вопрос, и он пытается уклониться от ответа.

– А у нас на заводе нет женщин.

– Как же нет? Вот хотя бы эти кухонные рабочие.

Делать нечего, надо отвечать:

– Если женщина ждет ребенка, приходится уходить с завода. Заводу невыгодно держать такую работницу. И мы ей ничего не платим.

Мы встречались и со служителями гостиниц, и с рабочими камнерезной мастерской, и с рыбаками. Они очень доброжелательно говорили с нами, рассказывали о бюджете семьи, и было ясно, что живут они трудно, едва концы с концами сводят. Но они не жаловались. И не возмущались. Говорили о своем положении, как о чем-то неизменном и привычном. Опять же английский характер. Но вот один из них, полубезработный докер Абердинского рыбного рынка, говорил о хозяевах рынка резко и неодобрительно:

– Я работаю в неделю всего 3-4 дня. Получаю 9 фунтов. Семья – пять человек. Судите сами, как можно на такую сумму прожить. И если они не дают нам работы, мы голодаем. Но мы не молчим. Мы бастуем. Профсоюз у нас крепкий, поддерживает. И нередко добиваемся своего.

Я не знаю, много ли в Англии таких решительных парней, как этот. Но они есть. Это очень хорошо. На таких вот сильных и опираются английские коммунисты.

Мне и одному инженеру из нашей группы необычайно повезло – мы побывали в семье коммунистов. Хозяин – молодой металлург – Иен. Жена его – студентка колледжа домоводства Кэт – оказалась секретарем шотландского молодежного движения за мир.

Мы сидели на низеньком диване около камина, пили чай, лакомились хрустящим картофелем и говорили с Иеном о том, как на заводе относятся к коммунистам.

– Меня пока не трогают. Да и тред-юнионы у нас сильные – не дадут в обиду. Но недавно был такой случай: понадобился опытный специалист. Из десятков безработных выбрали одного. Но хозяин наотрез отказался его принять, потому что человек этот – коммунист.

Иен окончил колледж. Сейчас он хочет защитить диплом, который даст ему право считаться имеющим высшее образование.

– Но если члены экзаменационной комиссии узнают, что я коммунист, – не видать мне диплома, – невесело пошутил Иен.

В комнату решительно вошла высокая черноволосая девушка и, крепко пожав нам руки, представилась:

– Джен Макай, секретарь лиги молодых коммунистов Шотландии.

Это было для нас полной неожиданностью. Мы познакомились с вожаком шотландского комсомола, коммунистом, дочерью коммуниста, женой коммуниста – секретаря парторганизации города Глазго. С прекрасным человеком, твердым в борьбе и веселым в жизни. Она рассказывала о том, как шотландские комсомольцы устраивают демонстрации протеста в связи с событиями во Вьетнаме и борются за равноправие женщин, собирают подписи против атомной бомбы и организуют забастовки на заводах. Она подарила нам комсомольскую газету «Чарленж», которая издается раз в месяц тиражом 10 тысяч экземпляров в Лондоне и распространяется комсомольцами.

Она с чисто английским юмором рассказала невеселую историю о том, как на одной из демонстраций ее схватила полиция и выпустила только за приличный выкуп.

Пришли еще двое ребят-комсомольцев, друзей Иена, села с нами у огонька и мать Кэт. Они пели песни Бернса и старые революционные песни. Это были настоящие шотландцы, честные и отважные.

Они пели свои песни, и огонь камина пылал в такт твердому маршевому ритму.

Лондон – Целиноград
«Целинный край», 29 июня 1965 г.

Шотландия студенческая

В Шотландии мы были гостями студентов. Нас встретила невысокая черноглазая, постриженная под мальчишку девушка. Ева Громак, один из секретарей Шотландского союза студентов, по приглашению которого мы сюда приехали. Живо, энергично, остроумно рассказывала нам Ева о деятельности союза, о его структуре. Она только не могла ответить, какова политическая программа союза, потому что в него входит вся молодежь без исключения и студенты независимо от политических взглядов.

Шотландский студент, имеющий бедных родителей, не в состоянии учиться в колледже, потому что плата за обучение и квартиру съедает почти всю его стипендию. Мы убедились в этом, встречаясь со студентами колледжей. А еще убедились мы в том, что шотландские студенты – простые, веселые парни и девушки – очень хорошо к нам относятся. В каждом городе нам устраивали приемы-встречи со студентами. Особенно теплым и веселым был вечер в педагогическом колледже Абердина.

Большой зал встретил нас разноглосьем и десятками любопытных глаз. Сели за столики, на которые заботливые хозяева уже поставили шоколад, печенье, вино и кофе. Беседы завязывались самые непринужденные. Преподаватель русской истории Абердинского университета, который назвал себя Павлом, выяснял у своего советского коллеги Ксенофонта Санукова, чем от-

личается система преподавания в русском вузе от английского. Мой собеседник, руссолог университета Ричард, на бойком русском языке рассказывал, как он писал диплом на тему «Гуманизм в творчестве Шолохова» в Ленинграде. Вокруг нашего общего любимца и остряка, бакинского студента Юлия Гусмана, собралась группа шотландцев, и все весело смеялись его шуткам, которые звучали по-английски с русским акцентом.

Но вот все затихли. На сцене – шотландцы. Они поют задумчивую, очень красивую народную песню. Потом поем мы и весь зал подпевает:

– Пусть всегда будет солнце...

Азербайджанский танец наших бакинцев сменил шотландский катильон и ритмический танец над скрещенными мечами. Вдруг – взрыв смеха. Один из наших парней нарядился в короткую шотландскую юбочку и сплясал русскую «барыню». Танец стал общим.

Прощались мы уже друзьями. И знали, что наши песни, танцы, умение веселиться нашли дорогу к сердцам шотландцев короче, чем любые слова. И нам нравилась шотландская молодежь – открытый, веселый, непосредственный народ. С каким доброжелательством и предупредительностью показывали они нам свои колледжи. Будущие педагоги знакомили с живописными и скульптурными мастерскими, показывали смешные маски и штампованные ткани своего производства. Но предметом особой гордости студентов были работы их подопечных школьников: макеты из папье-маше, столярные изделия, поделки из тканей.

Оказывается, самое любимое занятие шотландских детей – делать космические ракеты. Они, как и наши советские малыши, мечтают полететь к звездам. С системой воспитания шотландских детей нам удалось познакомиться в одном из участвующих колледжей Эдинбурга. Здесь обучаются мальчики с 5 до 17 лет. Интересно, что семилетние малыши уже производят сложные операции в сложении и делении десятичных чисел. В то же время на стене класса висит картинка, изображающая Ноев ковчег, и это подается как исторический факт. Раз в неделю быва-

ют уроки закона божьего, а молятся дети здесь же, в школьной церковке.

В колледже домоводства Глазго нас угощали кулинарными изделиями, приготовленными студентами. Показывали просторные кухни, где студентки проходят практику, швейную мастерскую и квартиру, где девушки живут по неделе, полностью ведут хозяйство и вечерами принимают экзаменаторов – преподавателей. Если хозяйка сумела по всем правилам хорошего тона принять гостей, угостить их вкусным ужином, занять интересным разговором, она заслужила высший балл.

В этом колледже готовят преподавателей домоводства для школ, мастеров швейного и кулинарного дела, экономистов, в обязанности которых входит выяснять спрос населения на промышленные товары, специалистов диетического питания и администраторов гостиниц. Хороший, достойный внимания перечень профессий.

В женском физкультурном колледже Абердина мы смотрели показательные спортивные выступления, участвовали в дружеских волейбольных и теннисных играх. Но самыми гостеприимными и веселыми оказались студенты Эдинбургского художественного колледжа. В Эдинбург мы приехали поздним вечером и тем не менее слышали веселую музыку волынки, увидели смеющегося бородатого парня в длинной традиционной мантии. Вместе с президентом студенческого совета встречать нас пришли все члены совета. Мы с любопытством разглядывали на следующий день работы будущих художников: витражи, керамику, скульптуры. Здесь были работы очень интересные, живописные и смелые, были слабые, ученические. Но нас удивило обилие абстрактного искусства. Причем с этим мы сталкивались всюду. Даже дети, выставку которых мы видели в Абердине, делают абстрактные скульптуры и пишут абстрактные картины.

Поразил еще один факт. Студенты колледжа совершенно не знают русской живописи. Они не могли назвать ни одного имени. Редко, редко среди них встречаются люди, которые слышали имена Репина и Брюллова. Впрочем, несколько русских имен и

они называли сразу: Кандинский, Малевич, Шагал, кстати, только их полотна и видела я в лондонских музеях. Ни одной работы Врубеля, Серова, Левитана, Коровина, конечно, никого из советских художников. А ведь у нас не только студентам художественных вузов, но любому мало-мальски образованному человеку известны имена английских художников Констебла, Гейнсборо, Хогарта.

Вообще нас удивило, что шотландская молодежь мало знает о русской литературе и искусстве. В лучшем случае ей известны имена Толстого, Достоевского, Пастернака, а из поэтов – Рождественского и Евтушенко. И понятие о Советском Союзе у большинства англичан самое смутное. Вот один только факт. На стене итальянского ресторанчика в Лондоне, хозяином которого оказался чех, – вывеска. Разудалый полупьяный человек в казацком костюме выделяет якобы русские коленца, высоко подняв бутылку с водкой. Справа от него елочки в снегу, а слева крохотная убогонькая церковка. На русском и английском языках написано: «Хорошие русские вина!». Вот он, по разумению англичан, символ России! Смешно и печально.

Но наши новые друзья-студенты вряд ли верят этой глупой вывеске. Наш гид, студент отделения русского языка университета в Глазго Иен Элиот, пошутил как-то после очередного горячего спора о колониальной политике Англии:

– Еще несколько таких споров, и я стану коммунистом.

«Целинный край», 30 июня 1965 г.

Таланты истинные и спекулянты от искусства

Небольшая живописная деревушка в окрестностях города Эйр. Церковка и старое кладбище, где похоронен отец Роберта Бернса. Здесь в слепом, похожем на конюшню, глиняном домике в темном углу на бедной крестьянской кровати родился веселый и смелый поэт бедняков. Сквозь узенькую прорезь в стене (за окна надо было платить налог) смотрел маленький Роберт на мир, но его озорной талант вышел на широкий про-

стор, его песни покорили не только шотландского крестьянина. Они обошли весь мир, потому что близки сердцу простых людей.

*Настанет день и час пробьет,
Когда уму и чести
На всей земле придет черед
Стоять на первом месте.
При всем при том,
При всем при том
Могу вам предсказать я,
Что будет день,
Когда кругом
Все люди станут братья!*

Рядом с домиком музей. В нем любовно собраны вещи Бернса, его рукописи, переводы, портреты, офорты и старая библия, в которую поэт записывал даты рождения своих детей. Только последней записи он не успел сделать, потому что ребенок родился в день, когда умер Бернс.

Председатель Общества шотландско-советской дружбы, старый коммунист, потомственный сапожник мистер Кембелл оказался страстным поклонником Бернса и был очень рад, когда Ксенофонт Сануков подарил музею редкий сувенир – перевод Бернса на марийский язык.

Мы обедали в ресторанчике, который назван по имени одного из героев Бернса Тома О'Шантера. В этом ресторанчике частенько сживал поэт и, наверное, за чаркой доброго шотландского вина родилась известная поэма о гуляке Томе, который едва унес ноги от озорной колдуньи Нанни. И этот горбатый мостик, через который благополучно унесла беднягу от нечистой силы старая лошадь Мэг, виден из окон ресторанчика.

Стихи Бернса знает в Шотландии и стар и млад. Его песни поют всюду. Здесь он не менее популярен, чем Шекспир.

А вот Шекспира посмотреть нам не удалось. На спектакли с участием Лоуренса Оливье не было билетов. Но встречу со знаменитым актером нам устроили. Он принял нас за кулисами, в халате, едва успев разгримироваться, усталый. Но был очень дружелюбен, интересовался, кто мы, откуда. Сказал, что нынче летом приедет на гастроли в нашу страну и будет выступать в Москве, Ленинграде и Киеве, интересовался целиной.

Нам не удалось попасть в театр, зато в кино мы были несколько раз. Надо отдать должное англичанам, у них отличные кино-театры. Широкие стереофонические экраны, современная аппаратура, удобные мягкие кресла, мороженое и холодный оранжад всегда к твоим услугам. И как досадно, что основная программа английских экранов – боевики с убийствами и раздеваниями. В Лондоне несколько наших ребят посмотрели фильм, в подзаголовке которого стояло «У вас кожа отстанет от тела». Подобных ощущений они, конечно, не испытали, но вот омерзение от натуралистического смакования убийств и разврата почувствовали. Впрочем, мы не тратили времени на подобные фильмы, а посмотрели музыкальную «Вестсайтскую историю», суматошную, с мастерски исполненными трюками типично американскую комедию «Сумасшедший, сумасшедший, сумасшедший мир».

Но комиксы, психология ужасов и эротомания встречались нам на каждом шагу. В какой бы книжный магазин мы ни зашли, всюду рядом с отлично изданными книгами по искусству, географии, математике, рядом с забавными книжкам для детей видели лавину дешевеньких комиксов, на обложках которых изображены разбегающиеся от ужаса глаза или окровавленная рука, улыбка смерти или изуродованный труп.

Вечером на площади Пикадилли, где все горит, трещит, движется, сияет от гигантской рекламы, предприимчивые торговцы организовали продажу именно такой литературы. Книги непомерно дороги, и приобрести их могут только праздные гуляки. А через дорогу, в свете витрины богатого магазина прямо на мостовой сидит бородастый, еще совсем молодой человек

и рисует мелом пейзажи на асфальте. Это нищий художник. Вышел в надежде заработать, но его продукция не пользуется спросом.

Соседство настоящего, истинного искусства со спекулятивными подделками под него наблюдали мы в Англии всюду. Мы побывали в картинных галереях Абердина и Глазго, в галерее Тейт, национальной галерее Лондона. Это прекрасные собрания мировой живописи. Бесплатный вход, бесплатные лекции, прекрасный выбор справочной литературы, монографий о художниках. Шедевры Монтеньи и Боттичелли, Рембрандта и Рубенса, Веласкеса и Эль Греко, Ван Гога, Ренуара, Гогена, Дега, Пикассо, Брака, скульптуры Родена и Генри Мура. Покорил нас прекрасный, почему-то мало известный у нас английский маринист Тернер, бог воздуха и красок.

Видели мы в этих музеях и абстрактное искусство: доски с вбитыми в них гвоздями, разорванные холсты, скульптуры из консервных банок и проволоки.

Совершенно покорила нас Британский музей – в нем собраны прекраснейшие памятники древней культуры народов Египта, Индии, Китая, Японии, Персии, стран Американского континента. Здесь громадный скульптурный портрет египетского фараона, которому более трех тысяч лет, и мумия Клеопатры, стены древних вавилонян, испещренные клинописью, и часы тончайшей ювелирной работы, сделанные в Китае, здесь русские иконы и обрядовые маски индейцев, эскимосские каяки и фриз Парфенона. Здесь рукописи Бетховена и Гейне, здесь кабинет, в котором работал Ленин. Колоссальное, сказочное, удивительное собрание. Сюда приходят истинные почитатели искусства, исследователи этнографии.

А вот в музей восковых фигур мадам Тюссо идут из любопытства. Здесь все, начиная с входного билета, поставлено на крепкую коммерческую ногу. Подымаемся по лестнице. На площадке стоит служитель.

– Скажите, где начало осмотра? – обращается к нему кто-то из наших.

Служитель молчит. Через секунду мы догадываемся, что он восковой. На следующей площадке снова служитель, похожий на первого как две капли воды. Недвижим. Спокойно идем мимо. И вдруг он пошевелинулся. Мы шаррахнулись.

– А я думала ... – пискнула одна из девушек.

Слышим ответ на хорошем русском языке:

– Надо не думать, а смотреть.

Коллекция восковых знаменитостей действительно любопытная, хотя слепое копирование живого лица никак нельзя назвать художественным произведением. Королева Елизавета, ее муж, принц Филипп, и родственники. Черчилль, Наполеон, Веллингтон, Нельсон, Гагарин и Глен. Президенты стран мира. Причем любопытно, что Кеннеди стоит в верхнем зале, а его убийца – Освальд Ли – внизу, в камере преступников. Одри Хепберн в новом, еще не вышедшем на экраны фильме, Чарли Чаплин и Лоуренс Оливье в одном зале с битлами и знаменитыми спортсменами. Уголок поэтов и писателей: Шекспир, Байрон, Бернс, Диккенс, Моэм. Этажом ниже работы самой мадам Тюссо, в том числе знаменитая «Спящая красавица». Миловидная женщина под черной вуалью дышит. Где-то в груди работает тихий моторчик. Единственное живое существо в этом кладбище мертвых фигур.

Но мы будем помнить Лондон не по этому музею. А по величественному собору Святого Павла и грациозной вязи Вестминстерского аббатства, мы вспомним его прекрасные музеи и просторный изумрудный Гайд-парк, нам полюбилась Темза и мудрая музыка органа.

Уже в самолете мы узнали, что Павел Беляев и Алексей Леонов отправились в межзвездное путешествие. Приветствуем вас, дорогие люди.

Мы встретимся с вами уже в Москве.

Лондон – Целиноград
«Целинный край», 10 июля 1965 г.



Студенты филфака Пермского университета на целине. 1957 год



Студенты на целине. Печка и «столовая» в степи



*На веранде районной газеты «К коммунизму» Верхнемурлинского района
Пермской области. Готовим номер. 1959 год*



*«Золотые перья» редакции Анатолий Стреляный и Григорий Фрумкин.
1963 год*



*Корреспондент районной газеты
Луиза Шабалина в командировке. 1959 год*



*Редакция газеты «Целинный край», 1962 год.
Верхний ряд: второй слева Григорий Фрумкин, Анатолий Стреляный,
Алла Горчева, Леонил Калашников, Макс Добренко, Роза Голубева.
Нижний ряд: Александр Платошкин, Луиза Шабалина,
Аркадий Форманюк*



Редакция газеты «Целинный край» 1967 год



Старожил редакции писатель Андрей Федорович Дубицкий



Редакция газеты «Молодой целинник»



Во дворе редакции. Борис Щеголихин, Израиль Моисеевич Скудович, Алла Горчева, Борис Кузьменко, Петр Побережников. 1966 год



Журналисты газеты «Целинный край» Луиза Шабалина, Алла Горчева



*Отдел писем «Целиноградской правды», 1965 год.
Валя Ильсова, Луиза Шабалина, Нона Павловна Ветлугина*



Общественная приемная газеты «Целинный край»: В. Д. Пархоменко, А. Д. Демченко, С. Е. Поздняков, Г. П. Перебоев, Г. Т. Кулемзин, зав. отделом писем Луиза Шабалина (Свитич). 1968 год



Нонна Павловна Ветлугина, Люция Данеловна Тогоева. Луиза Шабалина работают с письмами в редакции. 1965 год



Валя (Багдат) Ильясова, журналист «Целиноградской правды», закончила аспирантуру факультета журналистики МГУ



Журналисты газеты «Целинный край» на субботнике. 1963 год



*Редакция «Молодого целинника»
на очередной встрече 13 марта 2006 года*

С ПРАЗДНИКОМ ВАС, ДОРОГИЕ ЦЕЛИНОГРАДЦЫ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕЛИННЫЙ КРАЙ

Орган Целинного краевого комитета Коммунистической партии Казахстана и краевого Совета депутатов трудящихся

на благоустройстве Целинограда

30 апреля 1962 года. № 14.

АДРЕС: Мира, 73.

телефоны: 37-09, 22-79

Хорошо поработали

Полностью закончена благоустройство территории детского сада № 2 (авт. т. Дукина). Оштукатурено и побелено здание, посажены тротуары, сделаны газоны. Во дворе для малышей устроены песочница, дорожки посыпаны песком, деревья подбелены, а под окнами, в лужайках, уже высеяны маки, космеи, бархатцы и астры.

Все это сделано руками дружного коллектива сотрудников детского сада, которым хорошо помогали родители. Шоферы тт.

Меняйло и Визнер привезли много песка и черной земли.

Более 200 саженцев акации и клена высадили жители дома № 11 по улице Советской Конституции, посадив цветы и декоративную траву, оборудовав детскую площадку. Инициатором этих хороших начинаний была А. Васова. Замечательно поработали машинисты дельта А. Гуканов и И. Васов, саженцы М. Меркулов и другие товарищи.

Привезли в порядок свой двор и наши соседи из дома № 13. Они тоже высадили много деревьев, заложив клумбы, подготовили детскую площадку.

В. ЕСКЕВ.

Вчера на предпраздничный субботник вышли все как один сотрудники треста «Эксплуатациямонтаж» во главе с управляющим т. Юмашевым и председателем местного т. Лобинским. Другую, от души, поработал коллектив.

По инициативе известного в городе цветочвода-любителя инженера Василия Навашина синтетиков в клумбы будут высеяны цветы.

На субботник выехали в разгаре.

Фото В. Кутукова.

Готовьтесь к выставке цветов

В НАШЕМ ГОРОДЕ УЖЕ НЕМАЛО ЦВЕТОВОДОВ-ЛЮБИТЕЛЕЙ. НАСТАЛА ПОРА ВОЗРОДИТЬ РАБОТУ ОБРАЗОВАННОГО НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД ОБЩЕСТВА ЦВЕТОВОДОВ. ЭТО ОБЛЕГЧИТ ОБМЕН ОПЫТОМ МЕЖДУ ЛЮБИТЕЛЯМИ. ПОМОЖЕТ ВОЗЛЕБЬ МОЛОДЕжь УКРЕПИТЬ ЛЮБОВЬ К ЦВЕТОВОДСТВУ.

С СОЗДАНИЕМ ОБЩЕСТВА ЛЕГЧЕ БУДЕТ ОРГАНИЗОВАТЬ ГОРОДСКУЮ ВЫСТАВКУ ЦВЕТОВ. ОНА ТОЖЕ ПРИВЕЧЕТ К ЦВЕТОВОДСТВУ НОВЫЕ СИЛЫ, УВЕЛИЧИТ АРМИЮ ЛЮБИТЕЛЕЙ, КОТОРАЯ ПОМОЖЕТ УКРАСИТЬ НАШ ГОРОД.

ЦВЕТОВОДЫ-ЛЮБИТЕЛИ! ГОТОВЬТЕСЬ К ОСЕННЕЙ ВЫСТАВКЕ ЦВЕТОВ!

В. СВИСТУНОВ

инженер, цветочвод-любитель.

урузов, который решил ухаживать за зелеными насаждениями на своей улице.

Этот и многие другие примеры заботливого отношения к родному городу радуют каждого из нас. Общими усилиями сделано много. Целиноград стал чище, красивее.

Однако, нельзя успокаиваться на достигнутом. Работы еще край непочтаты. Мы должны и дальше продолжать посадку цветов, строить тротуары, следить за чистотой дворов и улиц. Борьба за благоустройство продолжается. Этим делом заниматься не только в спол-

ном и горюм партии, но и все жители города. Почему бы нам не заложить комсомольской парке в честь юности, которая обживала целину? Слово за горюмом комсомолом.

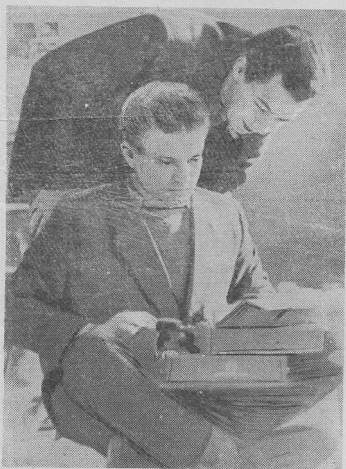
Пусть пионеры и школьники возьмут шефство над зелеными насаждениями.

В школах, на предприятиях, в учреждениях следует чаще проводить лекции и беседы о зеленном друге, создать общественные комсомолы для контроля за чистотой и благоустройством дворов и улиц.

Пусть спутниками целиноградцев всегда и везде будут цветы!



Приложение газеты «Целинный край» на благоустройстве города». 1962 год



ЭТОТ НОМЕР ГАЗЕТЫ ПЕЧАТАЕТСЯ НА МАШИНЕ. ЮБИЛЯРЕ: 13 МАРТА СТАРУШКЕ ИСПОЛНИЛОСЬ 150 ЛЕТ. БАБУШКА ПОЛНА СИЛ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ. ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА!

Картина будет дал

Сигналы с мест

Передайте Эдуарду, чтоб не шел он на мансарду. Там не любят мелких шук. КАЛЕЩУК.

Снимаю с вертолета льдины. Привет из Арктики. МАРТЫНОВ.

На меня объявлен карантин, веселитесь сами. ВАЛЕНТИН.

Приветствую Дзалаева. С приветом Н. КОЛБАЕВА.

Я отчаянно культурен, я воспитанный замури. На меня управы нет. МИША ХУРИН. Всем привет!

Живу Махинджаури, ем сулгуни, пью пинандалы и так далее. СВИЧ ИВАН. Перевод с грузинского ИНОВЕЛИ.

СПРАВОЧНИК ПИСАТЕЛЯ

УМОЛЯЮ
лиц, знающих местопребывание Ады, сообщить по адресу: Частичные, квартал 66, барага 46.
И. И. ХРИСТОС.

КУПЛЮ
1-1-1 на 2-1-2. Оплата по соглашению с бухгалтерией. Звонить — прямой 85.
В. ЧЕРВЯКОВ.

СДАЕТСЯ
мне, что материалы сдаются не вовремя.
В. МАТОНИН.

— Мы с Фридрихом написали около ста фельетонов. Написали в соавторстве. Вот так...— Лимонов всегда глубокомысленно замолкает после этой фразы.

На снимке Лимонов то с задумчив. Хруцкий, склонившись над ним, с явным интересом читает написанный мальчиком Мирком текст. Что это за текст, не знает никто.

Может быть, это покаянное письмо Н. Лимонова по поводу одного из последних приказов. А может быть, Лимонов и з меня и Фридриху и вал себе в соавторы Хруцкого...



ЕСТЬ ДЕВЧОНКА ОДНА...

Чикап в душе, студент старинный, Обзоратель, воин, бард, Очаровательный мужчина — Товарищ Хруцкий Эдуард.



СРЕДИ ПРОЧИХ ПОДРУГ...

На всех перекрестках Кричит молодежь:
— Ах, Игорь Чайковский, Куза ты илешь?
— Иду, — отвечает, — туда я, Где трудно. Когда отправляется Поезд на Рудный?

Юбилейный номер газеты «Молодой целинник». На снимках Александр Фридман, Эдуард Хруцкий и Новомир Лимонов за работой. 1963 год



Поход в Боровое



*Московские артисты, композиторы,
музыканты в гостях у редакции газеты «Целинный край» 1964 год*



Тракторист Варвара, героиня очерка «Дорогой труда»



*Интервью с артистом Черкасовым,
приехавшим на гастроли в Целиноград*



Журналисты «Целинного края» на первомайской демонстрации



В командировке. Рабочий момент съемки



Юбилей целины

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Кому и зачем нужна эта книга	3

Раздел 1.

НАША ЖУРНАЛИСТСКАЯ ЦЕЛИНА

Студенты на целине	6
Будни и праздники районного газетчика	11
Комсомольский запал	17
Редакция «Целинного края»	20
Отдел культуры	23
Секретариат. Спецкорство.....	26
Отдел писем	32
Энтузиасты и романтики	35
Молодоцелинники	38
Итоги целины	40
Послесловие	44

Раздел 2.

ЦЕЛИННЫЕ ЖУРНАЛИСТЫ О ПРОФЕССИИ, ГАЗЕТАХ И КОЛЛЕГАХ

«Целинный край» – «Целиноградская правда»

Из истории газеты	48
О коллегах и профессии	64
Журналисты шутят	94

«Молодой целинник»

Из истории газет	103
О коллегах и профессии	111
Журналисты шутят	152

Раздел 3.
ОЧЕРКИ, СТАТЬИ, РЕПОРТАЖИ,
ФЕЛЬЕТОНЫ, ПУТЕШЕСТВИЯ

СПЕЦИФИКА ЦЕЛИННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ	155
Герои целины	165
<i>Введение: очерк</i>	<i>165</i>
О чем рассказали сосны	167
Живет на сопке человек	171
Дорогой труда	177
Сорокины	183
Созидатели	190
Девушка из нашего города	195
Коммунары	200
Шагают в мечту	207
Крылья Жамили	213
Быть на земле человеком	219
Не родственники – родные	223
Кладовая солнца	227
Студенты открывают целину	231
Новаторы, мечтатели, творцы	236
Помните... ..	241
Тех лет не смокнет слава	246
 ПРОБЛЕМЫ ЦЕЛИНЫ	 254
<i>Введение: аналитическая статья</i>	<i>254</i>
Кладовые сена	256
Крылья творца и философия обывателя	263
Нельзя топтать цветы	269
Сады	273
Где вы, Прометеи красоты	280
Искусство или коммерция	286
 ПУБЛИКАЦИИ НА ТЕМЫ МОРАЛИ	 289
<i>Введение: письмо проверяет журналист</i>	<i>289</i>
Люди не оставят Сережку	290

Трудная	294
Помогли люди... ..	301
Куда пропала Сайраш?	306
Свидетельство о браке – не патент на счастье	310
Тень	318
Врачевание души	325
Счастье надо беречь	328
Поговорим начистоту	332
Опасный возраст. Рядом с тобой подросток	338
От суда людского не уйти	341
ФЕЛЬЕТОН, РЕЦЕНЗИЯ, ЭССЕ	345
<i>Введение: жанровая универсальность</i>	345
Славные люди, мои знакомые	345
Бантик	350
Спектакль о целинниках	352
Камыши	356
Вместе с солнцем	358
Голубой стебелек	360
А мальчишка смеялся... ..	362
ПУТЕШЕСТВИЯ	363
<i>Введение: путевые заметки</i>	363
Зовут молодых туристские тропы	365
Туристский поезд «Молодой целинник»	372
По Венгрии	382
Голландия – Англия – Шотландия	396

СВИТИЧ ЛУИЗА ГРИГОРЬЕВНА
ЦЕЛИННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА
ВРЕМЕН ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ

Оформление обложки *А. Баланцевой*
Редактор *Н. Филиппова*
Дизайн и компьютерная верстка *Е. Сиротиной*

Подписано в печать 11.11.2009. Формат 60х84/16.
Гарнитура «Арно Про». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 25,23 усл. печ. л. Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано в УПЛ факультета журналистики
МГУ имени М. В. Ломоносова